A 213
1550

А 213
1550

Д. Ф. ОГНЕВЪ.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1896

13

Д. Ф. ОГНЕВЪ.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1896

Печатано съ разрѣшенія Начальника Военно-Юридической Академіи.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13

2007050228

Вопросъ о военной подсудности, несмотря на всю его не только теоретическую, но и практическую важность, не подвергался до сихъ поръ подробному разсмотрѣнію въ нашей юридической литературѣ, что и побудило насъ сдѣлать попытку свести въ одно цѣлое все, касающееся этого вопроса, въ настоящемъ очеркѣ, представленномъ въ качествѣ диссертаціи на соисканіе званія экстраординарнаго профессора Военно-Юридической Академіи по кафедрѣ военно-уголовнаго судопроизводства. Срочность работы, въ связи съ трудностью собранія матеріаловъ, заключающихся преимущественно въ архивныхъ дѣлахъ и обширныхъ законодательныхъ работахъ, требовала соблюденія возможной краткости и кромѣ того поставила въ необходимость ограничиться при разсмотрѣніи иностранныхъ законодательствъ лишь четырьмя военно-процессуальными кодексами.

Д. Огневъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ. стр.

Необходимость особыхъ военныхъ судовъ.—Противники и защитники военныхъ судовъ.—Записка Главнаго Военнаго Прокурора 10 марта 1882 г.—Мнѣнія Корвинъ-Джбанскаго и Іеринга. — Особенности военнаго быта. — Сословное начало. — Мнѣнія Л. Штейна и Бокля.—Сословный характеръ военнаго судоустройства по нашему и иностраннымъ законодательствамъ.—Значеніе всесословной воинской повинности.—Задачи военнаго правосудія. — Военно-судебная власть.—Основные критеріи, опредѣляющіе объемъ этой власти . 1— 15

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ. . . . . 16— 248

1. Основныя понятія. — Юрисдикція.—Компетенція.—Подсудность 16
2. Судебныя системы.—Юрисдикціи общая и военная.—Принципы, опредѣляющіе объемъ юрисдикціи 18
3. Историческій очеркъ военной подсудности въ Россіи и Западной Европѣ. — Подсудность обыкновенная и чрезвычайная 20

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ ПО ЛИЦАМЪ.

Общія основанія 31

I. Воинскіе чины военно-сухопутнаго и военно-морского вѣдомствъ. . . . . . 33— 80

1. Начальный моментъ военной службы.—Исторія вопроса. — Значеніе присяги.—Вольноопредѣляющіеся.—Охотники.—Офицеры 34

стр.

2. Конечный моментъ военной службы.—Нижніе чины.—Офицеры.—Начальный и конечный моменты службы въ финскихъ войскахъ 43
3. Начальный и конечный моменты военной службы по иностраннымъ законодательствамъ 47
4. Категоріи воинскихъ чиновъ по русскому и иностраннымъ законодательствамъ 50
5. Подсудность воинскихъ чиновъ, находящихся въ отпуску . 51
6. Подсудность воинскихъ чиновъ, находящихся въ бѣгахъ.—Вопросъ о бродягахъ 55
7. Подсудность прикомандированныхъ къ русскимъ войскамъ воинскихъ чиновъ финскихъ войскъ 56
8. Подсудность военному суду преступленій воинскихъ чиновъ общихъ и воинскихъ 57
9. Подсудность преступленій, совершенныхъ до поступленія на службу.—Подсудность отставныхъ воинскихъ чиновъ . 63
10. Ограниченія подсудности военному суду воинскихъ чиновъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ. — Нарушенія уставовъ казенныхъ управленій. — Особенности австрійскаго законодательства. — Государственныя преступленія. — Подсудность духовному суду. — Особыя правила для военнаго вѣдомства объ отступившихъ отъ вѣры.—Преступленія противъ законовъ о печати.—Высшія должностныя лица военно-судебнаго вѣдомства 69

II. Чины запаса арміи и флота . . . . . 81—107

1. Организація современныхъ вооруженныхъ силъ 81
2. Значеніе устава о воинской повинности.—Исторія правилъ о подсудности запасныхъ 82
3. Моменты, опредѣляющіе подсудность чиновъ запаса военному суду 87
4. Подсудность во время учебныхъ и повѣрочныхъ сборовъ . 89
5. Подсудность за общія преступленія призванныхъ въ учебные сборы 92
6. Подсудность запасныхъ во время ношенія форменной военной одежды. — Преступленія, относящіяся до нарушенія законовъ военной дисциплины и военной службы 93
7. Расширеніе военной подсудности запасныхъ по законодательствамъ французскому и германскому 100
8. Лица, находящіяся въ военныхъ учрежденіяхъ. — Инвалиды.—Чины запаса и отпускные, находящіеся во врачебныхъ заведеніяхъ военнаго вѣдомства.—Призрѣваемые въ военныхъ богадѣльняхъ 102
9. Подсудность чиновъ запаса за преступленія, совершенныя въ бытность на военной службѣ 105

стр.
III. Воинскіе чины, не входящіе въ составъ войскъ . . . . . 107— 128
1. Исторія правилъ о подсудности этихъ чиновъ 107
2. Подсудность чиновъ: пограничной стражи, корпуса жандармовъ, командъ конвойной стражи и карантинной стражи. . 111
3. Земская стража Царства Польскаго и Закавказья 117
4. Признаки, опредѣляющіе подсудность воинскихъ чиновъ, не входящихъ въ составъ войскъ.—Состояніе на службѣ внѣ военнаго вѣдомства.—Военно-морскіе чины.—Добровольный флотъ 118
5. Свойства преступныхъ дѣяній, опредѣляющія подсудность тѣхъ же воинскихъ чиновъ военному суду.—Указъ Императора Николая I-го отъ 27 января 1832 г.—Преступленія по гражданской должности. — Постановленія иностранныхъ кодексовъ 122
6. Подсудность менонитовъ 126
IV. Казаки и милиціи . . . . . 128— 141
1. Казаки.—Правила военно-судебнаго устава 1867 г. и судебныхъ уставовъ 1864 г.—Законъ 31 марта 1870 г.—Уставъ о воинской повинности Донского войска 1875 г.—Уральское войско.—Моменты, опредѣляющіе подсудность казаковъ военному суду.—Казачья полиція и пожарныя команды . . 128
2. Милиціи.—Войска изъ инородцевъ и милиціонныя части.—Дагестанскій конный полкъ.—Кубанская, Терская, Дагестанская, Карская и Батумская милиціи. — Туркменскій конно-иррегулярный дивизіонъ.—Земская стража Сухумскаго отдѣла 137
V. Гражданскіе чиновники военнаго и морского вѣдомствъ. . 142— 162
1. Опредѣленіе понятія.—Значеніе чина.—Канцелярскіе служители. — Служащіе по найму. — Иностранныя законодательства 142
2. Исторія подсудности гражданскихъ чиновниковъ военному суду.—Предѣлы военной подсудности 148
3. Подсудность служащихъ по вольному найму въ военномъ вѣдомствѣ.—Аму-Дарьинская флотилія.—Особенности военно-морского судебнаго устава.—Закаспійская военная желѣзная дорога 154
4. Вольнонаемные музыканты 159
VI. Чины военно-народнаго управленія. . . . . . 162— 170
1. Историческій очеркъ военно-народнаго управленія 162
2. Воинскіе и гражданскіе чины, состоящіе на службѣ по этому управленію.—Рѣшеніе Главнаго Военнаго Суда 1892 г. № 102 168
VII. Ратники ополченія . . . . . 170— 175
1. Значеніе ополченія. — Сухопутное и морское ополченіе.—Ландштурмъ 170

стр.

2. Призывъ ратниковъ во время войны и въ учебные сборы.—Подсудность ратниковъ въ томъ и другомъ случаѣ . . . 172
3. Особенности финскаго законодательства 174

VIII. Военное духовенство . . . . . 175— 176

Подсудность военнаго духовенства въ Россіи.—Духовенство частей войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи.—Духовенство въ иностранныхъ арміяхъ.

IX. Лица гражданскаго вѣдомства. . . . . . 177— 178

Основанія подсудности гражданскихъ лицъ военному суду.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ ПО МѢСТУ.

I. Исключительныя мѣры государственной охраны. . . . . . 178— 196

1. Осадное положеніе—Французскіе законы: 9 августа 1849 и 3 апрѣля 1878 г.—Прусскій законъ 4 іюня 1851 г.—Эльзасъ.—Баварія.—Германскій законъ о соціалистахъ 21 октября 1878 г.—Австрійское законодательство 178
2. Исторія чрезвычайныхъ мѣръ въ Россіи. — Сепаратные указы.—Указъ 9 августа 1878 г.—Указъ 5 апрѣля 1879 г.—Стремленія къ объединенію чрезвычайныхъ мѣръ 183
3. Исторія положенія объ охранѣ 1881 г. — Военная подсудность и примѣненіе законовъ о наказаніи, установленныхъ для военнаго времени 189
4. Полномочія графа Лорисъ-Меликова въ 1879 г. во время чумы въ Ветлянкѣ 192
5. Законы о шпіонахъ въ мирное время.—Германскій уголовный кодексъ.—Французскій законъ 1886 г.—Русскій законъ 20 апрѣля 1892 г.—Проектъ новаго закона объ измѣнѣ и шпіонствѣ во Франціи 193
6. Заключенные Шлиссельбургской тюрьмы 196

II. Особые виды мѣстныхъ изъятій изъ общей подсудности . 197— 212

1. Подсудность туземцевъ Закатальскаго округа и Дагестанской области 197
2. Подсудность по законамъ 1891 г., 1893 г, (29 іюля и 25 января) и 1895 г. на Кавказѣ. — Искорененіе разбойничества.—Исторія вопроса.—Французское и австрійское законодательства о подсудности морскихъ разбойниковъ . 201
3. Подсудность въ Туркестанѣ.—Семирѣченская и Сыръ-Дарьинская области.—Подсудность въ Закаспійской области . 206
4. Подсудность лицъ, находящихся на военномъ кораблѣ.—Французское законодательство о подсудности лицъ, находящихся въ военно-морскихъ учрежденіяхъ. — Декретъ 12 ноября 1806 г. — Германскій военно-уголовный кодексъ 209

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ ПРИ ВОЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

стр.
Общія основанія.—Теорія Адамса 212
I. Подсудность при военномъ положеніи . . . . . 212— 227
1. Терминологія.—Основанія къ объявленію военнаго положенія.—Отличіе отъ осаднаго положенія.—Боевое положеніе.—Исторія вопроса.—Указы 28 апрѣля и 9 мая 1877 г.—Моменты, опредѣляющіе военную подсудность.—Ахалъ-Текинская экспедиція 214
2. Правила о мѣстностяхъ, объявляемыхъ на военномъ положеніи, 1892 г.—Составленіе этихъ правилъ.—Недостатки.—Вопросъ о подсудности лицъ женскаго пола.—Моменты, опредѣляющіе дѣйствіе правилъ.—Осадное положеніе по русскому законодательству 221
II. Подсудность во время войны . . . . . 228— 248
1. Лица, принадлежащія къ войску.—Лица, слѣдующія за войскомъ.—Корреспонденты 228
2. Лица, состоящія на службѣ при войскѣ 231
3. Иностранные офицеры.—Военные агенты 232
4. Военноплѣнные.—Правила международнаго права.—Временное положеніе 2 іюля 1877 г.—Мнѣнія нѣмецкихъ процессуалистовъ о военной подсудности плѣнныхъ.—Мнѣніе Эйхельмана.—Высочайшее повелѣніе 10 сентября 1877 г.—Интернированные и заложники 234
5. Шпіоны.—Проектъ Брюссельской декларацiи.—Непріятельскіе шпіоны.—Инструкціи Либера.—Попытка различать шпіоновъ военнаго званія отъ шпіоновъ изъ лицъ гражданскихъ 239
6. Жители непріятельскихъ областей.—Современный принципъ международнаго права.—Положеніе о земскихъ правителяхъ.—Прокламація 1 іюня 1877 г. 243
7. Подсудность въ военное время военно-морскимъ судамъ. . 247

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СМѢШАННАЯ ПОДСУДНОСТЬ . . . . 249—273

1. Общія основанія.—Понятіе производной подсудности . . . 249
2. Раздѣльное разсмотрѣніе.—Принципъ нераздѣльности.—Соучастіе 250
3. Подсудность при соучастіи лицъ военнаго вѣдомства съ лицами гражданскими.—Изъятія 254
4. Термины: «лица гражданскаго вѣдомства» и «лица военнаго вѣдомства» 255

стр.

5. Подсудность при совокупности преступленій.—Подсудность при соучастіи и совокупности.—Случаи, не предусмотрѣнные прямо закономъ. — Особыя правила. — Столкновеніе подсудностей военной и земскимъ начальникамъ или городскимъ судьямъ 256
6. Подсудность преступленій длящихся и продолжаемыхъ. . 263
7. Законъ 21 мая 1891 г. 266
8. Вліяніе причинъ, пріостанавливающихъ или прекращающихъ уголовное преслѣдованіе одного изъ соучастниковъ, на подсудность дѣла. 268
9. Система иностранныхъ кодексовъ. 270

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОДСУДНОСТЬ ВЫСШИХЪ И НИЗШИХЪ СУДОВЪ 274— 319

I. Общія основанія.—Суды сухопутные и морскіе . . . . . 274— 281
1. Основанія распредѣленія судебной работы. 274
2. Разграниченіе вѣдомствъ сухопутныхъ и морскихъ судовъ. 275

II. Разнородные военные суды первой степени . . . . . 281— 301
1. Суды высшіе и низшіе.—Личный принципъ.—Особенности морского законодательства. -Баварское и французское законодательства. 281
2. Тяжесть и свойство преступнаго дѣянія. -Русское и иностранное законодательства.- Цѣна иска и размѣръ денежнаго взысканія 288

III. Однородные военные суды первой степени . . . . . 301— 319
1. Распредѣленіе судовъ по территоріи государства. - Судебные округъ и участокъ. Военный округъ.—Портъ. —Изъятія 301
2. Низшіе военные суды и военные суды военнаго времени. . 306
3. Мѣстная подсудность.—Мѣсто совершенія преступленія.—Изъятія.—Преступленія, совершаемыя за границею; преступленія печати; побѣги.—Военное время 307
4. Переносъ дѣлъ.—Основанія института.—Правила общаго и военнаго процессовъ 314
5. Мѣстная подсудность по иностраннымъ кодексамъ 317

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПОДСУДНОСТИ . . . . 320— 333

1. Общія основанія.—Правило судебныхъ уставовъ.—Статьи: 549 уст. угол. суд. и 724 В.-С. У.—Практика. 320
2. Нарушеніе подсудности. — Приговоръ не надлежащаго суда.—Нарушеніе мѣстной подсудности. 328
3. Пререканія о подсудности 330

ИСТОЧНИКИ, ПОСОБІЯ И ЛИТЕРАТУРА (Перечень) . . . . . 334—339

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
1	9 снизу	фонъ-Волльмаръ.	фонъ-Фольмаръ (v. Vollmar).
47	13 »	*сверхсрочнослужащихъ*	*сверхсрочнослужащихъ*
56 (примѣч.)	1 »	Начаева	Почаева
70	12 »	взысканіе	взысканія
73	10 сверху	проекта	проекта
75	6 »	компентенцію	компетенцію
80	13 снизу	изданій	изданіи
81	8 »	принять	принять
86	12 »	которые	которыя
92	3 »	Вопросъ	Вопросъ
97	3 »	опчему	почему
97	3 »	апходящіеся	находящіеся
103	17 »	совершенныя	совершенные
133	7 сверху	состоящія	состоящіе
159	5 снизу	непредолимыя	непреодолимыя
171	9 сверху	не подготовленныя	не подготовленные
186	6 »	уложені	уложеніе
191	4 снизу	устранить	устранить
191	10 сверху	не каратольныя	карательныя
196	15 »	политическія	политическіе
202	3 »	воруженномъ	вооруженномъ
209	2 снизу	порядку	порядку»
223	15 »	подъ первымъ	подъ послѣднимъ
227	8 сверху	Положеніе	Положеніемъ
284	14 »	которыя	которые
312	3 »	преступленія	преступленій
330	11 »	нарушеніе	нарушенія

Дополненіе къ стр. 121 (прим. 1-е). Во время печатанія книги были объявлены Высочайше утвержденныя 8 іюля 1896 г. временныя правила о комплектованіи судовъ русскаго общества пароходства и торговли командами военнаго флота (Приказъ по морскому вѣдомству 1896 г. № 123), и кромѣ того особыя правила объ отвѣтственности нижнихъ чиновъ флота, находящихся на службѣ общества, за преступленія и проступки (Приказъ по тому-же вѣдомству того-же года № 150). Такимъ образомъ на практикѣ вновь возстановлено назначеніе нижнихъ чиновъ военнаго флота въ службу на коммерческія суда.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о военной подсудности органически связанъ съ вопросомъ о необходимости для войска особыхъ уголовныхъ судовъ. Послѣдній вопросъ не только обсуждался неоднократно въ литературѣ, но, обращая на себя вниманіе въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ, до послѣдняго времени служилъ предметомъ оживленныхъ парламентскихъ дебатовъ.

Противники военныхъ судовъ, однако, не приводятъ сколько нибудь вѣскихъ аргументовъ, ограничиваясь указаніемъ на то, что военная подсудность есть явленіе случайное (Лабандъ) или на то, что военная подсудность есть только продуктъ историческаго развитія и не вытекаетъ изъ существа и потребностей военной службы (Г. Мейеръ). Депутатъ же германскаго рейхстага фонъ-Воллмаръ, въ засѣданіи 9 декабря 1881 г., указывалъ, что въ государствѣ можетъ существовать лишь одно право, равное для всѣхъ гражданъ, почему можетъ существовать и одинъ только судебный процессъ, въ коемъ это одинаковое для всѣхъ право примѣнялось бы ко всѣмъ одинаково [1]). Такая аргументація сама по себѣ показываетъ, на сколько несостоятельны сужденія противниковъ военныхъ судовъ и отдѣльной отъ общей военной подсудности.

Но затѣмъ нельзя не указать и на мнѣнія лицъ, отстаивав-

[1]) Marck. II, 10.

ихъ необходимость военныхъ судовъ, мнѣнія, которыя также представляются малоубѣдительными; такъ герцогъ де-Брольи въ палатѣ перовъ (1829 г.), при разсмотрѣніи проекта военно-уголовнаго кодекса, сказалъ, что «военное правосудіе законно, такъ какъ оно необходимо»[1]); ту же мысль высказалъ въ засѣданіи германскаго рейхстага (1884 г.) депутатъ Виндгорстъ: «...военные суды для военныхъ необходимы..... міръ никогда не существовалъ безъ военныхъ судовъ и никогда безъ нихъ не будетъ существовать, поэтому попытку устранить эти суды совсѣмъ, онъ считаетъ ошибочной и неудачной»[2]). Наконецъ главнѣйшее основаніе учрежденія особыхъ военныхъ судовъ на ряду съ общими большинство видитъ въ необходимости охраненія воинской дисциплины и порядка и поддержанія авторитета военнаго начальства[3]), этого мнѣнія въ особенности придерживаются военные начальники[4]).

Пересмотръ военно-судебнаго устава 1867 года (изд. 2-е, 1879 г.), предпринятый въ 1882 г., выдвинулъ на первый планъ именно этотъ принципъ. Въ запискѣ Главнаго Военнаго Прокурора, представленной Военному Министру 10 марта 1882 года, объ общихъ основаніяхъ предполагаемыхъ измѣненій въ дѣйствующемъ военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, прямо указывается, что составители устава 1867 г. допустили принципіальную ошибку, заключавшуюся въ стремленіи «устройство военныхъ судовъ сколь возможно ближе уподобить устройству общихъ судовъ государства (Сб. зак. раб. стр. 13)», въ виду чего однимъ изъ недостатковъ военнаго судоустройства выставлено «отсутствіе связи между военными судами и войскомъ, доходящее даже до извѣстнаго между ними отчужденія». При такомъ положеніи дѣла, говорится далѣе въ запискѣ, военно-судебная система оказалась неудовлетворявшей требованіямъ военнаго быта и военныхъ интересовъ и «хотя необходимость этихъ требованій сознавалась при

---

[1]) Принцъ. 23.
[2]) Marck. II, 11.
[3]) Marck. II, § 80, B. Принцъ. 24: Dangelmaier. Abh. 61. 71; Л. Штейнъ. 231; Ratzenhofer. 173; Hilse. 8.
[4]) См. Сводъ замѣчаній на проектъ В.-С. У. при пересмотрѣ въ 1882 г.

составленіи военно-судебнаго устава 1867 г., но, преслѣдуя идею равенства уголовнаго правосудія и однообразія порядка производства для всѣхъ преступленій военнослужащихъ вообще, невольно пришлось иногда поступаться интересами дисциплины въ пользу интересовъ общаго начала юридической справедливости»; въ виду этого предполагалось развить существовавшія уже въ военно-судебномъ уставѣ 1867 г. измѣненія противъ положеній судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. и кромѣ того ввести новыя, «съ цѣлью достигнуть необходимыхъ условій военнаго процесса, именно, его простоты, скорости, дешевизны и соотвѣтствія съ установившимися въ войскѣ понятіями дисциплины и уваженія къ авторитету начальника». Такимъ образомъ въ разсматриваемой запискѣ съ достаточной ясностью и опредѣленностью выражена та основная мысль, что военные суды существуютъ для охраненія воинской дисциплины и военнаго порядка, а также поддержанія авторитета начальника и что охраненіе это требуетъ иногда отступленія отъ общихъ началъ справедливости. Близкое къ такому воззрѣнію мнѣніе высказываетъ и одинъ изъ выдающихся иностранныхъ военныхъ юристовъ: «само право, говоритъ онъ, должно подчиняться дисциплинѣ, этому высшему требованію (Machtgebote), и справедливость должна закрывать свой возвышенный обликъ, гдѣ выступаетъ желѣзная необходимость»... «Справедливость, продолжаетъ тотъ же авторъ, независимая отъ дисциплины, есть истребительное отрицаніе, равное органическому распаденію арміи, но и дисциплина, независимая отъ справедливости, теряетъ свое высокое значеніе и обращается въ произволъ (Willkür [1]).

Приведенныя сужденія показываютъ, что понятію дисциплины противополагается понятіе справедливости. Однако такое противоположеніе нельзя признать правильнымъ. Цѣль справедливости, говоритъ Іерингъ [2]), установленіе равенства, т. е. установленіе равновѣсія въ человѣческомъ обществѣ; соціальное же равновѣсіе заключается въ разграниченіи сферъ власти отдѣльныхъ лицъ и общества, чтобы каждому, въ предѣлахъ его сферы,

[1]) Korwin—Dzbanski, Zur Reform. 12.
[2]) Цѣль въ правѣ I. Рус. пер. 265, 267, 257.

предоставленъ былъ просторъ движенія и развитія силъ, чтобы сильный не поглощалъ слабаго, чтобы ничтожнѣйшій чувствовалъ себя рядомъ съ наиболѣе могущественнымъ вполнѣ безопаснымъ; поэтому тамъ, гдѣ существуетъ правовой порядокъ, т. е. господство права и закона, тамъ всякое дѣйствіе власти, несогласное съ требованіемъ права и закона, будетъ неправомѣрно, незаконно, нелегально, всякій органъ власти такъ дѣйствующій совершаетъ несправедливость (Unrecht, injuria), и такой неправый образъ дѣйствія со стороны органа власти опредѣляется выраженіемъ произволъ (Willkür). Отсюда вытекаетъ, что справедливости можетъ быть противоположенъ лишь произволъ, но не интересы дисциплины или вообще правопорядка. Правомѣрность проникаетъ во всѣ сферы современнаго государства и заботы правительствъ направлены къ уничтоженію произвола; поэтому всякое требованіе, несогласное съ закономъ, является вообще несправедливымъ, какихъ бы отношеній оно не касалось. То же правило должно имѣть мѣсто и въ войскѣ. Безспорно, что главное начало, на которомъ держится войско, есть дисциплина, но безспорно и то, что всякій произволъ начальника по отношенію къ подчиненному есть нарушеніе дисциплины, что бы мы не подразумѣвали подъ ней [1]). Такой выводъ вовсе не исключаетъ того, что каждый военный, въ случаѣ требованій «желѣзной необходимости», обязанъ принести въ жертву той цѣли, которой служитъ, не только свои права, но и самую жизнь. Такое требованіе законномѣрно и потому не можетъ быть почитаемо несправедливымъ. Отсюда другой выводъ, что несправедливость въ сферѣ дисциплинарныхъ отношеній подрываетъ главнѣйшую основу военнаго устройства и кромѣ того должна повлечь болѣе вредныя и опасныя послѣдствія, чѣмъ во всякой другой служебной сферѣ, такъ какъ дѣятельность каждаго отдѣльнаго члена арміи связана съ массой и притомъ организованной для борьбы. Справедливость полагается закономъ въ основу дѣятельности не только суда, но и начальника въ сферѣ дисциплинарныхъ отношеній къ под-

[1]) Градовскій. Начала II. 99. Кузьминъ-Караваевъ. Характеристика. 22. Дисциплинарный уставъ ст. 1.

чиненному. Это прямо выражено въ 4 ст. дисциплинарнаго устава 1888 г.: «польза службы обязываетъ начальника въ сношеніи съ подчиненными *быть справедливымъ*, отечески пещись о благосостояніи ввѣренной ему команды... быть въ потребныхъ случаяхъ ихъ совѣтникомъ и руководителемъ, избѣгать всякой неумѣстной строгости, неоправдываемой требованіями службы... : такое же указаніе сдѣлано въ частности и относительно порядка наложенія дисциплинарныхъ взысканій [1]), аналогичныя правила содержатся и въ иностранныхъ законахъ, напр. въ германскомъ дисциплинарномъ уставѣ [2]).

Все изложенное доказываетъ, что въ военномъ бытѣ, какъ и во всякой другой сферѣ государственной или общественной жизни, не можетъ быть такихъ положеній, когда интересы правопорядка, въ частности интересы дисциплины, сталкивались бы съ интересами «общаго начала юридической справедливости»; поэтому проводить какое либо различіе между основаніями общеуголовнаго правосудія и правосудія военнаго невозможно, задача же уголовнаго правосудія состоитъ въ томъ, чтобы признанному, по внутреннему убѣжденію судей, виновнымъ наказаніе было назначено соразмѣрно преступленію, а невиновный былъ оправданъ. Что же касается способовъ и средствъ, устанавливаемыхъ въ видахъ охраненія воинской дисциплины и порядка, то они указаны съ одной стороны въ постановленіяхъ административныхъ, а съ другой — въ матеріальныхъ уголовныхъ законахъ: первые примѣняются властью начальства, вторые—властью уголовнаго суда, при чемъ совершенно безразлично, судится ли военнослужащій въ общеуголовномъ судѣ или въ особомъ военномъ, но затѣмъ, сколь глубоко не нарушало бы дѣяніе военнаго правилъ воинской дисциплины, разъ это дѣяніе не запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, — никакой судъ не вправѣ покарать за него, и такимъ образомъ не въ состояніи оградить нарушенный порядокъ. Отсюда, очевидно, что каково бы ни было устройство суда, если имъ будетъ оправданъ виновный или наказанъ невинный, онъ совершитъ одина-

[1]) Ст. 59—62 того же устава.
[2]) §§ 39—42 D.S. Ordn. für das Heer 1872.

ковую несправедливость, и такой приговоръ будетъ неправосуднымъ, а потому основаніе для существованія особыхъ военныхъ судовъ нельзя видѣть исключительно въ требованіяхъ дисциплины и необходимости ея охраненія, при чемъ такой выводъ вовсе не колеблетъ того безспорнаго положенія, что осуществленіемъ карательной власти военный судъ не только охраняетъ общій государственный порядокъ, но и спеціально воинскій, и такимъ образомъ, исполненіемъ общей каждому судебному органу функціи — правосудія — достигаетъ и спеціальной цѣли [1]). Наконецъ нельзя не остановиться и на томъ обстоятельствѣ, что тѣ несовершенства и практическія ихъ послѣдствія, на которыя указывается въ запискѣ, не подкрѣплены ни однимъ фактомъ, а введенныя въ уставъ 1867 г. измѣненія, повидимому, ни въ чемъ не поколебали принятыхъ при составленіи его основаній, такъ какъ нельзя указать въ числѣ этихъ нововведеній почти ни одного, которое бы подтверждало возможность проведенія на практикѣ изложенныхъ въ запискѣ принциповъ.

Другое основаніе—особенности военнаго быта[2])—точно также само по себѣ не можетъ быть признано рѣшающимъ вопросъ. Дѣйствительно, можно-ли выставлять, какъ аксіому, что для сужденія о преступленіяхъ въ военномъ быту необходимо спеціальное знакомство съ военнымъ дѣломъ и что только военный можетъ составить справедливое понятіе обо всемъ, относящемся къ дисциплинѣ, и о всѣхъ оттѣнкахъ ея нарушенія [3])? Основы военнаго быта весьма просты, несложны и доступны пониманію, если не каждаго, то, во всякомъ случаѣ, лицъ юридически образованныхъ; если же возникаютъ на судѣ какіе либо сложные вопросы, касающіеся или какихъ либо особыхъ правилъ, или технической части, то и военный судъ, состоящій изъ строевыхъ офицеровъ, не имѣетъ возможности разобраться во всѣхъ деталяхъ самостоятельно, а вынужденъ обращаться къ свѣдущимъ людямъ. Затѣмъ внутри самаго войска существуютъ различныя особенности въ каждомъ родѣ оружія—не говоря уже

[1]) Володимировъ. 141.
[2]) Marck. I. 343; Dangelmaier. Abh. 63, 64; Бентамъ. 14.
[3]) Принцъ. 24.

о чисто спеціальныхъ техническихъ особенности въ самомъ бытѣ среды. Послѣднее обстоятельство имѣлось въ виду при составленіи военно-судебнаго устава 1867 г. [1]), почему и было установлено дѣйствующее до сего времени правило [2]), чтобы временными членами въ военно-окружные суды назначались офицеры «по возможности разныхъ родовъ оружія», а въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ указывается, чтобы въ составѣ суда были офицеры, «по возможности, разныхъ родовъ морской службы, но съ тѣмъ, что большинство должно состоять изъ флотскихъ офицеровъ» [3]). Правила эти на практикѣ, однако, соблюдаются мало и Главный Военный Судъ не имѣлъ основаній требовать строгаго соблюденія ихъ, такъ какъ они *исполняются* лишь «по возможности», но тѣмъ не менѣе Главный Военный Судъ считалъ необходимымъ сообщать командующимъ войсками о случаяхъ, когда составъ суда состоялъ только изъ офицеровъ одного полка, или одного рода оружія [4]). Все это указываетъ, что особенности военнаго быта и военной службы сами по себѣ вовсе не устраняютъ возможности существованія арміи безъ особыхъ военныхъ судовъ.

Главнѣйшимъ основаніемъ военныхъ судовъ является *сословная обособленность войска*. «Какъ бы значительно не приблизились другъ къ другу въ государственномъ соціальномъ порядкѣ народъ и войско, въ одномъ-ли только принципѣ, какъ во Франціи, или на самомъ дѣлѣ, какъ въ Германіи, говоритъ Л. Штейнъ, однако даже во время французской революціи сохранилось правило, что воинскія преступленія должны быть подсудны только такому суду, который бы войска образовывали сами изъ собственной среды своей» [5]). Такое положеніе вещей Л. Штейнъ объясняетъ историческими причинами, существомъ всякаго *сословнаго* права, которое создалось въ эпоху образованія постоянныхъ войскъ [6]). Такимъ образомъ Л. Штейнъ признаетъ, что войско никогда не могло бы обойтись безъ воен-

[1]) Сборникъ законод. раб. 281.
[2]) Ст. 33 В.-С. У.
[3]) Ст. 40 кн. XVIII С. М. П.
[4]) Рѣш. 1877 г., №№ 27 и 143.
[5]) Ученіе о воен. бытѣ. 233 (р. пер.).
[6]) Тамъ-же. 208—214.

ныхъ судовъ, хотя бы сословныя различія и сгладились, но не объяснятъ, когда и вслѣдствіе какихъ причинъ обособилось войско отъ народа. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Бокля [1]). Начало обособленія войска отъ народа знаменитый мыслитель относитъ ко времени изобрѣтенія пороха. «До этого времени, говоритъ Бокль, считалось обязанностью почти всякаго гражданина быть приготовленнымъ къ поступленію въ военную службу для защиты своего отечества или нападенія на другія страны. Постоянныя арміи были совсѣмъ неизвѣстны; вмѣсто нихъ существовала нестройная, варварская милиція, всегда готовая къ войнѣ и всегда нерасположенная предаваться мирнымъ занятіямъ, которыя тогда были во всеобщемъ презрѣніи. Такъ какъ почти всякій гражданинъ былъ воиномъ, то военное званіе, какъ профессія, не имѣло отдѣльнаго существованія или, лучше сказать, вся Европа составляла одну огромную армію, въ которой сливались всѣ профессіи».... «Но какъ только порохъ вошелъ въ употребленіе, тотчасъ положено было основаніе великой перемѣнѣ. По прежней системѣ, человѣку нужно было только имѣть мечъ или лукъ и онъ былъ уже совсѣмъ вооруженъ для боя. По новому порядку вещей, потребовались новыя средства и экипировка воина стала дороже и затруднительнѣе ... «Важность этого движенія весьма скоро выразилась въ той перемѣнѣ, которую оно произвело въ классификаціи европейскаго общества. Такъ какъ регулярныя войска по дисциплинѣ своей были пригоднѣе для боя и болѣе непосредственно подчинялись контролю правительства, то по мѣрѣ того, какъ преимущества ихъ становились болѣе извѣстными, прежнее ополченіе сперва потеряло значеніе въ общемъ мнѣніи, потомъ впало въ пренебреженіе и, наконецъ, значительно уменьшилось въ числѣ. Въ то же время такое уменьшеніе въ числѣ недисциплинированныхъ воиновъ лишило каждую страну нѣкоторой части ея военныхъ средствъ и вынудило правительства обратить больше вниманія на дисциплинированное войско и болѣе исключительно ограничить занятія воиновъ исполненіемъ военныхъ обязанностей. И вотъ, въ первый разъ установилось рѣзкое различіе

[1]) Ист. Цивил. 81—83.

между воиномъ и лицомъ гражданскаго званія, и образовалась особая военная профессія»... Но и до образованія постоянныхъ войскъ, во время войны, устанавливалась особая военная подсудность, при чемъ подсудность военнаго особому суду опредѣлялась не свойствомъ преступленія, а принадлежностью виновнаго къ войску. Такой порядокъ существовалъ въ Римѣ, у древнихъ германцевъ и франковъ и въ средніе вѣка [1]); сословный же характеръ носили и у насъ въ Россіи тѣ судебныя учрежденія, коимъ подсудны были стрѣльцы и казаки до-Петровской Руси [2]). Казачье управленіе, черезъ выборныхъ изъ среды сословія, продолжалось до конца XVIII вѣка, когда казаки получили болѣе правильную организацію, но все-таки сохранили свою кастовую обособленность не только отъ гражданъ, но и отъ регулярныхъ войскъ, что, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ, продолжается до настоящаго времени [3]).

Обращаясь къ дѣйствующему военно-процессуальному законодательству, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ постановленіяхъ о военно-судебной организаціи, ясно указывающихъ на сословный характеръ военныхъ судовъ: судъ состоитъ изъ членовъ, принадлежащихъ къ дѣйствующимъ войскамъ, при чемъ правила объ особомъ составѣ суда при суждении штабъ-офицеровъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ, въ видахъ чисто-дисциплинарныхъ, были установлены лишь при пересмотрѣ военно-судебнаго устава въ 1882 г. [4]), а въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ осталось старое правило относительно предсѣдателя, который долженъ быть старше чиномъ подсудимаго [5]). изъятіе-же въ этомъ отношеніи касается только генераловъ [6]). Составители военно-судебнаго устава прямо высказали, что военнослужащіе должны составлять особую корпорацію, «какъ бы отдѣльное сословіе въ государствѣ», въ виду чего необходимы для войскъ и особые суды [7]); при этомъ во время обсужде-

---

[1]) Dangelmaier. Исторія воен. угол. права; его же Abh. 62—68; Ory. 178.
[2]) Шендзиковскій. Исторія 6. Мушниковъ. Очерки 53 и послѣд.
[3]) Лузановъ. Военно-админ. Зак. 87 и послѣд.
[4]) Ст. 41 и 42 В.-С. У.
[5]) Ст. 33.
[6]) Ст. 34, по прод. 1895 г.
[7]) Сборникъ законод. раб. 6.

нія вопроса о составѣ полковыхъ судовъ было предложено ввести въ таковые судей даже изъ нижнихъ чиновъ (одного унтеръ-офицера) и если это предположеніе не осуществилось, то исключительно по основаніямъ дисциплинарнымъ [1]). *Сословное* начало въ военномъ судоустройствѣ прусскомъ, французскомъ и баварскомъ сказывается еще и въ правилѣ, по которому въ число судей (въ Баваріи присяжныхъ) обязательно входитъ одинъ (или болѣе) членъ одного съ подсудимымъ званія или чина [2]), при чемъ для нижнихъ чиновъ не сдѣлано никакого въ этомъ отношеніи изъятія, и подсудимый нижній чинъ всегда имѣетъ въ числѣ судей равнаго себѣ. Кромѣ того, въ военномъ судоустройствѣ прусскомъ и австрійскомъ, сохранившихъ до настоящаго времени инквизиціонныя формы процесса, существуютъ особые суды для нѣкоторыхъ частей войскъ и военныхъ учрежденій: въ Австріи—Гвардейскій судъ и суды въ военныхъ академіяхъ въ Вѣнѣ и Винеръ-Нейштадтѣ, а въ Пруссіи—въ медико-хирургическомъ институтѣ Фридриха-Вильгельма и состоящей при немъ академіи [3]). Наконецъ, то же начало проявляется и въ разграниченіи вѣдомствъ высшихъ судовъ отъ низшихъ, на ряду съ другими основаніями, и по качеству лицъ (forum personale), тогда какъ въ общемъ процессуальномъ законодательствѣ этотъ принципъ вымираетъ и если сохраняетъ нѣкоторое значеніе, то лишь какъ изъятіе.

Противъ всѣхъ изложенныхъ соображеній можетъ быть сдѣлано возраженіе, что въ настоящее время общепринятая система комплектованія войскъ, на основаніяхъ всесословной обязательной повинности, должна со временемъ сгладить сословныя различія войска и гражданъ и, такимъ образомъ, сама собою уничтожится необходимость въ военныхъ судахъ. Съ такимъ возраженіемъ нельзя не считаться, тѣмъ болѣе, что и въ литературѣ встрѣчаются мнѣнія о возможности сужденія военныхъ даже и за воинскія преступленія въ судахъ съ гражданскими судьями,

---

[1]) Тамъ-же. 22—24.

[2]) Strafger.-Ordn. f. das Preussische Heer §§ 64—73; Codes de justice milit. pour l'armée de terre art. 10 et. 33; pour l'armée de mer art. 10 et. 58; Bayerische M. Strafpr. § 70.

[3]) Strafger.-Ordn. f. das Preussische Heer § 22; M. Strafpr.-Ordn. Oest. §§ 10 и 11.

такъ какъ послѣдніе, въ огромномъ большинствѣ, прошли черезъ ряды войскъ и исполняли обязанности солдата (Вейсль[1]). Чтобы выяснить значеніе этого возраженія, необходимо обратиться къ законодательнымъ работамъ по составленію устава о всеобщей воинской повинности[2]). Основнымъ motto реформы у насъ въ Россіи было то, что Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе на необыкновенно быстрое формированіе германскихъ армій въ войну 1870 г., на правильное и безостановочное пополненіе убыли и на огромную численность вооруженныхъ силъ европейскихъ державъ. Въ виду этого Военнымъ Министромъ были представлены Его Величеству двѣ записки о развитіи нашихъ вооруженныхъ силъ и о главныхъ основаніяхъ личной военной повинности[3]). Изъ этихъ записокъ видно, что при рекрутской системѣ комплектованія наша армія оказывалась недостаточной для полнаго огражденія безопасности государства, въ виду громадныхъ вооруженныхъ силъ, выставляемыхъ другими европейскими державами, и растянутости нашей государственной границы. Поэтому необходимость въ увеличеніи численности арміи, какъ дѣйствующей, такъ и резервной, имѣла своимъ послѣдствіемъ измѣненіе системы комплектованія по началу общеобязательной повинности. Несомнѣнно, что реформа эта повлекла за собою повышеніе качествъ арміи во всѣхъ отношеніяхъ[4]) и имѣла огромное государственное и общественное значеніе, разъясненное въ Высочайшемъ Манифестѣ, при коемъ уставъ 1874 г. былъ обнародованъ[5]). Уставъ сгладилъ въ отношеніи воинской повинности сословную розни населенія, но отнюдь не уничтожилъ обособленности самаго войска отъ гражданскаго общества, хотя къ сближенію ихъ и представлялось много данныхъ. Войско, принимая въ свою среду гражданина, тотчасъ же обособляетъ его возложеніемъ новыхъ обязанностей, поставленіемъ новыхъ цѣлей для дѣятельности, ограниченіемъ въ извѣстныхъ гражданскихъ и политическихъ

---

[1]) Marck. II, 16.
[2]) Матеріалы по дѣлу о введеніи всеобщ. воин. повин.
[3]) Записка 7 ноября 1870 г.
[4]) Лузановъ. 82—85.
[5]) Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ, 5 изд. 498.

правахъ [1]), согласно дѣйствующихъ военныхъ законовъ. Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій также нельзя не видѣть стремленія возможно болѣе сохранить корпоративный духъ въ войскѣ, напр., предоставленіемъ различныхъ льготъ военнослужащимъ. Наконецъ и самая организація войсковыхъ единицъ не можетъ не способствовать этой обособленности, а основной принципъ современнаго права войны, по которому она является борьбою между организованными войсками, устанавливаетъ твердо различіе между комбатантами и некомбатантами, т. е. между войскомъ и мирными гражданами.

Итакъ, реформа хотя и сблизила войско съ народомъ установленіемъ принципа, что защита государства есть обязанность каждаго подданнаго, но вовсе не устранила существованія корпоративнаго начала въ войсковомъ бытѣ, такъ что разсмотрѣнное возраженіе падаетъ само собою. Всѣ изложенныя соображенія приводятъ къ тому выводу, что выработавшаяся путемъ историческаго развитія корпоративная обособленность войска послужила главнѣйшей основой не только современной военно-судебной организаціи, но и вообще своеобразности военнаго управленія. Такая организація имѣетъ глубокій смыслъ и значеніе, обусловливая единство арміи, какъ нераздѣльнаго цѣлаго. Монархъ, какъ носитель верховной власти въ отношеніи всѣхъ частей подчиненнаго управленія, занимаетъ особое положеніе относительно арміи, являясь ея верховнымъ вождемъ, единая воля котораго управляетъ войскомъ. Органъ, черезъ который выражается Высочайшая воля въ войскѣ, есть исключительно военное министерство, входящее въ то же время и въ общій составъ государственныхъ учрежденій. Эта особенность организаціи высшаго управленія военными силами обособляетъ военное вѣдомство отъ прочихъ частей государственнаго управленія, содѣйствуетъ корпоративной сплоченности войска и устраняетъ вмѣшательство въ сферу военныхъ отношеній всѣхъ остальныхъ правительственныхъ учрежденій, вслѣдствіе чего внутри военнаго вѣдомства существуютъ не только органы судебные, но и законодательные для обсужденія законопроектовъ, касающихся

[1]) Ratzenhofer. 162; Л. Штейнъ. 207, 216.

исключительно военнаго вѣдомства, такъ что военное управленіе сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ въ отношеніи къ войску и власть судебную, и законодательную, и административную.

Признавая войско особой корпораціей, мы неизбѣжно придемъ къ выводу, что въ ней, какъ таковой, должны существовать и особыя отношенія, связующія членовъ ея въ одно цѣлое, особенное отъ остальныхъ гражданъ государства. Эти спеціальныя отношенія, существующія между отдѣльными членами войска, какъ особой корпораціи, создаютъ дисциплину и своеобразный военный бытъ, какъ органическую часть государства [1]). Такимъ образомъ дисциплина, особенности военнаго быта и военной службы, а также особенности военной власти суть лишь послѣдствія основного начала корпоративной обособленности войска; разрушеніе этого начала повлечетъ за собою уничтоженіе и дисциплины, и военной власти. Отсюда одну изъ главнѣйшихъ задачъ военнаго управленія составляетъ поддержаніе дѣйствительной связи между отдѣльными членами войска и отдѣльными его частями. Эта спеціальная военная цѣль достигается установленіемъ особыхъ военныхъ законовъ. Поэтому и судъ военный, осуществляя свою функцію—правосудіе—черезъ примѣненіе карательныхъ законовъ, охраняетъ и общегосударственный порядокъ, и спеціально военный, т. е. тѣ особыя отношенія, которыя существуютъ внутри этой корпораціи. Что же касается вопроса о томъ, какія изъ этихъ отношеній подлежатъ охранѣ уголовной и какія таковой не подлежатъ, относится къ сферѣ дѣятельности законодательной, а не судебной.

Итакъ, основаніемъ, на которомъ зиждется образованіе отдѣльныхъ военно-судебныхъ органовъ, составляетъ начало сословной, корпоративной обособленности войска [2]); задача этихъ органовъ: отправленіе внутри этой корпораціи правосудія, закономѣрность котораго служитъ къ охраненію и дисциплины, и авторитета военной власти. Затѣмъ, такъ какъ войско, какъ особое сословіе, не перестаетъ быть и частью государства, то общія юридическія нормы вполнѣ примѣнимы и къ нему по-

[1]) Л. Штейнъ. 16.

[2]) Какъ на основаніе военной юрисдикціи указываетъ на начало сословности и проф. Фойницкій (Курсъ, стр. 132; нов. изд. 137).

стольку, поскольку особенности быта корпораціи ихъ не измѣняютъ; къ этимъ нормамъ присоединяются и особыя, не вытекающія изъ потребностей общегражданскаго быта, но необходимыя для регулированія спеціально военныхъ отношеній. Поэтому если существованіе отдѣльныхъ отъ общихъ военныхъ судовъ основывается на сословной обособленности войска, то система этихъ судовъ, внутренняя ихъ организація, условія назначенія судей, разграниченіе вѣдомствъ военныхъ судовъ, основныя начала процесса, формы и обряды судопроизводства опредѣляются и должны опредѣляться по общимъ принципамъ судоустройства и судопроизводства съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя вызываются особенностями военнаго быта (интересами дисциплины и военной службы).

Судебная власть въ государствѣ едина и военный судъ принимаетъ участіе въ распоряженіи ею; функціи его совершенно тождественны съ функціями всякаго другого судебнаго органа, независимо отъ той формы, въ которой онъ осуществляетъ эту власть. Поэтому не можетъ быть проводимо различіе между судебной и военно-судебной властью: власть одна, но она осуществляется лишь разными органами. Въ виду этого подъ выраженіемъ «военно-судебная власть» слѣдуетъ разумѣть лишь объемъ тѣхъ полномочій, которыя имѣетъ военный судъ, и которыя онъ распространяетъ на опредѣленную категорію дѣлъ и лицъ. Отсюда необходимость опредѣлить этотъ объемъ, т. е. тѣ признаки, которые отграничиваютъ полномочія общихъ судебныхъ мѣстъ отъ военно-судебныхъ.

При разрѣшеніи этого вопроса могутъ быть два критерія: свойство правонарушенія и качества правонарушителя. Первый критерій особенно поддерживаетъ Hilse, распространяющій военно-судебную власть на всѣ тѣ преступныя дѣянія, которыя непосредственно или косвенно нарушаютъ военные интересы, независимо отъ того, каковы качества правонарушителя (Militärpersonen und Civilpersonen) [1]). При такой постановкѣ вопроса не было бы никакой возможности опредѣлить, когда граждане должны судиться въ общихъ судахъ и когда въ военныхъ, такъ

[1]) Die leitenden Grundsätze. 20—21.

какъ при извѣстныхъ условіяхъ всякое дѣяніе, такъ или иначе, можетъ нарушить военные интересы. Затѣмъ, хотя Hilse и ограничиваетъ власть военныхъ судовъ относительно гражданскихъ лицъ совершенными ими *воинскими* преступленіями, но, очевидно, что такое ограниченіе лишено смысла, такъ какъ по субъекту воинское преступленіе не можетъ быть учинено гражданскимъ лицомъ. Единственно правильнымъ мы признаемъ второй критерій: качества правонарушителя, т. е. принадлежность его къ войску, такъ какъ въ основаніе бытія самыхъ военныхъ судовъ положено сословное начало, оно же опредѣляетъ и нормальныя границы объема военно-судебной власти.

Совершенно другой критерій долженъ быть принятъ для опредѣленія нормальныхъ условій внутренняго военнаго судоустройства и процесса или точнѣе тѣхъ отступленій, которыя необходимо сдѣлать отъ началъ судоустройства и процесса общегосударственнаго. Здѣсь единственно вѣрнымъ мѣриломъ являются особенности военнаго быта (дисциплинарныя отношенія, свойства военной власти), но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что всякое отступленіе отъ общихъ основныхъ началъ процесса можетъ быть допущено лишь постольку, поскольку отступленіе это не препятствуетъ раскрытію матеріальной истины и постановленію правильнаго приговора.

Въ заключеніе нельзя не остановиться на томъ, что на ряду съ военно-сухопутными судами существуютъ еще и военно-морскіе суды; такое обособленіе является результатомъ исторически сложившихся особенностей въ управленіи арміей и флотомъ, но принципіально оно не можетъ быть оправдываемо никакими соображеніями. Поэтому новѣйшее военно-уголовное законодательство вступило уже на путь обобщенія какъ военно-сухопутныхъ, такъ и военно-морскихъ уголовныхъ законовъ. Вопросъ о необходимости такого объединенія весьма подробно разобранъ проф. Кузьминымъ-Караваевымъ [1]).

---

[1]) Военно-уголовное право I. 117—121.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

1.

Для осуществленія различныхъ актовъ государственнаго властованія служатъ особые органы власти, называемые государственными учрежденіями [1]), къ числу которыхъ относятся также и судебныя установленія. Изъ разнообразія актовъ, совершаемыхъ этими органами, вытекаетъ необходимость ихъ разграниченія такимъ образомъ, чтобы каждый органъ имѣлъ полномочіе совершать опредѣленные акты властвованія. Объемъ этихъ полномочій составляетъ *вѣдомство* или *компетенцію* органа власти. Признаки, которыми опредѣляется вѣдомство, различны и въ отношеніи уголовныхъ судовъ за таковые принимаются тяжесть преступленія (тяжесть наказанія и юридическія свойства дѣянія) и размѣры гражданскаго иска [2]). Но такъ какъ государственная власть имѣетъ опредѣленныя границы, во 1-хъ, въ государственной территоріи и, во 2-хъ, въ правахъ населяющихъ ея гражданъ, то въ виду необходимости распредѣленія функцій власти между многими органами каждое государственное учрежденіе, какъ распорядитель этой власти, ограничивается, во 1-хъ,

[1]) Коркуновъ. Госуд. пр. I. 259. Его же. Общ. теор. 249. Его же. Ук. и Зак. 193.
[2]) Случевскій. 318.

опредѣленнымъ пространствомъ этой территоріи и, во 2-хъ, опредѣленной группой лицъ, по отношенію которыхъ акты власти имѣютъ законную силу. Такимъ образомъ создается *подвѣдомственность* органа власти, т. е. то отношеніе между органомъ власти и опредѣленными фактами, образующими собою дѣло, въ силу котораго послѣднее подлежитъ разсмотрѣнію или разрѣшенію одного, а не другого однороднаго органа. Подвѣдомственность рѣшающаго судебнаго органа, т. е. суда, опредѣляется особымъ терминомъ *подсудность* (forum, Zuständigkeit) [1]. Совокупность же компетенціи и подсудности опредѣленнаго суда образуютъ собою *юрисдикцію*, т. е. правомочіе постановлять въ судебномъ порядкѣ рѣшенія относительно опредѣленныхъ по роду, мѣсту и лицу дѣлъ (jurisdictio. Gerichtsbarkeit) [2].

Въ русской литературѣ обыкновенно не проводится различіе между компетенціей и подсудностью, при чемъ одинъ терминъ нерѣдко употребляется вмѣсто другого, тогда какъ первый опредѣляетъ степень власти (т. е. полномочія), а второй предѣлы этой власти [3]; точно также и въ нашемъ законѣ эти выраженія употребляются безразлично, какъ и во французскомъ законодательствѣ, въ коемъ оба понятія охватываются однимъ терминомъ «competence»; въ законодательствѣ же германскомъ и австрійскомъ строго различаются между собою понятія компетенціи (Gerichtstand) и подсудности (Zuständigkeit). Кромѣ того нашъ законъ употребляетъ терминъ «подсудность» и въ смыслѣ юрисдикціи, что видно изъ заглавія раздѣла I-го книги 2-й устава уголовнаго судопроизводства, равно какъ и главы II-ой раздѣла второго военно-судебнаго устава 1884 года; въ отношеніи послѣдняго нельзя не замѣтить, что эта глава въ изданіяхъ 1867 и 1879 г. имѣла другое заглавіе «о предѣлахъ вѣдомства военно-судебной власти», которое сохранилось въ соотвѣтствующей главѣ военно-морского судебнаго устава [4]. Въ этой главѣ были сосредоточены собственно постановленія о юрисдикціи военныхъ судовъ вообще, постановленія же о вѣдомствѣ и подсудности

[1]) Чебышевъ-Дмитріевъ. 19. Фойницкій. 469.
[2]) Фойницкій. 469.
[3]) Чебышевъ-Дмитріевъ. 35.
[4]) Гл. II, кн. 1, ч. 2, XVIII. С. М. П. 1886 г.

были изложены въ соотвѣтствующихъ главахъ о порядкѣ производства въ судахъ военнаго вѣдомства, какъ это сохранилось до настоящаго времени въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ. Измѣненіе распредѣленія этихъ постановленій въ уставѣ военно-судебномъ при его пересмотрѣ въ 1882 г. было принято главнымъ образомъ въ видахъ большаго удобства пользованія уставомъ [1]), но засимъ не было, конечно, основаній отступать при этомъ отъ терминологіи, принятой судебными уставами, почему глава 2-я разд. 2-го военно-судебнаго устава 1884 года озаглавлена «о подсудности», а I-е отдѣленіе этой главы содержитъ постановленія «о подсудности военному суду вообще», т. е. о военной юрисдикціи. Германское и австрійское законодательства для опредѣленія военной юрисдикціи употребляютъ терминъ «Militärgerichtsbarkeit».

2.

Ученіе о вѣдомствѣ и подсудности вообще основывается на фактическомъ положеніи вещей: невозможности всю массу дѣлъ вершить въ одномъ учрежденіи, такъ что общимъ основаніемъ подсудности служитъ *принципъ раздѣленія труда*. Отсюда образованіе однородныхъ судовъ съ одинаковой компетенціей, но различною подсудностью, и разнородныхъ судовъ съ различной компетенціей и различной подсудностью, короче: разнородные суды имѣютъ различную юрисдикцію. Поэтому каждое судебное мѣсто отличается отъ другого всегда своею подсудностью, но можетъ имѣть одинаковую съ другимъ судебнымъ мѣстомъ компетенцію. Совокупность всѣхъ судовъ даннаго государства образуетъ собою одну *судебную систему*. Но кромѣ общей судебной системы въ государствѣ могутъ существовать особыя системы судовъ, внутри которыхъ вѣдомство и подсудность обыкновенно опредѣляются по тѣмъ же правиламъ, какъ и въ общей. Такимъ образомъ на ряду съ общегосударственной судебной системой существуетъ особая система военно-судебная. Отсюда юрисдикція: общая и военная или, какъ принято опредѣлять послѣднюю, *военная подсудность*.

[1]) Объясн. зап. къ 2 и 3 разд., 4.

Основаніемъ для разграниченія общей юрисдикціи отъ военной служитъ, какъ то было опредѣлено выше, вообще *качество лица*, совершившаго преступленіе, чѣмъ и опредѣляется *обыкновенная* военная подсудность. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, хотя кромѣ того существуетъ особая система судовъ военно-морскихъ, по отношеніе, въ которомъ находятся между собою общая и военно-морская юрисдикціи, совершенно тождественно съ отношеніемъ между общей юрисдикціей и юрисдикціей сухопутныхъ военныхъ судовъ; поэтому все сказанное о юрисдикціи военной всецѣло относится и къ военно-морской. Что же касается соотношенія между сухопутными и морскими военными судами, то оно будетъ опредѣляться въ дальнѣйшемъ изложеніи въ соотвѣтствующихъ рубрикахъ.

Однако при разграниченіи общей и военной юрисдикціи нельзя ограничиться однимъ личнымъ принципомъ, такъ какъ, во 1-хъ, личность подсудимаго неразрывно связана съ учиненнымъ имъ дѣяніемъ, почему вообще при опредѣленіи объема юрисдикціи приходится всегда говорить и о преступленіи и, во 2-хъ, законодатель устанавливаетъ военную юрисдикцію и по другимъ основаніямъ: а) извѣстныя категоріи лицъ подлежатъ военному суду за опредѣленныя только *преступленія:* такимъ образомъ къ личному принципу присоединяется еще и другое основаніе для разграниченія юрисдикцій, а именно, по свойству учиненнаго преступленія; б) при наличности указанныхъ въ законѣ условій военная юрисдикція распространяется на извѣстныя *мѣстности* государства и в) военная юрисдикція можетъ расширяться на опредѣленное *время* (напр., войны), поэтому различается юрисдикція по времени, въ мирное и военное время. Но очевидно, что каждый изъ указанныхъ принциповъ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, являясь какъ основаніе разграниченія общей и военной юрисдикцій въ опредѣленной комбинаціи съ основнымъ личнымъ принципомъ и между собою.

3.

Объемъ военной юрисдикціи измѣнялся въ исторіи и окончательное установленіе его границъ относится къ настоящему столѣтію. Въ Россіи исключительная подсудность военнослужащихъ военному суду начинаетъ развиваться съ царствованія Императрицы Анны Іоанновны [1]), при которой въ 1733 г. послѣдовалъ указъ о запрещеніи судить военнослужащихъ въ полиціймейстерской канцеляріи въ Москвѣ и предписано отсылать ихъ для суда въ свои полки и, хотя указъ этотъ [2]) состоялся относительно частнаго случая, бывшаго въ Москвѣ, но въ виду отсутствія кодификаціи, онъ распространялся, вѣроятно, и на другія обще-полицейскія учрежденія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, военная юрисдикція представляетъ рядъ значительныхъ колебаній, то расширяясь, то съуживаясь въ своемъ объемѣ. Въ царствованіе Елизаветы въ 1761 г. чины горнаго вѣдомства подчинены юрисдикціи военныхъ судовъ, такъ какъ они получили военную организацію, а при Екатеринѣ II въ 1767 г. подсудность военному суду распространена и на землемѣровъ во время производства ими генеральнаго межеванія. Затѣмъ военнымъ судамъ были подсудны не только уголовныя, но и гражданскія дѣла военнослужащихъ, и только съ введеніемъ въ 1755 г. учрежденія о губерніяхъ эти послѣднія дѣла были окончательно изъяты изъ военной подсудности [3]). По законамъ, изданнымъ въ томъ же царствованіи, юрисдикція военнаго суда была ограничена одними *уголовными* дѣлами [4]), и военнослужащіе подлежали суженію въ общихъ учрежденіяхъ лишь по изъятію: сенатскимъ указомъ 30-го іюня 1782 г. [5]) такая подсудность допускается лишь въ отношеніи нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ «по необходимости, во избѣжаніе, по неимѣнію иногда гдѣ либо воинскихъ командъ, отъ пересылокъ затрудненія». Эти колебанія продолжались до начала царствованія Павла I, когда исклю-

---

[1]) Шендзиковскій. Ист. 160.
[2]) Пол. Собр. 6438.
[3]) Шендзиковскій. Ист. 162.
[4]) Мушниковъ. Очерки. 135.
[5]) Полн. Собр. 15455.

чительная подсудность военнослужащихъ военному суду упрочилась окончательно [1]). Наибольшаго своего развитія военная подсудность достигаетъ въ царствованіе Николая I, когда она была распространена на такія категоріи лицъ, которыя не имѣли ничего общаго съ военнымъ вѣдомствомъ, или на лицъ, принадлежавшихъ къ такимъ вѣдомствамъ, которымъ была дана военная организація. Основаніемъ къ расширенію военной подсудности на лицъ гражданскихъ служило главнымъ образомъ свойство преступленій, напр., нарушавшихъ важные интересы войска, или же особенно опасныхъ для общественнаго и государственнаго спокойствія. Цѣлью установленія въ такихъ случаяхъ военной подсудности было: достиженіе быстроты производства и усиленіе уголовной репрессіи [2]).

Затѣмъ нельзя не отмѣтить того интереснаго факта, что установленіе военной подсудности имѣло нерѣдко совершенно случайный характеръ, въ чемъ можно убѣдиться даже при бѣгломъ обозрѣніи, напримѣръ, указовъ съ повелѣніями по этому предмету Императора Николая I. Такъ, въ 1827 г. было донесено на Высочайшее Имя о нападеніи на воинскую команду, вслѣдствіе заарестованія корчемнаго вина. По поводу этого случая Государь Императоръ приказалъ «объявить Комитету Министровъ, чтобы виновные въ настоящемъ случаѣ, такъ и впредь подобные имъ преступники, изобличенные въ дѣйствіяхъ противъ войскъ при корчемствѣ, судимы были для скорѣйшаго окончанія о нихъ дѣлъ военнымъ судомъ» [3]), что было затѣмъ подтверждено, въ томъ же году: «дабы бдительнымъ надзоромъ, скорѣйшимъ рѣшеніемъ таковыхъ дѣлъ и примѣромъ строгости отвратить сіе зло, противное гражданскому порядку и самой нравственности» [4]). На этихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, состоявшихся по поводу отдѣльныхъ случаевъ, основано было постановленіе, заключающееся въ п. 21 ст. 6 кн. II ч. V. С. В. П. 1859 года. Въ 1844 г. въ Царствѣ Польскомъ 85 евреями было учинено отбитіе контрабанды. По этому поводу Генералъ-Фельдмаршалъ

[1]) Шепдзиковскій. Ист. 167.
[2]) Тамъ-же. 205.
[3]) Полн. Собр. 905.
[4]) Полн. Собр. 1078.

князь Варшавскій, находя наказаніе по уголовному уложенію Царства Польскаго недостаточнымъ и въ виду дарованной Царству Польскому Высочайшей грамоты о томъ, что военному суду жители Царства предаются лишь за политическія преступленія, испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія: «должно ли помянутое дѣло подвергнуть военному суду или предоставить оное гражданскому уголовному суду, по которому подсудимыхъ ожидаетъ также тяжелое наказаніе» (тяжкое заключеніе отъ 3 до 6 лѣтъ и болѣе). На это представленіе послѣдовала резолюція: «судить военнымъ судомъ и поступать также всегда, когда буйство происходитъ противъ военной силы» [1]). Въ 1833 г. въ лавкѣ Петербургскаго купца Меняева найденъ былъ рубленный капать, оказавшійся пріобрѣтеннымъ отъ чиновъ хозяйственнаго управленія морского вѣдомства при помощи мѣщанина Сахарникова. Морское начальство ходатайствовало о преданіи этихъ лицъ военному суду. По ходатайству этому послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: «судить военнымъ судомъ, какъ Меняева и Сахарникова, такъ и впредь всѣхъ тѣхъ купцовъ и мѣщанъ Имперіи, которые въ кражѣ казеннаго имущества изобличены будутъ», о чемъ и обнародовано Сенатомъ во всеобщее свѣдѣніе [2]). Изложенная резолюція послужила основаніемъ къ п. 28 ст. 6 той же книги Свода 1859 г. Въ 1852 г. Государь по разсмотрѣніи докладной записки Виленскаго, Гродненскаго, Минскаго и Ковенскаго генералъ-губернатора о состояніи ввѣренныхъ ему губерній «*между прочимъ*» повелѣть соизволилъ: «отнынѣ впредь всѣхъ евреевъ того края, кои будутъ изобличены въ поддѣлкѣ всѣхъ государственныхъ бумагъ и выпускѣ ихъ въ обращеніе, по окончаніи изслѣдованія, предавать военному суду» [3]).

Такимъ образомъ къ тому времени, когда было приступлено къ судебной реформѣ, въ Сводѣ Законовъ насчитывалось болѣе 50-ти случаевъ подсудности военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства, при чемъ случаи эти были указаны не только въ

---

[1]) Полн. Собр. 18235; п. 34 ст. 6 кн. II ч. V. С. В. П. 1859 г.
[2]) Полн. Собр. 6515.
[3]) Полн. Собр. 26052; п. 32 ст. 6 кн. II ч. V. С. В. П. 1859 г.

уголовныхъ законахъ [1]), но и другихъ томахъ Свода Законовъ Россійской Имперіи, какъ-то: въ уставахъ лѣсномъ, горномъ, о соли, пробирномъ, о ссыльныхъ, о паспортахъ и бѣглыхъ и пр. Такое положеніе вещей не могло не озабочивать военное министерство, которое еще въ 1858 г. возбудило вопросъ объ обращеніи къ общему порядку уголовной подсудности нѣкоторыхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, предаваемыхъ военному суду. По разсмотрѣніи въ 1859 году этого вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ было постановлено предоставить Главноуправляющему 2 отдѣл. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графу Блудову выработать окончательныя правила о подсудности лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду. По этому поводу были сдѣланы сношенія съ Кавказскимъ и Сибирскимъ комитетами, министерствами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ и другими высшими учрежденіями. Результатомъ работъ второго отдѣленія былъ проектъ правилъ о подсудности военному суду, которыя должны были составить приложеніе къ ст. 30 проекта новаго устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ. Въ проектѣ этомъ мы видимъ 19 пунктовъ, перечисляющихъ случаи подсудности военному суду лицъ, не принадлежащихъ къ составу арміи. Указанныя въ этихъ пунктахъ лица могутъ быть сведены въ слѣдующія группы: 1) гражданскіе классные и нижніе чины различныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ военное устройство; 2) жители Закавказья за разбой и грабежъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ; 3) жители г. Сухумъ-Кале за преступленія, означенныя въ гл. II, разд. III и въ гл. I, разд. IV улож. о нак.; 4) кочевники Ставропольской губерніи и Оренбургскіе киргизы за извѣстныя преступленія; 5) нижніе воинскіе чины, уволенные отъ службы по неспособности; 6) ссыльные и арестанты арестантскихъ ротъ; 7) военноплѣнные, и 8) лица гражданскаго вѣдомства за побѣгъ къ горцамъ, нарушеніе карантинныхъ правилъ, укрывательство бѣжавшихъ военноплѣнныхъ и сокрытіе непріятельскаго оружія [2]). Эти предположенія были представлены въ Государственный Совѣтъ 30-го іюля

[1]) Кн. II, т. XV Св. Зак. 1857 г. и кн. II ч. V. С. В. П. 1859 г.

[2]) Т. VII дѣла о преобр. суд. части въ Россіи. Записка второго отд. 1861 г. за № 648.

1861 г., по затѣмъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада государственнаго секретаря Буткова о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя были встрѣчены при разсмотрѣніи проектовъ уставовъ судопроизводства, составленныхъ графомъ Блудовымъ, и о томъ, что составленію названныхъ проектовъ должно предшествовать опредѣленіе основныхъ началъ преобразованія судебной части,— были составлены подробныя предположенія о порядкѣ разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія, каковыя и удостоились Высочайшаго утвержденія 23-го октября 1861 г. Такимъ образомъ проекты графа Блудова остались безъ дальнѣйшаго движенія, а вмѣсто ихъ разсмотрѣнія было приступлено къ составленію судебныхъ уставовъ на совершенно новыхъ началахъ [1]).

При обсужденіи основныхъ началъ преобразованія судебной части въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ въ усиленномъ составѣ [2]), сообразно свѣдѣній, доставленныхъ изъ военнаго министерства, было признано желательнымъ: а) всѣхъ лицъ, непринадлежащихъ къ военному вѣдомству, предаваемыхъ военному суду, обратить къ общей подсудности за всѣ роды преступленій; б) лицъ, принадлежащихъ къ составу иррегулярныхъ войскъ, предавать военному суду лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленія ихъ будутъ касаться нарушеній военной службы; то же правило примѣнить и къ военнымъ чинамъ, находящимся въ безсрочномъ отпуску, или занимающимъ въ гражданскомъ быту какія либо общественныя должности, если только преступленія ихъ не имѣютъ никакого отношенія къ нарушенію обязанностей военной службы и в) установить особыя правила о смѣшанной подсудности, подобныя принятымъ въ иностранныхъ законодательствахъ. Кромѣ того Военный Министръ, находившійся въ засѣданіи, объяснилъ, что, по его мнѣнію, преданіе военному суду должно быть допускаемо только въ трехъ случаяхъ: 1) когда въ мѣстѣ совершенія преступленія нѣтъ другихъ судовъ, кромѣ военнаго, напримѣръ, въ арміи во время войны; 2) когда преступленія по

[1]) Т. XIX того же дѣла. Журналъ № 65. Введеніе стр. 8 и 11. Джаншіевъ. Основы судебной реформы, 44.

[2]) Т. XIX того же дѣла. Журналъ № 65, стр. 244—247.

свойству своему могуть быть обсуждены правильно только военными судьями и 3) когда судъ общій становится невозможнымъ, напримѣръ, потому, что весь край въ такомъ волненіи, что нельзя положиться на мѣстные суды. Вслѣдствіе сего большинство присутствія (11 членовъ) полагало принять основнымъ правиломъ новаго устава уголовнаго судопроизводства, что тамъ, гдѣ онъ будетъ введенъ въ дѣйствіе, лица гражданскаго вѣдомства предаются военному суду только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Съ этимъ мнѣніемъ не согласился лишь одинъ членъ (графъ Панинъ), находя, что во всякой мѣстности, хотя бы она и не была объявлена на военномъ положеніи, виновные въ возстаніи или возмущеніи противъ правительства, сопротивленіи съ насиліемъ и подстрекательствѣ военнослужащихъ къ нарушенію ихъ обязанностей, должны подлежать военному суду съ примѣненіемъ наказаній по своду военно-уголовныхъ законовъ. Изложенное мнѣніе, къ коему присоединился и князь Долгоруковъ, графъ Панинъ отстаивалъ и въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 3-го сентября 1862 г.[1]). Большинство Собранія (23 члена), въ томъ числѣ и Военный Министръ, не сочло возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ графа Панина, такъ какъ подобныя изъятія изъ общаго порядка подсудности всегда и вездѣ признавались не только нераціональными, но и несправедливыми и возбуждали недовѣріе къ судамъ особеннымъ или чрезвычайнымъ и что преданіе лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду вызывалось не столько потребностью усилить наказанія за нѣкоторыя преступленія, сколько недостатками дореформеннаго процесса, съ принятіемъ же новыхъ началъ само собою устранятся и эти причины. Таковое мнѣніе большинства Общаго Собранія о предѣлахъ военной подсудности удостоилось 29-го сентября Высочайшаго утвержденія[2]). Это же положеніе легло въ основаніе опредѣленія объема военной подсудности и при составленіи военно-судебнаго устава 1867 г.[3]).

Все изложенное показываетъ, что расширенная до крайнихъ предѣловъ военная юрисдикція была приведена судебной ре-

[1]) Т. XX того же дѣла. Журн. Общ. Собр., 3-го сент. 1862 г., стр. 24—26.
[2]) Основн. Полож. ч. II ст. 116 и 117. (Тамъ-же стр. 32).
[3]) Основн. Полож. преобр. военно-судной части ч. I, гл. 2 ст. 12.

формой Императора Александра II въ свои естественныя границы. Но такъ какъ военная юрисдикція была ограничена лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы 1864 г., то естественно возникъ вопросъ о пространствѣ этой юрисдикціи въ мѣстностяхъ, оставшихся при прежнемъ судоустройствѣ и процессѣ. Вопросъ этотъ впервые былъ возбужденъ въ 1871 г. при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ состоявшагося по поводу одного частнаго случая опредѣленія Общаго Собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи Правительствующаго Сената о смѣшанной подсудности военной и гражданской въ судахъ прежняго устройства, въ виду чего и было впослѣдствіи постановлено распространить силу 219—225 и 1236—1254 ст. устава уголовнаго судопроизводства на мѣстности, въ которыхъ не введены еще судебные уставы, за исключеніемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и областей Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской (законъ 30-го ноября 1871 г.[1]). При разработкѣ этого закона Военный Министръ въ заключеніи своемъ о предположеніяхъ Государственнаго Совѣта, между прочимъ замѣтилъ, что было бы полезно возбудить вопросъ, не слѣдуетъ ли въ Сибири, кромѣ указанныхъ выше областей, вообще установить подсудность по правиламъ общихъ судебныхъ уставовъ и освободить отъ преданія военному суду гражданскихъ лицъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 761 кн. II-й, XV т. Св. Зак. Государственный Совѣтъ, отнесшись съ полнымъ сочувствіемъ къ предположеніямъ Военнаго Министра, призналъ однако болѣе удобнымъ, не разрѣшая этого вопроса окончательно, предоставить Министру Юстиціи, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, войти въ Государственный Совѣтъ съ новымъ представленіемъ по этому предмету. Вопросъ этотъ дѣйствительно оказался чрезвычайно сложнымъ, такъ какъ былъ связанъ съ необходимостью пересмотра всѣхъ относящихся къ нему правилъ, разбросанныхъ, какъ о томъ было упомянуто выше, по разнымъ частямъ Свода Законовъ и отдѣльно изданнымъ положеніямъ. Въ концѣ концовъ въ 1881 году выяснилось, что многія изъ правилъ о под-

[1]) Полн. Собр. 50241.

судности гражданскихъ и другихъ лицъ военному суду были отмѣнены по соотвѣтствующимъ продолженіямъ, или замѣнены новыми. Но за всѣмъ тѣмъ оказались остающимися въ своей силѣ слѣдующіе 12 случаевъ подсудности гражданскихъ лицъ военному суду, указанные въ ст. 761 кн. II-й, т. XV Св. Зак. 1857 г.: 1) нарушителей карантинныхъ правилъ, когда опредѣлены наказанія уголовныя (п. 23 и ст. 766); 2) крестьянъ за неповиновеніе начальству и сопротивленіе присланной для усмиренія ихъ военной силѣ, а также лицъ, научающихъ ихъ къ этому (п. 24); 3) виновныхъ въ нарушеніи устава о соли, когда при поимкѣ окажутъ сопротивленіе (п. 26); 4) контрабандировъ въ случаѣ такого же сопротивленія (п. 27); 5) поджигателей, когда рѣшаются на это преступленіе съ политическими цѣлями (примѣч. 3 къ п. 29 по прод. 1868 г.); 6) виновныхъ въ похищеніи казеннаго воинскаго имущества (п. 30); 7) лицъ, скрывающихъ военноплѣнныхъ и непріятельское оружіе (п. 35); 8) тюремныхъ смотрителей и другихъ лицъ, имѣющихъ надзоръ за содержащимися въ мѣстахъ заключенія арестантами, когда оказываются виновными въ допущеніи побѣговъ и преступленій арестантовъ (п. 36); 9) поселянъ, виновныхъ въ допущеніи побѣга содержащихся подъ ихъ присмотромъ арестантовъ при сельскихъ управленіяхъ и становыхъ квартирахъ (п. 37); 10) арестантовъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства (п. 38 и ст. 1074 и 1078 уст. о содер. подъ стр.); 11) грабителей почтъ (п. 39) и 12) всѣхъ вообще гражданскихъ лицъ, виновныхъ въ поврежденіи телеграфовъ или въ прекращеніи телеграфическихъ сообщеній и въ другихъ, указанныхъ въ законѣ, случаяхъ нарушенія уставовъ телеграфическихъ (п. 40, ч. I). Но и во всѣхъ этихъ случаяхъ подсудность лицъ не военнаго званія военному суду имѣла примѣненіе лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не была введена ни общая судебная реформа, ни военно-судебная, т. е. кромѣ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и областей Акмолинской и Семипалатинской, въ остальныхъ мѣстностяхъ Западной Сибири и во всей Восточной Сибири. Ни одно вѣдомство не встрѣтило особыхъ препятствій къ отмѣнѣ изложенныхъ правилъ и замѣнѣ ихъ для мѣстностей, оставшихся съ дореформенными судами, постановленіемъ 226 ст. уст. угол. судопр.

Кромѣ того военное министерство полагало, кстати, правило ст. 762 кн. II т. XV Св. Зак. относительно подсудности военно-плѣнныхъ замѣнить правилами 227 ст. уст. угол. судопр. Однако изложенныя предположенія не получили дальнѣйшаго движенія въ законодательномъ порядкѣ, такъ какъ постепенное введеніе военно-судебной реформы въ отдаленныхъ военныхъ округахъ мало по малу сокращало кругъ примѣненія и тѣхъ немногихъ указанныхъ выше постановленій, которыя затѣмъ постепенно исчезли изъ свода въ порядкѣ кодификаціонномъ, такъ что нынѣ дѣйствующія въ этихъ мѣстностяхъ правила о подсудности военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства являются тождественными съ постановленіями судебныхъ уставовъ [1]). Съ введеніемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, судебныхъ уставовъ на Кавказѣ военная подсудность начинаетъ вновь расширяться въ своемъ объемѣ, а затѣмъ слѣдуетъ рядъ сепаратныхъ указовъ, устанавливающихъ военную подсудность въ видахъ подавленія революціонной пропаганды и вообще политическихъ движеній, искорененія разбойничества и т. п. Вслѣдствіе сего современный объемъ военной юрисдикціи представляется значительно расширившимся со времени введенія у насъ судебной реформы въ отношеніи лицъ, непринадлежащихъ къ военной корпораціи.

Что касается западно-европейскихъ государствъ, то объемъ военной юрисдикціи имѣлъ тамъ нѣсколько иной характеръ. Фридрихъ I-й въ изданной имъ для прусской арміи въ 1712 г. инструкціи (Auditeurs—Instruction) подчинилъ военной подсудности не только всѣхъ состоящихъ на службѣ военныхъ чиновъ, но и членовъ ихъ семействъ, а также и находящуюся у нихъ прислугу, независимо отъ свойствъ учиненныхъ послѣдними дѣяній [2]), такъ что подсудность военному суду охватывала и такихъ лицъ, которыя у насъ въ Россіи при весьма широкихъ предѣлахъ военной юрисдикціи, относительно гражданскихъ лицъ, не иначе предавались военному суду какъ при наличности какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ или въ военное время.

[1]) Св. Зак. ч. II. т. XVI. Зак. о судопр. по дѣл. о прест. и прост., изд. 1892 г., ст. 12.

[2]) Dangelmaier. Abh. 66.

Въ Австріи до 1869 г.[1]) военная подсудность имѣла тотъ же объемъ, какъ и въ Пруссіи, и кромѣ того въ обоихъ названныхъ государствахъ въ компетенцію военныхъ судовъ входили кромѣ уголовныхъ и гражданскія дѣла, изъятыя окончательно изъ ихъ вѣдѣнія въ Пруссіи по кабинетному указу (Cabinets-Ordre) 19-го іюля 1809 г., а въ Австріи по закону 20-го мая 1869 г.[2]). Наоборотъ, въ до-революціонной Франціи военная подсудность на гражданскихъ лицъ не распространялась вовсе, а военнослужащіе судились въ военномъ судѣ лишь за дѣянія, учиненныя другъ противъ друга[3]), всѣ же преступленія противъ гражданскихъ лицъ во всякомъ случаѣ подлежали разсмотрѣнію общихъ судовъ. Наконецъ колебанія въ иностранныхъ законодательствахъ о военной подсудности замѣчаются въ отношеніи общихъ преступленій военнослужащихъ, но объ этомъ подробнѣе будетъ изложено ниже. Затѣмъ распространеніе военной юрисдикціи на гражданъ въ западно-европейскихъ государствахъ допускалось лишь въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда сила событій ставила вопросъ о самомъ существованіи государства или государственнаго строя, когда для правительственной власти возникла обязанность дѣйствовать по праву государственной необходимости (Staatsnothrecht)[4]), что при современномъ государственномъ строѣ европейскихъ державъ выражается въ пріостановкѣ конституціонныхъ гарантій; но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ даже и не могутъ быть пріостановлены эти гарантіи, какъ напр., по конституціямъ Бельгійской и Швейцарской[5]). Пріостановленіе конституціонныхъ гарантій можетъ повлечь за собою передачу важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ мѣстъ въ суды военные, при чемъ мѣстности, въ которыхъ вводится такой порядокъ, предварительно объявляются на военномъ или въ осадномъ положеніи. Внѣ тѣхъ условій, которыя допускаются законами объ осадномъ положеніи и конституціями, лица гражданскія при обыкновенномъ те-

[1]) Прилож. 44 и Kais. Patent 22 December 1851 (Manz'che Ausg. XXIV. Band, 673).
[2]) Dangelmaier. Abh. 67.
[3]) Мушниковъ. Воен. судопр. иностр. державъ. 29.
[4]) Градовскій. Госуд. пр. важнѣйш. европ. держ. Изд. 1895 г., 56.
[5]) Тамъ же. 59. Чичеринъ. Курсъ Госуд. науки. Ч. I. 206. Коркуновъ. Сравн. очеркъ. 148.

ченіи государственной жизни не могутъ быть предаваемы военному суду, въ чемъ и заключается обусловливаемая государственнымъ строемъ особенность западно-европейскихъ правилъ отъ дѣйствующихъ въ этомъ отношеніи въ Россіи, такъ какъ хотя основное положеніе, выраженное въ 226 ст. уст. угол. судопр., относительно подсудности военному суду гражданскихъ лицъ, является и сходнымъ съ западно-европейскими постановленіями, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время наше законодательство силой обстоятельствъ вынуждено было уклониться отъ принятаго, при составленіи судебныхъ уставовъ, принципа установленіемъ особыхъ мѣстныхъ правилъ о подсудности лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду, при чемъ независимо отъ этого нерѣдко спеціально испрашиваются Высочайшія повелѣнія о сужденіи гражданскихъ лицъ военнымъ судомъ въ такихъ случаяхъ, которые не подходятъ подъ дѣйствіе ранѣе изданныхъ сепаратныхъ законовъ, но вслѣдствіе чрезвычайности обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступленіе, или по другимъ важнымъ мотивамъ, вызываютъ необходимость принятія болѣе рѣшительныхъ и энергичныхъ мѣръ. Такимъ образомъ на ряду съ судами, дѣйствующими на основаніи постановленій общаго закона, существуютъ и такіе суды, юрисдикція которыхъ опредѣляется законами спеціальными. Отсюда различіе между подсудностью *обыкновенною и чрезвычайною* (forum ordinarium et extraordinarium). Наконецъ, въ виду того, что главнымъ основаніемъ разграниченія подсудности общей отъ военной является качество лица, т. е. то положеніе, въ которомъ находится лицо во время совершенія преступленія относительно войска, представляется необходимымъ въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять это положеніе, для чего должны быть установлены *моменты времени*, когда лицо стало въ это положеніе и когда положеніе это окончилось. Моменты эти, какъ-то подробно будетъ изложено ниже, въ различныхъ законодательствахъ и въ отношеніи различныхъ лицъ и случаевъ опредѣляются неодинаково.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ ПО ЛИЦАМЪ.

Основаніемъ для разграниченія общей и военной юрисдикціи служитъ прежде всего качество лица, т. е. то положеніе, которое оно занимаетъ въ составѣ вооруженныхъ силъ государства или то отношеніе, въ которомъ оно находится къ этимъ силамъ, поэтому, если бы понятіе вооруженныхъ силъ опредѣлялось какимъ либо однимъ признакомъ, то въ отношеніи юрисдикціи всѣ граждане могли быть раздѣлены: 1) на принадлежащихъ и не принадлежащихъ къ составу вооруженныхъ силъ и 2) на находящихся въ опредѣленномъ отношеніи къ вооруженнымъ силамъ и на не находящихся ни въ какомъ отношеніи къ этимъ силамъ. Но вооруженныя силы въ настоящее время имѣютъ весьма сложную организацію и по различнымъ признакамъ раздѣляются на различныя категоріи, въ которыхъ положеніе составляющихъ ихъ лицъ представляется также не одинаковымъ, при чемъ раздѣленіе войскъ соотвѣтственно требованіямъ военнаго искусства (по роду оружія и службы), конечно, не можетъ имѣть какого либо значенія при разрѣшеніи вопроса объ объемѣ военной юрисдикціи. Организаціонное раздѣленіе вооруженныхъ силъ зависитъ съ одной стороны отъ системы комплектованія, а съ другой—отъ того назначенія, которое дается каждой изъ группъ вооруженныхъ силъ; но такъ какъ системы комплектованія и опредѣленіе назначенія этихъ группъ въ различныхъ государствахъ различны, то и установленіе тѣхъ качествъ лица, коими опредѣляется подсудность его военному суду, въ различныхъ государствахъ неодинаково. Постоянныя войска, существующія во всѣхъ важнѣйшихъ государствахъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы: *активныя войска и запасъ*. При этомъ подъ первой группой разумѣются всѣ войска, находящіяся подъ знаменами (aktives Heer, l'armée active) какъ сухопутныя, такъ и морскія, а подъ второй—всѣ тѣ, которыя не могутъ быть отнесены къ этой группѣ. Сообразно съ такимъ раздѣленіемъ всѣ лица, входящія въ составъ первой группы, должны быть признаны состоящими *на дѣйствительной военной службѣ*. Къ нимъ относятся всѣ состоящіе на службѣ въ *полевыхъ* войскахъ и

кадрахъ резервныхъ и другихъ наименованій войскъ, не составляющихъ активныхъ частей арміи; кромѣ того къ этой же группѣ принадлежатъ всѣ тѣ, которые несутъ службу въ различнаго рода военныхъ учрежденіяхъ, не имѣющихъ *строеваго* значенія, но входящихъ въ составъ военнаго управленія вообще. Всѣ эти лица образуютъ собой категорію подъ общимъ наименованіемъ «военнослужащихъ»[1]), которой въ нѣмецкомъ законодательствѣ соотвѣтствуетъ категорія «zum deutschen Heer» (und zur kaiserlichen Marine) gehörenden Militärpersonen[2]) или «active Militärpersonen»[3]), а во французскомъ «appartenant à l'armée en vertu»[4]). Затѣмъ эта категорія военнослужащихъ по содержанію ихъ дѣятельности, въ свою очередь, распадается на двѣ группы: на чиновъ военныхъ и гражданскихъ по русскому законодательству[5]), Personen des Soldatenstandes u Militärbeamten по германскому и австрійскому законодательству[6]); что же касается французскаго военно-уголовнаго кодекса, то въ немъ не имѣется соотвѣтствующихъ приведеннымъ *общихъ* терминовъ[7]). Лица обѣихъ послѣднихъ группъ, не входящія въ составъ активныхъ войскъ и военныхъ учрежденій, сохраняя раздѣленіе на военныхъ и гражданскихъ чиновъ, образуютъ собою другую главную группу вооруженныхъ силъ—*запасъ арміи*[8]) (Beurlaubtenstand, les réserves). Въ этихъ основныхъ группахъ существуютъ другія болѣе дробныя подраздѣленія въ зависимости отъ общаго устройства вооруженныхъ силъ, характера службы и т. п. Затѣмъ существуетъ цѣлый рядъ особыхъ категорій лицъ, хотя и не входящихъ въ составъ вооруженныхъ силъ (активныхъ или запасныхъ), но тѣмъ не менѣе находящихся въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ войску въ силу носимаго воинскаго званія, прежней службы (отставные), принятаго на себя обязательства или вслѣдствіе нахожденія по той или другой причинѣ въ военномъ учрежде-

[1]) Ст. 1, кн. VII. С. В. П. изд. 1892 г.
[2]) Militär-S.-G. fur das deutsche Reich (стр. 155, изд. Solms'a 1893 г.).
[3]) Oesterr. Gesetz v. 20 Mai 1869 г. (Manz'sche Ausgabe V B. 1893 г. стр. 531).
[4]) Code de j. mil. art. 55.
[5]) Ст. 1, 2, 9 и 10 кн. VII. С. В. П.
[6]) Въ укз. выше иностран. законахъ.
[7]) Art. 55 и 56.
[8]) Ст. 2, 133, 136 и 137 кн. V. С. В. П. изд. 1891 г.

шіи (инвалиды, больные, арестованные). Наконецъ совершенно особую группу составляетъ такъ называемое *ополченіе* (ландштурмъ), которое хотя и относится къ военнымъ силамъ государства, но противополагается постоянному войску.

Если принять во вниманіе, что войско, составляя внѣшнюю матеріальную силу государства, образуетъ въ немъ особую своеобразную корпорацію, рѣзко отличающуюся какъ по цѣли и характеру своей дѣятельности, такъ и по юридическому своему положенію, отъ всѣхъ остальныхъ группъ входящихъ въ составъ государства гражданъ, то нельзя не признать, что необходимыми условіями для полной и исключительной принадлежности лицъ къ этой корпораціи является обладаніе двумя качествами: 1) состояніемъ на дѣйствительной военной службѣ и 2) принадлежностью къ боевымъ войскамъ. Поэтому означенные воинскіе чины составляютъ ту главнѣйшую и обширнѣйшую группу, на которую военная юрисдикція распространяется въ полномъ объемѣ; но такъ какъ основное положеніе, высказанное въ 244 ст. В.-С. У. (219 уст. угол. судопр. и 237 В.-М. С. У.), устанавливаетъ какъ общее правило, что воинскіе чины сухопутнаго (военно-морского) вѣдомства за преступленія и проступки, учиненные во время состоянія на дѣйствительной службѣ, подлежатъ военному суду, то, слѣдовательно, нашъ законъ расширяетъ эту группу военнослужащихъ, замѣняя признакъ принадлежности къ составу боевыхъ частей, признакомъ болѣе широкимъ — принадлежностью къ вѣдомству, независимо отъ исполняемыхъ ими функцій. Такимъ образомъ, исходя отъ этой основной группы, мы и должны опредѣлить подсудность военному суду всѣхъ остальныхъ примыкающихъ къ ней категорій.

I.

Воинскіе чины военно-сухопутнаго и военно-морского вѣдомствъ.

Состояніе этихъ лицъ на военной службѣ опредѣляется прежде всего начальнымъ и конечнымъ моментами времени, въ теченіе котораго оно продолжается; поэтому точное установленіе этихъ моментовъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе.

1.

Опредѣленіе *начальнаго момента* по русскому законодательству зависитъ отъ того порядка, какимъ совершилось принятіе на службу: по жребію, вольноопредѣляющимся, охотникомъ, сверхсрочнымъ и офицеромъ[1]).

Въ военно-судебномъ уставѣ 1867 г., въ примѣчаніи къ ст. 244, было точно указано, что рекруты считаются на дѣйствительной службѣ со времени принятія ихъ рекрутскимъ присутствіемъ, при чемъ по поводу этого постановленія комиссія по составленію устава объясняетъ, что «принимая во вниманіе тѣ практическія неудобства, съ которыми сопряжена была бы подсудность рекрутъ военному суду только со времени принятія ими присяги и имѣя въ виду, что рекруты со времени принятія ихъ рекрутскими присутствіями поступаютъ уже въ непосредственное вѣдѣніе военнаго начальства и подчиняются правиламъ военной дисциплины, комиссія признаетъ необходимымъ предавать рекрутъ военному суду, согласно дѣйствующимъ постановленіямъ» съ указаннаго выше времени[2]). Такимъ образомъ составители устава 1867 г. различали два момента: принятіе на службу и приведеніе къ присягѣ. Однако такое разграниченіе этихъ моментовъ не имѣло никакого практическаго значенія, такъ какъ правило ст. 244 устава основывалось на постановленіяхъ «свода законовъ рекрутскихъ», а именно, принятые присутствіемъ рекруты, на основаніи 208 и 209 ст. этихъ законовъ, передавались немедленно военному пріемщику и поступали въ непосредственное его завѣдываніе, а по окончаніи засѣданія присутствія рекруты приводились въ мѣстѣ ихъ пріема къ присягѣ распоряженіемъ военнаго начальства (ст. 219 и 220); такъ что собственно и не было никакой надобности для установленія въ судебномъ уставѣ такого правила. Въ 1875 г. примѣчаніе это было исключено изъ военно-судебнаго устава[3]), во-1-хъ, въ виду введенія новаго устава о воинской повинности, коимъ отмѣнено и самое названіе рекрута, и во-2-хъ,

---

[1]) Ст. 2, кн. VI. С. В. П. изд. 1801 г.
[2]) Сб. зак. раб., 12.
[3]) Прик. по воен. вѣд. 1875 г. № 107.

потому, что правило, содержащееся въ разсматриваемомъ примѣчаніи не составляетъ предмета военно-судебнаго устава, а особыхъ узаконеній, опредѣляющихъ порядокъ отправленія воинской повинности и прохожденія службы по военному вѣдомству [1]). Обращаясь къ узаконеніямъ о комплектованіи арміи, мы находимъ въ уставѣ о воинской повинности слѣдующія постановленія: «лица, признанныя годными къ военной службѣ и вошедшія въ составъ требуемаго съ участка числа новобранцевъ, *считаются принятыми на службу* и заносятся немедленно въ пріемную роспись» (ст. 152 по прод. 1890 г.) и «дѣйствія присутствія по призыву и пріему въ участкахъ заключаются прочтеніемъ во всеуслышаніе списка принятыхъ на службу въ постоянныя войска и приведеніемъ ихъ къ присягѣ...» (155 ст.). На основаніи этихъ постановленій Главный Военный Судъ, въ рядѣ рѣшеній [2]), разъяснилъ, что начальнымъ моментомъ дѣйствительной военной службы слѣдуетъ считать *прочтеніе списка* принятыхъ на службу, независимо отъ принесенія присяги.

Однако правильность этихъ разъясненій оспаривается въ литературѣ, при чемъ доводы, приводимые въ опроверженіе, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) на основаніи 155 ст. уст. о воин. пов. новобранцы роспускаются по домамъ и имъ объявляется срокъ явки *для поступленія на службу*, такъ что въ теченіе этого времени они содержатся на свой счетъ, остаются въ прежнихъ условіяхъ жизни и до окончанія срока роспуска не считаются даже состоящими въ распоряженіи военнаго начальства (цирк. мин. вн. дѣлъ 1875 г. № 43 и 1876 г. № 11) и 2) поводомъ къ неправильному истолкованію ст. 155 уст. о воин. пов. послужило, «безъ сомнѣнія», то обстоятельство, что принятыхъ приводятъ къ присягѣ по объявленіи пріемной росписи, но постановленіе ст. 155 о присягѣ не есть единственное, такъ какъ молодые солдаты приводятся, по окончаніи одиночнаго образованія, къ присягѣ подъ знаменами (пр. по воен. вѣд. 1884 г. № 62), и утверждать, что объ присяги равнозна-

[1]) Заключеніе главн. воен. прокурора, 9.

[2]) 1881 г. № 147, 1888 г. № 158, 1889 г. № 22, 1894 г. № 22. Аналогичныя постановленія основанныя на приведенныхъ 152 и 155 ст. содержатся и въ ст. 16—18 кн. VI. С. В. П. изд. 1891 г.

чущи, значитъ затемнять смыслъ этого важнаго обряда и правильнѣе было бы считать первую присягу отмѣненною. Въ виду приведенныхъ соображеній выставляется какъ совершенно безспорное положеніе, что моментомъ вступленія на военную службу новобранца слѣдуетъ считать *явку на сборный пунктъ* [1]). Этотъ же моментъ признаетъ наиболѣе правильнымъ считать за начало военной службы и профессоръ Кузьминъ-Караваевъ, но доводы приводятся иные: 1) общій разумъ законодательства не обязываетъ считать началомъ дѣйствительной службы моментъ приведенія къ присягѣ въ воинскомъ присутствіи и 2) неправильность принятаго практикой толкованія происходитъ вслѣдствіе отождествленія понятій «принятія» и «поступленія» на службу. что подтверждается постановленіемъ ст. 352 устава о воин. повин., въ коемъ опредѣляется, что принятые въ постоянныя войска или подлежащіе поступленію въ оныя по вынутому нумеру жеребья, въ случаѣ неявки на службу въ назначенный срокъ безъ уважительныхъ причинъ, подвергаются наказанію по 140 ст. XXII С. В. П.; поэтому, если бы законъ не различалъ «принятія» отъ «поступленія», то это постановленіе было бы совершенно излишне, а разъ оно находитъ мѣсто въ законѣ, то и не можетъ быть иначе понимаемо, какъ спеціальное изъятіе для лицъ, въ общемъ правилѣ не подлежащихъ дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ [2]).

Всѣ изложенные доводы нельзя не признать весьма серьезными, но не безспорными, уже по одному тому, что постановленія закона, на которыхъ основаны эти выводы, не представляются сами по себѣ вполнѣ ясными и вызываютъ совершенно противоположныя толкованія. Трудность вполнѣ категорическаго разрѣшенія этого вопроса заключается еще и въ томъ, что въ законодательныхъ работахъ по уставу о воинской повинности вопросъ о томъ, съ какого момента слѣдуетъ считать новобранца состоящимъ на военной службѣ, вовсе и не возбуждался, а вышеприведенныя постановленія устава о воин. пов. были проектированы почти въ той же редакціи, какая затѣмъ и была утвер-

---

[1]) Володимировъ. Воен. угол. судопр. 148—150.
[2]) Военно-уголовное право 1. 192—194.

ждена[1]); но изъ доклада 2-го отдѣла комиссіи о воинской повинности видно, что по окончаніи всѣхъ дѣйствій уѣзднаго присутствія по пріему, по заключенію отдѣла, «всѣ призываемые могутъ быть роспущены, а лицамъ, *поступившимъ въ ряды арміи*, должно быть назначено мѣсто сбора и срокъ, къ коему они должны явиться» [2]). На этомъ основаніи были проектированы правила, составившія затѣмъ содержаніе нынѣ дѣйствующихъ вышеупомянутыхъ статей, при чемъ означенныя правила не вызывая никакихъ недоразумѣній и сомнѣній, въ засѣданіи комиссіи 2, 5 и 9 Ноября 1871 г., были приняты единогласно[3]); равнымъ образомъ они не вызвали никакихъ замѣчаній ни со стороны подлежащихъ вѣдомствъ, дававшихъ заключенія по проекту устава, ни со стороны Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта, разсматривавшаго проектъ[4]). Такимъ образомъ составители устава считали принятыхъ на службу поступившими въ ряды арміи. Затѣмъ указаніе на то, что законъ дѣлаетъ различіе между терминами «принятіе» и «поступленіе», въ виду 352 ст. уст. о воин. пов., представляется малоубѣдительнымъ. Различіе между этими словами, во всякомъ случаѣ, не разрѣшаетъ вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, такъ какъ глаголъ «поступать» значитъ (въ перепосн. знач.) «войти въ число» [5]); отсюда «поступленіе на службу» означаетъ дѣйствіе лица, входящаго въ составъ (въ число) лицъ, находящихся уже на службѣ. «Принимать» (пріимать) значитъ «взять», «брать» [6]); отсюда «принятіе» означаетъ оконченное дѣйствіе лица, берущаго что либо или кого либо, слѣдовательно, измѣняющаго положеніе предмета или лица, поэтому «принятый на службу» будетъ тотъ, который лицомъ дѣйствовавшимъ (берущимъ) поставленъ въ число лицъ, состоящихъ на службѣ. Итакъ, все различіе между словами «принятіе» и «поступленіе» заключается лишь въ субъектѣ дѣйствія. Затѣмъ, если эти слова различать въ томъ смыслѣ, что первое означаетъ лишь «зачисленіе» на службу, а второе «фак-

---

[1]) Сборникъ трудовъ. 448.
[2]) Тамъ же. 444—448.
[3]) Тамъ же. 508.
[4]) Матеріалы по составленію устава. Журналъ Особаго Присутствія № 1.
[5]) Даль. Словарь III. 358.
[6]) Тамъ же. 479.

тическое прибытіе» на службу, то вопросъ тогда сводится къ тому: признаются ли лица, зачисленныя на службу, «состоящими на дѣйствительной службѣ» или нѣтъ? Въ нашемъ законодательствѣ термины «опредѣленіе», «зачисленіе» и «принятіе» на службу употребляются безразлично какъ въ Сводѣ Законовъ Имперіи, такъ и въ Сводѣ Военныхъ Постановленій, въ чемъ можно убѣдиться при разсмотрѣніи статей, напр. II т. Св. Законовъ или кн. VI С. В. П., и различіе проводится лишь въ отношеніи способовъ зачисленія на службу по лицамъ и должностямъ. Отсюда нельзя не вывести того заключенія, что лица, и «опредѣленныя», и «зачисленныя», и «принятыя», и «поступившія» на службу, должны быть разсматриваемы какъ состоящія на службѣ, какъ «служащія». Наконецъ, что касается 352 ст. уст. о воин. пов., то исторія этой статьи только подтверждаетъ сдѣланные нами выводы.

При обсужденіи главныхъ основаній для установленія взысканій за уклоненіе отъ воинской повинности, комиссія по составленію устава [1]), между прочимъ, нашла, что «по силѣ дѣйствующихъ узаконеній, *зачисленные* въ государственную службу, военную или гражданскую, признаются окончательно *поступившими* въ оную»; поэтому, по «вопросу о подсудности лицъ, подпавшихъ жеребью, которыя по освидѣтельствованіи окажутся способными къ службѣ, но, по какому либо случаю, не поступятъ немедленно въ войска», комиссія признала, что «на означенныхъ лицъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на состоящихъ уже на военной службѣ, а потому считать ихъ подлежащими наказаніямъ, установленнымъ Сводомъ Военныхъ Постановленій» [2]). На основаніи этого заключенія комиссія постановила: «лица, на которыхъ палъ жеребій и которыя затѣмъ оказались способными къ военной службѣ, разсматриваются какъ принятыя уже въ эту службу и, въ случаѣ неявки въ оную въ назначенный срокъ, или совершенія иныхъ проступковъ и преступленій, подвергаются наказаніямъ, установленнымъ Сводомъ Военныхъ Постановленій» [3]). Затѣмъ, при выработкѣ окончательныхъ правилъ о

[1]) Журналъ № 16. Труды комиссіи. 831.
[2]) Тамъ же. 841.
[3]) Тамъ же. 842.

взысканіи за нарушеніе законовъ о военной повинности, особый отдѣлъ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Философова, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній комиссіи, нашелъ, «что и тѣхъ лицъ, которыя не явились къ жеребью, но, по вынутому за нихъ нумеру жеребья, *подлежатъ поступленію* на службу въ войска, слѣдуетъ считать также *принятыми*, а потому тѣ изъ означенныхъ лицъ, которыя не явятся безъ уважительныхъ причинъ, до окончанія наборовъ, въ подлежащія присутствія по военной повинности и по поимкѣ окажутся годными къ службѣ, должны быть признаваемы дезертирами и подвергаться наказаніямъ, опредѣленнымъ въ С. В. П. 1869 г. XXII. какъ за побѣгъ» [1]). Эти предположенія отдѣла были приняты единогласно и комиссіей [2]). Изложенное постановленіе составило содержаніе ст. 173 проекта устава о воинской повинности, внесеннаго Военнымъ Министромъ въ Государственный Совѣтъ, при чемъ вышеприведенныя соображенія комиссіи вошли и въ представленіе Военнаго Министра (объяснительная записка) [3]). Однако эта статья проекта (измѣн. проектъ ст. 178) вызвала замѣчанія со стороны Главноуправляющаго 2 отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, который указывалъ, что предположеніе это, во-1-хъ, представляется несогласнымъ со ст. 226 уст. угол. судопр. и, во-2-хъ, «если бы даже, согласно выраженному комиссіей мнѣнію, возможно было считать не явившихся къ жеребью, но, по вынутымъ за нихъ нумерамъ подлежащихъ поступленію на службу въ войска, уже принятыми въ военную службу, то и въ такомъ случаѣ они не могутъ быть подсудны военнымъ судамъ, такъ какъ неявку ихъ къ жеребью нельзя считать проступкомъ, совершеннымъ ими на дѣйствительной службѣ и въ прямое нарушеніе служебныхъ обязанностей (ст. 221 уст. угол. суд.[4])». На это весьма вѣское замѣчаніе Генералъ-Адъютантъ Милютинъ возразилъ, во-1-хъ, что неоднократными рѣшеніями кассац. угол. д-та Сената было объяснено, что

---

[1]) Тамъ же. 971.
[2]) Тамъ же. 983—1004. Журналъ № 20.
[3]) Матеріалы. Представленіе отъ 19-го января 1873 г. за № 888, стр. 99.
[4]) Матеріалы. Отзывъ за № 1020, стр. 51.

при сужденіи нижнихъ чиновъ, совершившихъ преступленія *до отдачи въ военную службу*, судебныя мѣста должны назначать имъ наказанія по военно-уголовнымъ законамъ и, во-2-хъ, что за вынутіемъ вмѣсто неявившагося жеребья и зачисленіемъ его вслѣдствіе сего въ военную службу, неявка для исполненія воинской повинности, начавшаяся до принятія на службу, а затѣмъ продолжающаяся и по вступленіи въ нее, составляетъ уже преступленіе, предусмотрѣнное военно-уголовными законами [1]). При разсмотрѣніи затѣмъ проекта устава въ Государственномъ Совѣтѣ, по поводу этой статьи проекта, Особое Присутствіе ограничилось лишь краткимъ замѣчаніемъ, что «къ принятымъ уже въ войска лицамъ, или подлежащимъ зачисленію въ оныя, въ случаѣ неявки ихъ въ назначенный срокъ, Присутствіе находитъ наиболѣе соотвѣтственнымъ примѣнить наказаніе, опредѣленное въ военно-уголовныхъ законахъ за неявку на службу» [2]). Такимъ образомъ по проекту устава, исправленному Особымъ Присутствіемъ, правила ст. 178, сверхъ нѣкоторыхъ другихъ измѣненій, не касающихся разсматриваемаго вопроса, были исправлены, во-1-хъ, включеніемъ въ статью (214) указанія *на принятыхъ на службу* и ссылкой на ст. 147 воинскаго устава о нак. изд. 1868 г. [3]). Таково происхожденіе нынѣ дѣйствующей ст. 352 устава о воин. повин.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній нельзя не придти къ выводу, что началомъ состоянія на службѣ, по нашему закону, признается моментъ занесенія въ пріемную роспись и объявленія объ этомъ призываемому.

Затѣмъ остается еще одинъ вопросъ: не принимается ли за начало службы моментъ принятія присяги? Основаніемъ къ отрицательному отвѣту прежде всего можетъ служить 156 ст. устава, по которой нѣкоторыя лица отъ присяги освобождаются, такъ что принятіе присяги не можетъ быть признано общимъ для всѣхъ моментомъ начала службы. Но кромѣ того присяга на вѣрность службѣ приносится лишь лицами, уже поступившими на службу, при чемъ то обстоятельство, что одна

[1]) Матеріалы. Измѣн. проектъ, стр. 83.
[2]) Матеріалы. Журн. Особ. Присутствія № 1, стр. 99.
[3]) Соотв. 140 ст. по изд. 1879 г.

и та же присяга можетъ быть приносима не одинъ разъ, еще не влечетъ того вывода, что законъ не признаетъ за ними одинаковаго значенія и, въ частности, что, вслѣдствіе закона 28-го февраля 1884 г. о вторичной присягѣ подъ знаменемъ, слѣдуетъ считать отмѣненной присягу по 155 ст. устава о воин. повин. «Поступленіе на службу, говоритъ профессоръ Градовскій, установляетъ особенно тѣсную связь между служащими и Верховною властью», поэтому они обязаны особенною вѣрностью Монарху, что свидѣтельствуется поступившимъ на службу приносимой имъ присягой, которая есть повтореніе общей вѣрноподданнической присяги [1]), но непринятіе присяги не можетъ служить основаніемъ къ признанію лица, вступившаго на службу или въ должность, частнымъ человѣкомъ, не состоящимъ на службѣ, и составляетъ маловажный проступокъ, обложенный по закону наказаніемъ (ст. 383 улож.). Того же воззрѣнія держится и новый проектъ уголовнаго уложенія [2]). Такимъ образомъ по нашимъ законамъ принесеніе присяги, несомнѣнно, не можетъ служить основнымъ признакомъ поступленія на службу; точно также законъ не дѣлаетъ различія между повторно приносимыми присягами и считаетъ ихъ равными по своему значенію.

Что же касается присяги, вторично приносимой на основаніи 20 ст. кн. VI С. В. П. (законъ 28-го февр. 1884 г.) молодыми солдатами по усвоеніи ими основныхъ понятій о званіи солдата, о значеніи присяги, знамени и воинской дисциплинѣ, то она имѣетъ совершенно особое значеніе и требуется не только отъ молодыхъ солдатъ, но и вновь произведенныхъ изъ нижняго званія офицеровъ [3]). Присяга эта приносится при знаменахъ, подъ которыми присягающіе будутъ служить, и установлена въ виду того важнаго значенія знамени, которое оно имѣетъ въ военномъ быту. Знамя есть символъ духовнаго единенія людей, составляющихъ извѣстную часть, въ которой можетъ все перемѣниться, все можетъ умереть для войсковой жизни, одно остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ, на сколько вѣчны созданія

[1]) Градовскій. Начала. Т. II, 80.
[2]) Ст. 589. Объясн. записка т. VIII, стр. 23.
[3]) Ст. 102 кн. VII С. В. П.

человѣка: духъ и знамя — его вещественный представитель[1]). Вполнѣ естественно поэтому стремленіе упрочить эту связь между членами войсковой части, при чемъ моментомъ для принесенія этой торжественной клятвы избрано то время, когда молодые солдаты могутъ отнестись къ этому важному обряду вполнѣ сознательно, когда они утвердились уже въ основныхъ правилахъ воинскаго быта. Присяга эта приносится подъ знаменемъ той именно части, въ которой присягающій будетъ служить[2]), т. е. вполнѣ опредѣленнымъ знаменемъ, а не подъ воинскимъ знаменемъ вообще. Отсюда установленіе въ законѣ правила, что съ пожалованіемъ части войскъ новаго знамени она приводится къ присягѣ вновь подъ этимъ новымъ знаменемъ особо установленнымъ торжественнымъ порядкомъ[3]). Такая особая присяга подъ знаменемъ, штандартомъ, передъ фронтомъ орудій, на валгангѣ главной крѣпостной ограды или, наконецъ, предъ фронтомъ части[4]), имѣетъ значеніе спеціальной присяги, не умаляющей вовсе той общей присяги, которую приносятъ новобранцы въ воинскомъ присутствіи, такъ какъ нашъ законъ требуетъ принесенія особой присяги не только отъ военныхъ чиновъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ и отъ другихъ служащихъ (судей, членовъ Государственнаго Совѣта, чиновниковъ государственной канцеляріи и пр.[5]).

Все изложенное не можетъ не привести къ заключенію, что толкованіе, принятое въ нашей военно-кассаціонной практикѣ относительно начальнаго момента дѣйствительной службы поступающихъ по жребію, вполнѣ согласно съ дѣйствующими законами. Затѣмъ по вопросу о томъ, какой моментъ слѣдуетъ считать за начало службы, съ точки зрѣнія legis ferendae, нельзя не замѣтить, что какой бы моментъ мы не избрали, онъ будетъ всегда болѣе или менѣе формальнымъ; если избрать такимъ моментомъ явку въ сборный пунктъ, то, хотя за установленіе такого момента и могутъ быть приведены весьма основательныя

---

[1]) Драгомировъ. Сборникъ статей 1880 г. т. I, 475.
[2]) Прилож. къ ст. 20 VI С. В. П.
[3]) Сводъ правилъ для парадовъ и торжеств. встрѣчъ §§ 152—165 и приказъ по воен. вѣд. 1894 г. № 314.
[4]) Прилож. къ ст. 20 VI С. В. П. Прилож. къ ст. 2 кн. VIII С. М. П.
[5]) Градовскій. Начала. Т. II, 80—81.

соображенія, тѣмъ не менѣе начало цѣлесообразности и опытъ указываютъ, что большую гарантію неуклоненія отъ исполненія повинности представляетъ дѣйствующее правило.

Начальный моментъ состоянія на службѣ другихъ категорій лицъ, поступающихъ на военную службу, опредѣляется вполнѣ ясно и точно: относительно *вольноопредѣляющихся*—объявленіемъ въ приказахъ начальниками дивизій, мѣстныхъ, стрѣлковыхъ или саперныхъ бригадъ, или командирами артиллерійскихъ бригадъ объ опредѣленіи ихъ на службу [1]); относительно *охотниковъ*—объявленіемъ въ приказѣ о зачисленіи на службу командирами полковъ и другихъ отдѣльныхъ частей войскъ или подлежащими начальниками управленій, заведеній и учрежденій военнаго вѣдомства; то же правило должно быть распространено и на поступающихъ изъ запаса *сверхсрочнослужащихъ* [2]). *Офицеры*, поступающіе изъ запаса или отставки, опредѣляются на службу Высочайшими приказами [3]), точно такъ же какъ и гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства [4]). Такимъ образомъ для всѣхъ перечисленныхъ лицъ начальнымъ моментомъ состоянія на службѣ слѣдуетъ считать моментъ объявленія о принятіи на службу въ Высочайшемъ приказѣ или приказѣ по соотвѣтствующей части или военному учрежденію.

2.

Конечнымъ моментомъ состоянія на дѣйствительной военной службѣ является вообще моментъ выхода со службы однимъ изъ порядковъ, указанныхъ въ законѣ. Въ нашемъ законодательствѣ существуетъ нѣсколько такихъ порядковъ, съ примѣненіемъ которыхъ къ лицу, состоящему на дѣйствительной военной службѣ, прекращается состояніе его на этой службѣ, при чемъ общаго термина для всѣхъ этихъ порядковъ не существуетъ, а каждый изъ нихъ имѣетъ свое собственное наименованіе, въ опредѣленномъ техническомъ смыслѣ. Такъ законъ различаетъ:

[1]) 32 и 33 ст. VI кн. С. В. П.
[2]) Тамъ же. 46—49 ст.
[3]) Тамъ же. 54 и 58 ст.
[4]) Тамъ же. 73 ст.

1) *увольненіе отъ службы:* а) въ запасъ, и б) въ отставку (вовсе отъ службы): за выслугой срока службы, для опредѣленія на гражданскую службу, по болѣзни и неспособности, за достиженіемъ предѣльнаго возраста и въ дисциплинарномъ порядкѣ[1]), 2) *исключеніе изъ службы* по судебному приговору и 3) *отставленіе отъ службы* по судебному же приговору[2]).

Моментъ прекращенія состоянія на военной службѣ опредѣляется въ зависимости отъ занимаемаго лицомъ на этой службѣ положенія и отчасти отъ способа прекращенія служебнаго состоянія. Такъ, для *нижнихъ чиновъ* всѣхъ категорій, увольняемыхъ *въ запасъ*, прекращается состояніе на дѣйствительной службѣ *со времени роспуска* ихъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ на мѣста жительства, при чемъ совершенно безразлично, какимъ порядкомъ слѣдовали нижніе чины, въ составѣ ли команды или одиночнымъ порядкомъ, по этапамъ или прямо къ мѣсту назначенія[3]). Для нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ за выслугой полныхъ сроковъ, по болѣзни или неспособности, состояніе на службѣ прекращается, по исключеніи ихъ изъ списковъ приказомъ по части, съ момента отправленія изъ этой части[4]), при чемъ на этихъ нижнихъ чиновъ не можетъ быть распространяемо вышеприведенное правило, установленное для увольняемыхъ въ запасъ, какъ не подлежащее, по совершенно вѣрному замѣчанію профессора Кузьмина-Караваева, распространительному толкованію[5]).

Офицеры и чиновники увольняются въ запасъ и отставку не иначе, какъ черезъ объявленіе объ этомъ въ Высочайшемъ приказѣ[6]). Но слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что объявленіе въ Высочайшемъ приказѣ объ увольненіи отъ службы не прекращаетъ ихъ фактическаго состоянія на службѣ, которое прекращается лишь по исполненіи предписанныхъ закономъ правилъ объ увольненіи отъ должностей, такъ что окончательное прекращеніе для такихъ лицъ служебнаго состоянія наступаетъ лишь

---

[1]) Ст. 719—776 и 845—888 кн. VII С. В. П.
[2]) Ст. 38—40 и 44 XXII кн. С. В. П.
[3]) Ст. 730 кн. VII С. В. П. и прилож. къ ст. 728 той же книги.
[4]) Ст. 846 и 851—863 кн. VII С. В. П.
[5]) Военно-Угол. право I. 195.
[6]) Ст. 744 и 884 кн. VII С. В. П.

съ объявленіемъ о томъ въ приказѣ по части или военному учрежденію [1]).

Наконецъ относительно лицъ, *приговоренныхъ судебнымъ приговоромъ*, вошедшимъ въ законную силу, къ исключенію изъ службы или отставленію отъ службы, моментомъ, прекращающимъ служебное состояніе виновнаго, слѣдуетъ считать фактическое исполненіе приговора, такъ какъ самый приговоръ служитъ лишь основаніемъ къ измѣненію юридическаго положенія осужденнаго; поэтому и необходимы для прекращенія служебнаго состоянія извѣстныя, указанныя закономъ, дѣйствія со стороны исполнительныхъ органовъ: объявленіе въ приказѣ или фактическая передача осужденнаго въ распоряженіе гражданскаго начальства [2]).

Правильность (законныя основанія) или неправильность поступленія на службу или выхода изъ нея не имѣютъ значенія при опредѣленіи юридическаго положенія лица на службѣ и внѣ службы, если требуемыя закономъ формальныя условія для принятія на службу или для прекращенія служебнаго состоянія были выполнены, такъ какъ наличность законныхъ основаній къ освобожденію отъ поступленія на военную службу или къ удержанію на военной службѣ создастъ лишь право и обязанность, которыя должны быть осуществлены распоряженіемъ или рѣшеніемъ компетентнаго органа власти; поэтому и правомѣрное состояніе можетъ быть возстановлено лишь отмѣною незаконнаго распоряженія высшимъ административнымъ или судебнымъ органомъ. Такимъ образомъ лицо, неправильно принятое на службу или неправильно уволенное отъ службы распоряженіемъ компетентной власти, должно быть разсматриваемо какъ состоящее на службѣ или уволенное отъ службы до тѣхъ поръ, пока законное положеніе лица не будетъ возстановлено отмѣною этого распоряженія.

Въ предѣлахъ указанныхъ выше моментовъ каждое лицо считается состоящимъ на дѣйствительной военной службѣ непрерывно. Эти же предѣлы опредѣляютъ начало и конецъ военной юрисдикціи въ отношеніи преступленій, совершенныхъ военно-

---

[1]) Ст. 886 кн. VII С. В. П.
[2]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1895 г. № 26.

служащимъ. Однако опредѣленное нами состояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объемъ военной юрисдикціи, можетъ измѣняться въ различныхъ частныхъ случаяхъ, точно такъ же какъ и моменты, опредѣляющіе этотъ объемъ въ отношеніи нѣкоторыхъ категорій лицъ и преступленій, что подробно и будетъ разсмотрѣно въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Все изложенное относительно сухопутныхъ войскъ имѣетъ полное примѣненіе и къ чинамъ морского вѣдомства[1]).

Въ *финскихъ войскахъ*, вслѣдствіе особо установленныхъ для нихъ правилъ отбыванія воинской повинности, а также и совершенно иного судебнаго порядка, моменты, опредѣляющіе предѣлы военной подсудности, имѣютъ другія основанія. Въ уставѣ о воинской повинности въ Финляндіи[2]) относительно порядка принятія на службу не установлено, чтобы по вынутіи жеребья призываемые объявлялись, съ окончаніемъ жеребьеметанія, принятыми на службу, но они лишь обязываются въ опредѣленный срокъ явиться на службу, о чемъ объявляется черезъ разсылаемые во всѣ общины призывнымъ присутствіемъ списки, которые обнародываются въ церквахъ (§ 84). Затѣмъ въ § 1 уголовнаго уложенія для финскихъ войскъ 1886 г.[3]) выражено, что по уложенію этому «судятся строевые и нестроевые воинскіе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ въ финскихъ войскахъ, за воинскія преступленія, совершенныя ими включительно со дня, въ который они *поступили или должны были поступить* на такую службу, и до выбытія изъ оной». Изъ сопоставленія этихъ правилъ нельзя не придти къ заключенію, что начальный моментъ службы въ финскихъ войскахъ опредѣляется днемъ, назначеннымъ для явки на службу въ часть, а конечный моментъ — временемъ выбытія изъ части. Охотникамъ, выслужившимъ обязательный срокъ въ дѣйствующихъ войскахъ и запасѣ, въ случаѣ желанія продолжать службу, время этой службы «опредѣляется по уговору»[4]). Что же касается вольноопредѣляющихся и офицеровъ, то на нихъ должны быть распространены всѣ тѣ

---

[1]) Кн. VIII С. М. П. изд. 1886 г. и прод. къ нему 1895 г.
[2]) Сб. пост. В. Кн. Финл. 1878 г. № 25.
[3]) Тамъ же. 1886 г. № 23.
[4]) § 100 уст. о воин. пов.

правила, которыя приведены выше относительно тѣхъ же чиновъ русскихъ войскъ, такъ какъ всѣ военныя постановленія для русской арміи распространяются и на финскія войска во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не обусловливаются особою организаціею этихъ войскъ[1]).

3.

Иностранныя законодательства также содержатъ болѣе или менѣе точныя постановленія, опредѣляющія начальный и конечный моменты состоянія на дѣйствительной службѣ, которыми въ свою очередь опредѣляется начало и конецъ военной юрисдикціи.

Для германской арміи такія постановленія содержатся въ общеимперскомъ военномъ законѣ 2-го мая 1874 г. и дополнительныхъ къ нему законахъ 6-го мая 1880 г. и 11-го февраля 1888 г. На основаніи этихъ узаконеній дѣйствительная служба (aktive Dienststand) какъ для принадлежащихъ къ арміи, такъ и флоту *начинается:* 1) для принятыхъ *рекрутовъ* и *охотниковъ* (3 und 4-jährige Freiwillige)—со дня поступленія въ распоряженіе военнаго начальства; 2) для *вольноопредѣляющихся* (1-jährige Freiwillige)—со дня окончательнаго опредѣленія ихъ въ части войскъ; 3) для *сверхсрочнослужащихъ* (Kapitulanten), поступающихъ вновь на службу,—со дня, указаннаго въ заключенномъ договорѣ (Kapitulation), и 4) для *офицеровъ, военныхъ врачей и чиновниковъ* –со дня ихъ назначенія (Anstellung).

Конечный моментъ службы для 1 и 2 категорій наступаетъ со дня увольненія и вручения увольнительнаго документа (Einhändigung der Entlassungspapiere), при увольненіи же до истеченія обязательнаго срока службы (Königsurlaub)—со дня передачи въ распоряженіе (zur Disposition) учрежденій по запасу арміи (Ersatzbehörden); для сверхсрочнослужащихъ—съ истеченіемъ срока договора и, наконецъ, для 4 категоріи—со дня распоряженія объ увольненіи.

[1]) С. В. П. кн. V ст. 540 (прим.); кн. VII ст. 55 (прим. 3).

Что же касается прекращенія служебнаго состоянія по судебнымъ приговорамъ, то таковое наступаетъ для приговоренныхъ къ удаленію изъ войскъ (Entfernung aus dem Heer) всѣхъ лицъ вопискаго званія (Soldatenstand) и къ отставленію отъ службы (Dienstentlassung) офицеровъ — со времени публикаціи приговора, а для военныхъ чиновниковъ (Militärbeamte) –со дня вступленія приговора въ силу [1]).

Относительно Баваріи, съ введеніемъ общеимперскаго военно-уголовнаго кодекса 20-го іюня 1872 г., моменты, опредѣляющіе дѣйствительную военную службу, устанавливаются на основаніи вышеизложенныхъ правилъ [2]), при чемъ во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ непринятіе присяги не измѣняетъ положенія военнослужащаго, какъ такового [3]).

Менѣе опредѣленными представляются постановленія австрійскаго законодательства. На основаніи закона 20-го мая 1869 г. военной юрисдикціи подлежатъ всѣ лица арміи и флота, находящіяся на дѣйствительной службѣ. Чтобы опредѣлить, кого законодатель считаетъ находящимся на дѣйствительной военной службѣ, необходимо обратиться къ императорскому патенту 15-го января 1855 г., при которомъ былъ опубликованъ военно-уголовный кодексъ того же года. Ст. III этого патента опредѣляетъ пространство дѣйствія названнаго кодекса по лицамъ, а именно: постановленія кодекса распространяются на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя торжественно принесли присягу на исполненіе военныхъ обязанностей. Такимъ образомъ въ австрійскомъ законодательствѣ центръ тяжести перенесенъ на присягу. Въ отношеніи лицъ, отказавшихся отъ присяги, установлены не лишенныя оригинальности правила. Согласно распоряженію отъ 10-го іюля 1832 г. рекрутъ, отказавшійся принять присягу, подвергается на опредѣленный срокъ аресту на хлѣбѣ и водѣ; если же по истеченіи срока ареста онъ также откажется принять присягу, то ему прочитываются постановленія военнаго закона объ обязанностяхъ военнаго и текстъ присяги въ особо созываемой комиссіи, и объ этомъ составляется протоколъ, послѣ чего рекрутъ

[1]) Solms. 20—21. Редигеръ. I. 40 и 178. Marck. II. 68.
[2]) Weigel. Die Zuständigkeitsgrenzen. 6.
[3]) Тамъ же.

считается какъ бы принявшимъ дѣйствительно присягу. Въ періодъ же времени отъ дня призыва на службу и до дня вступленія въ составъ дѣйствующихъ войскъ на рекрутъ не распространяется, какъ то разъяснило военное министерство въ 1879 г., военная подсудность [1]). Офицеры приводятся къ присягѣ въ особой комиссіи, отказавшійся же принести таковую лишается чина. Но затѣмъ, какой моментъ слѣдуетъ считать прекращающимъ состояніе на службѣ и военную подсудность, точно не опредѣлено и только относительно *вольноопредѣляющихся* сказано, что они подлежатъ дѣйствію военныхъ законовъ въ теченіе года своей дѣйствительной службы (des Präsenz-Dienstjahres) [2]).

Французское законодательство не опредѣляетъ точно начальнаго и конечнаго моментовъ дѣйствительной службы лицъ, призванныхъ впервые изъ гражданскаго состоянія на службу, и эти моменты въ отношеніи собственно военной подсудности точно опредѣляются лишь относительно резервистовъ дѣйствующей и территоріальной армій [3]). Но за всѣмъ тѣмъ изъ постановленій военно-сухопутнаго кодекса [4]), а также и военно-морского [5]), видно, что молодые солдаты и волонтеры, по общему правилу, неподсудны военному или морскому суду до момента сбора ихъ въ отряды или явки въ часть. Затѣмъ общее правило подсудности военному суду [6]), выраженное въ art. 55 военно-сухопутнаго и въ art. 76 военно-морского кодекса, имѣетъ тотъ смыслъ, что военная юрисдикція распространяется на всѣхъ лицъ, находящихся подъ знаменами, т. е. подчиненныхъ военнымъ законамъ и дисциплинѣ. Такимъ образомъ изъ изложеннаго можно вывести то заключеніе, что во Франціи военная юрисдикція въ отношеніи военнослужащихъ опредѣляется моментами фактическаго поступленія въ часть и такого же увольненія изъ части.

---

[1]) Manz'che. Ausg. B. XXIV. 654.
[2]) Manz'che. Ausg. B. V 531; B. XXIV, 3, 4, 652.
[3]) Loi du 15 Juillet 1889, sur le recrutement.
[4]) Art. 58.
[5]) Art. 80.
[6]) Ory. 124.

4.

Ближайшее опредѣленіе тѣхъ лицъ, которыя принадлежатъ къ числу воинскихъ чиновъ военнаго вѣдомства, можетъ быть выведено изъ сводовъ постановленій военныхъ и морскихъ. Такими лицами въ сухопутномъ вѣдомствѣ являются всѣ нижніе и офицерскіе чины регулярныхъ войскъ [1]), къ общему составу которыхъ принадлежатъ корпуса офицеровъ генеральнаго штаба, военныхъ топографовъ, инженеровъ, военно-судебнаго и военно-учебнаго вѣдомствъ [2]) и финскія войска, сформированныя изъ мѣстнаго населенія [3]). Сверхъ того къ числу воинскихъ чиновъ военнаго вѣдомства относятся офицеры и нижніе чины фельдъегерскаго корпуса [4]), роты дворцовыхъ гренадеръ [5]), различныхъ командъ (интендантскихъ, артиллерійскихъ, госпитальныхъ служителей и т. п.) и вообще частей вспомогательнаго назначенія (обозн. баталіоны, учебныя части и т. п. [6]), а также офицерскіе чины, состоящіе въ военномъ вѣдомствѣ по роду оружія или службы [7]).

Въ военно-морскомъ вѣдомствѣ, сверхъ общаго съ военно-сухопутнымъ раздѣленія воинскихъ чиновъ на степени [8]), существуетъ довольно сложная и не вполнѣ точно опредѣленная въ законѣ классификація офицерскихъ чиновъ. Всѣ воинскіе чины офицерскаго званія морского вѣдомства могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія категоріи: 1) флота строевого состава [9]); 2) корпуса флотскихъ штурмановъ; 3) корпуса морской артиллеріи; 4) состоящихъ по адмиралтейству; 5) состоящихъ по военно-морскому судебному вѣдомству [10]), и 6) зачисленныхъ по флоту или корпусамъ, но состоящихъ въ морскомъ вѣдомствѣ [11]). Нижніе же чины флота, раздѣляясь на строевыхъ и нестрое-

---

[1]) Ст. 2 кн. VII С. В. П.
[2]) Ст. 3 кн. V С. В. П.
[3]) Ст. 2 кн. V С. В. П.
[4]) Ст. 114 кн. V С. В. П. 188—193 кн. VI С. В. П.
[5]) Ст. 116 кн. V и 194—202 кн. VI С. В. П.
[6]) 93 кн. V С. В. П.
[7]) 528—540 кн. VII С. В. П.
[8]) Ст. 60 кн. VIII С. М. П. 1886 г.
[9]) 65 и 66 кн. VIII С. М. П.
[10]) Ст. 73 тамъ же по прод. 1895 г.
[11]) 65, 254 и 262 тамъ же.

выхъ, различаются по категоріямъ исполняемыхъ ими обязанностей, независимо отъ состоянія на службѣ въ той или другой командѣ или управленіи [3]).

Въ нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ законодательствъ имѣются особыя росписанія лицъ, принадлежащихъ къ военному вѣдомству, на основаніи которыхъ весьма легко опредѣлить, къ какой категоріи принадлежитъ лицо и распространяется ли на него военная подсудность. Такъ, къ германскому военно-уголовному кодексу 1872 г. приложено росписаніе, перечисленныя въ которомъ лица военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ раздѣляются: 1) на Personen des Soldatenstandes (Officiere, Unterofficiere, Gemeinen), при чемъ къ той же категоріи отнесены чины военно-медицинской части (Sanitäts-Korps), до новой организаціи которой причислявшіеся къ чиновникамъ (1868 и 1873 г. [4]) и чины корпуса инженеръ-механиковъ и 2) военныхъ чиновниковъ (Militär-Beamte), которые раздѣляются, въ свою очередь, на чиновниковъ, имѣющихъ офицерскіе чины (im Officierrang), и низшихъ (untere). Для прусскихъ войскъ въ 1880 г. было объявлено подробное перечисленіе (Klassifikation) чиновъ арміи, отнесенныхъ къ указаннымъ выше категоріямъ [5]). Къ австрійскому закону 1869 г. о военной подсудности приложенъ особый указатель, въ которомъ перечислены лишь лица, принадлежащія къ военно-сухопутнымъ и морскимъ управленіямъ и учрежденіямъ и подсудныя военному суду.

5.

Такимъ образомъ подсудность воинскихъ чиновъ военному суду опредѣляется двумя признаками: 1) состояніемъ на дѣйствительной службѣ и 2) по военно-сухопутному или морскому вѣдомству (Россія, Финляндія, Франція, Пруссія, Бавaрія и Австрія [6]) и распространяется, въ общемъ правилѣ, на престу-

[3]) 62 тамъ же и 63—64 тамъ же по прод. 1895 г.

[4]) Marck. I, 11.

[5]) Solms. 155, 275. Marck. I, 11—15.

[6]) 244 В.-С. У. и 237 В.-М. С. У.; ст. 219 У. У. С.; 11 ст. Зак. о суд. по дѣламъ о прест. и пр. (Св. Зак. XVI ч. II). Codes de j. mil. p. l'armée de terre: art 55, p. l'armée de mer 76; Preus. Str. G. Ord. § 1; Bayer. Militär-Strafproz. art. 1; Gesetz 20 Mai 1869: Финл. уг. улож. 1886 г. § 1.

плешія, учиненныя въ предѣлахъ начальнаго и конечнаго моментовъ ихъ служебнаго состоянія, независимо отъ формы одежды, фактическаго нахожденія на службѣ, рода исполняемыхъ обязанностей (строевыхъ, нестроевыхъ и проч.) и вообще какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Поэтому воинскіе чины, отлучившіеся самовольно со службы, неявившіеся на службу въ срокъ и находящіеся въ отпуску точно также подсудны военному суду, хотя относительно этихъ случаевъ закономъ установлены нѣкоторыя изъятія, по поводу которыхъ на практикѣ неоднократно возникали извѣстныя недоразумѣнія.

Въ отношеніи *отпусковъ* законъ прежде всего различаетъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Нижніе чины могутъ быть увольняемы въ *кратковременные* отпуски внутри Имперіи для собственныхъ надобностей и въ *продолжительные*—для поправленія здоровья [1]); для офицеровъ же установлены отпуски *обыкновенный* не болѣе какъ на 4 мѣсяца и *продолжительный* свыше 4 мѣсяцевъ, но не болѣе одного года [2]). Во время нахожденія въ кратковременномъ или обыкновенномъ отпускахъ на воинскихъ чиновъ военнаго и морского вѣдомствъ распространяется военная подсудность на общемъ основаніи.

По французскому законодательству находящіеся въ отпуску подсудны военному суду лишь за воинскія преступленія (art. 58), по прусскому же и австрійскому — нахожденіе во временномъ отпуску не измѣняетъ подсудности, при чемъ въ послѣднемъ временно-отпускными (zeitlich Beurlaubte) считаются тѣ воинскіе чины, которые уволены на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ [3]), а по кодексу баварскому сдѣлано исключеніе для маловажныхъ проступковъ (Übertretungen) нижнихъ чиновъ, находящихся во временномъ отпуску, за которые они подсудны общему суду, если разсмотрѣніе дѣла произойдетъ до возвращенія ихъ изъ отпуска (art 5), что однако нельзя не признать нарушеніемъ основного принципа подсудности.

Относительно продолжительныхъ отпусковъ дѣйствуютъ иныя правила. Нижніе чины, уволенные въ продолжительный отпускъ,

---

[1]) Ст. 627 кн. VII С. В. П. ст. 339—343 кн. VIII С. М. П.
[2]) Ст. 664 VII С. В. П. ст. 287—297 кн. VIII С. М. П. и по прод. 1895 г.
[3]) Vdg. des R. K. M. v. 23 Sept. 1869. (Manz'sche Ausg. V B. 538).

подсудны военному суду на одинаковыхъ съ уволенными въ запасъ основаніяхъ [1]). То же правило въ полной мѣрѣ относится и къ продолжительно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ военно-морского вѣдомства [2]). Начальный моментъ такого отпуска въ законѣ не опредѣленъ, но въ ст. 648 кн. VII С. В. П. между прочимъ установлено, что увольняемые въ продолжительный отпускъ нижніе чины исключаются изъ списковъ частей и въ тотъ же день или отправляются прямо изъ частей войскъ одиночнымъ порядкомъ въ мѣста жительства, или сдаются мѣстнымъ уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ при именныхъ спискахъ для отправленія этапнымъ порядкомъ. Тѣ и другіе обязаны явиться къ уѣздному воинскому начальнику и получаютъ отъ него отпускные билеты, которые въ частяхъ войскъ ни тѣмъ, ни другимъ на руки не выдаются, а пересылаются почтою уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ [3]), которые въ свою очередь выдаютъ ихъ уволеннымъ первой категоріи. Поэтому, хотя отпускъ уволеннаго одиночнымъ порядкомъ нижняго чина фактически начинается со времени отправленія изъ части, но юридически послѣдній становится въ положеніе отпускного лишь *съ момента полученія отпускного билета*, съ какового времени, по смыслу приведенныхъ законоположеній, на него и не распространяется военная подсудность. Относительно же нижнихъ чиновъ, слѣдующихъ этапнымъ порядкомъ, представляется несомнѣннымъ, что военная подсудность прекращается для нихъ *со дня роспуска по домамъ* [4]), такъ какъ до этого момента они все время находятся въ вѣдѣніи военнаго начальства. Съ окончаніемъ срока отпуска продолжительно-отпускные нижніе чины обязаны явиться къ уѣздному воинскому начальнику [5]), такъ что *съ момента этой явки* они подлежатъ уже военной юрисдикціи въ полномъ объемѣ. Итакъ, за изъятіемъ нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній, какъ то будетъ изложено ниже, продолжительно-отпускные за всѣ преступныя дѣянія, учиненныя внутри указанныхъ моментовъ, военному суду

---

[1]) Ст. 654 кн. VII С. В. П.
[2]) Ст. 414 кн. VIII С. М. П.
[3]) 650 -652 кн. VII С. В. П.
[4]) Ст. 652 тамъ же.
[5]) Ст. 657 тамъ же

не подсудны[1]), но на практикѣ возникалъ вопросъ, подлежатъ ли военной юрисдикціи общеуголовныя преступленія, совершенныя нижнимъ чиномъ, уволеннымъ въ продолжительный отпускъ, по истеченіи срока отпуска, но до явки уѣздному воинскому начальнику. Этотъ вопросъ Сенатомъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что до момента фактической явки сохраняется подсудность общеуголовному суду[2]). Что же касается отпускныхъ офицеровъ, то относительно подсудности ихъ въ зависимости отъ вида отпуска въ законѣ нѣтъ никакихъ особыхъ постановленій.

До изданія положенія объ офицерскихъ чинахъ запаса[3]) въ военномъ вѣдомствѣ возникалъ вопросъ о подсудности офицеровъ, числящихся въ отпуску впредь до изданія названнаго положенія, за учиненныя ими во время этого отпуска общеуголовныя преступленія. По поводу этого вопроса было разъяснено, что такіе офицеры не подсудны военному суду за указанныя дѣянія[4]), такъ какъ, хотя они и носятъ въ это время форму того полка или части войскъ, изъ которой уволены, но числятся тамъ по спискамъ сверхъ комплекта, получаютъ видъ на жительство въ одинъ какой нибудь пунктъ, довольствіемъ отъ казны не пользуются и никакихъ служебныхъ обязанностей не несутъ, въ виду чего должны быть разсматриваемы какъ несостоящіе уже на дѣйствительной военной службѣ. Въ настоящее время, когда уже издано положеніе объ офицерскихъ чинахъ запаса, правило это все-таки нельзя считать потерявшимъ свое значеніе. Въ примѣчаніи къ ст. 661 кн. VII С. В. П. сказано, что, кромѣ увольненія въ отпускъ на какой либо опредѣленный срокъ, офицерамъ, подавшимъ просьбы объ увольненіи отъ службы или о зачисленіи въ запасъ, могутъ быть даваемы отпуски до окончательнаго разрѣшенія имъ отставокъ или зачисленія въ запасъ. Такимъ образомъ въ законѣ существуетъ для офицеровъ еще особый видъ отпуска, вполнѣ соотвѣтствующій по своему значенію тому отпуску, который давался офицерамъ впредь до изданія положенія о запасѣ. Въ виду этого казалось бы совер-

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1891 г. № 6.
[2]) Рѣш. Общ. Собр. 1890 г. № 2.
[3]) Ст. 740—833 кн. VII С. В. П.
[4]) Цирк. Гл. Штаба 1881 г. № 165.

шенно правильнымъ считать офицеровъ, уволенныхъ въ такой отпускъ, и въ настоящее время несостоящими на дѣйствительной военной службѣ, а потому и неподсудными за общеуголовныя преступленія, совершенныя во время этого отпуска, военному суду. Въ морскомъ вѣдомствѣ существуетъ до сего времени не отмѣненный порядокъ увольненія въ безсрочный отпускъ штабъ и оберъ-офицеровъ, прослужившихъ въ строю не менѣе 3 лѣтъ, но постановленія объ этомъ отпускѣ вообще крайне неопредѣленны, и надо полагать, что къ такимъ офицерамъ вполнѣ примѣнимы вышеизложенныя правила[1]).

6.

Подсудность военному суду военныхъ чиновъ, *находящихся въ бѣгахъ*, за учиненныя ими въ это время дѣянія опредѣляется по общему правилу 219 ст. уст. угол. суд. и 244 В.-С. У., но при этомъ необходимо точное установленіе личности обвиняемаго и принадлежности его къ военному вѣдомству, такъ какъ въ законѣ[2]) указано, что «бѣглецы изъ солдатъ, по удостовѣреніи чрезъ справки, что они суть дѣйствительно военные дезертиры», передаются въ распоряженіе военнаго начальства, при чемъ собраніе доказательствъ принадлежности такихъ лицъ къ военному вѣдомству, какъ то разъяснено Сенатомъ, лежитъ на обязанности гражданскаго начальства[3]). Поэтому лица, задержанныя какъ *бродяги*, подлежатъ военному суду лишь при точно доказанной принадлежности ихъ къ военному вѣдомству, которое обязано принимать въ свое вѣдѣніе лишь *несомнѣнныхъ* военныхъ дезертировъ. Затѣмъ относительно бродягъ, оказавшихся дѣйствительно военными дезертирами, подсудность ихъ военному или общеуголовному суду опредѣляется въ зависимости отъ того, когда обнаружилось это обстоятельство, такъ какъ тѣ изъ военныхъ дезертировъ, которые, вслѣдствіе сокрытія своего званія, признаны приговорами общихъ судовъ виновными въ бродяжествѣ и уже сосланы въ Сибирь на водвореніе, т. е. фактически

[1]) Ст. 298 кн. VIII С. М. П.
[2]) Ст. 342 уст. о пасп. и бѣгл. т. XIV Св. Зак. 1890 г.
[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1869 г. № 7; 1873 г. №№ 11, 40 и др.

находятся въ мѣстѣ, назначенномъ имъ для водворенія, не подлежатъ возвращенію въ военное вѣдомство и сужденію военнымъ судомъ за учиненныя ими преступленія; то же правило относится и до тѣхъ изъ военныхъ дезертировъ, которые, вслѣдствіе сокрытія ими своего званія, будутъ по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ присуждены къ наказаніямъ *уголовнымъ*[1]).

7.

Выше были указаны общія правила военной подсудности для чиновъ финскихъ войскъ, но мы не касались вопроса о подсудности *финскихъ* воинскихъ чиновъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они *прикомандированы* къ русской воинской части для несенія службы.

$\frac{24\ апрѣля}{6\ мая}$ 1886 г. были Высочайше утверждены правила объ усовершенствованіи офицеровъ финскихъ войскъ въ знаніи службы и русскаго языка. Сущность этихъ правилъ заключается въ томъ, что финскіе офицеры, желающіе продолжать службу сверхъ срока, обязательнаго для выполненія воинской повинности, должны быть прикомандированы къ русскимъ войскамъ на три года, а если были произведены въ офицеры въ русскія войска, то переводъ такихъ офицеровъ изъ финляндскихъ уроженцевъ въ финскія войска не можетъ состояться ранѣе истеченія трехъ лѣтъ дѣйствительной ихъ службы. Указанный трехлѣтній срокъ можетъ быть однако сокращенъ, но только по особо уважительнымъ причинамъ и по представленію Финляндскаго Генералъ-Губернатора.

Относительно распространенія на этихъ офицеровъ какъ общихъ законовъ Имперіи въ виду 216 ст. уст. угол. суд., такъ и законовъ военныхъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Затѣмъ по дѣйствующему законодательству финскія войска входятъ въ составъ регулярныхъ войскъ Имперіи и руководствомъ для управленія ими служатъ тѣ же узаконенія, которыя издаются и для русскихъ войскъ, если только не имѣется по одному и тому

[1]) Примѣч. къ ст. 355 уст. о наск. и объгл.: рѣш. Общ. Собр. 1872 г. № 8 и 1887 г. по дѣлу Начаева: рѣш. Гл. Воен. Суда 1895 г. №№ 6 и 67.

же предмету особыхъ постановленій для Великаго Княжества Финляндскаго[1]). Но, разумѣется, на основаніи общихъ законовъ Имперіи дѣйствіе особыхъ финляндскихъ узаконеній строго ограничивается территоріей княжества, въ виду чего воинскіе чины финскихъ войскъ, будучи прикомандированы къ русскимъ войскамъ, должны подлежать дѣйствію не только общихъ законовъ Имперіи, но и спеціальныхъ воинскихъ, наравнѣ съ чинами русской дѣйствительной военной службы.

8.

Подсудность воинскихъ чиновъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ военнаго или морского вѣдомства, военному суду, въ общемъ правилѣ, не зависитъ отъ рода совершенныхъ ими во время состоянія на этой службѣ преступленій, т. е. *военная юрисдикція распространяется какъ на общія, такъ и на воинскія преступленія*. Это правило, принятое теперь почти всѣми законодательствами, установилось однако не безъ колебаній и до настоящаго времени имѣетъ своихъ противниковъ какъ въ литературѣ, такъ и въ законодательныхъ собраніяхъ.

Въ Россіи при преемникахъ Петра Великаго изъ военной подсудности были первоначально изъяты преступленія общія и только преступленія военнослужащихъ по должности были оставлены въ вѣдѣніи военныхъ судовъ (1720 г.). Въ царствованіе Императрицы Елизаветы происходятъ столкновенія между Сенатомъ и Военной Коллегіей, которая стремится изъять военнослужащихъ изъ подсудности общихъ судебныхъ учрежденій по всѣмъ преступленіямъ, а съ 1756 г. военная подсудность мало по малу начинаетъ распространяться и на общія преступленія, такъ что съ изданіемъ указа 24-го іюня 1797 г. военная подсудность окончательно распространена на всѣ преступленія военнослужащихъ какъ воинскія, такъ и общія[2]). До военно-судебной реформы 1867 г. вопросъ о подсудности военному суду за всѣ роды преступленій уже не возникалъ, но при со-

---

[1]) Примѣч. къ ст. 2 и 540 кн. V С. В. П.
[2]) Шендзиковскій. Ист. 160—167.

ставленіи военно-судебнаго устава 1867 г. вновь былъ поставленъ на очередь. Однако, комиссія по составленію устава останавливалась на немъ не долго, находя, что хотя «мысль о подсудности военному суду всѣхъ вообще преступныхъ дѣяній военнослужащихъ можетъ быть оспариваема, но только теоретическими соображеніями» и мотивировала оставленіе прежняго объема военной юрисдикціи въ отношеніи преступленій тѣмъ, что «военнослужащіе должны составлять корпорацію, которой вся сила и значеніе обусловливаются преимущественно этимъ корпоративнымъ характеромъ, проникающимъ всю внѣшнюю дѣятельность членовъ ея..., а потому и всѣ преступленія военныхъ должны подлежать разсмотрѣнію спеціальнаго военнаго суда» [1]). Эта послѣдняя мысль, совершенно вѣрная по существу, имѣетъ однако не только практическое, но и теоретическое основаніе, которое мы и старались провести выше. Затѣмъ, чтобы болѣе освѣтить этотъ вопросъ, обратимся къ его исторіи и въ иностранныхъ законодательствахъ.

Въ Пруссіи, съ изъятіемъ изъ военной подсудности гражданскихъ дѣлъ (1809 г.), канцлеръ фонъ-Шретеръ сдѣлалъ предложеніе ограничить объемъ ея только служебными преступленіями (Dienstvergehen), но этому воспротивился военный министръ Шарнгорстъ, поддержанный и генералъ-аудиторомъ Кепеномъ, такъ что въ концѣ концовъ военная юрисдикція была оставлена въ прежнемъ объемѣ [2]). Въ 1831 г. генералъ-аудиторъ Фриціусъ представилъ особой комиссіи новый проектъ военно-уголовнаго кодекса, въ коемъ было предположено общія преступленія военныхъ чиновъ передать на разсмотрѣніе гражданскихъ судовъ, однако только въ мирное время; но проектъ этотъ не былъ принятъ въ полномъ объемѣ и созванная въ 1841 г. новая комиссія выработала проектъ военно-уголовнаго кодекса, который въ части своей, относящейся къ процессу, дѣйствуетъ и по настоящее время, распространяя военную юрисдикцію на всѣ роды преступленій [3]). Движеніе 1848 г. вновь выдвинуло въ Германіи

---

[1]) Собр. законод. раб. 1867 г., стр. 6.
[2]) Dangelmaier. Abh. 67.
[3]) Marck. I. 97; 243. M.-Strafger-Ordn. 1845. § 2.

тотъ же вопросъ объ ограниченіи военной юрисдикціи однями служебными преступленіями военнослужащихъ и въ изданныхъ тогда постановленіяхъ объ основныхъ правахъ германскаго народа между прочимъ было изложено, что военная юрисдикція распространяется, за исключеніемъ военнаго времени, только на воинскія преступленія (27-го декабря 1848 г. art. 9, § 43)[1]), при чемъ это постановленіе имѣло своимъ послѣдствіемъ ограниченіе въ указанныхъ предѣлахъ военной юрисдикціи въ нѣкоторыхъ изъ мелкихъ государствъ Германіи[2]), что однако было отмѣнено съ введеніемъ въ этихъ государствахъ общеимперскаго военно-уголовнаго кодекса 1872 г. Во Франціи военная юрисдикція въ 1790 г. была ограничена воинскими преступленіями, но по закону 22-го сентября 1792 г. вновь распространена на всѣ преступленія[3]) и, несмотря на высказанное Наполеономъ I мнѣніе о единствѣ гражданской юстиціи для общихъ преступленій, независимо отъ принадлежности къ арміи, объемъ военной подсудности въ отношеніи преступленій остался неизмѣннымъ до настоящаго времени[4]). Въ современной Европѣ ограниченіе военной подсудности воинскими преступленіями существуетъ лишь въ Англіи, Италіи и Швейцаріи, а въ Вюртембергѣ общія преступленія, влекущія смертную казнь, подсудны общимъ судамъ[5]). Принятое въ первыхъ трехъ государствахъ правило усвоено также для мирнаго времени и уголовнымъ уложеніемъ для финскихъ войскъ, по которому воинскіе чины въ мирное время подлежатъ военному суду лишь за воинскія преступленія[6]).

Вопросъ объ ограниченіи военной юрисдикціи воинскими преступленіями служитъ съ 1870 г., въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, предметомъ весьма оживленныхъ парламентскихъ дебатовъ въ Германіи. Самымъ ярымъ противникомъ широкой военной юрисдикціи въ этихъ дебатахъ являлся знаменитый депутатъ Ласкеръ, съ настойчивостью требовавшій ограниченій военной

[1]) Zachariae. I. 385.
[2]) Принцъ. 30. Мушниковъ. Воен. судопр. 66.
[3]) Dangelmaier. Abh. 67.
[4]) Принцъ. 33.
[5]) Мушниковъ. Воен. судопр. 67.
[6]) Улож. §§ 1 и 151.

юрисдикціи; но старанія Ласкера и его сторонниковъ не имѣли никакого практическаго результата, такъ что, когда при обсужденіи проекта устава военнаго судопроизводства въ 1874 г., а затѣмъ въ 1876 г., вопросъ этотъ былъ поставленъ ребромъ, вслѣдствіе требованія, предъявленнаго депутатами Герцомъ, Цисольдомъ и Клотцомъ, принять резолюцію объ ограниченіи военной юрисдикціи въ мирное время служебными преступленіями, то послѣ шумныхъ пререканій, по предложенію военнаго министра фонъ-Камеке, резолюція эта была отвергнута. Время отъ времени вопросъ этотъ возникаетъ при обсужденіи военно-процессуальныхъ законопроектовъ и понынѣ.

Обращаясь къ существу доводовъ противниковъ современнаго объема военной подсудности, нельзя не замѣтить, что всѣ они сводятся къ утвержденію о необходимости равенства всѣхъ передъ закономъ, неприспособленности военныхъ судовъ къ разсмотрѣнію общихъ преступленій, двойственности уголовной юстиціи, беззащитности подсудимаго, осужденію такого порядка общественнымъ мнѣніемъ цивилизованныхъ народовъ, пригодности его лишь для арміи наемниковъ, необходимости упразднить исключительное и замкнутое положеніе войска въ государствѣ и т. п.[1]). Въ литературѣ предѣлы военной юрисдикціи въ отношеніи преступленій ограничиваютъ различно: одни только воинскими преступленіями (Фейербахъ, Цахаріэ), другіе распространяютъ ее еще на общія преступленія, совершенныя при исполненіи служебныхъ обязанностей (Миттермайеръ, Марецоль), наконецъ третьи расширяютъ и эти предѣлы на общія преступленія военнослужащихъ другъ противъ друга (Эли, Шаво и Бошъ)[2]), большинство же военныхъ юристовъ не находитъ возможнымъ принять какое либо изъ этихъ ограниченій (Володимировъ, Marck, Dangelmaier. Richthofen, Reinsdorf и др.[3]). Противники послѣдняго воззрѣнія указываютъ еще и на статистическія данныя, по которымъ число оправданныхъ офицеровъ гораздо болѣе числа оправданныхъ нижнихъ чиновъ. Оцѣнивая всѣ разнородныя мнѣнія противниковъ подсудности общихъ пре-

[1]) Marck. I. 191—223.
[2]) Принцъ. 26. Zachariae. I. 385—393.
[3]) Володимировъ. Воен. судопр. 156. Marck. I. Dangelmaier. Abh. 73—75.

ступленій военному суду, прежде всего необходимо имѣть въ виду, что всѣ они говорятъ о старомъ инквизиціонномъ военномъ процессѣ, который, какъ институтъ уже отжившій, одинаково непригоденъ для разсмотрѣнія какъ общихъ, такъ и воинскихъ преступленій; затѣмъ при вышеуказанныхъ дебатахъ совершенно не опредѣлялось понятіе воинскаго преступленія, а постоянныя указанія на Англію, Швейцарію и другія государства, которыя ограничиваютъ военную юрисдикцію одними воинскими преступленіями, не совсѣмъ точны, такъ какъ во всѣхъ кодексахъ объемъ понятія воинскаго преступленія далеко не ограничивается нарушеніями противъ дисциплины и военной службы[1]) и въ кодексахъ этихъ помѣщены многія общія преступленія[2]), объемъ же понятія воинскаго преступленія въ указанномъ строго ограниченномъ смыслѣ проведенъ съ наибольшею послѣдовательностью въ I ч. (законы матеріальные) уголовнаго уложенія для финскихъ войскъ. Всѣ остальные доводы представляются совершенно голословными и отчасти были уже обсуждены нами выше; наконецъ указанія статистики могутъ быть отнесены ко всѣмъ вообще уголовнымъ преступленіямъ, а ненормальности въ постановленіи приговоровъ, замѣченныя относительно офицерскихъ дѣлъ, представляются одинаковымъ зломъ при всѣхъ формахъ процесса и во всякомъ судѣ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что такое печальное явленіе, какъ неравномѣрность оправданій въ зависимости отъ званія подсудимаго, наблюдалось и у насъ уже по введеніи реформы. Такъ, за періодъ времени съ 1867 г. по 1885 г. % оправдательныхъ приговоровъ по офицерскимъ дѣламъ превышалъ % такихъ же приговоровъ по дѣламъ о нижнихъ чинахъ почти вдвое[3]), что вызвало со стороны Военнаго Министра въ 1881 г. распоряженіе о разсмотрѣніи всѣхъ офицерскихъ дѣлъ въ военно-окружныхъ, а не во временныхъ военныхъ судахъ, допуская исключенія изъ этого правила лишь въ случаяхъ полной невозможности. Кромѣ того по офицерскимъ дѣламъ составъ присутствія былъ усиленъ добавленіемъ одного

---

[1]) Кузьминъ-Караваевъ. Военно-уголовное право. I. 243.

[2]) Шейдликовскій. Конспектъ лекцій о матеріальныхъ военно-уголовныхъ законахъ иностран. госуд. 21–23. Мушниковъ. Воен. судопр. иностр. державъ. 65–67.

[3]) Плюстровъ. Военные суды въ русской арміи (литографир. изданіе). 114.

военнаго судьи[1]). Мѣра эта имѣла своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе разницы процентнаго отношенія между этими приговорами, и уже въ 1892 г., по нашимъ исчисленіямъ, оправдательныхъ приговоровъ по офицерскимъ дѣламъ было $10,_{08}{}^{0}/_{0}$, а по дѣламъ о нижнихъ чинахъ $11,_{97}{}^{0}/_{0}$. Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что при соотвѣтственной организаціи военные суды функціонируютъ вполнѣ правильно, такъ что приводимыя статистическія данныя отнюдь не могутъ служить основаніемъ къ изъятію общихъ преступленій изъ подсудности военныхъ судовъ, дѣйствующихъ на современныхъ процессуальныхъ началахъ. За оставленіе общихъ преступленій военнослужащихъ подсудными военнымъ судамъ высказался въ числѣ другихъ депутатовъ германскаго рейхстага и знаменитый государствовѣдъ Гнейстъ, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что, во-1-хъ, выдѣленіе общихъ преступленій изъ военной подсудности повлекло бы за собою рядъ постоянныхъ пререканій по поводу самаго понятія служебнаго преступленія, что могло бы вредно повліять и на правильность отправленія самаго правосудія и, во-2-хъ, военный судъ надъ военнымъ не есть судъ исключительный, а обыкновенный, который и долженъ дѣйствовать на одинаковыхъ съ общими судами началахъ, независимо отъ рода самыхъ преступленій[2]). Къ этимъ соображеніямъ нельзя не присовокупить, что войско — особая корпорація, и уничтожать обособленность ея нѣтъ никакихъ основаній, въ виду того значенія для войска корпоративнаго начала, которое было выяснено выше. Военное управленіе вѣдаетъ всѣ публичные интересы арміи, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всѣ функціи власти: законодательную, административную и судебную въ отношеніи всѣхъ членовъ арміи, и если требованія дисциплины и обособленность войска побуждаютъ законодателя къ такой организаціи военнаго управленія, то нѣтъ никакихъ основаній устранять нарушеній общаго правопорядка изъ сферы дѣйствія военной власти, ибо такое устраненіе создало бы двойственность, могущую вредно отразиться и на спеціальномъ воинскомъ порядкѣ, составляющемъ лишь часть и особую сферу въ общегосударственной жизни.

[1]) См. ст. 766 (прим.) В.-С. У. Инстр. военно-окр. судамъ, ст. 82.
[2]) Marck. I. 202.

9.

Военная подсудность распространяется только на тѣ преступныя дѣянія военнослужащихъ, которыя учинены во время состоянія на службѣ, такъ что преступленія, совершенныя до и послѣ состоянія на службѣ, въ общемъ правилѣ, не подлежатъ военной юрисдикціи. Дѣянія, совершенныя *ранье поступленія* на службу, но обнаруженныя уже во время состоянія на службѣ, до введенія у насъ военно-судебной реформы были подсудны военному суду [1]). Въ настоящее время военная юрисдикція не распространяется на такія преступленія (ст. 221 уст. угол. суд.) и какъ исключеніе изъ этого правила могутъ подлежать разсмотрѣнію военныхъ судовъ нѣкоторыя изъ нарушеній *устава о воинской повинности*, а именно: неявка безъ уважительныхъ причинъ ко времени освидѣтельствованія (350 ст. уст. о воин. пов.) и лживыя заявленія при освидѣтельствованіи о скрытой болѣзни (ст. 351 тамъ же), при чемъ въ обоихъ случаяхъ только тогда, если виновный окажется способнымъ къ службѣ и будетъ на таковую зачисленъ. Всѣ же остальные случаи нарушеній устава о воинской повинности, учиненныхъ до поступленія на службу, вѣдѣнію военныхъ судовъ не подлежатъ (ст. 348, 349, 353—356 уст. о воин. пов. [2]).

Правило о неподсудности военному суду преступленій, совершенныхъ до поступленія на службу, принято всѣми законодательствами; исключеніе составляютъ баварское и прусское. По баварскому кодексу, несмотря на то, что имъ усвоены современныя процессуальныя начала, всѣ преступленія, совершенныя до вступленія въ войско и оставшіяся безъ уголовнаго преслѣдованія до призыва на службу, подлежатъ военной юрисдикціи (art. 8) съ этого послѣдняго момента. По кодексу прусскому (§ 9) дѣянія, которыя совершены до поступленія на службу, подсудны военному суду лишь въ томъ случаѣ, если наказаніе, которое «можетъ быть, по всей вѣроятности, за него наложено,

[1]) Ст. 5 кн. II. ч. V С. В. П. 1859 г.

[2]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1885 г. № 59, 1886 г. № 19 и 1896 г. №№ 11 и 13. Общ. Собр. 1894 г. № 6.

не превышаетъ шестинедѣльнаго заключенія въ тюрьмѣ»[1]). При этомъ надо имѣть въ виду, что при разрѣшеніи вопроса принимается во вниманіе не нормальное наказаніе, положенное по закону, но то, которое можетъ быть назначено сообразно обстоятельствъ дѣла, а также и обстоятельствъ уменьшающихъ вину обвиняемаго[2]). Вопросъ о томъ, подлежитъ ли такое дѣло разсмотрѣнію военнаго суда или нѣтъ, рѣшается окончательно корпуснымъ командиромъ и если будетъ признано возможнымъ разсмотрѣніе въ военномъ судѣ, то послѣдній при назначеніи наказанія уже не стѣсненъ указаннымъ выше шестинедѣльнымъ срокомъ[3]). Если же начальствомъ будетъ признано, что за такое дѣяніе обвиняемый подлежитъ болѣе строгому наказанію, то онъ увольняется со службы и дѣло передается на разсмотрѣніе общеуголовнаго суда.

Съ окончательнымъ прекращеніемъ служебнаго состоянія, т. е. увольненіемъ отъ службы въ отставку, когда прерывается всякая связь съ войскомъ, прекращается и военная юрисдикція относительно отставныхъ воинскихъ чиновъ за учиненныя ими дѣянія. Но хотя это общее правило по своему существу не вызываетъ никакихъ сомнѣній, тѣмъ не менѣе вопросъ о подсудности *отставныхъ* военному суду въ различныхъ законодательствахъ разрѣшенъ не одинаково.

По своду военно-уголовныхъ законовъ (ст. 5, п. 12) «отставные отъ военной службы за всѣ преступленія, учиненныя ими во время нахожденія въ оной», подлежали военному суду. При составленіи военно-судебнаго устава комиссія безъ малѣйшихъ колебаній нашла, что къ удержанію въ законѣ стараго правила нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ «по выходѣ изъ военной службы отставные военные подчиняются всѣмъ постановленіямъ гражданскаго вѣдомства, такъ что на будущее время слѣдуетъ подвергать ихъ военному суду только за тѣ преступленія, совершенныя ими во время службы, которыя относятся

---

[1]) До закона 28-го сент. 1875 г. было «трехмѣсячнаго». (Solms. 167).
[2]) Разъясн. Прусск. Генераль-Аудиторіата, 19-го февраля 1881 г. (Тамъ же).
[3]) Тоже, 1-го октября 1884 г. (тамъ же).

до нарушенія законовъ военной дисциплины и военной службы»[1]), и эти предположенія осуществились въ полной мѣрѣ[2]).

Болѣе сложнымъ представляется этотъ вопросъ въ нѣкоторыхъ изъ западно-европейскихъ законодательствъ. Такъ, по прусскому (§ 1) и баварскому (art. 4) кодексамъ военная подсудность распространялась на преступленія, учиненныя, хотя бы и не въ бытность на службѣ, офицерами, уволенными въ отставку *съ пенсіей*. Въ 1884 г. депутатъ Пайеръ (Payer) внесъ въ германскій рейхстагъ предложеніе объ изъятіи этихъ офицеровъ отъ военной юрисдикціи; къ этому предложенію присоединился и депутатъ Рихтеръ, требуя сверхъ того распространенія того же правила и на офицеровъ, не состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, но находящихся въ распоряженіи военнаго вѣдомства (zur Disposition gestellten Offiziere); въ виду этого послѣдняго требованія изложенное предложеніе, по настоянію военнаго министра Бронсартъ-фонъ-Шелендорфа, было отклонено. Затѣмъ подобныя же требованія повторялись до 1889 г., когда наконецъ, по предложенію депутата Риккера, былъ принятъ рейхстагомъ законопроектъ о неподсудности военному суду вообще всѣхъ отставныхъ офицеровъ. Законъ этотъ, обнародованный 3-го мая 1890 г.[3]), имѣетъ примѣненіе и въ Баваріи[4]). Л. Штейнъ также признавалъ правильность подсудности пенсіонеровъ военному суду, исходя изъ того предположенія, что они получаютъ пенсію отъ военнаго вѣдомства. Но съ такимъ мнѣніемъ согласиться нельзя, такъ какъ вообще полученіе пенсіи не можетъ служить основаніемъ подсудности тому или другому суду и кромѣ того, по совершенно справедливому замѣчанію профессора Эртеля, пенсія получается отъ государства, а военное вѣдомство опредѣляетъ на нее лишь право[5]). Такимъ образомъ вопросъ о неподсудности отставныхъ офицеровъ военному суду въ Германіи былъ разрѣшенъ не безъ затрудненій, а сдѣланныя депутатами предложенія встрѣтили противодѣйствіе со стороны правительства.

---

[1]) Сборн. законод. раб. 8.
[2]) Ст. 220 У. У. С., 248 В.-С. У., 240 В.-М. С. У.
[3]) Marck. I, 206—210; II, 78. Solms. 160.
[4]) Weigel. Die Zuständigkeitsgrenzen. 7.
[5]) Л. Штейнъ. 217 и прим. переводчика—50-е.

Что касается преступныхъ дѣяній, учиненныхъ отставными воинскими чинами въ бытность еще на дѣйствительной службѣ, то въ прусскомъ кодексѣ (§§ 14 и 15) установлены слѣдующія правила: 1) общія преступленія вообще подсудны гражданскому суду по увольненіи виновнаго со службы, и 2) если же преступленіе было *соединено* съ уголовно-наказуемымъ воинскимъ правонарушеніемъ, то независимо отъ строгости наказанія все дѣло подсудно военному суду. Въ Баваріи подсудность въ такихъ случаяхъ опредѣляется въ зависимости отъ момента начатія уголовнаго преслѣдованія: если уголовное преслѣдованіе было начато до выхода въ отставку, то дѣло рѣшается въ военномъ судѣ; точно также, если уголовное преслѣдованіе было начато до поступленія на службу, то остается подсудность гражданскому суду (art. 9).

Подсудность отставныхъ воинскихъ чиновъ въ Россіи никогда не подвергалась столь подробной регламентаціи, но на практикѣ и у насъ возникали тѣ же вопросы, которые разрѣшены вышеуказанными кодексами. Такъ, Главнымъ Военнымъ Судомъ разъяснено, что въ случаѣ увольненія лица, состоящаго на дѣйствительной военной службѣ, послѣ того какъ уже состоялось распоряженіе о преданіи его военному суду за совершенное имъ на службѣ общеуголовное преступленіе, распоряженіе это не подлежитъ отмѣнѣ и такое лицо судится въ военномъ судѣ [1]), а затѣмъ это разъясненіе было распространено въ томъ, что нижній чинъ, уволенный вовсе отъ службы, за дѣянія, предусмотрѣнныя общеуголовными законами и совершенныя послѣ распоряженія объ увольненіи, но до поступленія въ вѣдѣніе гражданскаго начальства, также подлежитъ военному суду [2]). Такое распространеніе едва ли можно признать правильнымъ, такъ какъ нижній чинъ, уволенный вовсе отъ службы, долженъ считаться не состоящимъ на таковой, какъ то было изложено выше, съ момента отправленія его изъ части и исключенія изъ списковъ. Такой же выводъ даютъ основанія сдѣлать и рѣшенія Общаго Собранія кассац. д-товъ Сената, коими разъяснено, что лица, уволенныя въ отставку до обнаруженія преступленія или во

[1]) Рѣш. 1875 г. № 24, 1879 г. № 242 и 1880 г. № 40.
[2]) Рѣш. 1880 г. № 240.

время производства предварительнаго слѣдствія по обвиненію ихъ въ преступленіи, совершенномъ хотя и въ бытность на дѣйствительной военной службѣ, но не соединенномъ съ нарушеніемъ обязанностей военной службы, судятся судомъ гражданскаго вѣдомства [1]). Такимъ образомъ поступленіе или непоступленіе въ вѣдѣніе гражданскаго начальства не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія подсудности, такъ какъ, если Сенатъ признаетъ подсуднымъ гражданскому суду общеуголовное преступленіе, совершенное не только до передачи въ вѣдѣніе гражданскаго начальства, но и до сдѣланія распоряженія объ увольненіи, то отсюда очевидно, что нижній чинъ, совершившій общеуголовное преступленіе въ періодъ времени между этими моментами, не подсуденъ военному суду. Практика придаетъ главное значеніе не возбужденію уголовнаго преслѣдованія, какъ то имѣетъ мѣсто въ баварскомъ кодексѣ, а распоряженію о преданіи суду, такъ какъ, объяснено въ вышеприведенныхъ рѣшеніяхъ Главнаго Военнаго Суда, «противное этому толкованіе предоставляло бы всякому подсудимому возможность избирать по своему произволу тотъ или другой порядокъ судопроизводства, который ему покажется предпочтительнымъ». Однако, имѣя въ виду, что распоряженіе о преданіи суду не представляетъ изъ себя акта, имѣющаго незыблемое значеніе, и что въ правилахъ объ увольненіи отъ службы не указывается никакихъ условій, отъ которыхъ зависѣла бы подсудность тому или другому суду, слѣдуетъ признать, что подсудность должна опредѣляться самымъ фактомъ состоянія въ отставкѣ, независимо отъ правильности или неправильности увольненія, моментовъ обнаруженія преступленія, возбужденія уголовнаго преслѣдованія, преданія суду и т. п., если же необходимы въ этомъ отношеніи какія либо ограниченія, то установленіе ихъ можетъ состояться не иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ. Помимо всѣхъ этихъ соображеній нельзя не обратить вниманія и на слѣдующее постановленіе закона, касающееся, впрочемъ, лишь офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ: «находящіеся подъ слѣдствіемъ или судомъ, говоритъ законъ, могутъ быть

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1868 г. № 695 и 1884 г. № 25.

увольняемы отъ службы по собственному ихъ желанію, на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими лицами, имѣющими право на увольненіе, но имъ воспрещается выѣздъ изъ того мѣста, гдѣ слѣдствіе или судъ надъ ними производятся, безъ разрѣшенія мѣстъ и лицъ оные производящихъ; кромѣ того, они обязываются подпискою немедленно являться по требованіямъ слѣдователя или военнаго суда» [1]). Такимъ образомъ на основаніи буквальнаго смысла этой статьи офицеръ можетъ быть и не уволенъ начальствомъ, если состоитъ подъ слѣдствіемъ или судомъ, а такъ какъ просьбы объ увольненіи подаются по командѣ [2]), то избраніе того или другого порядка суда, при обвиненіи въ общемъ преступленіи, будетъ зависѣть уже не отъ подсудимаго, а отъ начальства, въ компетенцію котораго входитъ распоряженіе и о преданіи суду, и объ увольненіи отъ службы. Что же касается нижнихъ чиновъ, то въ отношеніи ихъ существуетъ только прямое запрещеніе увольнять въ *запасъ* тѣхъ изъ нихъ, которые состоятъ подъ слѣдствіемъ или судомъ [3]) (для офицеровъ такого правила не установлено); поэтому нижніе чины даже и не могутъ быть задерживаемы на службѣ, по причинѣ совершенія преступленія, въ томъ случаѣ, если подлежатъ увольненію *въ отставку*.

Для подсудности отставного военному суду необходимо, чтобы дѣяніе было соединено съ нарушеніемъ обязанностей военной службы. Объемъ понятія такого дѣянія не ограничивается однако преступленіями, предусмотрѣнными 96—241 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, но къ нему относятся и всѣ тѣ изъ общеслужебныхъ преступленій, которыя предусмотрѣны и уложеніемъ о наказ.[4]), такъ что уволенный въ отставку будетъ подсудепъ военному суду, напр. и за подлогъ по службѣ, совершенный въ нарушеніе обязанностей, налагаемыхъ на него военными законами.

Оригинальную особенность представляетъ австрійское законодательство. На основаніи закона 20-го мая 1869 года [5])

[1]) Ст. 867 кн. VII С. В. П.
[2]) Ст. 880 тамъ же.
[3]) Ст. 727 тамъ же.
[4]) Ст. 242 воин. уст. о нак.
[5]) § 3 Manz'che G.-Ausg. V B. 534.

чисто воинскія преступленія [1]), учиненныя военнослужащимъ во время состоянія на дѣйствительной службѣ, но обнаруженныя послѣ перехода виновнаго въ резервъ, подлежатъ военной юрисдикціи лишь по вторичномъ поступленіи на дѣйствительную службу. Такимъ образомъ отставной внѣ этого условія не подлежитъ уголовной отвѣтственности. Если же преступленіе относится къ числу общихъ или по свойствамъ своимъ подходитъ подъ опредѣленія общеуголовныхъ законовъ, то виновный, уволенный въ отставку, подсуденъ общимъ судамъ (§ 1): но за воинскія преступленія, совершенныя во время ношенія военной формы, всѣ отставные офицеры, независимо отъ того, получаютъ ли они пенсію или нѣтъ, подсудны военному суду (§ 2) [2]). Въ кодексѣ французскомъ, а также и въ уголовномъ уложеніи для финскихъ войскъ не содержится какихъ либо постановленій о подсудности отставныхъ военному суду, но въ послѣднемъ кодексѣ установлено общее правило, что «по мнованіи обстоятельствъ», на основаніи которыхъ лицо подлежитъ дѣйствію уложенія, дѣянія его, совершенныя на службѣ (въ мирное время одни воинскія, а въ военное всѣ), все-таки подсудны военному суду, если самыя дѣянія подлежали этому суду (§ 151).

10.

Несмотря на полноту объема военной подсудности относительно состоящихъ на дѣйствительной службѣ воинскихъ чиновъ, распространяющейся на всѣ роды преступныхъ дѣяній, всѣ законодательства вводятъ нѣкоторыя ограниченія этого объема, въ зависимости отъ свойства дѣянія вообще и значенія его для военной службы въ частности. Обширную группу такихъ дѣяній представляютъ собою, такъ называемыя, *«нарушенія уставовъ казенныхъ управленій и проступки противъ общественнаго благоустройства и благочинія»*.

Ограниченія военной подсудности въ отношеніи этихъ нарушеній имѣются во всѣхъ западно-европейскихъ кодексахъ [3]),

[1]) §§ 142—403 военно-уголовнаго кодекса; сюда входятъ и нѣкоторыя общія преступленія.

[2]) Dangelmaier. Abh. 70.

[3]) Мушниковъ. Воен. судопр. 67.

но всѣ они имѣютъ характеръ условный, а самыя нарушенія не всегда изъемлются изъ вѣдѣнія военной власти. На основаніи 1219 и 1254 ст. В.-С. У. (1196 и 1230 ст. В.-М. С. У.), воинскіе чины за нарушенія уставовъ казеннаго управленія, указанныя въ приложеніи къ 1124 ст. уст. угол. суд., и за нарушенія правилъ благоустройства и благочинія, указанныя въ приложеніи къ ст. 1214 того же устава[1]), подлежатъ отвѣтственности на томъ же основаніи и по тѣмъ же правиламъ, какъ и лица гражданскаго вѣдомства, т. е. воинскіе чины за перечисленныя въ законѣ маловажныя фискальныя и полицейскія нарушенія являются подвѣдомственными казеннымъ и административнымъ управленіямъ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ они подсудны и за эти дѣянія военному суду. Въ первомъ случаѣ военное начальство не принимаетъ никакого участія, когда виновный подчинился рѣшенію подлежащаго управленія, наложившаго на него денежный штрафъ, но 1) если денежный штрафъ соединяется съ личнымъ наказаніемъ, 2) если денежный штрафъ не внесенъ виновнымъ своевременно или 3) если виновный окажется несостоятельнымъ къ уплатѣ, то дѣло окончательно рѣшается военнымъ начальствомъ[2]). Затѣмъ, если одно изъ указанныхъ выше нарушеній, хотя и не подлежитъ вѣдѣнію гражданскаго начальства, но размѣръ положеннаго за него взысканіе не превышаетъ дисциплинарной власти начальника, то отъ этого послѣдняго зависитъ окончить такое дѣло въ порядкѣ дисциплинарномъ или направить таковое въ подлежащій *военный* судъ[3]). Поэтому, напр., хотя нарушенія правилъ о государственномъ квартирномъ налогѣ и не указаны въ числѣ поименованныхъ нарушеній (впослѣдствіи надо ожидать введенія и этихъ нарушеній въ уст. угол. суд.), тѣмъ не менѣе, при отказѣ виновнаго военнослужащаго уплатить наложенный, на основаніи 26 ст. Полож. о госуд. квартирномъ налогѣ, штрафъ, дѣло должно быть направлено не къ мировому судьѣ или уѣздному члену окружного суда, а къ военному начальству, отъ коего и будетъ зависѣть или окончатель-

[1]) См. прод. 1895 г.
[2]) Ст. 125—129. Дисц. уст.
[3]) Ст. 10. Дисц. уст.

ное его разрѣшеніе въ порядкѣ дисциплинарномъ, или направленіе въ военный судъ[1]).

Кодексъ прусскій (§ 3), предоставляетъ разсмотрѣнію гражданскихъ учрежденій (Civilbehörden) нарушенія (Kontrawentionen) военнослужащими законовъ финансовыхъ и полицейскихъ, а также правилъ охоты и рыболовства при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если за нарушеніе положены денежный штрафъ или конфискація, при чемъ денежный штрафъ не долженъ превышать 150 марокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ будетъ уже не нарушеніе, а проступокъ (Vergehen[2]), 2) если по закону не положено, хотя бы и альтернативно, лишенія свободы и 3) если такое нарушеніе не соединено съ какимъ либо другимъ преступнымъ дѣяніемъ. Внѣ этихъ условій перечисленныя выше нарушенія подсудны исключительно военному суду. Кодексъ баварскій (art. 2) предоставляетъ гражданскимъ судамъ (bürgerlichen Strafgerichten) разсмотрѣніе дѣлъ о воинскихъ чинахъ, виновныхъ въ утайкѣ пошлинъ (Defraudationen) и другихъ нарушеніяхъ законовъ о доходахъ таможенныхъ, податныхъ, почтовыхъ, съ игральныхъ картъ и т. п., при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) если нарушеніе обложено только штрафомъ, при чемъ замѣна штрафа лишеніемъ свободы исполняется военнымъ учрежденіемъ, 2) если при совершеніи такого нарушенія не были въ то же время нарушены обязанности военной службы или вообще учинено другое преступленіе, подсудное военному суду и 3) если дѣяніе не было учинено въ такомъ мѣстѣ, которое находится въ исключительномъ вѣдѣніи военной власти (казармы, лагерь, бивакъ и т. п.; art. 12). Внѣ этихъ условій дѣло подсудно также военному суду.

При сравненіи постановленій нашего устава съ приведенными постановленіями двухъ иностранныхъ кодексовъ оказывается, что ограниченія военной подсудности по нашему уставу въ отношеніи свойствъ самыхъ дѣяній почти одинаковы съ иностранными, хотя все-таки постановленія нашего закона нельзя

---

[1]) См. Указъ угол. кассац. Д-та Сената отъ имя Военнаго Министра, отъ 3-го мая 1896 г. за № 3024.

[2]) Уголовное уложеніе Германской имперіи § 1. (Матеріалы для пересмотра нашего угол. законодательства. Т. I).

не признать болѣе опредѣленными, перечисляющими въ точности самыя нарушенія, но нашъ законъ шире по размѣру взысканія, которое не ограничено столь незначительной приведенной выше суммой.

Другихъ ограниченій иностранныя законодательства не знаютъ, исключая одного только изъятія по австрійскому уставу уголовнаго судопроизводства 1873 г., на основаніи котораго съ объявленіемъ при извѣстныхъ условіяхъ (§§ 429—136), объ учрежденіи въ опредѣленной мѣстности особыхъ судовъ (Standgerichte), за указанныя въ законѣ дѣянія (возстаніе, убійство, разбой, поджогъ и другія общеопасныя преступленія; § 130) этимъ судамъ подсудны въ упомянутой мѣстности воинскіе чины и вообще всѣ тѣ лица, на которыхъ, въ общемъ правилѣ распространяется военная юрисдикція (§ 138). Наше законодательство устанавливаетъ и другія изъятія: для дѣлъ, производимыхъ съ участіемъ духовнаго вѣдомства и по преступленіямъ государственнымъ, а военно-судебный уставъ дѣлаетъ изъятіе кромѣ того въ пользу общей подсудности по нарушеніямъ законовъ о печати.

Изъятія, установленныя для первой и второй категорій, съ незначительными измѣненіями, заимствованы военно-судебнымъ уставомъ изъ устава уголовнаго судопроизводства. Установленіе особаго порядка для этихъ дѣлъ несомнѣнно основано на свойствѣ самыхъ преступныхъ дѣяній и особенностяхъ историческаго развитія нашего процесса, такъ что военное вѣдомство въ виду такихъ причинъ, конечно, не могло не принять тѣхъ же правилъ, которыя усвоены общимъ законодательствомъ. Отступленія же отъ порядка принятаго въ уставѣ угол. судопр., сдѣланныя въ военныхъ уставахъ, имѣли своимъ основаніемъ невозможность устранить въ извѣстныхъ случаяхъ участіе военной власти въ производствѣ этихъ дѣлъ[1]). Но затѣмъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ удерживаются общія правила устава угол. судопр., съ тѣмъ различіемъ, что принимая въ тождественныхъ съ послѣднимъ случаяхъ двойственную юрисдикцію духовнаго и уголовнаго судовъ, военно-судебные уставы замѣняютъ судъ общеуголовный военнымъ и военно-морскимъ, а въ отношеніи

[1]) Сборн. зак. раб. 440.

государственныхъ преступленій установлены, *кромѣ обыкновеннаго*, особый военный и верховный уголовный суды [1]).

Такимъ образомъ въ отношеніи государственныхъ преступленій законъ устанавливаетъ изъятіе собственно не изъ военной подсудности, но изъ обыкновеннаго порядка осуществленія военной юрисдикціи; въ отношеніи же дѣлъ духовныхъ исключительная подсудность духовному суду, безъ параллельной подсудности военному, установлена лишь за дѣянія, обложенныя церковнымъ покаяніемъ. Но нужно замѣтить, что въ случаѣ утвержденія проекта новаго уголовнаго уложенія правило о разсмотрѣніи таковыхъ дѣлъ духовными судами упразднится само собою, такъ какъ въ проектѣ новаго уложенія такихъ преступныхъ дѣяній не предусмотрѣно, а въ объяснительной къ нему запискѣ по этому поводу сказано: «грѣховность поступка и обусловленная ею необходимость покаянія не можетъ быть опредѣляема закономъ свѣтскимъ, не имѣющимъ для того достаточной компетентности; очищеніе совѣсти покаяніемъ не можетъ разсматриваться какъ одна изъ карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ государствомъ на виновнаго въ нарушеніи его законовъ. По этимъ соображеніямъ комиссія исключила изъ числа карательныхъ мѣръ церковное покаяніе, а изъ перечня преступныхъ дѣяній тѣ, которыя влекли только одно церковное покаяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла возможность коллизіи законовъ церковныхъ и свѣтскихъ по отношенію къ міряпамъ: преступныя дѣянія, совершенныя ими, ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать вѣдѣнію судовъ духовныхъ, а наказываются по уложенію судами свѣтскими» [2]).

Въ остальныхъ случаяхъ разсмотрѣніе дѣла духовнымъ судомъ 1) имѣетъ преюдиціальное значеніе и 2) необходимо для опредѣленія извѣстныхъ юридическихъ послѣдствій, но не уголовныхъ, а гражданско-церковныхъ (о дѣйствительности брака). при чемъ виновность или невиновность состоящихъ въ бракѣ лицъ, установленныя приговоромъ уголовнаго суда, не всегда имѣютъ рѣшающее значеніе, такъ какъ юридическая прочность

---

[1]) Ст. 1182 В.-С. У. и ст. 1159 В.-М. С. У.
[2]) Томъ I. 79.

брачнаго отношенія не зависитъ только отъ преступности или непреступности брака. При разрѣшеніи этихъ дѣлъ установленъ двойственный порядокъ: 1) или уголовный судъ ранѣе духовнаго разсматриваетъ дѣло, а именно, когда въ основаніи недѣйствительности брака лежатъ сами по себѣ преступныя дѣйствія (ст. 1164), 2) или духовный судъ ранѣе уголовнаго разсматриваетъ дѣло, а именно, когда преступность брака основывается на наличности извѣстныхъ гражданскихъ отношеній. Въ виду этого и на основаніи ст. 1167 В.-С. У. (1015 уст. угол. суд.) къ дѣламъ второй категоріи, по которымъ суду уголовному предшествуетъ судъ духовный, должны быть отнесены дѣла о многобрачіи и дѣла о кровосмѣшеніи между лицами, несостоящими въ союзѣ брачномъ, хотя въ законѣ эти послѣдніе случаи и выдѣлены въ особую статью (1165 В.-С. У. и 1013 уст. угол. суд.). Такое выдѣленіе не могло основываться на различіи дѣлъ брачныхъ и дѣлъ о многобрачіи, такъ какъ и послѣднія принадлежатъ къ числу брачныхъ, что сознавалось и составителями судебныхъ уставовъ, если же дѣла о многобрачіи и кровосмѣшеніи выдѣлены въ особую статью, то это объясняется тѣмъ, что составители судебныхъ уставовъ желали подчеркнуть особо тяжкія преступленія этого рода, что и видно, между прочимъ, изъ объяснительной записки къ проекту устава уголовнаго судопроизводства[1]), въ которой изложено, что установленіе этого правила послѣдовало въ виду того, что до реформы, «по этимъ дѣламъ производство въ свѣтскомъ уголовномъ судѣ начиналось большею частью до истребованія отъ духовной власти надлежащихъ свѣдѣній, но при новомъ порядкѣ судопроизводства преданіе суду обвиняемыхъ въ означенныхъ преступленіяхъ можетъ послѣдовать не прежде, какъ по полученіи этихъ свѣдѣній». Во всякомъ случаѣ эти дѣла подлежатъ юрисдикціи и уголовнаго и духовнаго суда, такъ что едва ли правильно разъясненіе, данное Главнымъ Военнымъ Судомъ[2]), что приговоры по дѣламъ о многобрачіи, постановленные военными судами не подлежатъ сообщенію духовному суду; съ такимъ разъясненіемъ нельзя согласиться тѣмъ болѣе, что: 1) по преступленіямъ, за

[1]) Ч. II, 12.
[2]) Рѣш. 1878 г. № 65.

который назначены сверхъ наказанія, опредѣляемаго по уголовному приговору, еще и церковное покаяніе, это послѣднее опредѣляется духовнымъ судомъ (ст. 1159 В.-С. У. и 1003 уст. угол. суд.) и 2) по совершенно справедливому замѣчанію проф. Володимірова, расторженіе брака, хотя бы и незаконнаго, не входитъ въ компетенцію свѣтской власти[1]). То же самое можно сказать и о кровосмѣшеніи.

Дѣла о противозаконномъ сожитіи неженатаго съ незамужней, если держаться толкованія 2 ч. 994 ст. улож., даннаго Сенатомъ[2]), подсудны военному суду лишь въ томъ случаѣ, когда соучастница нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Если же принять толкованіе, что указанный во 2 ч. 994 ст. гражданскій искъ проистекаетъ изъ отношеній, основанныхъ на гражданскомъ правѣ, то означенныя дѣла ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ вѣдѣнію не только военнаго, но и вообще уголовнаго суда, а духовнаго и гражданскаго[3]), кромѣ Варшавскаго судебнаго округа, гдѣ вслѣдствіе прямого указанія закона[4]) такія дѣла подлежатъ вѣдѣнію общеуголовнаго (окружного) суда. Подсудность дѣлъ о прелюбодѣяніи уголовному, а значитъ и военному суду, или суду духовному[5]) зависитъ отъ усмотрѣнія потерпѣвшаго лица. При составленіи судебныхъ уставовъ было первоначально предположено постановить, что приговоръ уголовнаго суда долженъ являться несомнѣннымъ доказательствомъ для суда духовнаго при разсмотрѣніи того же дѣла, но при дальнѣйшемъ обсужденіи порядокъ этотъ былъ признанъ неудобнымъ, результатомъ чего и было установленіе нынѣ дѣйствующихъ правилъ[6]). Военный судъ разсматриваетъ дѣла о вышеупомянутыхъ преступныхъ дѣяніяхъ, лишь въ томъ случаѣ, когда уголовное преслѣдованіе возбуждено только противъ одного соучастника военнослужащаго. Вообще при опредѣленіи подсудности военному суду дѣлъ брачныхъ рѣшительное вліяніе имѣетъ соучастіе, такъ что

[1]) Курсъ. 256.
[2]) Случевскій. 579.
[3]) Неклюдовъ. Руков. къ особен. ч. Т. I, 379. Фонъ-Резонъ. Журн. гражд. и угол. права 1875 г. № 5, стр. 72.
[4]) Ст. 1322 уст. угол. суд.
[5]) Ст. 1168 В.-С. У., ст. 1145 В.-М. С. У. и ст. 1016 уст. угол. суд.
[6]) Суд. уставы, изд. Госуд. канц. уст. угол. суд. стр. 376—379.

всѣ тѣ дѣла, въ коихъ преслѣдуется и соучастница, военному суду не подсудны. По уголовному уложенію для флотскихъ войскъ, когда въ военное время суду военному подсудны какъ воинскія, такъ и общія преступленія, дѣла о прелюбодѣяніи подлежатъ во всякомъ случаѣ разсмотрѣнію общаго суда (§ 151).

Наконецъ юрисдикція военнаго суда въ отношеніи дѣлъ духовныхъ и по государственнымъ преступленіямъ ограничивается допущеніемъ окончанія нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ въ порядкѣ административномъ. Дѣла о совращеніи изъ православія или объ отступленіи отъ вѣры христіанской, въ общемъ порядкѣ судопроизводства[1]), могутъ быть возбуждаемы только по требованію духовнаго начальства за изъятіями, указанными въ 1007 ст. того же устава. Заимствуя въ отношеніи этихъ дѣлъ постановленія судебныхъ уставовъ, составители военно-судебнаго устава 1867 г. признали необходимымъ отступить отъ порядка возбужденія этихъ дѣлъ, установленнаго въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, такъ какъ предоставленіе исключительной инициативы духовному начальству «положительно непримѣнимо къ военному быту и къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыя поставлены военнослужащіе относительно своего начальства»[2]). Поэтому составители остановились на правилахъ производства дѣлъ о состоящихъ въ военной службѣ раскольникахъ и объ отступившихъ отъ православія, изложенныхъ въ Высочайше утвержденномъ положеніи Комитета Министровъ, сперва для регулярныхъ войскъ (21-го іюня 1863 г.), а впослѣдствіи распространенныхъ и на войска казачьи (15-го января 1865 г.[3]). Основная мысль этихъ правилъ — предупрежденіе распространенія въ войскахъ религіозныхъ лжеученій, но не путемъ примѣненія строгихъ наказаній уголовнаго закона, а путемъ административныхъ мѣропріятій. На основаніи указанныхъ правилъ подлежатъ военному суду: 1) послѣдователи особенно вредныхъ сектъ (ст. 1007 уст. угол. суд.), 2) совратители въ точно дознанныхъ случаяхъ и 3) отступившіе отъ православія или впавшіе въ расколъ, лишь только

---

[1]) Ст. 1005—1006 уст. угол. суд.

[2]) Сборникъ закон. раб. 440.

[3]) Полн. Собр. Зак. Первый 39766 а (допол. къ XXXVIII т. 2-го П. С. З.), а вторый — 41688.

въ томъ случаѣ, «когда расколъ или отпаденіе отъ православія выразятся не только въ неправомъ вѣрованіи, а въ поступкахъ, нарушающихъ опредѣленныя закономъ правила благоустройства и требованія дисциплины», но и при наличности такихъ нарушеній «виновный подвергается военному суду единственно какъ преступникъ закона и правилъ дисциплины, и судъ опредѣляетъ ему наказаніе за содѣянное преступленіе, не входя въ разсмотрѣніе его вѣрованій» (п. 9 правилъ). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ примѣняются административныя мѣры, заключающіяся въ увѣщаніи священника, учрежденіи особаго надзора и переводѣ въ другія части войскъ, при чемъ послѣдняя мѣра не примѣняется къ казакамъ (п. 12). На эти то правила и сдѣлана ссылка въ ст. 1161 В.-С. У. (ст. 1138 В.-М. С. У.).

Затѣмъ особенностью въ постановленіяхъ о военной подсудности, не встрѣчающеюся ни въ одномъ изъ иностранныхъ законодательствъ, являются правила о производствѣ *по дѣламъ о нарушеніи законовъ о печати.* При обсужденіи порядка производства дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ, соединенные департаменты Государственнаго Совѣта останавливались на вопросѣ: «не слѣдуетъ ли установить особыя правила для производства дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ посредствомъ печатнаго или вообще публичнаго слова»; но вопросъ этотъ былъ оставленъ безъ окончательнаго обсужденія впредь до пересмотра постановленій о цензурѣ[1]). И вотъ, менѣе чѣмъ черезъ полгода, по выходѣ въ свѣтъ 6-го апрѣля 1865 г. новыхъ правилъ о цензурѣ, уже состоялось Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ печати. Въ отношеніи подсудности нарушенія правилъ о печати раздѣлены были на двѣ группы: 1) формальныя нарушенія со стороны типографовъ, литографовъ, издателей, книгопродавцевъ и т. д. и 2) важнѣйшія изъ преступленій, совершаемыхъ путемъ печати: богохульство (ст. 181 улож.), религіозная пропаганда (ст. 189), воззваніе къ противодѣйствію правительству (ст. 274), оскорбительные отзывы о законахъ и т. п. (ст. 1035), воззваніе, возбуждающее вражду между частями на-

[1]) Журн. Госуд. Совѣта, 1862 г. № 65 (т. XIX дѣла о преобр. 237).

селенія или сословіями (ст. 1036), порицаніе началъ собственности и семейнаго союза (ст. 1037) и кромѣ того оскорбленія должностныхъ лицъ, присутствешныхъ мѣстъ и установленій. Постановленія, касающіяся первой категоріи, внесены въ уставъ угол. суд. въ видахъ подчиненія относящихся сюда маловажныхъ нарушеній вѣдомству мировыхъ судей, по военно-судебнымъ же уставамъ эти нарушенія подчинены дисциплинарной власти военныхъ начальниковъ[1]). Что же касается второй категоріи дѣлъ, то по поводу этихъ нарушеній были высказаны слѣдующія соображенія: «въ дѣлахъ печати часто подлежатъ обсужденію важныя преступленія противъ вѣры, государства или порядка управленія, тогда какъ законы не могутъ ни исчислить и опредѣлить всѣхъ видовъ этихъ преступленій съ надлежащею точностью, ни ограничить положительно тѣ предѣлы, за которыми начинается злоупотребленіе публичнаго слова. Проводить черту между тѣмъ, что въ произведеніяхъ этого слова можетъ считаться дозволеннымъ, и что, напротивъ, должно считаться преступнымъ, принадлежитъ, слѣдственно, суду, на основаніи лишь самыхъ общихъ указаній законодательства. Поэтому назначеніе суда здѣсь уже не то, какъ въ общихъ дѣлахъ уголовныхъ, ибо онъ призывается къ трудной задачѣ, въ своихъ рѣшеніяхъ, съ одной стороны — ограждать безопасность и спокойствіе государства умѣреніемъ всякихъ ложныхъ или преступныхъ порывовъ, а съ другой охранять, вмѣстѣ, и тотъ просторъ мысли, безъ котораго невозможны дальнѣйшіе успѣхи умственнаго, въ видахъ общей пользы, развитія. Дѣло столь важное по своему вліянію должно быть ввѣряемо преимущественно судамъ, занимающимъ высшія ступени судебной іерархіи»[2]). Вотъ тѣ причины, которыя побудили изъять изъ общаго порядка подсудности нѣкоторыя изъ дѣлъ по нарушеніямъ законовъ о печати въ вѣдомствѣ гражданскомъ. Однако приведенные мотивы малоубѣдительны, во-1-хъ, потому, что разрѣшеніе вопроса о преступности или непреступности конкретнаго дѣянія составляетъ задачу суда при разсмотрѣніи каждаго дѣла, и затрудненія, мо-

[1]) Ст. 1276 В.-С. У. и ст. 1253 В.-М. С. У.
[2]) Уст. угол. суд., изд. Госуд. канц. стр. 516 (приложенія).

гущія возникать и дѣйствительно возникающія при толкованіи закона, могутъ также быть при обсужденіи всякаго преступленія и, во-2-хъ, существо преступленія вообще не можетъ измѣняться отъ того, что оно совершено путемъ печати, послѣднее же обстоятельство имѣетъ лишь квалифицирующее значеніе. Между тѣмъ въ ст. 181, 189 и 274 улож. предусматриваются тѣ же преступныя дѣйствія, совершаемыя на письмѣ или на словахъ и, несомнѣнно, въ этихъ случаяхъ подсудность опредѣляется на общемъ основаніи, такъ какъ хотя объ этомъ и не упомянуто въ ст. 1213[3] уст. угол. суд., но тѣмъ не менѣе, въ виду установленія особаго порядка только для дѣлъ *о печати*, правило этой статьи, какъ изъятіе, не можетъ быть толкуемо распространительно. Такимъ образомъ едва ли будетъ ошибочнымъ заключеніе, что дѣйствительное motto закона о судопроизводствѣ по дѣламъ печати заключается въ соображеніяхъ административныхъ, ничего общаго съ уголовнымъ процессомъ не имѣющихъ.

При обсужденіи проекта военно-судебнаго устава Высочайше учрежденный для разсмотрѣнія этого проекта Комитетъ напелъ въ послѣднемъ пробѣлъ, заключающійся въ отсутствіи правилъ о производствѣ по дѣламъ печати, установленныхъ для общихъ судебныхъ мѣстъ закономъ 15-го декабря 1866 г. По этому поводу Комитетъ призналъ, «что въ виду означеннаго новаго закона не представляется неудобства распространить на военнослужащихъ дѣйствіе общей, установленной означеннымъ законоположеніемъ подсудности, по всѣмъ дѣламъ сего рода, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя соединены съ нарушеніемъ обязанностей военной службы»[1]). На основаніи этихъ соображеній воинскіе чины были изъяты изъ военной подсудности за нарушенія законовъ о печати, указанныя въ ст. 1213[3] уст. угол. суд., если при томъ въ этихъ нарушеніяхъ не заключалось въ то же время нарушенія обязанностей военной службы[2]). Такому изъятію, установленному лишь въ виду того, что «не представлялось къ этому неудобствъ», трудно подыскать болѣе вѣскія основанія; если же считать, что общій судъ въ такихъ дѣлахъ, въ

[1]) Сборникъ закон. раб. 886.
[2]) Ст. 1275 В.-С. У. и ст. 1252 В.-М. С. У.

виду свойствъ преступленія, компетентнѣе военнаго, тогда, чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдовало бы вообще изъять преступленія, перечисленныя въ ст. 1213[4] уст. угол. суд. изъ военной подсудности, однако такое сужденіе несостоятельно уже потому, что на этомъ основаніи можно было бы изъять изъ военной подсудности любое общее преступленіе. Но это изъятіе не распространяется на дѣла сего рода, подлежащія разсмотрѣнію въ предѣлахъ Финляндскаго военнаго округа, гдѣ нарушенія постановленій о печати чинами расположенныхъ въ этомъ округѣ русскихъ войскъ подлежатъ вѣдѣнію военнаго суда[1]).

Такимъ образомъ военному суду подсудны тѣ изъ перечисленныхъ выше преступленій, которыя соединены съ нарушеніемъ военной службы. Это послѣднее выраженіе слѣдуетъ понимать, по совершенно справедливому замѣчанію проф. Володимірова[2]), въ смыслѣ совокупности идеальной, т. е., когда дѣяніемъ нарушенъ не только общеуголовный законъ, но и спеціально воинскій. Однако нарушеніе спеціально воинскаго запрета едва ли правильно будетъ понимать лишь какъ нарушеніе уголовно-наказуемое и, казалось, слѣдовало бы понимать его нѣсколько шире, распространяя это понятіе и на дисциплинарныя нарушенія, какъ напр., «сообщеніе, безъ надлежащаго разрѣшенія, въ повременномъ изданіи свѣдѣній изъ дѣлъ, ввѣренныхъ военнослужащимъ или извѣстныхъ имъ по служебному положенію»[3]), но, конечно, не напечатаніе вообще какой либо статьи безъ разрѣшенія начальства, такъ какъ подобнаго правила не существуетъ, да никогда и не существовало[4]).

Наконецъ еще одно изъятіе изъ подсудности военному суду воинскихъ чиновъ представляетъ сужденіе за преступленія по судебной должности въ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената слѣдующихъ лицъ: предсѣдателей и членовъ Главныхъ Военнаго и Морского судовъ, главныхъ военнаго и военно-морского прокуроровъ, помощниковъ главнаго военнаго прокурора и товарища главнаго военно-морского прокурора (тоже относительно состоящихъ и въ гражданскомъ чинѣ[5]).

[1]) Прилож. къ ст. 213 (прим. 2) В.-С. У. (п. 4).
[2]) Курсъ. 249.
[3]) Ст. 938, кн. VII. С. В. П.
[4]) Лузановъ. 171.
[5]) Ст. 1209 В.-С. У. ст. 1186 В.-М. С. У.

II.

Чины запаса арміи и флота.

1.

Современное развитіе вооруженныхъ силъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, съ одной стороны, и невозможность содержанія огромныхъ армій подъ знаменами въ мирное время— съ другой, создали необходимость обратиться къ такой организаціи вооруженныхъ силъ, при которой было бы возможно въ мирное время содержать сравнительно небольшія арміи, но обладающія свойствомъ, въ моментъ необходимости, быстраго развертыванія своихъ силъ и достиженія тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которые позволяютъ назвать эти арміи не только войскомъ, но и цѣлою вооруженною націею. Для достиженія этихъ цѣлей каждое государство въ мирное время содержитъ лишь кадры этого вооруженнаго народа, а для заполненія ихъ въ военное время заботится о доведеніи до наибольшаго числа среди гражданъ такихъ лицъ, которыя были бы подготовлены къ дѣйствительной службѣ путемъ прохожденія ея сначала подъ знаменами, а затѣмъ въ періодическихъ учебныхъ сборахъ.

Изъ этихъ краткихъ замѣчаній слѣдуетъ, что современныя постоянныя войска имѣютъ весьма сложную организацію, соображенную съ требованіями современнаго военнаго искусства, а въ подробностяхъ, съ національными особенностями, численностью населенія, степенью культуры страны и т. п. Раздѣленіе, которое можетъ быть примѣнено къ войску, зависитъ отъ того признака, который будетъ при этомъ принятъ за основаніе: по родамъ оружія, по роду службы, по источникамъ комплектованія и т. д. Наша цѣль опредѣлить объемъ военной подсудности къ отношеніи лицъ, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ категоріямъ вооруженныхъ силъ. Поэтому всѣ приведенныя раздѣленія не пригодны для нашей цѣли и, какъ выше уже было замѣчено, въ основу этого раздѣленія долженъ быть положенъ объемъ воинскихъ обязанностей, лежащихъ на лицахъ, составляющихъ эти

группы, въ отношеніи обороны государства (Wehrpflicht). Эти главныя группы были указаны выше: дѣйствующія войска и запасъ въ широкомъ смыслѣ слова. Въ Россіи другихъ категорій и не существуетъ, но въ иностранныхъ государствахъ вторая категорія подраздѣляется на болѣе мелкія группы по источникамъ комплектованія съ точки зрѣнія организаціонной. Въ нашихъ цѣляхъ эти группы могутъ быть опредѣлены признакомъ объема воинскихъ обязанностей, который обусловливается, такъ сказать, близостью этихъ группъ къ дѣйствующему войску. Въ Германіи къ неактивной группѣ вооруженныхъ силъ принадлежатъ резервныя войска (Reserve), ландверныя войска (Land und See-wehr) и кромѣ того запасный резервъ (Ersatzreserve)[1]; въ Австріи существуютъ тѣ же подраздѣленія[2]) и различіе заключается лишь въ срокахъ службы и другихъ организаціонныхъ подробностяхъ, не имѣющихъ для насъ значенія; важно лишь то, что всѣ эти части образуютъ собою особую обширную группу, не несущую дѣйствительной службы, Beurlaubtenstand. Различіе въ особенностяхъ этихъ частей весьма характерно опредѣляетъ Marck: «die Landwehrdienstpflicht ist lediglich eine fortgesetzte Reserwedienstpflicht. Beide zusammen lassen sich dahin charakterisiren, das die Pflicht zum aktiven Militärdienst quo ad jus fortdauert, quo ad exercitium aber suspendirt ist. Die Ersatzreservepflicht ist eine ewentuelle Dienstpflicht»[3]). Неактивную часть вооруженныхъ силъ Франціи составляетъ: резервъ арміи, территоріальная армія и ея резервъ[4]).

2.

Современная организація нашихъ вооруженныхъ силъ возникла уже послѣ военно-судебной реформы. Поэтому составители военно-судебнаго устава, а также и устава уголовнаго судопроизводства, не имѣли ее въ виду при опредѣленіи подсудности военному суду лицъ, не исполняющихъ фактически обязан-

[1]) Редигеръ. I, 39; II, 31.
[2]) Тамъ же. I, 53; II, 37.
[3]) Marck. I, 5.
[4]) Loi du 15 Juillet 1889 sur le recrutement de l'armée, art. 37. Редигеръ. I, 68; II, 46.

постей военной службы, но носящихъ воинское званіе (безсрочноотпускные). Составители военно-судебнаго устава, останавливаясь на вопросѣ о подсудности военному суду лицъ послѣдней категоріи, указали на два основанія къ ограниченію объема этой подсудности: 1) безсрочноотпускные, получая увольненіе въ отпускъ, освобождаются отъ особенныхъ военныхъ обязанностей и входятъ вполнѣ въ сферу общей гражданской жизни, въ виду чего и не представляется ни пользы, ни необходимости подвергать ихъ дѣйствію спеціальныхъ военныхъ законовъ и 2) при предстоящемъ у насъ образованіи постоянныхъ и многочисленныхъ резервовъ, т. е. съ увеличеніемъ количества безсрочноотпускныхъ, число дѣлъ о нихъ можетъ на столько увеличиться, что или вызоветъ необходимость увеличить число военныхъ судовъ, или уменьшитъ успѣхъ въ дѣятельности послѣднихъ по дѣламъ, относящимся до военнослужащихъ; кромѣ того неизбѣжно возникнутъ и другія неудобства по вызову подсудимыхъ, свидѣтелей и т. п.[1]). Въ виду всего этого и было постановлено, что безсрочноотпускные воинскіе чины подлежатъ военному суду лишь за преступленія, относящіяся до нарушенія законовъ воинской дисциплины и военной службы[2]). То же правило было принято и при составленіи устава уголовнаго судопроизводства[3]).

Вполнѣ естественно, что при составленіи устава о всеобщей воинской повинности возникъ вопросъ объ условіяхъ отвѣтственности чиновъ запаса[4]) и о подсудности ихъ въ случаѣ совершенія преступленій. Первоначальныя предположенія по этому вопросу мы находимъ въ составленномъ Главнымъ Штабомъ проектѣ о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ и въ запасѣ. Кромѣ того въ проектъ этотъ были внесены правила о ношеніи форменной военной одежды чинами запаса. При обсужденіи законопроекта въ 1 и 2 отдѣлахъ комиссіи по составленію устава, въ отношеніи этихъ послѣднихъ правилъ было между прочимъ найдено,

[1]) Сборникъ закон. раб. 10—11.

[2]) Тамъ же. 238. Основныя положенія. Ч. II, ст. 11, п. 2.

[3]) Объяснит. записка къ проекту, стр. 120 (т. LII-й дѣла о преобр.).

[4]) Мы опускаемъ вопросъ о временноотпускныхъ, которые отличались отъ безсрочноотпускныхъ лишь въ отношеніи порядка ихъ увольненія.

что право ношенія запасными чинами военнаго мундира должно быть по возможности ограничено и, принимая во вниманіе, что постоянное ношеніе мундира можетъ породить серьезные проступки и даже преступленія между лицами, числящимися въ запасѣ и состоящими на службѣ гражданской и общественной, гдѣ нерѣдко младшіе по военному чину могутъ, занимая высшія должности, являться начальниками старшихъ, что повело бы къ цѣлому ряду столкновеній по вопросамъ объ оскорбленіи чести и несоблюденіи правилъ чинопочитанія,—засѣданіе отдѣловъ комиссіи полагало, что чины запаса вообще не должны пользоваться правомъ ношенія военнаго мундира, исключая случаевъ, когда, по правиламъ воинскаго устава опредѣлено быть въ парадной и праздничной формѣ, чинамъ запаса предоставляется надѣвать военный мундиръ, при чемъ разъ они, хотя бы по собственному желанію, надѣли этотъ мундиръ, то отъ нихъ необходимо требовать соблюденія правилъ воинской чести и чинопочитанія, а за нарушеніе этихъ правилъ они должны подлежать или взысканію дисциплинарному, или наказанію по приговору военнаго суда.

Обращаясь затѣмъ къ дѣйствовавшему тогда процессуальному законодательству, отдѣлы комиссіи нашли, что правила о подсудности безсрочноотпускныхъ[1]) подлежатъ ограниченію, такъ какъ по объему предоставляемыхъ чинамъ запаса правъ они являются полноправными гражданами, несущими только временную обязанность въ отношеніи войска, тогда какъ безсрочноотпускные являлись воинскими чинами, состоящими въ распоряженіи военнаго вѣдомства, но освобожденными на неопредѣленное время отъ несенія службы. Въ виду этого отдѣлы комиссіи предполагали ограничить военную подсудность чиновъ запаса двумя случаями: 1) нарушеніемъ правилъ дисциплины и чинопочитанія во время ношенія форменной военной одежды и 2) нарушеніемъ обязанности являться по призыву на службу, такъ какъ «съ призывомъ зачисленныхъ въ запасъ на службу, послѣдняя начинается для нихъ со дня объявленія призыва и они, какъ считающіеся съ этого дня на дѣйствительной службѣ,

[1]) Ст. 245 В.-С. У. и ст. 221 уст. угол. суд.

за неявку на нее или промедленіе безъ законныхъ къ тому причинъ должны подлежать не иному суду, какъ только военному»[1]). Поэтому и было предположено чиновъ запаса, внѣ указанныхъ случаевъ, подчинить общеуголовной юрисдикціи[2]). Разсмотрѣвъ эти предположенія, общее собраніе комиссіи нашло, что «такъ какъ предположенія о правѣ запасныхъ чиновъ на ношеніе военнаго мундира должны быть соображены съ другими военными по сему предмету постановленіями, то разрѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено военному министерству»[3]).

Изложенныя предположенія о подсудности чиновъ запаса военному суду въ первоначальномъ проектѣ устава вошли въ ст. 23, въ слѣдующей редакціи: «за неявку вовсе и неявку въ срокъ по призыву на службу или въ учебные и повѣрочные сборы, въ опредѣленное для того мѣсто, безъ законныхъ на то причинъ, а равно за проступки и преступленія, совершенные во время сбора, состоящіе въ запасѣ подлежать военному суду; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ гражданскому суду, на основаніи общихъ законовъ»[4]). Однако Военный Министръ не нашелъ возможнымъ согласиться съ такимъ ограниченіемъ объема военной подсудности, во-первыхъ, въ виду несоотвѣтствія проектированныхъ правилъ дѣйствующему закону (ст. 245 В.-С. У. и ст. 221 уст. угол. суд.) и, во-вторыхъ, потому, что въ дѣйствительности могутъ встрѣчаться и другіе случаи нарушенія обязанностей военной службы со стороны находящихся въ запасѣ[5]). Вслѣдствіе этого въ проектѣ устава, представленномъ въ Государственный Совѣтъ, ст. 23 была изложена въ совершенно другой редакціи: «чины запаса подсудны уголовному суду гражданскаго вѣдомства за всѣ преступленія и проступки, исключая составляющихъ прямое нарушеніе обязанностей военной службы, за которые подлежатъ военному суду»[6]). Противъ этой послѣдней редакціи высказались управляющіе отдѣленіями Собственной Его Величества канцеляріи, 1-мъ Статсъ-Секретарь Та-

---

[1]) Труды комиссіи. 1155—1171.
[2]) Тамъ же. 1174.
[3]) Тамъ же. 1180.
[4]) Тамъ же. 1218.
[5]) Матеріалы. Представленіе Воен. М-ра. № 888 (объясн. зап.). 132.
[6]) Тамъ же. Проектъ, представл. въ Госуд. Совѣтъ. стр. 5.

нѣвъ и 2-мъ Статсъ-Секретарь князь Урусовъ, находя, что первоначальная редакція ст. 23 наиболѣе соотвѣтствовала бы тому юридическому положенію, въ которое по проекту должны быть поставлены запасные, и кромѣ того въ виду той численности ихъ, которая въ короткое время должна достигнуть громадныхъ размѣровъ[1]). Министръ Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ указалъ, что подсудность чиновъ запаса должна быть опредѣлена въ зависимости отъ того, будетъ ли имъ предоставлено ношеніе военнаго мундира или нѣтъ[2]). Военный Министръ не нашелъ однако возможнымъ согласиться съ приведенными соображеніями, и вопросъ о подсудности чиновъ запаса въ 1873 г. перешелъ наконецъ на окончательное разрѣшеніе Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта. При обсужденіи 23 статьи Особое Присутствіе нашло, «что дѣйствующія правила о подсудности воинскихъ чиновъ, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ, вполнѣ естественныя и понятныя при нынѣшнемъ (т. е. до-реформенномъ) порядкѣ отправленія воинской повинности и существующей (т. е. прежней) организаціи войскъ, едва ли были бы впредь справедливы по отношенію къ лицамъ, состоящимъ въ запасѣ, которыя должны считаться гражданами, призываемыми къ оружію въ исключительныхъ только обстоятельствахъ»[3]). На этомъ основаніи объемъ военной подсудности запасныхъ чиновъ былъ ограниченъ тѣми правилами, которые и дѣйствуютъ до настоящаго времени. Въ виду установленія изложеннаго порядка, пришлось согласовать въ этомъ отношеніи не уставъ о воинской повинности съ уставомъ военно-судебнымъ, а этотъ послѣдній съ первымъ, и въ заключеніи своемъ объ измѣненіи статей, относящихся къ подсудности безсрочно-отпускныхъ и вообще не состоящихъ на дѣйствительной службѣ лицъ военнаго званія, Главный Военный Прокуроръ, между прочимъ, указалъ на то, что, съ принятіемъ новой организаціи нашихъ вооруженныхъ силъ, положеніе чиновъ запаса и бессрочноотпускныхъ слѣдуетъ признать въ сущности одинаковымъ, «вслѣдствіе чего представляется не только возможнымъ, но и

[1]) Тамъ же. Заключеніе, стр. 2 и 3. Отзывъ, № 137, стр. 9.
[2]) Тамъ же. Замѣчанія Министра Внутр. Дѣлъ, стр. 1.
[3]) Матеріалы. Журналъ Особ. Прис. Госуд. Совѣта. 1873 г. № 1, стр. 28.

вполнѣ правильнымъ распространить на безсрочноотпускныхъ нижнихъ чиновъ вновь изданныя правила о подсудности по уголовнымъ дѣламъ чиновъ запаса арміи»[1]). Такимъ образомъ и относительно безсрочноотпускныхъ военная подсудность подверглась также ограниченію, а не исключенное еще до нынѣ примѣчаніе къ ст. 245 В.-С. У. относительно послѣднихъ потеряло уже то практическое значеніе, которое оно имѣло раньше въ виду того, что хотя съ введеніемъ въ дѣйствіе уст. о воинск. пов. безсрочноотпускные и были перечислены въ запасъ, но противъ нихъ могли возникать обвиненія въ преступленіяхъ, совершенныхъ до этого перечисленія.

3.

Дѣйствующія правила о подсудности чиновъ запаса изложены въ настоящее время въ уставахъ судебныхъ (ст. 221 уст. угол. суд., ст. 245 В.-С. У. и ст. 238 В.-М. С. У.[2]) и въ уставѣ о воинской повинности (ст. 30), къ подробному разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

Изъ приведенной только что исторіи этихъ правилъ прежде всего слѣдуетъ, что законодатель желалъ придать военной подсудности запасныхъ чиновъ вполнѣ ограничительный характеръ; поэтому внѣ условій, указанныхъ въ правилахъ, воинскіе чины, съ переходомъ въ состояніе запаса, подлежатъ за всѣ преступленія общей юрисдикціи. Моментъ перехода въ это состояніе опредѣляется моментомъ окончанія состоянія на дѣйствительной службѣ. Проф. Володимировъ находитъ, что моментъ этотъ избранъ крайне неудачно, справедливо указывая, что расширеніе предѣловъ состоянія на дѣйствительной службѣ до роспуска запасныхъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ и вслѣдствіе этого военной подсудности на преступленія какъ воинскія, такъ и общія, совершенныя уволенными въ запасъ нижними чинами въ періодъ времени перехода изъ воинскихъ частей въ управ-

---

[1]) Закл. Главн. Воен. Прокур. Стр. 10.

[2]) Совершенно тождественныя правила и въ уставѣ о воинск. пов. въ Финляндіи (§ 16), но разсматривается это постановленіе ниже.

ленія уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, не имѣетъ вѣскихъ основаній, такъ какъ подобная мѣра направлена къ огражденію не столько воинскаго, сколько общегосударственнаго порядка, который долженъ считаться достаточно обезпеченнымъ и общими средствами уголовнаго преслѣдованія[1]). Съ такой точкой зрѣнія едва ли можно не согласиться, и ограниченія въ этомъ отношеніи представляются вполнѣ желательными, тѣмъ болѣе, что ни одно иностранное законодательство не содержитъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, подобнаго правила. Установленіемъ такого термина времени военный судъ получаетъ значеніе особой угрозы, что, весьма возможно, и достигаетъ цѣли, съ одной стороны, обезпеченія гражданъ отъ преступныхъ посягательствъ во время массовыхъ передвиженій увольняемыхъ въ запасъ нижнихъ чиновъ, а съ другой, болѣе правильнаго прибытія ихъ въ мѣста жительства, что въ свою очередь чрезвычайно важно въ видахъ правильности учета.

Состояніе въ запасѣ прекращается: 1) призывомъ на дѣйствительную службу или въ учебные сборы[2]), а относительно офицеровъ еще и прикомандированіемъ къ войсковой части[3]) и 2) перечисленіемъ въ ополченіе[4]), увольненіемъ въ отставку[5]) и исключеніемъ изъ запаса[6]). Въ случаяхъ, перечисленныхъ въ 1-мъ пунктѣ, военная подсудность возстановляется въ полномъ объемѣ. Моментомъ такого возстановленія подсудности относительно нижнихъ чиновъ является день *явки на сборный пунктъ*[7]), а относительно офицеровъ—*день прибытія* къ войскамъ[8]). Слѣдовательно, для возстановленія подсудности военному суду чиновъ запаса необходимо *фактическое* поступленіе на службу, тогда какъ для призываемыхъ впервые на военную службу для установленія полной военной подсудности не требуетъ этого условія. Такимъ образомъ, при совершенно тождественныхъ об-

---

[1]) Володимировъ. Курсъ. 164.
[2]) Ст. 739, кн. VII С. В. П.; ст. 380, кн. VIII С. М. П.; ст. 23 уст. о воинск. пов.
[3]) Ст. 786, кн. VII С. В. П.
[4]) Ст. 138, кн. V С. В. П.
[5]) Ст. 845—888, кн. VII С. В. П.
[6]) Ст. 13 уст. о воинск. пов.; ст. 830, кн. VII С. В. П.
[7]) Ст. 101, кн. VI С. В. П.; ст. 265 уст. о воинск. пов.
[8]) Ст. 370 уст. о воинск. пов.; ст. 817, кн. VII С. В. П.; Прилож. къ ст. 783, кн. VII въ отношеніи прапорщиковъ запаса (ст. 15 Приложенія).

стоятельствахъ, условія возникновенія военной подсудности по нашему закону являются различными, что едва ли можно признать послѣдовательнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что при неявкѣ по призыву, съ наступленіемъ опредѣленнаго для явки срока, запасные чины подлежатъ военному суду только за эту неявку, всѣ же остальныя преступныя дѣянія, учиненныя въ періодъ незаконнаго состоянія, обусловленнаго неявкой по призыву, не подлежатъ военной юрисдикціи, но затѣмъ возвращеніе призванныхъ на службу чиновъ вновь въ запасъ съ окончаніемъ тѣхъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ состоялся призывъ, не измѣняетъ подсудности военному суду неявившихся по призыву за эту неявку.

Совершенно обратныя постановленія заключаются въ законодательствахъ иностранныхъ. По законамъ германскимъ военная подсудность возстановляется для призываемыхъ на службу чиновъ запаса (Personen des Beurlaubtenstandes) со дня, къ которому они призваны[1]), при чемъ правило это распространяется на всѣ государства имперіи. То же правило установлено и въ Австріи, гдѣ военная подсудность возстановляется для призываемыхъ со дня объявленія о призывѣ или дня, указаннаго въ распоряженіи о призывѣ[2]), при чемъ не дѣлается никакого различія, для какой цѣли призываются эти чины на службу. Французскій же законъ о воинской повинности 15-го іюля 1889 г. дѣлаетъ различіе по цѣли призыва: военная подсудность возстановляется въ полномъ объемѣ при призывѣ для *мобилизаціи*—со дня призыва (du jour de leur appel à l'activité), а во всѣхъ прочихъ случаяхъ со дня сбора призываемыхъ въ партіи или отряды для отправленія или дня явки въ часть, если призванный слѣдуетъ отдѣльно (art. 52).

4.

Итакъ, какіе бы моменты не опредѣляли возстановленіе для призываемыхъ военной подсудности, во всѣхъ законодательствахъ она распространяется на преступленія и проступки, со-

[1]) Solms. 20 и 161.

[2]) § 3 Зак. 1869 г., измѣн. закономъ 11-го іюня 1884 г.; § 4 Зак. 2-го апрѣля 1885 г. (Manz'che. G. Ausg. B. V. 534, 539).

вершенныя во время состоянія подъ знаменами и въ учебныхъ сборахъ. Но кромѣ учебныхъ сборовъ во всѣхъ современныхъ арміяхъ установлены еще и такъ называемые *повторочные* сборы (Kontrolversammlungen, revues). У насъ такіе сборы для регулярныхъ войскъ установлены въ 1884 г.[1]), но въ отношеніи пространства дѣйствія военно-уголовныхъ законовъ во время этихъ сборовъ никакихъ постановленій сдѣлано не было, а уложеніе о наказ. было дополнено постановленіемъ объ отвѣтственности за неявку къ этимъ сборамъ (ст. 519). Въ виду этого, а также и различія тѣхъ цѣлей, для которыхъ установлены тѣ и другіе сборы, несомнѣнно, что призванные въ повѣрочные сборы запасные за учиненныя ими въ это время преступленія подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ. Цѣль *учебныхъ* сборовъ «обновленіе пріобрѣтенныхъ на дѣйствительной службѣ познаній по строевому образованію и стрѣльбѣ и поддержаніе въ запасныхъ нижнихъ чинахъ воинской дисциплины и привычки къ военной службѣ»[2]); цѣль *повторочныхъ* сборовъ «сличеніе учетныхъ свѣдѣній о нижнихъ чинахъ запаса съ дѣйствительною ихъ наличностью»[3]). Слѣдовательно, послѣдніе не имѣютъ ничего общаго съ исполненіемъ какихъ либо обязанностей военной службы, являясь простымъ полицейскимъ мѣропріятіемъ въ цѣляхъ учета, первые же, напротивъ того, имѣютъ своимъ содержаніемъ исполненіе именно обязанностей военной службы. Но даже, если и допустить, что тѣ и другіе тождественны, то все-таки это не можетъ служить основаніемъ къ установленію военной подсудности, такъ какъ подсудность запасныхъ чиновъ военному суду является несомнѣннымъ изъятіемъ изъ общихъ правилъ по этому предмету и разъ законъ не упоминаетъ на ряду съ учебными сборами и повѣрочныхъ, то и военной подсудности для чиновъ запаса, находящихся въ этихъ послѣднихъ, быть не можетъ. Положеніе это представляется само по себѣ безспорнымъ и не требующимъ какихъ либо особыхъ доказательствъ, но, тѣмъ не ме-

---

[1]) Ст. 242—248 уст. о воинск. пов.

[2]) Прилож. къ ст. 739, кн. VII. С. В. П.

[3]) Ст. 234 уст. о воинск. пов. и § 1 Инструкціи (Собр. узак. 1894 г. ст. 523 и пр. по воен. вѣд. № 18).

нѣе, не будетъ излишнимъ сдѣлать историческую справку для болѣе рельефнаго выясненія вопроса.

Въ первоначальномъ проектѣ устава о воинск. нов. (ст. 17) было предположено призывать запасныхъ не только въ учебные, но и повѣрочные сборы, при чемъ и подсудность военному суду охватывала и эти послѣдніе сборы (ст. 23)[1]). Указаніе на повѣрочные сборы наравнѣ съ учебными было сохранено и въ ст. 17 проекта, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ[2]). По этому поводу было сдѣлано лишь одно замѣчаніе со стороны управляющаго 2-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, который находилъ подлежащимъ исключенію изъ ст. 17 слова «учебные и повѣрочные», такъ какъ указаніе цѣли сборовъ въ законѣ не представляется необходимымъ[3]). Затѣмъ въ измѣненномъ проектѣ устава въ ст. 17 дѣйствительно было вычеркнуто слово «повѣрочные», но оставлено «учебные». При обсужденіи же проекта въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ о повѣрочныхъ сборахъ и не возникалъ. Однако практика приравняла повѣрочные сборы по ихъ значенію къ учебнымъ, вслѣдствіе чего и было признано, что оскорбленіе офицера запаснымъ шпаремъ во время повѣрочнаго сбора подсудно военному суду[4]).

Иностранными законодательствами вопросъ о подсудности призванныхъ въ повѣрочные сборы уже разрѣшенъ. По законодательству германскому воинскіе чины запаса (Beurlaubtenstand) въ теченіе того дня, на который они собраны, подчиняются дѣйствію военныхъ законовъ и за всѣ воинскія, но не общія, преступленія, совершенныя въ это время, подсудны военному суду[5]). То же правило установлено и въ австрійскомъ законодательствѣ[6]). По французскому закону о воинской повинности 1889 г. подсудность военному суду призванныхъ въ повѣрочный сборъ является шире, не будучи ограничена одними воинскими преступленіями (art. 52), что врядъ ли цѣлесообразно

[1]) Труды комиссіи. 1217 и 1218.
[2]) Ст. 23 была измѣнена ранѣе, какъ о томъ изложено выше.
[3]) Матеріалы. Отзывъ № 137, стр. 7.
[4]) Рѣшеніе Главн. Воен. Суда. 1895 г. № 43.
[5]) Solms. 23, 161; Marck. II, 72.
[6]) Dangelmaier. Abh. 69.

и основательно, въ особенности, если принять во вниманіе, что сборы эти по самому закону не могутъ продолжаться болѣе одного дня (art. 49).

Сравнивая приведенныя иностранныя постановленія съ нашими и имѣя въ виду, что у насъ уже при составленіи устава о воинской повинности возбуждался вопросъ о подсудности военному суду призванныхъ въ повѣрочные сборы, а также и то, что для казачьихъ войскъ уже установлена военная подсудность, какъ увидимъ ниже, за преступленія не только во время учебныхъ, но и *смотровыхъ* сборовъ, нельзя не признать, что на нарушенія чинопочитанія и подчиненности со стороны призванныхъ въ повѣрочные сборы слѣдовало бы и у насъ распространить дѣйствіе военныхъ законовъ.

5.

Подсудность военному суду чиновъ запаса за всѣ какъ воинскія, такъ и общія преступленія, совершенныя во время учебныхъ сборовъ, съ точки зрѣнія основного сословнаго начала военнаго процесса, является вполнѣ послѣдовательной. Но, конечно, нельзя при обсужденіи этого вопроса не принять во вниманіе кратковременность этихъ сборовъ и тѣ неудобства, которыя могутъ возникнуть, и въ дѣйствительности возникаютъ, вслѣдствіе распространенія военной подсудности на общія преступленія, совершенныя запасными въ учебныхъ сборахъ. Эти соображенія имѣлись въ виду и при пересмотрѣ военно-судебнаго устава въ 1882 году, при чемъ было предположено, чтобы за общія преступленія, учиненныя во время учебныхъ сборовъ чинами запаса, послѣдніе подлежали военному суду лишь въ томъ случаѣ, если преданіе суду состоялось до окончанія сборовъ или прикомандированія [1]). Однако это предположеніе не осуществилось и въ этомъ отношеніи было оставлено старое правило. Вопросъ этотъ весьма подробно разработанъ въ курсѣ проф. Володимірова [2]) и намъ остается лишь присоединиться къ высказаннымъ въ этомъ курсѣ воззрѣніямъ относительно совер-

[1]) Проектъ В.-С. У. 1884 г. ст. 245.
[2]) Стр. 180.

шенной неосновательности безусловной подсудности общихъ преступленій запасныхъ во время учебныхъ сборовъ военному суду.

Съ дѣйствующими у насъ по этому предмету правилами тождественнымъ является лишь французское законодательство [1]), въ остальныхъ же законодательствахъ установлены особыя условія подсудности общихъ преступленій, совершенныхъ чинами запаса, военному суду. По австрійскому законодательству для этого необходимо обнаруженіе преступленія и возбужденіе уголовнаго преслѣдованія до увольненія со службы въ запасъ или со сборовъ [2]). По кодексу прусскому (§ 8) военный судъ вправѣ передать такія преступленія на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ установленій, если общее преступленіе не было соединено съ преступленіемъ воинскимъ; по кодексу же баварскому (art. 4) общія преступленія призванныхъ въ учебные сборы остаются подсудными общимъ судамъ во всякомъ случаѣ [3]), исключая совокупности съ преступленіемъ воинскимъ [4]). Такимъ образомъ ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами законодательствъ не имѣется безусловнаго исключенія военной подсудности относительно общихъ преступленій, учиненныхъ чинами запаса во время учебныхъ сборовъ, и наиболѣе удачнымъ нельзя не признать рѣшеніе этого вопроса по кодексу баварскому.

6.

Подсудность чиновъ запаса военному суду во всѣхъ законодательствахъ установлена кромѣ того еще и за нѣкоторыя преступленія, учиненныя во время ношенія *форменной военной одежды*. Для подсудности военному суду необходимо, во-1-хъ, чтобы одежда была военная, т. е. съ существенными внѣшними признаками, отличающими воинское званіе, но не отдѣльныя части этой одежды. Къ такимъ существеннымъ признакамъ относятся военные *погоны*, или соотвѣтствующіе имъ отличительные знаки, но на шинели, пальто, мундирѣ, сюртукѣ, кителѣ,

---

[1]) Loi du 15 Juillet 1889 art. 52.
[2]) § 4 Закона 1869 г. (Manz'che G.-Ausg. V B. 536). Dangelmaier. Abh. 69.
[3]) Рѣш. баварск. кассац. суда. Weigel. Die Zuständigkeitsgrenzen n. 18 стр. 10.
[4]) Art. 7 и рѣш. баварск. кассац. суда. Тамъ же, n. 3 стр. 18.

рубашкѣ и другихъ установленныхъ видахъ верхняго платья *военнаго* образца, а не на другой какой либо одеждѣ. Поэтому совершеніе одного изъ преступленій, указанныхъ въ ст. 245 В.-С. У. (и соотвѣтствующихъ ей), хотя и въ форменной, даже военнаго покроя, но не военной одеждѣ, не влечетъ за собою преданія военному суду[1]). Во-2-хъ, одежда должна быть форменной, т. е. соотвѣтствующей въ своихъ главнѣйшихъ частяхъ офиціальнымъ описаніямъ обмундированія, хотя бы и ранѣе бывшаго. Solms указываетъ, однако, на необходимость полной форменной одежды, а не только существенныхъ ея частей, именно, чтобы запасный былъ одѣтъ въ военный мундиръ (Waffenrock), соотвѣтствующія брюки (Beinkleid) и имѣлъ военный головной уборъ (Helm, Käppi, Mütze), при чемъ замѣчаетъ, что не требуется непремѣнно наличности только оружія[2]); но съ такимъ точнымъ пониманіемъ военной формы для привлеченія запаснаго къ отвѣтственности за указанныя въ законѣ нарушенія едва ли можно согласиться. Совершенно безразличнымъ представляется и то обстоятельство, имѣлъ ли право запасный носить форменную военную одежду или нѣтъ[3]), въ виду того, что опредѣленіе военной подсудности по чисто внѣшнему признаку требуетъ лишь наличности самого факта ношенія этой одежды, такъ какъ и самое правило это установлено исключительно съ цѣлью огражденія воинскаго званія, внѣшнимъ образомъ опредѣляющагося военной формой. Главный Военный Судъ по этому поводу, между прочимъ, разъясняетъ, что «обязанность состоящихъ въ запасѣ офицеровъ (и вообще воинскихъ чиновъ), во время ношенія ими военной формы, подчиняться требованіямъ воинскаго чинопочитанія и подчиненности вовсе не поставлена въ зависимость отъ того, законно или незаконно помянутые офицеры носятъ военное платье, а за незаконное ношеніе форменной военной одежды они подлежатъ самостоятельному наказанію»[4]).

---

[1]) Рѣш. Главн. Воен. Суда. 1877 г. № 24.
[2]) Solms. 120.
[3]) Правила о формѣ одежды. 839—844, кн. VII С. В. П.; Прилож. къ ст. 361 (п. б) кн. VIII С. М. П.
[4]) Рѣш. 1891 г. № 85. Ст. 811—812 кн. VII. С. В. П.

Изложенное воззрѣніе раздѣляется и въ литературѣ [1]). Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что точно также не должно имѣть значенія и еще одно обстоятельство, а именно: соотвѣтствіе военной формы дѣйствительному званію или чину запаснаго, что логически вытекаетъ изъ перваго положенія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію другого признака: свойствъ преступленія, учиненнаго во время ношенія военной формы, мы находимъ въ военныхъ кодексахъ различныя по своему содержанію правила. Нашъ законъ опредѣляетъ эти преступленія такъ: «за нарушеніе обязанностей дисциплины и воинскаго чинопочитанія»,—формула, съ одной стороны, весьма растяжимая, съ другой — ограниченная, какъ на это справедливо указываютъ профессора Володимировъ и Кузьминъ-Караваевъ [2]), но Главный Военный Судъ придалъ этой формулѣ ограничительный смыслъ, разъяснивъ въ 1879 г., что оскорбленіе часового находящимся въ годовомъ отпуску рядовымъ, бывшимъ въ форменной военной одеждѣ [3]), предусмотрѣно не воинскимъ уставомъ о наказаніи, но общеуголовными законами [4]); при этомъ въ качествѣ мотива сдѣлана ссылка на рѣшеніе 1874 г. № 215. При ознакомленіи съ содержаніемъ послѣдняго рѣшенія оказывается, что въ немъ даны разъясненія по поводу тождественнаго случая, при чемъ признано, что оскорбленіе часового безсрочноотпускнымъ не составляетъ прямого нарушенія обязанностей военной службы, а потому предусмотрѣно въ отношеніи находящагося въ безсрочномъ отпуску подсудимаго уложеніемъ о наказаніяхъ. Такая аргументація однако не приложима къ первому случаю, такъ какъ въ 1874 г. дѣйствовалъ совершенно другой законъ, на которомъ основывается разъясненіе въ рѣшеніи № 215, а именно, ст. 245, кн. XXIV С. В. П. 1869 г. въ слѣдующей редакціи: «воинскіе чины, состоящіе въ безсрочномъ отпуску или же по запаснымъ войскамъ и вообще не на дѣйствительной службѣ, подлежатъ военному суду токмо за преступныя дѣянія,

---

[1]) Володимировъ. Курсъ. 182. Dangelmaier. Abh. 73.

[2]) Володимировъ. Курсъ. 182. Кузьминъ-Караваевъ. Воен. Угол. Право. I. 215.

[3]) Отвѣтственность продолжительноотпускныхъ одинакова съ запасными (см. выше).

[4]) Рѣшеніе № 187.

составляющія *прямое нарушеніе обязанностей военной службы* (ст. 221 уст. угол. суд.)»[1]), а въ 1879 г. дѣйствовала уже ст. 245 въ новой, до настоящаго времени существующей, редакціи[2]). Отсюда слѣдуетъ, что изложенныя рѣшенія Главнаго Военнаго Суда должны въ настоящее время считаться потерявшими силу, а вопросъ о свойствѣ тѣхъ дѣяній, которыя указаны въ п. в, ст. 245 В.-С. У. 1884 г., открытымъ. Въ рѣшеніяхъ Главнаго Военно-Морского Суда не имѣется ни одного разъясненія по этому поводу[3]). Правительствующій Сенатъ раздѣляетъ мнѣніе Главнаго Военнаго Суда, также находя, что оскорбленіе часового, нанесенное продолжительно-отпускнымъ рядовымъ, бывшимъ въ то время въ форменной военной одеждѣ, предусмотрѣно не 113 ст. XXII С. В. П., а 286 ст. улож. о наказ., при чемъ и въ рѣшеніи Сената сдѣлана ссылка на приведенныя выше рѣшенія Главнаго Военнаго Суда[4]). Однако выраженіе «прямое нарушеніе обязанностей военной службы» являлось также вполнѣ неопредѣленнымъ и можно сказать, что оно охватывается выраженіемъ «нарушеніе обязанностей дисциплины». Такой выводъ долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ совершенно противоположное только что сдѣланному, по поводу разъясненій Главнаго Военнаго Суда, заключеніе. Но если принять во вниманіе, что опредѣленіе свойствъ этихъ преступленій представляется не вполнѣ яснымъ, какъ при старой, такъ и при новой редакціи 245 ст. В.-С. У., то вопросъ сводится къ тому, какой смыслъ слѣдуетъ придавать каждому опредѣленію, т. е. является ли первая редакція болѣе широкой въ отношеніи второй или наоборотъ?

Для разрѣшенія этого вопроса обратимся къ законодательнымъ работамъ. Составители военно-судебнаго устава 1867 г. разсуждали такъ: «бессрочноотпускные, находясь во время отпуска внѣ надзора военнаго начальства, должны подчиняться общимъ постановленіямъ гражданскаго вѣдомства, въ виду чего

---

[1]) По редакціи проекта уст. угол. суд. (ст. 178): «...если преступленія, учиненныя ими не на дѣйствительной службѣ, не имѣютъ прямого отношенія къ нарушенію служебныхъ обязанностей».

[2]) Приказъ по воен. вѣд. 1875 г. № 107.

[3]) Сборникъ разъясн. Главн. Воен.-Морск. Суда, составлен. Прикерадскимъ.

[4]) Рѣш. Общ. Собр. 1891 г. № 6.

ихъ слѣдуетъ предавать военному суду *только за преступленія, относящіяся до нарушенія законовъ военной дисциплины и военной службы*»[1]). Эта формула была введена затѣмъ въ ст. 12 проекта основныхъ положеній преобразованія военно-судной части (ч. II), но въ соединенномъ присутствіи генералъ-аудиторіатовъ редакція этой статьи вызвала разногласіе, при чемъ два члена находили, что такое опредѣленіе свойствъ преступленій, за которыя не состоящіе на службѣ воинскіе чины подлежатъ военному суду, «можетъ возбудить недоразумѣнія, а потому полагаютъ, въ устраненіе сихъ сомнѣній, опредѣлить точное значеніе приведенныхъ словъ, такъ какъ отъ нихъ должно зависѣть правильное разрѣшеніе вопроса о подсудности», но большинство не согласилось съ этимъ вполнѣ справедливымъ указаніемъ, считая, что «точное опредѣленіе, какія именно преступленія слѣдуетъ подразумѣвать подъ именемъ преступленій, относящихся до нарушенія военной дисциплины и военной службы, относится до воинскаго устава о наказаніяхъ», гдѣ и будутъ разъяснены «могущія встрѣтиться по сему предмету недоразумѣнія». Въ заключеніи же Августѣйшаго Предсѣдателя Комитета и Министровъ Военнаго и Морского сказано, что слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ большинства потому, что правило это буквально заимствовано изъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г.[2]). Нельзя однако не замѣтить, что буквальное повтореніе статьи 221 уст. угол. суд. явилось лишь въ самомъ уставѣ, а не основныхъ положеніяхъ. При обращеніи же къ законодательнымъ работамъ по судебнымъ уставамъ оказывается, что при обсужденіи основныхъ началъ судопроизводства какъ въ департаментахъ[3]), такъ и въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта[4]) имѣлись въ виду «свѣдѣнія о предначертаніяхъ по преобразованію судебной части въ военномъ вѣдомствѣ», опьему между прочимъ и было постановлено, что находящіеся въ безсрочномъ отпуску нижніе чины и офицеры должны быть предаваемы общеуголовному суду, «если только преступ-

[1]) Сборникъ закон. раб. 11.
[2]) Тамъ же. 192—193.
[3]) Журн. Госуд. Сов. 1862 г. № 65, стр. 244 (т. XIX дѣла о преобр.).
[4]) Объясн. записка къ проекту уст. угол. суд. стр. 120 (т. LII дѣла о преобр.).

ленія ихъ не имѣютъ *никакого отношенія* къ нарушенію обязанностей военной службы».

Воинскій уставъ о наказаніяхъ не выяснилъ до сихъ поръ вопроса, на которомъ останавливалось собраніе генералъ-ауди-торіатовъ, такъ что мы остаемся съ высказанными по этому вопросу мнѣніями двухъ законодательныхъ учрежденій. Изъ этихъ мнѣній съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что подъ «нарушеніемъ обязанностей военной службы» какъ составители военно-судебнаго устава, такъ и устава уголовнаго судопроизводства, понимали всякое преступленіе, предусмотрѣнное воинскимъ уставомъ о наказ. и относящееся до подчиненности, чинопочитанія и обязанностей военной службы. Поэтому приведенныя выше рѣшенія Главнаго Военнаго Суда, ограничивающія смыслъ выраженія закона, не соотвѣтствовали основной мысли законодателя.

Выше была приведена краткая исторія текста статьи 30 устава о воин. пов. (соотвѣт. ст. 245 В.-С. У. и прим. къ 221 ст. уст. угол. суд.), изъ которой видно, что, при установленіи окончательной редакціи этой статьи въ Государственномъ Совѣтѣ, Особое Присутствіе руководствовалось цѣлью ограничить подсудность военному суду чиновъ запаса, при чемъ приняло въ отношеніи опредѣленія свойствъ преступленій, за которыя во время ношенія форменной военной одежды подлежатъ они военному суду, именно то самое выраженіе, которое предполагала ввести въ проектъ устава о воинской повинности комиссія по составленію означеннаго устава, руководствовавшаяся при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что разъ «воинскіе чины будутъ въ мундирѣ, то обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ воинской чести и чинопочитанія, что необходимо въ видахъ поддержанія военнаго достоинства, дисциплины и подчиненности»[1]). Наконецъ та же комиссія нашла, что объемъ подсудности военному суду запасныхъ долженъ быть ограниченъ, сравнительно съ дѣйствующими правилами о подсудности безсрочноотпускныхъ, съ чѣмъ и согласилось, вопреки мнѣнію генералъ-адъютанта Милютина, Особое Присутствіе Государственнаго Совѣта.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ становится яснымъ,

---

[1]) Труды Комиссіи. 1171.

что выраженіе нынѣ дѣйствующей 245 ст. В.-С. У.: «нарушеніе обязанностей дисциплины» имѣетъ болѣе ограниченный смыслъ, чѣмъ выраженіе прежней редакціи той же статьи: «прямое нарушеніе обязанностей военной службы», но однако не въ той мѣрѣ, какъ то принято въ настоящее время практикой, разумѣющей подъ этимъ выраженіемъ исключительно «нарушенія подчиненности»[1]), такъ какъ и многія другія попирающія воинское достоинство нарушенія воинскихъ правилъ, а равно и злоупотребленія воинскимъ званіемъ должны по справедливости влечь за собою отвѣтственность по воинскимъ законамъ, и въ этомъ отношеніи наши выводы вполнѣ совпадаютъ съ высказаннымъ проф. Володимировымъ мнѣніемъ, хотя и основаннымъ на другихъ теоретическихъ соображеніяхъ[2]). Ко всему этому необходимо добавить, что всѣмъ тѣмъ выраженіямъ, которыми въ законѣ опредѣляются свойства дѣяній, влекущихъ военную подсудность, отнюдь нельзя придавать значенія строго опредѣленныхъ терминовъ, такъ какъ центръ тяжести заключается въ томъ положеніи, которое занимаетъ лицо въ отношеніи войска и въ тѣхъ обязанностяхъ, которыя оно имѣетъ къ послѣднему; вслѣдствіе чего при разрѣшеніи этого вопроса прежде всего слѣдуетъ опредѣлять возможность совершенія того или другого правонарушенія именно по юридическому положенію лица его совершившаго.

Иностранныя законодательства разрѣшаютъ этотъ вопросъ болѣе точно. Французскій законъ 18-го іюля 1889 г. обязываетъ резервистовъ, чиновъ территоріальной арміи и ея резерва, хотя бы они и не были призваны подъ знамена, во время ношенія военной формы соблюдать правила чинопочитанія и подчиненности (art. 53), но затѣмъ подсудность военному суду тѣхъ же лицъ поставлена во время ношенія форменной военной одежды гораздо шире, чѣмъ по русскому законодательству. Въ особомъ приложеніи къ вышеуказанному закону[3]) перечислены всѣ тѣ преступныя дѣянія, совершеніе которыхъ упомянутыми чинами влечетъ за собою военную подсудность. Преступленія эти слѣ-

[1]) Кузьминъ-Караваевъ. В. Уг. Право. I. 215.
[2]) Курсъ. 184.
[3]) Le tableau D., annexé à la loi.

дующія: измѣна, шпіонство, недозволенная вербовка (embauchage), неисполненіе или сопротивленіе приказу, насиліе относительно часового (но лишь въ томъ случаѣ, когда со времени увольненія изъ подъ знаменъ прошло менѣе 6 мѣсяцевъ), нарушенія подчиненности или чинопочитанія относительно начальника, при чемъ второе наказуемо по воинскимъ законамъ и военнымъ судомъ лишь въ томъ случаѣ, если и начальникъ былъ въ военной формѣ; далѣе слѣдуетъ возстаніе (rébéllion), злоупотребленіе властью (abus d'autorité), но за нанесеніе младшему чину ударовъ (art. 229) лишь въ томъ случаѣ, если и начальникъ былъ въ военной формѣ; подговоръ къ побѣгу, нанесеніе ранъ съ цѣлью ограбленія, грабежъ, разрушеніе и опустошеніе зданій, различныхъ общественныхъ и государственныхъ сооруженій, убійство квартирохозяевъ и ношеніе неприсвоенныхъ знаковъ отличія (port illegal d'insignes). По законодательству прусскому [1]) чины запаса (Beurlaubte) во время ношенія форменной одежды подлежатъ военному суду за неоказаніе уваженія старшему въ чинѣ, за участіе съ воинскими чинами дѣйствительной службы въ воинскомъ преступленіи и за злоупотребленіе властью (militärdienstlicher Autorität). Въ Австріи же за нарушеніе воинской дисциплины во время ношенія военной формы подлежатъ военному суду изъ чиновъ резерва лишь одни офицеры, а нижніе чины подсудны за всѣ преступленія общимъ судамъ [2]).

7.

Французское и германское законодательства не ограничиваются тѣми случаями распространенія военной подсудности на чиновъ запаса, которые являются аналогичными съ нашими законами, но расширяютъ предѣлы ея гораздо далѣе. Такъ, по законодательству германскому, чины запаса (zum Beurlaubtenstande gehörende Personen) подсудны военному суду, независимо отъ ношенія форменной военной одежды, призыва на службу и въ сборы, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) за неповиновеніе и сопротивленіе распоряженіямъ начальст а, переданнымъ имъ въ слу-

[1]) M. Str. G. Ordn. § 6.
[2]) Dangelmaier. Abh. 69; § 2 закона 20 мая 1869 г.

жебномъ порядкѣ (§ 113 M. Str. G. B.), 2) за нарушеніе чинопочитанія и военной вѣжливости (Insubordination) при подачѣ прошеній и жалобъ въ случаяхъ, имѣющихъ основаніемъ какія либо обстоятельства, касающіяся военной службы (кодексъ пруск. § 6), и вообще за нарушеніе воинскаго порядка при сношеніи съ военнымъ начальствомъ (§ 113), 3) за составленіе и подачу коллективныхъ жалобъ (§ 101 M. Str. G. B.) и 4) за злоупотребленіе властью (Miszbrauch der Dienstgewalt; § 126 M. Str. G. B.). Военная подсудность во всѣхъ этихъ случаяхъ распространяется на чиновъ запаса всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи, а форменной одеждѣ придается значеніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда одно изъ указанныхъ преступленій учинено не во время исполненія служебныхъ обязанностей или не при служебныхъ сношеніяхъ [1]). Кромѣ того по кодексу прусскому (§ 6) вызовъ на дуэль и самый поединокъ подлежатъ разсмотрѣнію военнаго суда, хотя бы офицеры запаса (дуэлянты) не были при этомъ въ военной формѣ; но передатчики вызова (die Kartellträger), по разъясненію прусскаго генералъ-аудиторіата, въ этомъ случаѣ военному суду неподсудны, точно также, какъ надо полагать, и секунданты [2]).

По указанному уже выше французскому закону чины резерва дѣйствующей арміи, послѣ того какъ пробыли подъ знаменами, подсудны военному суду за всѣ вышеперечисленныя преступленія (съ незначительными ограниченіями), хотя бы они были совершены и не во время ношенія форменной военной одежды. Но на чиновъ территоріальной арміи и ея резерва это правило распространяется лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени увольненія изъ подъ знаменъ, по истеченіи же означеннаго срока для примѣненія этого закона, наравнѣ съ резервистами дѣйствующей арміи, требуется нахожденіе при совершеніи преступленія въ военной формѣ (art 57). Такимъ образомъ французское и германское законодательства въ отношеніи запасныхъ крайне расширяютъ военную подсудность, что съ большимъ вѣроятіемъ можетъ быть объяснено политическими при-

---

[1]) R. M. G. v. 2 Mai 1874 und R. G. v. 11 Febr. 1888 (Solms 161, 164. 165).
[2]) Solms 165.

чинами. По затѣмъ законодательства эти, держась перечневой системы, которую въ нашей литературѣ считаетъ наиболѣе удачной проф. Володимировъ [1]), устраняютъ тѣ практическія недоразумѣнія, на которыя указывали два члена комитета 1867 г., хотя въ то же время нельзя не замѣтить, что перечневая система страдаетъ и нѣкоторыми, разсматриваемыми ниже, недостатками.

8.

Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ случаевъ подсудности военному суду не состоящихъ на дѣйствительной службѣ военныхъ чиновъ, нѣкоторые иностранные кодексы давно уже знаютъ еще одинъ такой случай, а именно, официальное нахожденіе въ какомъ либо военномъ учрежденіи, или же подъ надзоромъ, или отвѣтственностью военной власти. Наиболѣе точныя постановленія въ этомъ отношеніи содержатся во французскомъ законодательствѣ. Всѣ чины запаса и вообще всѣ лица военнаго званія подлежатъ военной юрисдикціи въ полномъ объемѣ, если находятся въ военныхъ или морскихъ госпиталяхъ, или хотя и гражданскихъ, но на военномъ содержаніи, или въ качествѣ военныхъ чиновъ препровождаются подъ стражей вообще, или задержаны и находятся подъ стражей въ военномъ учрежденіи, военной тюрьмѣ или другомъ военномъ мѣстѣ заключенія [2]), при чемъ исключеніе въ отношеніи военной подсудности дѣлается во всѣхъ этихъ случаяхъ при соучастіи, измѣняющемъ подсудность, о чемъ подробно будетъ изложено ниже. Затѣмъ, какъ по кодексу французскому, такъ и по законамъ австрійскому и баварскому, установлена военная подсудность для *инвалидовъ*, находящихся въ военныхъ богадѣльняхъ, а во Франціи даже и для всѣхъ тѣхъ, которые находятся только въ вѣдѣніи инвалиднаго дома [3]). Военная подсудность распространяется въ этомъ случаѣ на всѣ преступленія, но въ Баваріи означенныя лица

---

[1]) Курсъ. 185.

[2]) Code p. l'armée de terre art. 56; Code p. l'armée de mer art. 77; Loi du 15 Juillet 1889, art. 52.

[3]) Code p. l'armée de terre art. 56; баварск. кодексъ art. 4; австрійскій законъ 1870 г. (Manz'che G.-Ausg. B. V, 533).

подсудны военному суду только за преступленія воинскія. Кромѣ того въ баварской судебной практикѣ возникалъ вопросъ: подсудны ли военному суду не находящіеся на дѣйствительной военной службѣ воинскіе чины за совершенныя ими преступленія во время содержанія подъ арестомъ въ военныхъ мѣстахъ заключенія? По этому вопросу состоялось разъясненіе, что такія лица, отбывая лишеніе свободы на военной гауптвахтѣ (im militärischen Arrestlokale), не подлежатъ военному суду, но если это наказаніе отбывается въ военной тюрьмѣ (mil. Strafanstalt Oberhaus), то они разсматриваются уже какъ состоящія на дѣйствительной военной службѣ[1]). Вообще необходимо замѣтить, что въ германскомъ военномъ законодательствѣ столь подробной регламентаціи, какъ въ кодексѣ французскомъ, разсматриваемые случаи не получали, что объясняется, съ большимъ вѣроятіемъ, отсутствіемъ въ этомъ особой необходимости, такъ какъ вышеизложенныя постановленія относительно запасныхъ вполнѣ, даже пожалуй слишкомъ, ограждаютъ военные интересы.

У насъ вопросъ о подсудности запасныхъ чиновъ за преступленія и проступки, совершенныя во *время нахожденія на излѣченіи въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ*, возникъ сравнительно недавно. Въ 1882 г. командующимъ войсками одного изъ военныхъ округовъ былъ возбужденъ вопросъ о необходимости распространенія военно-уголовныхъ законовъ на нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ запасѣ или продолжительномъ отпуску, во время пользованія отъ болѣзней въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ въ случаяхъ нарушенія ими правилъ этихъ заведеній, а также и вообще военнаго порядка они подвергаются одинаковой отвѣтственности съ лицами гражданскаго вѣдомства, что, во-1-хъ, вообще не можетъ не отзываться вредно на воинской дисциплинѣ и, во-2-хъ, производя вообще неблагопріятное впечатлѣніе, имѣетъ дурное вліяніе на тѣхъ изъ состоящихъ на дѣйствительной службѣ нижнихъ чиновъ, которые также находятся въ этихъ заведеніяхъ на излѣченіи. При предварительномъ обсужденіи этого вопроса были высказаны предположенія о возможности распространенія на этихъ нижнихъ

[1]) Weigel. Die Zuständigkeitsgrenzen. 11.

чиновъ правилъ ст. 245 В.-С. У., при чемъ, какъ на мотивъ возможности такого распространенія, указывалось на то, что эти нижніе чины, находясь на пзлѣченіи, состоятъ на казенномъ довольствіи отъ интендантства, и на то, что казенная госпитальная одежда, которую обязательно носятъ больные, можетъ быть приравнена къ форменной военной одеждѣ. Однако съ столь простымъ способомъ разрѣшенія возбужденнаго вопроса не согласился Военный Министръ, а Главное Военно-Судное Управленіе, указавъ въ своемъ заключеніи по этому дѣлу на практику, установившуюся въ отношеніи подсудности такихъ нижнихъ чиновъ общимъ судебнымъ мѣстамъ[1]), находило, что возникшій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь въ порядкѣ законодательномъ. Вслѣдствіе этого въ 1884 г. состоялось Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта о подсудности военному суду чиновъ запаса какъ арміи, такъ и флота, за нарушеніе обязанностей дисциплины и воинскаго чинопочитанія во время нахожденія ихъ на пользованіи въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ[2]), относительно же продолжительно-отпускныхъ *нижнихъ чиновъ* въ 1883 г. положеніемъ Военнаго Совѣта опредѣлено, что они во время нахожденія съ вышеуказанной цѣлью въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ подсудны военному суду за *всѣ* преступленія какъ воинскія, такъ и общія[3]), но послѣднее правило установлено только по военно-сухопутному вѣдомству, а о распространеніи его на морскихъ нижнихъ чиновъ никакихъ узаконеній въ сводъ морскихъ постановленій не введено; при этомъ нельзя не замѣтить, что установленіе подобнаго правила въ отношеніи продолжительно-отпускныхъ помимо Государственнаго Совѣта, въ виду ст. 84 кн. I. С. В. П., не можетъ не возбуждать нѣкоторыхъ сомнѣній.

Кромѣ того на практикѣ возникалъ вопросъ о подсудности воинскихъ чиновъ, призрѣваемыхъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ военнаго вѣдомства: военныхъ богадѣльняхъ, нива-

---

[1]) Указъ Общ. Собр. кассац. д-тов Сената 1880 г. по дѣлу о рядов. Ковальскомъ и рѣш. Главн. Воен. Суда 1877 г. № 24.

[2]) Полн. Собр. 2071; ст. 30 уст. о воинск. пов.; прим. къ ст. 221 уст. угол. суд. (изд. 1892 г.); приказъ по воен. вѣд. 1884 г. № 79.

[3]) Приказъ по воен. вѣд. 1883 г. № 306; ст. 654, кн. VII С. В. П.

лидныхъ домахъ[1]) и особыхъ инвалидныхъ домахъ при нѣкоторыхъ военныхъ памятникахъ[2]). Всѣ эти учрежденія состоятъ въ вѣдѣніи Александровскаго Комитета о раненыхъ, а непосредственно подчинены начальникамъ изъ военныхъ генераловъ или мѣстнымъ уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ. Изъ Положеній объ этихъ учрежденіяхъ ясно видно, что призрѣваемые въ нихъ офицеры и нижніе чины, хотя и подчинены военной власти, но на дѣйствительной службѣ не числятся, а считаются отставными, почему къ нимъ и должны быть примѣняемы въ отношеніи подсудности общія правила, установленныя для этихъ послѣднихъ[3]).

9.

Въ нашемъ процессуальномъ законодательствѣ относительно запасныхъ чиновъ не разрѣшенъ положительно вопросъ о ихъ подсудности за преступленія, совершенныя еще во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ. Между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ большое практическое значеніе и въ кодексахъ германскомъ и баварскомъ, а также въ австрійскомъ законодательствѣ, разрѣшенъ вполнѣ опредѣленно въ вышеразсмотрѣнныхъ постановленіяхъ, относительно уволенныхъ отъ службы, имѣющихъ полное примѣненіе и къ чинамъ запаса; точно также и по уголовному уложенію для финскихъ войскъ онъ разрѣшается безъ всякихъ затрудненій (§ 151). Въ практикѣ Главнаго Военнаго Суда не имѣется прямыхъ разъясненій этого вопроса, который лишь въ 1890 г. былъ разрѣшенъ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ и притомъ въ пользу подсудности военной, хотя имѣло мѣсто общее преступленіе. Основной мотивъ этого рѣшенія заключается въ томъ, что «нахожденіе въ запасѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приравниваемо къ состоянію въ отставкѣ, а соотвѣтствуетъ пребыванію въ отпуску»[4]). Но, очевидно, что такое разъясненіе никого убѣдить не можетъ, такъ какъ состояніе въ запасѣ ничему не соотвѣтствуетъ, имѣя со-

[1]) Ст. 657, кн. VIII С. В. П.; ст. 218, кн. IX С. М. П.
[2]) Ст. 658, кн. VIII С. В. П.
[3]) Полн. Собр. Зак.: 1868 г. 46326; 1868 г. 46327; 1873 г. 52697; Цирк. Гл. Шт. 1894 г. № 145.
[4]) Рѣш. 1890 г. № 11.

вершенно самостоятельное значеніе. Сенатъ при разрѣшеніи этого вопроса допустилъ ошибку въ основѣ своихъ сужденій, обратившись къ толкованію закона по аналогіи, что возможно только въ томъ случаѣ, когда исчерпаны всѣ средства толкованія[1]). Но за всѣмъ тѣмъ, въ окончательномъ выводѣ, рѣшеніе Сената нельзя не признать вполнѣ правильнымъ. Для чиновъ запаса установлены особыя правила военной подсудности, но только за преступныя дѣянія, учиненныя во время состоянія въ запасѣ. Общее же правило подсудности воинскихъ чиновъ за преступленія, учиненныя на дѣйствительной военной службѣ, выражено въ ст. 219 уст. угол. суд. (ст. 244 В.-С. У. и ст. 237 В.-М. С. У.); что правило это является основнымъ, видно изъ самаго текста приведенной ст. 219: «подлежатъ суду военному, за исключеніемъ случаевъ ниже сего означенныхъ». Поэтому, если бы ниже не было указано изъятій изъ этого правила о подсудности отставныхъ, запасныхъ и т. д., то всѣ эти лица подлежали бы за всѣ учиненныя ими на службѣ преступныя дѣянія военному суду на основаніи ст. 219 уст. угол. суд. Въ этихъ изъятіяхъ не указано однако, что запасные не подлежатъ, подобно отставнымъ, военному суду за общеуголовныя преступленія, совершенныя въ бытность ихъ на дѣйствительной военной службѣ, а потому къ нимъ и должно быть примѣнено, въ отношеніи этихъ дѣяній, основное правило 219 ст., равно какъ и въ отношеніи воинскихъ преступленій, совершенныхъ въ то же время. Намъ представляется этотъ выводъ единственно правильнымъ, такъ какъ сколь бы желательно не было примѣненіе къ запаснымъ правилъ, установленныхъ для отставныхъ, тѣмъ не менѣе осуществить это возможно исключительно въ порядкѣ законодательномъ, а не путемъ судебнаго толкованія дѣйствующаго нынѣ закона о подсудности. Правильность этого вывода подтверждается еще и тѣмъ, что вопросъ о подсудности чиновъ запаса, въ разсматриваемомъ случаѣ, возбуждался и при пересмотрѣ военно-судебнаго устава въ 1882 г.,

---

[1]) Фойницкій. Курсъ, изд. 1884 г. 213.

но предположенныя при этомъ измѣненія, въ смыслѣ ограниченія подсудности запасныхъ военному суду за общія преступленія, совершенныя во время дѣйствительной службы или учебныхъ сборовъ, не осуществились.

III.

Воинскіе чины, не входящіе въ составъ войскъ.

1.

Выше было указано, что по военно-уголовному уставу 1859 г. въ число многихъ категорій подчиненныхъ военной юрисдикціи лицъ входили чины, принадлежащіе къ различнымъ вѣдомствамъ, относящимся до разныхъ частей гражданскаго управленія, которымъ, однако, была дана военная организація, при чемъ низшія должности замѣщались нижними чинами отъ военнаго вѣдомства.

Составители судебныхъ уставовъ 1864 года, руководствуясь соображеніями Государственнаго Совѣта о необходимости ограничить военную подсудность, находили, что воинскіе чины, не входящіе въ составъ войскъ, какъ-то: состоящіе по вѣдомству межевому, лѣсному, горному, путей сообщенія, телеграфному, карантинному и пограничной стражи, должны за всѣ преступленія и проступки судиться уголовнымъ судомъ гражданскаго вѣдомства, такъ какъ всѣ перечисленныя вѣдомства имѣютъ характеръ гражданскій и принадлежащіе къ составу ихъ воинскіе чины исполняютъ или обязанности гражданской службы вообще, или обязанности полицейскія въ особенности, обязанностей же исключительно воинскихъ на нихъ не возлагается. При обсужденіи этого вопроса въ уголовномъ отдѣленіи комиссіи одинъ членъ (генералъ-аудиторъ Философовъ) заявилъ, что нижніе чины нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ вѣдомствъ комплектуются рекрутами, поступающими по набору, и управляются совершенно тѣмъ же порядкомъ и по тѣмъ же правиламъ воинской дисциплины, какія установлены для строевыхъ нижнихъ чиновъ военнаго вѣдомства, почему ихъ и слѣдовало бы подчинить военному суду за всѣ роды преступныхъ дѣяній, наравнѣ съ военнослужащими,

состоящими на дѣйствительной военной службѣ. Но въ общемъ собраніи комиссіи большинство (35 членовъ) не убѣдилось этими доводами въ виду слѣдующихъ основаній: 1) порядокъ пополненія нѣкоторыхъ вѣдомствъ не можетъ вліять на военный или гражданскій характеръ этихъ вѣдомствъ, 2) существовавшій порядокъ пополненія нижнихъ чиновъ этихъ вѣдомствъ рекрутами по многимъ изъ нихъ уже замѣненъ другимъ порядкомъ комплектованія — наймомъ и 3) правительство неоднократно заявляло желаніе комплектовать наймомъ всѣ вѣдомства, не входящія въ составъ строевыхъ войскъ[1]).

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній въ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства было постановлено (ст. 181 проекта), что «военные чины, не входящіе въ составъ войскъ, какъ-то: состоящіе по вѣдомствамъ межевому, лѣсному, горному, путей сообщенія, телеграфному, карантинному и пограничной стражи, за всѣ преступленія и проступки судятся уголовнымъ судомъ гражданскаго вѣдомства». Но эта статья впослѣдствіи существенно измѣнилась и на установленіе окончательной ея редакціи несомнѣнно имѣли вліяніе соображенія, которыя принимались въ основаніе при составленіи военно-судебнаго устава, такъ какъ изъ журналовъ Государственнаго Совѣта ясно видно, что при разработкѣ отдѣла устава уголовнаго судопроизводства о подсудности всегда имѣлись въ виду и предначертанія по военно-судебной части.

Составители военно-судебнаго устава также останавливались, какъ было только что упомянуто, на вопросѣ о подсудности лицъ, носящихъ военное званіе, но несостоящихъ собственно въ военно-сухопутномъ или морскомъ вѣдомствахъ, при чемъ къ тѣмъ вѣдомствамъ, которыя были указаны выше, присоединялись арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, вѣдомство государственныхъ конскихъ заведеній, служительскія полицейскія команды *«и проч.»*. Комиссія затруднялась рѣшить этотъ вопросъ, «не имѣя свѣдѣній о самыхъ вѣдомствахъ отъ подлежащаго ихъ начальства», однако совершенное изъятіе принадлежащихъ къ этимъ вѣдомствамъ лицъ отъ военной подсудности

[1]) Объяснит. записка къ проекту уст. угол. суд. стр. 123 — 124.

комиссія не считала возможнымъ, какъ то предполагалось въ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства, а напротивъ того находила необходимымъ во всякомъ случаѣ подчинить военной юрисдикціи офицеровъ и нижнихъ чиновъ упомянутыхъ вѣдомствъ за преступленія противъ военной дисциплины и службы[1]). Но въ проектъ основныхъ положеній преобразованія военно-судной части первопачально, до выясненія вопроса, никакихъ постановленій объ этихъ чинахъ включено не было (ст. 11)[2]).

Такимъ образомъ возникла необходимость согласить предположенія составителей военно-судебнаго устава и составителей устава уголовнаго судопроизводства, во-1-хъ, въ отношеніи категорій лицъ, не принадлежащихъ къ военно-сухопутному и морскому вѣдомствамъ, и во-2-хъ, относительно подчиненія или неподчиненія ихъ военной юрисдикціи. Въ разрѣшеніи этого вопроса мнѣніе, выраженное составителями военно-судебнаго устава, одержало верхъ. Прежде всего, по замѣчаніямъ Министровъ Финансовъ, Государственныхъ имуществъ и Главноуправляющаго путей сообщенія[3]), было введено въ уставъ уголовнаго судопроизводства правило о распространеніи на воинскихъ чиновъ этихъ вѣдомствъ военной подсудности за преступленія и проступки, относящіеся до нарушенія обязанностей военной службы, а изъ перечня вѣдомствъ была вычеркнута пограничная стража, но съ другой стороны перечень не былъ дополненъ указаніемъ ни на полицейскія команды, ни на чиновъ государственныхъ конскихъ заведеній, ни на арестантскія роты, и самый перечень имѣлъ строго ограниченный характеръ[4]), а въ цитатѣ сдѣлана ссылка на ст. 11 (п. 5) Основн. Положеній военно-уголовнаго судопр. Дѣйствительно въ указанной статьѣ Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній преобразованія военно-судной части (ч. II) находится совершенно тождественное съ ст. 224 уст. угол. суд. постановленіе[5]), повторенное въ ст. 251 проекта военно-судебнаго устава. При обсужденіи этого послѣдняго проекта въ комитетѣ генералъ-адъютантъ Гриппвальдъ сдѣлалъ указаніе на про-

[1]) Сборникъ законод. раб. 11.
[2]) Тамъ же. 102.
[3]) Фойницкій. Курсъ. 509.
[4]) Судебные уставы, изд. Госуд. канц. ст. 224 уст. угол. суд.
[5]) Сборникъ законод. раб. 238.

пускъ въ перечнѣ вѣдомствъ государственнаго коннозаводства, а Великій Князь Николай Николаевичъ кромѣ того изволилъ объяснить, что не указаны и другія, относящіяся сюда военныя команды[1]). Согласно этимъ замѣчаніямъ Комитетъ дополнилъ перечень вѣдомствъ, указавъ государственное коннозаводство и добавивъ слова «и проч.», такъ что съ самаго начала установилась нѣкоторая разница въ редакціяхъ статей новыхъ процессуальныхъ уголовныхъ кодексовъ военнаго и общаго.

Затѣмъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства ст. 224 была дополнена указаніемъ на государственное коннозаводство, впослѣдствіи же въ обоихъ кодексахъ этотъ перечень былъ дополненъ по Высочайшему повелѣнію указаніемъ и на нижнихъ чиновъ полицейскихъ и пожарныхъ командъ[2]) и получилъ, несмотря на то, что въ уставъ уголовнаго судопроизводства не было внесено словъ «и проч.», значеніе примѣрнаго перечисленія, а не исчерпывающаго. Всѣ эти модификаціи произошли до введенія устава о всеобщей воинской повинности. Но еще до этого времени многія изъ указанныхъ вѣдомствъ отказались отъ военной организаціи, такъ что подсудность принятыхъ до этого преобразованія на службу въ перечисленныя вѣдомства чиновъ опредѣлялась ихъ прежнимъ положеніемъ, а въ тѣхъ вѣдомствахъ, которыя сохраняли еще отчасти прежнюю организацію, способомъ комплектованія отъ военнаго вѣдомства; введеніе же всеобщей воинской повинности положило окончательный предѣлъ за немногими исключеніями этому порядку. Относительно полицейскихъ и пожарныхъ командъ незадолго (4-го іюля 1873 г.) до введенія всеобщей воинской повинности состоялось Высочайшее повелѣніе объ измѣненіи порядка ихъ комплектованія нижними чинами, при чемъ военное вѣдомство должно было назначить въ этомъ году въ послѣдній разъ воинскихъ чиновъ на укомплектованіе означенныхъ командъ, а затѣмъ вовсе освобождалось отъ этой обязанности, и впредь на обязанность городскихъ обществъ возлагалось пополнять въ командахъ этихъ убыль

[1]) Тамъ же. 824.
[2]) 1868 г. 5-го декабря (по минист. внутр. дѣлъ).

вольнонаемными людьми, послѣ чего военная подсудность сохранилась только для тѣхъ чиновъ полиціи и пожарныхъ командъ, которые назначены были отъ военнаго вѣдомства [1]).

2.

Упраздненіе военной организаціи [2]) въ различныхъ гражданскихъ вѣдомствахъ имѣло своимъ послѣдствіемъ то обстоятельство, что правило ст. 224 уст. угол. суд. (ч. I, ст. 247 В.-С. У. [3]) сохраняло характеръ лишь переходной мѣры и въ настоящее время утратило почти всякое значеніе. Однако въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ имѣются и донынѣ команды съ чисто военнымъ устройствомъ, комплектуемыя отъ военнаго вѣдомства, но, по роду исполняемыхъ ими обязанностей, имѣющія мало общаго съ войскомъ, таковы: отдѣльные корпуса *пограничной стражи и жандармовъ, команды конвойной стражи и карантинная стража.*

Пограничная стража, какъ мы видѣли выше, составителями военно-судебнаго устава и судебныхъ уставовъ 1864 г., приравнивалась къ прочимъ вышеперечисленнымъ гражданскимъ вѣдомствамъ, но затѣмъ Государственный Совѣтъ исключилъ изъ ст. 224 уст. угол. суд. указаніе на пограничную стражу, а ст. 219 дополнилъ словами: «а также пограничной стражи», приравнявъ такимъ образомъ въ отношеніи подсудности военному суду чиновъ ея къ войсковымъ чинамъ военнаго вѣдомства. Основаніемъ къ такому расширенію военной подсудности послужили слѣдующія соображенія: 1) пограничная стража есть особый родъ войска, находящійся только въ распоряженіи министерства финансовъ, 2) на офицерскія вакансіи могутъ быть опредѣляемы только лица, находившіяся въ военной службѣ офицерами и 3) въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій въ мѣстахъ расположенія пограничной стражи, она причисляется къ дѣйствующимъ войскамъ

---

[1]) Указъ Правительств. Сената 1-го августа 1873 г., объявленный въ Цирк. Главн. Штаба 1873 г. № 186.

[2]) О порядкѣ постепеннаго упраздненія въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ вѣдомствъ особыхъ военныхъ судовъ и о передачѣ нерѣшен. дѣлъ въ воен. вѣдом. см. мнѣніе Госуд. Совѣта 28-го іюня 1866 г. (Журналъ 23-го мая № 54), помѣщенное въ т. V изданныхъ Госуд. канц. судебн. уставовъ 20-го ноября 1864 г. С.-П.Б. 1867 г. (изд. 2-е), стр. 96—100.

[3]) Въ В.-М. С. У. соотвѣтствующей статьи не имѣется.

и подчиняется военному начальству[1]). Эти соображенія вполнѣ подтверждаются и дѣйствующими относительно этой стражи постановленіями[2]). Кромѣ того части корпуса пограничной стражи, въ видахъ лучшей подготовки въ военномъ отношеніи, съ 1891 г. привлекаются къ участію въ общихъ сборахъ войскъ пограничныхъ военныхъ округовъ[3]). Однимъ словомъ, стремленіе сохранить во всѣхъ отношеніяхъ военное устройство стражи, создать изъ нея особое, для спеціальныхъ цѣлей, войско послужило основаніемъ къ *полной* обособленности ея отъ другихъ гражданскихъ вѣдомствъ.

Относительно *жандармовъ* ни при составленіи военно-судебнаго устава, ни устава угол. суд. не возникало вопроса о ихъ подсудности общимъ уголовнымъ или военнымъ судамъ. На практикѣ вопросъ этотъ впервые возникъ въ 1879 году, по поводу разномыслія между начальникомъ Кіевскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ и Кіевскимъ губернскимъ прокуроромъ по дѣлу о жандармскихъ унтеръ-офицерахъ Мисюрѣ и Павловѣ, обвинявшихся въ истязаніи при исполненіи служебныхъ обязанностей. Военное министерство въ своемъ заключеніи по этому дѣлу высказалось за подсудность жандармовъ военному суду въ полномъ объемѣ, такъ какъ хотя въ ст. 244 XXIV С. В. П. (219 уст. угол. суд.) и не упомянуты жандармы, но это обстоятельство объясняется лишь тѣмъ, что жандармы входятъ въ составъ войскъ, указаніе же на пограничную стражу въ этихъ статьяхъ сдѣлано именно въ виду того, что послѣдняя къ составу войскъ не принадлежитъ, а къ вѣдомству министерства финансовъ; поэтому относительно жандармовъ и не возникало никакихъ недоразумѣній при составленіи уставовъ уголовнаго судопроизводства и военно-судебнаго. Въ доказательство принадлежности корпуса жандармовъ къ составу войскъ указывалось на то, что корпусъ этотъ «не только управляется, въ строевомъ, инспекторскомъ, военно-судебномъ, хозяйственномъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ, на общемъ основаніи для войскъ и по существующимъ для послѣднихъ по-

[1]) Судебн. уставы, изд. Госуд. канц. стр. 105.
[2]) Сводъ Зак., т. VI (изд. 1892 г.). Разд. I, гл. V.
[3]) Редигеръ. II, 70.

ложеніямъ, но и прямо входитъ въ составъ мѣстныхъ военныхъ управленій (С. В. П. 1869 г. кн. III ст. 285, 292, 307 и 314)». Тѣ же соображенія легли въ основаніе и разъясненій этого вопроса какъ въ Правительствующемъ Сенатѣ[1]), такъ и въ Главномъ Военномъ Судѣ[2]).

Однако то обстоятельство, что корпусъ жандармовъ имѣетъ военную организацію и входитъ въ составъ мѣстныхъ военныхъ управленій, не можетъ еще служить достаточнымъ основаніемъ къ выводу, что онъ принадлежитъ и къ составу войскъ; между тѣмъ принадлежность или непринадлежность его именно къ составу войскъ есть главнѣйшее основаніе при опредѣленіи подсудности состоящихъ въ немъ на службѣ воинскихъ чиновъ. Въ книгѣ V С. В. П. (гл. II раз. I), гдѣ въ подробности перечислены всѣ части, принадлежащія къ составу войскъ, отдѣльный корпусъ жандармовъ не указанъ, а къ войскамъ мѣстнымъ отнесены только конвойная стража и мѣстныя команды, въ статьѣ же 654 кн. III С. В. П. (изд. 1890 г.) перечислены части, составляющія отдѣльный корпусъ жандармовъ, при чемъ въ числѣ другихъ командъ указаны и *полевые* жандармскіе эскадроны, относительно которыхъ въ примѣч. 2-омъ къ этой статьѣ сказано, что они изъяты изъ подчиненія шефу жандармовъ и что организація ихъ, кругъ дѣятельности и подчиненность опредѣляются особымъ о нихъ положеніемъ. Это послѣднее положеніе находится въ V кн. С. В. П., гдѣ въ ст. 93 они прямо отнесены къ составу войскъ, а кругъ дѣятельности и правила управленія ими опредѣлены въ ст. 103-107 и 606-624. Только эти эскадроны, слѣдовательно, и можно считать несомнѣнно принадлежащими къ составу войскъ.

Высшее управленіе отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ принадлежитъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, но вслѣдствіе какихъ соображеній узаконенія, касающіяся отдѣльнаго корпуса жандармовъ, были включены въ кн. III С. В. П. (Мѣстныя военныя управленія), намъ неизвѣстно, во всякомъ случаѣ пред-

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1882 г. № 2.

[2]) Рѣш. 1884 г. № 133. Кромѣ того по министерству юстиціи состоялся циркуляръ—(1884 г. № 7382, по сборн. № 147) съ подтвержденіемъ о неподсудности чиновъ корпуса жандармовъ общимъ и мировымъ судебнымъ установленіямъ.

ставляется безспорнымъ то, что корпусъ жандармовъ, по существу своего назначенія, никакого отношенія къ мѣстному военному управленію не имѣетъ. За всѣмъ тѣмъ изъ постановленій раздѣла V-го кн. III С. В. П. объ отдѣльномъ корпусѣ жандармовъ видно, что въ порядкѣ управленія онъ близко соприкасается съ военнымъ вѣдомствомъ. Такъ, напр., всѣ части корпуса представляютъ непосредственно въ подлежащія мѣста военнаго министерства всѣ требованія и отчеты по предметамъ довольствія, мѣсячные же отчеты и всѣ срочныя донесенія — какъ въ главный штабъ, такъ и въ штабъ корпуса (687 ст.); чины корпуса призываются, въ подлежащихъ случаяхъ, наравнѣ съ войсками, къ содѣйствію мѣстнымъ гражданскимъ властямъ (689 ст.); о послѣдствіяхъ всѣхъ вообще инспекторскихъ смотровъ частей корпуса доносится Военному Министру (665 ст.); наконецъ, въ Сводѣ же Военныхъ Постановленій подробно регламентированъ порядокъ и условія комплектованія корпуса, какъ офицерами и классными чиновниками, такъ и нижними чинами [1]). Изложенныя правила остаются безъ измѣненія до настоящаго времени, но примѣненіе ихъ теперь осложняется тѣмъ, что въ 1896 г. права, указанныя въ 665, 666 и 667 ст. III кн. С. В. П. предоставлены Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а должность командира корпуса упразднена и вмѣсто нея учреждена новая—помощника шефа жандармовъ [2]), вслѣдствіе чего корпусъ жандармовъ еще болѣе обособляется отъ войскъ. Но не смотря на это нововведеніе, все-таки нельзя не признать, что дѣйствующее законодательство заключаетъ постановленія, съ одной стороны указывающія на непринадлежность корпуса къ составу войскъ, а съ другой—на связь его съ послѣдними, въ виду чего вопросъ о подсудности жандармовъ не можетъ быть разрѣшенъ вполнѣ точно и безспорно, а установившаяся практика вызываетъ сомнѣнія въ ея правильности.

Въ Германіи жандармы (Landgendarmen) приравнены въ нѣкоторыхъ государствахъ къ чиновникамъ, въ другихъ — къ военнослужащимъ; поэтому имперскіе военно-уголовные законы

---

[1]) Ст. 228—238 кн. VI С. В. П.
[2]) Собр. узакон. 1896 г. № 69, ст. 760.

примѣняются къ нимъ въ зависимости отъ того, насколько это не противорѣчитъ мѣстнымъ законамъ [1]), при этомъ необходимо замѣтить, что *полевые жандармы* (Feldgendarmen) всегда относятся къ составу войскъ [2]). Въ Пруссіи весь жандармскій корпусъ принадлежитъ къ составу дѣйствующихъ войскъ и потому къ нему примѣняются въ отношеніи подсудности одинаковыя съ послѣдними правила [3]). Въ Баваріи жандармы, хотя и имѣютъ военную организацію, но подсудность ихъ опредѣляется иначе, чѣмъ въ Пруссіи. Офицеры жандармскаго корпуса подчиняются военной юрисдикціи въ полномъ объемѣ, а унтеръ-офицеры и рядовые подсудны военному суду лишь за воинскія преступленія [4]); за нарушенія же своихъ спеціальныхъ полицейскихъ обязанностей и за преступленія общеуголовныя они подсудны общимъ судамъ [5]), но если вмѣстѣ съ нарушеніемъ полицейскихъ обязанностей нарушены и обязанности воинскія (напр. незаконное обхожденіе съ частнымъ лицомъ при исполненіи патрульной службы), то такое дѣяніе подсудно военному суду [6]). Австрійское законодательство распространяетъ на жандармовъ правила подсудности ландвера, находящагося на дѣйствительной службѣ, т. е. военная юрисдикція примѣняется къ нимъ въ полномъ объемѣ, но судятся они только военными судами ландвера [7]). Во Франціи жандармы составляютъ часть войскъ и къ нимъ приравниваются также чины республиканской гвардіи въ Парижѣ. Поэтому чины всѣхъ жандармскихъ частей подсудны военному суду за всѣ преступленія, исключая лишь преступныхъ дѣяній, совершенныхъ ими при исполненіи обязанностей судебной полиціи вообще или при разслѣдованіи какихъ либо административныхъ нарушеній [8]).

Въ 1886 г., по представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

---

[1]) § 2 Einführungsgesetz 1872 (Solms. 11—13).
[2]) Marck. II, 69; Рединеръ. II, 86.
[3]) Marck. II, 69; Solms. 160.
[4]) Ges. v. 29 April 1869 art. 7; Militärg. Ordn. art. 4.
[5]) Weigel. Die Zuständigkeitsgrenzen. 32—38.
[6]) Тамъ же.
[7]) Gesetz v. 26 Februar 1876 § 10 (Manz'che G-Ausg. V. B. 514).
[8]) Codes p. l'armée de terre art. 59; p. l'armée de mer art. 81. Vexiau. Commentaire 47 et 52.

былъ изданъ законъ объ учрежденіи особой *конвойной стражи*[1]), назначеніе которой состоитъ исключительно въ сопровожденіи арестантовъ и содѣйствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ тюремному начальству. Съ изданіемъ этого закона, а затѣмъ дополнительнаго къ нему Высочайшаго повелѣнія отъ 4-го ноября 1886 г.[2]), возникъ вопросъ о подсудности чиновъ этой стражи военному суду, такъ какъ съ одной стороны конвойныя команды были подчинены военному министерству, а съ другой—въ отношеніи спеціальной ихъ службы—начальнику главнаго тюремнаго управленія на правахъ командира неотдѣльнаго корпуса. По этому поводу состоялось, по соглашенію военнаго министерства съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, циркулярное разъясненіе, что конвойная стража въ отношеніи подсудности должна быть подчинена общимъ правиламъ, установленнымъ для воинскихъ чиновъ военнаго вѣдомства (ст. 219 уст. угол. суд. и 244 В.-С. У.), такъ какъ конвойныя команды попрежнему входятъ въ составъ мѣстныхъ войскъ. Въ настоящее время всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи устраняется, въ виду того, что въ ст. 90, кн. V С. В. П. изд. 1891 г. конвойная стража прямо отнесена къ мѣстнымъ войскамъ, которыя, по силѣ ст. 4 той же книги, принадлежатъ къ составу арміи.

Наконецъ законъ упоминаетъ особо (ст. 224 уст. угол. суд. и ч. I, ст. 247 В.-С. У.) еще о *вѣдомствѣ карантинномъ*. Карантинное управленіе состоитъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и отчасти министерства финансовъ[3]), самая же карантинная охрана возлагается на пограничную стражу, внѣшніе военные караулы, морской надзоръ и *карантинную стражу*[4]). Подсудность чиновъ первыхъ двухъ категорій должна опредѣляться на общемъ основаніи (ст. 219 уст. угол. суд. и ст. 244 В.-С. У.); чины морского надзора, въ виду того, что послѣдній возлагается на особо отряжаемыя изъ флота военныя суда, подлежатъ суду военно-морскому, за исключеніемъ чиновъ карантинной брандвахты, которые не состоятъ въ вѣдѣніи морского

[1]) Полн. Собр. 3465. Приказъ по воен. вѣд. 1886 г. № 110.
[2]) Приказъ по воен. вѣд. 1886 г. № 278.
[3]) Ст. 878, 1117 и 1210 уст. врачебн. (т. XIII Св. Зак. изд. 1892 г.).
[4]) Ст. 1112 и 1210 уст. врачебн., ст. 106 уст. тамож.

начальства, а въ случаѣ принадлежности этихъ чиновъ къ воинскому званію они подсудны военному или морскому суду лишь въ случаяхъ нарушенія дисциплины и обязанностей военной службы[1]). По этому же правилу (ст. 224 уст. угол. суд.) должна опредѣляться военная подсудность и воинскихъ чиновъ внутренней карантинной стражи въ виду того, что комплектуется она отъ военнаго вѣдомства по особымъ росписаніямъ главнаго штаба изъ числа новобранцевъ, принятыхъ на военную службу[2]).

3.

Уже послѣ введенія судебныхъ уставовъ 1864 года, а также и военно-судебнаго устава, возникали вопросы о подсудности *чиновъ земской стражи* Царства Польскаго и Закавказскаго края. Чины земской стражи Царства Польскаго ранѣе подлежали за всѣ совершенныя ими преступленія и проступки военному суду[3]). По съ введеніемъ въ Царствѣ Польскомъ судебныхъ уставовъ (въ 1876 г.) и военно-судебнаго устава (въ 1874 г.), прежнія постановленія о подсудности чиновъ земской стражи нельзя было считать дѣйствующими, такъ какъ по этому предмету возпріяли силу новые законы, и въ отношеніи земской стражи не было сдѣлано какихъ либо изъятій. Поэтому на нижнихъ чиновъ означенной стражи должны были распространиться, въ отношеніи подсудности, тѣ же узаконенія, которыя были установлены относительно нижнихъ чиновъ полицейскихъ командъ вообще, по положенію же о введеніи судебныхъ уставовъ въ Царствѣ Польскомъ всѣ узаконенія, несогласныя съ постановленіями судебныхъ уставовъ 1864 г. и съ тѣми измѣненіями, которыя были въ нихъ сдѣланы для Царства Польскаго, слѣдовало считать отмѣненными[4]), въ виду чего всѣ нижніе чины земской стражи, поступившіе въ нее по вольному найму, хотя бы изъ чиновъ запаса, за преступленія, совершенныя во время состоянія на службѣ въ этой стражѣ, были изъяты отъ военной подсудности[5]).

---

[1]) Ст. 1178—1184 и 1187—1190 уст. врачебн.
[2]) Ст. 1123 и 1160, тамъ же.
[3]) Положеніе 19/31-го декабря 1866 г. (44013), ст. 10, 12 и 24.
[4]) § 249 Полож. 1875 г. (54401).
[5]) Рѣш. Общ. Собр. 1879 г. № 10.

На основаніи нынѣ дѣйствующаго положенія о земской стражѣ Царства Польскаго[1]) стража эта имѣетъ полувоенную организацію, но комплектуется нижними чинами «изъ запасныхъ или отставныхъ, изъявившихъ желаніе поступить на эту должность» (ст. 138), а потому ст. 150 этого положенія (изд. 1892 г.) о томъ, что «чины земской стражи, въ случаѣ совершенія преступленій, предаются суду въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 224 уст. угол. суд.», не имѣетъ никакого практическаго значенія.

Точно такъ же былъ разрѣшенъ вопросъ[2]) и о подсудности особой охранной стражи въ Закавказскомъ краѣ, имѣющей названіе *Закавказской земской стражи*, чины которой на основаніи § 36 особаго Положенія, утвержденнаго Намѣстникомъ Кавказскимъ 29-го декабря 1861 года[3]), за всѣ преступленія по службѣ были подсудны, до введенія на Кавказѣ судебныхъ уставовъ (въ 1868 г.), военному суду. Устройство этой стражи до настоящаго времени осталось почти безъ измѣненія[4]).

4.

Независимо отъ разсмотрѣнной ст. 224 уст. угол. суд. (ч. I, ст. 247 В.-С. У.), въ законъ было введено особое правило о подсудности воинскихъ чиновъ, занимающихъ должности *по гражданской или общественной службѣ*, а также состоящихъ *въ частныхъ должностяхъ*, по которому означенные чины подлежатъ военной юрисдикціи только за преступленія, составляющія прямое нарушеніе обязанностей военной или военно-морской службы[5]). Установленіе этого правила не вызывало никакихъ особыхъ вопросовъ при составленіи какъ судебныхъ, такъ и военно-судебнаго уставовъ[6]), вслѣдствіе чего законодательныя работы не могутъ служить въ данномъ случаѣ источникомъ толкованія.

---

[1]) Сводъ Зак., т. II, учр. упр. губ. Ц. Польск. (изд. 1892 г.) ст. 128—151.
[2]) Рѣш. Общ. Собр. 1882 г. № 4.
[3]) Высочайше утверждено 3-го марта 1862 г. (38026).
[4]) Ст. 136 учр. упр. Кавк. края, т. II, Сводъ Зак. 1892 г.
[5]) Ст. 222 уст. угол. суд.; ч. II, ст. 247 В.-С. У. и ст. 239 В.-М. С. У.
[6]) Журналъ Госуд. Сов. 1862 г. № 65, стр. 244. Объясн. зап. къ проекту уст. угол. суд. стр. 120. Сборн. зак. раб. стр. 11.

Изъ буквальнаго текста приведенныхъ статей слѣдуетъ, что военная подсудность указанныхъ въ нихъ воинскихъ чиновъ опредѣляется двумя признаками: 1) состояніемъ во время совершенія преступленія на службѣ *вне* военнаго вѣдомства и 2) совершеніемъ преступленія, составляющаго *прямое нарушеніе* обязанностей военной службы.

Для ближайшаго опредѣленія перваго изъ этихъ признаковъ необходимо обратиться къ Сводамъ Постановленій Военныхъ и Морскихъ, которые въ этомъ отношеніи представляютъ значительныя различія.

Изъ ст. 536, кн. VII С. В. П. видно, что генералы, штабъ и оберъ-офицеры военно-сухопутнаго вѣдомства могутъ занимать въ государственной гражданской службѣ опредѣленныя въ законѣ должности[1]), оставаясь въ то же время въ воинскомъ званіи и чинѣ, при чемъ они зачисляются по роду оружія или службы и это зачисленіе допускается только для тѣхъ воинскихъ чиновъ, которые состоятъ *на государственной службѣ* (ст. 514 и 528). Отсюда слѣдуетъ, что воинскіе чины по дѣйствующимъ въ настоящее время узаконеніямъ могутъ состоять внѣ военнаго вѣдомства на службѣ только государственной, но не на общественной или частной. Кромѣ того должности на гражданской службѣ могутъ занимать лишь воинскіе чины офицерскаго званія, но не нижніе чины, относительно которыхъ въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ никакихъ правилъ въ этомъ отношеніи не установлено. Затѣмъ на основаніи тѣхъ же законоположеній не можетъ быть воинскихъ чиновъ регулярныхъ войскъ, которые, числясь по роду оружія или службы, никакой должности по гражданскому вѣдомству не занимаютъ, единственное же исключеніе составляютъ тѣ офицеры, которые удалены отъ должности по случаю преданія суду или наряда слѣдствія; такіе офицеры впредь до окончанія о нихъ дѣлъ прикомандировываются къ мѣстнымъ военнымъ управленіямъ (ст. 540 и 550). По дѣйствовавшимъ ранѣе узаконеніямъ, однако, могли быть офицеры, числящіеся по роду оружія и не состоящіе въ какихъ либо государственныхъ должностяхъ, такъ напр., на практикѣ воз-

[1]) Сводъ Зак., т. III, уст. служб. прав. ст. 169 по продолж. 1890 г.

пикалъ вопросъ о подсудности оберъ-офицера, числившагося по армейской пѣхотѣ и занимавшаго мѣсто помощника начальника станціи на частной желѣзной дорогѣ, который былъ привлеченъ къ отвѣтственности за несоблюденіе желѣзнодорожныхъ правилъ. Дѣло было признано подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ[1]). Такимъ образомъ дѣйствующія въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ административные законы заключаютъ извѣстныя ограниченія разсматриваемаго признака, опредѣляющаго военную подсудность означенныхъ воинскихъ чиновъ.

Морское законодательство по данному вопросу представляется и болѣе широкимъ, и болѣе сложнымъ, чѣмъ въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ; при этомъ постановленія морскихъ законовъ являются въ то же время не вполнѣ опредѣленными. Военно-морскіе чины могутъ быть опредѣляемы на должности по гражданскому вѣдомству, указанныя въ ст. 169 уст. служб. прав., точно такъ же какъ и чины военно-сухопутнаго вѣдомства[2]), но съ тѣмъ различіемъ, что при такомъ назначеніи на службу въ постороннія вѣдомства военно-морскіе чины зачисляются по флоту, т. е. сохраняютъ военное званіе и чинъ, лишь въ томъ случаѣ, если выполнили цензъ, установленный на полученіе слѣдующаго чина; въ противномъ случаѣ они увольняются отъ службы по морскому вѣдомству на общемъ основаніи. Однако это послѣднее правило не распространяется на офицеровъ, занявшихъ гражданскія должности до изданія положенія о морскомъ цензѣ[3]). Затѣмъ, военно-морскіе чины могутъ занимать, кромѣ должностей по службѣ государственной, должности по службѣ общественной, а также и частной. Адмиралы, генералы и штабъ-офицеры могутъ быть увольняемы для занятій по управленію частными мореходными предпріятіями, съ оставленіемъ въ спискахъ морского вѣдомства, при чемъ означенные военно-морскіе чины зачисляются по флоту или корпусамъ[4]). Всѣ же остальные офицеры могутъ занимать должности на коммерческихъ судахъ, но только лишь на судахъ, занимающіе же береговыя

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. I и кассац. д-товъ 7-го апрѣля 1880 г. Тютчева.
[2]) Ст. 248, кн. VIII С. М. П.
[3]) Ст. 262[8], кн. VIII С. М. П. по продолж. 1895 г.
[4]) Ст. 264—269, кн. VIII С. М. П. и по продолж. 1895 г.

должности увольняются со службы по морскому вѣдомству. Равнымъ образомъ могутъ быть назначаемы въ службу на коммерческихъ судахъ и нижніе чины морского вѣдомства, что составляетъ рѣзкое отличіе отъ правилъ, дѣйствующихъ по военно-сухопутному вѣдомству[1]). Всѣ перечисленные военно-морскіе чины, совершившіе преступленія во время состоянія въ указанныхъ должностяхъ, въ отношеніи подсудности подлежатъ дѣйствію ст. 239 В.-М. С. У. (ст. 222 уст. угол. суд.), а въ отношеніи состоящихъ на службѣ на коммерческихъ судахъ офицеровъ морского вѣдомства состоялось въ этомъ смыслѣ и разъясненіе Сената, что означенные офицеры подсудны суду гражданскаго вѣдомства[2]). Въ Балтійскомъ морѣ содержится особая крейсерская таможенная флотилія[3]), суда которой числятся въ спискахъ морского вѣдомства, а военно-морскіе чины ея причислены къ Ревельскому флотскому полуэкипажу, подчиняются командиру Ревельскаго порта и за всѣ преступленія подлежатъ военно-морскому суду.

Бо̀льшія затрудненія представляетъ опредѣленіе подсудности служащихъ въ Добровольномъ флотѣ. Въ 1886 г. было упразднено «Общество Добровольнаго флота» и флотъ этотъ подчиненъ вѣдѣнію морского министерства. Должности командировъ, офицеровъ, механиковъ и врачей на пароходахъ флота могутъ замѣщаться не только лицами, состоящими на дѣйствительной морской службѣ, но и вольнонаемными, прочія же должности преимущественно сими послѣдними. Управленіе Добровольнымъ флотомъ ввѣрено особому комитету, подчиняющемуся Управляющему морскимъ министерствомъ, но затѣмъ самыя условія операцій и рейсовъ судовъ Добровольнаго флота опредѣляются аналогично съ прочими судами коммерческаго флота, а содержится онъ главнымъ образомъ на собственныя средства и пожертвованія, получая отъ казны лишь субсидію[4]). Такимъ образомъ Добровольный флотъ представляетъ учрежденіе двойственнаго харак-

---

[1]) Ст. 270 и послѣд. тамъ же; ст. 262[10], кн. VIII С. М. П. по продолж. 1895 г.; ст. 212—219 уст. торг. (т. XI. ч. II Сводъ Зак. изд. 1893 г.). Въ настоящее время увольненіе нижнихъ чиновъ на коммерч. суда не практикуется.

[2]) Рѣш. Общ. Собр. 1872 г. № 92; 1886 г. № 31.

[3]) Уст. тамож., ст. 294—318 (Сводъ Зак., т. VI).

[4]) Ст. 158—196, кн. II С. М. П. (по продолж. 1892 г. и по продолж. 1895 г.).

тора, съ одной стороны входящаго въ составъ морского вѣдомства, а съ другой — частнаго предпріятія, въ виду чего точное опредѣленіе подсудности чиновъ служащихъ въ этомъ учрежденіи является затруднительнымъ. До упраздненія «Общества Добровольнаго флота» офицеры военно-морского вѣдомства, состоявшіе на службѣ въ этомъ обществѣ, приравнивались къ воинскимъ чинамъ, уволеннымъ для службы на коммерческихъ судахъ. Затѣмъ въ 1886 г., по введеніи въ дѣйствіе временнаго положенія о Добровольномъ флотѣ, по дѣлу о лейтенантѣ Микулинѣ морское министерство высказалось въ томъ смыслѣ, что морскіе офицеры, состоявшіе на службѣ въ означенномъ обществѣ, въ силу положенія 1886 г. были вновь зачислены на дѣйствительную военно-морскую службу, вслѣдствіе чего преступленія, совершенныя послѣ введенія сего положенія военно-морскими чинами, состоящими въ Добровольномъ флотѣ, на практикѣ были признаны подсудными военному суду [1]). Кромѣ того въ 1893 г. флотскіе оберъ-офицеры, уволенные въ Добровольный флотъ, были приравнены къ оберъ-офицерамъ, занимающимъ штатныя должности [2]).

5.

Переходя къ ближайшему разсмотрѣнію второго изъ вышеуказанныхъ признаковъ, опредѣляющихъ подсудность означенныхъ воинскихъ чиновъ, прежде всего отмѣтимъ, что все, изложенное по этому поводу выше, вполнѣ относится и къ разсматриваемой статьѣ, т. е. подъ нарушеніемъ обязанностей службы слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ преступныя дѣянія, которыя вытекаютъ изъ отношеній къ военному или морскому вѣдомствамъ, а также носимаго виновнымъ воинскаго званія. Преступныя же дѣянія въ кругѣ обязанностей не военныхъ, но по той службѣ, въ которой виновный занимаетъ должность, какъ и всѣ общеуголовныя преступленія, подлежатъ разсмотрѣнію суда гражданскаго вѣдомства. На этомъ основаніи, въ частности, *преступ-*

[1]) Отчеты по военно-морской судебной части за 1886 г. стр. 47; Рѣш. Общ. Собр. 1886 г. № 31.

[2]) Примѣч. 2-ое къ ст. 69, кн. VIII С. М. П. по продолж. 1895 г.

ленія по гражданской должности, занимаемой вольскимъ чиномъ, подлежать разсмотрѣнію не военнаго суда, а общихъ судебныхъ установленій въ порядкѣ судопроизводства для преступленій должности.

Это подтверждается прежде всего исторіей вопроса. До реформы, во время полнаго господства военной подсудности, въ военно-уголовномъ уставѣ 1859 г. имѣлось ясное и точное правило, что «военные губернаторы, управляющіе гражданской частью, за преступленія должности по гражданской части подлежать суду Правительствующаго Сената» и вообще «военные чиновники, занимающіе гражданскія должности, въ преступленіяхъ сихъ должностей, судятся на основаніи общихъ дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ о преступленіяхъ чиновниковъ по гражданской службѣ»[1]). Первая часть приведеннаго правила основана на Именномъ Указѣ Императора Николая I Правительствующему Сенату, 27 января 1832 г., о назначеніи въ Тульскую губернію военнаго губернатора. Въ этомъ Высочайшемъ указѣ замѣчательно рельефно и ясно выражено начало раздѣленія подсудности на основаніи различія нарушаемыхъ обязанностей по должности военной и по должности гражданской. «Признавъ нужнымъ», сказано въ указѣ, «для большей связи и единства въ управленіи состоящими въ Тульской губерніи учрежденіями, назначить въ оную военнаго губернатора съ управленіемъ и гражданскою частію, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, повелѣваемъ: 1) по части гражданскаго управленія дѣйствовать ему на правахъ и обязанностяхъ генералъ-губернатора, сообразно правиламъ, въ общихъ узаконеніяхъ на сей предметъ существующимъ. По части же военнаго управленія поступать по особой инструкціи, которая будетъ вслѣдъ засимъ преподана. 2) Посему, въ случаѣ отвѣтственности по части гражданской, онъ подлежитъ *суду гражданскому*, а по части военной — суду военному»[2]). Затѣмъ, когда въ 1866 г. военнымъ министерствомъ былъ возбужденъ вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія, впредь до введенія судебныхъ уставовъ, дѣлъ о

---

[1]) Прим. къ п. 2 ст. 5.
[2]) Полн. Собр. 1832 г. 5108.

воинскихъ чинахъ, состоящихъ на службѣ въ другихъ вѣдомствахъ, то Государственный Совѣтъ нашелъ, что «до этого времени воинскіе чины, не входящіе въ составъ войскъ, должны, за нарушеніе общихъ уголовныхъ законовъ, судиться временнымъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства, установленнымъ въ ст. 1, 2, 44—45 Высочайше утвержденнаго 11 Октября 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта[1]), а въ случаѣ преступленій и проступковъ *по должности*, не относящихся однакоже до нарушенія обязанностей военной службы, имѣютъ быть подвергаемы наказанію или по распоряженію начальства, или же, временно, по суду уголовныхъ палатъ и Правительствующаго Сената»[2]). По введеніи судебныхъ уставовъ указанныя уголовныя дѣла перешли въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ мѣстъ, а не военныхъ судовъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло даже при соединеніи въ одномъ лицѣ, какъ это было указано выше, двухъ должностей гражданской и военной, ибо такое соединеніе не уничтожаетъ еще различія самыхъ должностей и не умаляетъ самостоятельнаго ихъ значенія, въ виду того, что каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ и свое служебное подчиненіе, и свой кругъ вѣдомства, и свои права и обязанности, а слѣдовательно и нарушеніе этихъ послѣднихъ, вполнѣ возможное по каждой должности отдѣльно, не только не должно быть смѣшиваемо или пріурочиваемо непремѣнно къ одной изъ нихъ, но напротивъ того, должно быть строго разграничиваемо въ интересахъ самой службы. Такое разграниченіе необходимо, кромѣ того и потому, чтобы дѣло о должностномъ преступленіи было разрѣшаемо надлежащимъ судомъ, т. е. тѣмъ самымъ, которому оно должно быть подвѣдомственно по свойству нарушенныхъ правъ или обязанностей, такъ какъ въ интересахъ правосудія одинаково требуется, чтобы и дѣла по преступленіямъ должности гражданскаго управленія разрѣшались тоже компетентнымъ судомъ, установленнымъ для преступленій должности гражданской службы.

---

[1]) Судебные уставы, изд. Госуд. канц. т. V; С. П. Б. 1867 г. (изд. 2) стр. 1—36 (по угол. судопр.).

[2]) Суд. уст., изд. Госуд. канц., т. V; С. П. Б. 1867 г. (изд. 2-е), стр. 1—36 (по угол. суд.). Высочайше утвержд. 28-го іюня 1866 г. Мнѣніе Госуд. Сов. стр. 96—100. Тоже, см. Сборн. узак. и распор., изд. съ 20-го ноября 1864 г. по 1-е января 1868 г., въ дополн. и разъясн. суд. уст. С. П. Б. 1868 г. (изд. м-ва юстиціи), стр. 114.

Соединеніе двухъ должностей по гражданскому и военному управленіямъ по нашему законодательству является довольно развитымъ. Такъ, напр., всѣ военные губернаторы[1]), всѣ уѣздные начальники въ Уральской и Семирѣченской областяхъ, нѣкоторые уѣздные начальники въ Тургайской и Семипалатинской областяхъ[2]), всѣ атаманы военныхъ отдѣловъ въ Кубанскомъ и Терскомъ казачьихъ войскахъ[3]), уѣздные начальники въ Закаспійской области[4]) и проч. исполняютъ обязанности какъ по управленію гражданской частью, такъ и по военному управленію, вслѣдствіе чего подсудность всѣхъ этихъ лицъ, состоящихъ въ военномъ званіи, должна быть опредѣлена на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, т. е. за преступленія по должности гражданской—суду общеуголовному, а по должности военной—суду военному.

Иностранныя законодательства допускаютъ во всѣхъ разсматриваемыхъ случаяхъ весьма ограниченную подсудность военныхъ чиновъ общеуголовному суду. Такъ, по законодательству прусскому всѣ офицеры, состоящіе въ распоряженіи правительства (zur Disposition) или по арміи (von der Armee) и не занимающіе опредѣленной должности, подлежатъ военной юрисдикціи въ полномъ объемѣ[5]), а по французскимъ кодексамъ[6]) всѣ лица военнаго званія, получающія отъ правительства содержаніе и состоящія въ его распоряженіи (à la disposition du gouvernement), подлежатъ военной юрисдикціи только за нѣкоторыя преступленія, именно: измѣну, шпіонство, недозволенное вербованіе, возстаніе, злоупотребленіе властью, неповиновеніе, побѣгъ и вообще за нарушеніе обязанностей военной службы. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что французскіе кодексы въ точности указываютъ статьи уголовнаго закона, нарушеніе которыхъ влечетъ военную подсудность, а именно, всѣ вкратцѣ перечисленныя преступленія предусмотрѣны отдѣленіемъ II, кн. IV обоихъ военно-уголовныхъ кодексовъ, на которое и сдѣлана

---

[1]) Ст. 440 и 447, кн. III С. В. П.
[2]) Тамъ же. Ст. 603 и 604.
[3]) Учр. упр. Кавк. края, ст. 174 (Сводъ Зак. т. II, 1892 г.).
[4]) Врем. Полож. объ у-ніи Закасп. обл., ст. 20 и 21 (тамъ же).
[5]) Marck. II, 69.
[6]) Сухопутн. art. 57 и Морск. art. 79.

ссылка въ соотвѣтствующихъ статьяхъ о подсудности. Затѣмъ кодексъ прусскій (§ 4) упоминаетъ о военныхъ чинахъ, исполняющихъ временно обязанности по должностямъ на службѣ гражданской (Civil-Staatdienst) и общественной (Kommunaldienst), но для всѣхъ этихъ лицъ военная подсудность остается въ полномъ объемѣ, исключая преступленій должности, которыя подсудны общимъ судамъ, но и то лишь въ томъ случаѣ, если виновный не принадлежитъ къ корпусу офицеровъ (Offizierstand).

6.

Къ числу изъятій изъ правилъ о подсудности военному суду лицъ отбывающихъ воинскую повинность, относятъ обыкновенно и законъ о *меноннитахъ*, при чемъ вопросъ о подсудности этихъ лицъ связанъ съ вопросомъ о порядкѣ привлеченія ихъ къ отправленію обязательной службы. При обсужденіи вопроса о льготахъ при отправленіи воинской повинности иностранныхъ колонистовъ и переселенцевъ, I-й отдѣлъ комиссіи о воинской повинности, между прочимъ, нашелъ, что дарованное имъ освобожденіе отъ военной службы представляетъ такую же привилегію, какъ и для высшихъ сословій государства, вслѣдствіе чего, съ лишеніемъ этой привилегіи послѣднихъ, нѣтъ никакихъ основаній оставлять таковую для первыхъ. Менониты, поселившіеся въ Россіи послѣ 19-го ноября 1851 г. и до 18-го декабря 1861 г., были избавлены на 20 лѣтъ отъ рекрутской повинности, а по истеченіи указаннаго срока обязаны были особымъ денежнымъ сборомъ подъ названіемъ рекрутскаго, но и этотъ сборъ, со введеніемъ всесословной повинности и уничтоженіемъ денежнаго выкупа, также подлежалъ отмѣнѣ. Поэтому и въ виду того, что освобожденіе менонитовъ вовсе отъ всякой службы, или оставленіе денежнаго выкупа только для нихъ, представлялось отдѣлу комиссіи не имѣющимъ достаточныхъ основаній, было предположено не дѣлать какихъ либо отступленій отъ основныхъ принциповъ личной и всесословной повинности, но, во вниманіе религіозныхъ вѣрованій менонитовъ, отдѣлъ призналъ полезнымъ принять за правило, чтобы они призывались на службу только въ команды такого рода, служба въ которыхъ не противорѣчитъ

ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, и чтобы они не обязывались во время состоянія на службѣ носить оружіе. Правило это отдѣлъ предполагалъ распространить только на меннонитовъ, переселившихся до 1862 г., дабы не создать для другихъ повода къ переходу въ секту съ цѣлью уклоненія отъ службы[1]). Эти предположенія, съ нѣкоторыми частными изъятіями, были приняты и комиссіей, при чемъ было предположено не распространять особыхъ правилъ о поступленіи меннонитовъ на нестроевыя должности на тѣхъ изъ нихъ, которые прибудутъ въ Россію или присоединятся къ сектѣ послѣ изданія устава о воинской повинности. Это постановленіе существуетъ въ законѣ до настоящаго времени съ прибавленіемъ указанія на особыя подвижныя команды лѣснаго вѣдомства и другими незначительными измѣненіями[2]), при чемъ о порядкѣ распредѣленія новобранцевъ изъ меннонитовъ и отбываніи ими обязательной службы были изданы въ 1875 году особыя правила[3]).

Въ настоящее время въ ст. 157 уст. о воинск. пов. нѣтъ указанія на нестроевыя команды военно-сухопутнаго вѣдомства, вслѣдствіе чего меннониты не назначаются въ это вѣдомство вовсе и не входятъ въ контингентъ новобранцевъ сухопутныхъ частей. Въ морскомъ же вѣдомствѣ они назначаются только въ мастерскія Черноморскаго флота, состоя на службѣ въ которыхъ, они подчиняются военной юрисдикціи на общемъ основаніи (ст. 219 уст. угол. суд. и ст. 237 В.-М. С. У.), но къ тѣмъ изъ меннонитовъ, которые состоятъ на службѣ въ частяхъ другихъ вѣдомствъ, не могутъ быть примѣняемы и правила 224 ст. уст. угол. суд. (247 ст. В.-С. У.), такъ какъ меннониты, состоящіе на службѣ не по военно-сухопутному вѣдомству, по изложеннымъ выше соображеніямъ, не могутъ быть во всякомъ случаѣ разсматриваемы какъ воинскіе чины, состоящіе только на службѣ по другимъ вѣдомствамъ.

Въ 1884 году министерствомъ государственныхъ имуществъ былъ составленъ проектъ правилъ о меннонитахъ, служащихъ въ командахъ лѣсного вѣдомства, при чемъ было предположено рас-

[1]) Труды комиссіи. 301—305.
[2]) Ст. 157 уст. о воинск. повин., 1886 г.
[3]) Полн. Собр. 54568.

пространить на нихъ правило ст. 224 уст. угол. суд. и воинскій уставъ о наказаніяхъ, но, въ виду заключенія по этому проекту военнаго министерства, мысль эта была затѣмъ оставлена, какъ не имѣющая достаточной опоры въ дѣйствующемъ законодательствѣ, что и видно изъ закона 7-го мая 1885 г. о правахъ и обязанностяхъ состоящихъ въ лѣсныхъ командахъ меноннтовъ [1]), при чемъ въ этомъ законѣ имѣется постановленіе о подсудности ихъ суду гражданскаго вѣдомства за всѣ преступленія и проступки, «какъ не сопряженные съ нарушеніемъ обязанностей службы, такъ и относящіеся до нарушенія сихъ обязанностей». Постановленіе это, введенное затѣмъ и въ уставъ уголовнаго судопроизводства (ст. 224[1]), представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ не могло и возникать какого либо сомнѣнія о неподсудности военному суду меноннтовъ, не состоящихъ въ военномъ или морскомъ вѣдомствахъ, установленное же относительно меноннтовъ лѣсныхъ командъ изъятіе касается по существу своему лишь матеріальныхъ уголовныхъ законовъ.

Изъ иностранныхъ законодательствъ особыя постановленія объ изъятіяхъ по религіознымъ мотивамъ относительно порядка службы имѣются въ Австріи. Меноннты, караиты (Caraiten) и липоване (Lippowaner), исключая присоединившихся къ сектамъ или вновь поселившихся послѣ изданія закона о воинской повинности 5-го декабря 1868 г., освобождены отъ ношенія оружія и назначаются на службу въ военные госпитали и другія военныя учрежденія [2]), но объ освобожденіи ихъ отъ военной подсудности въ законѣ не имѣется никакихъ указаній.

IV.

Казаки и милиціи.

1.

Къ составу военно-сухопутныхъ силъ Россіи принадлежатъ и войска казачьи, отличающіяся отъ войскъ регулярныхъ весьма существенно въ организаціонномъ отношеніи, а также и усло-

[1]) Полн. Собр. 2924.
[2]) Manz'sche G.-Ausgabe XXIV B. 5.

віями своего внутренняго быта. Войска эти, распадаясь на одиннадцать самостоятельныхъ группъ[1]), несли военную службу порядкомъ, выработавшимся подъ вліяніемъ историческихъ и мѣстныхъ условій и отличавшимся въ каждой изъ этихъ группъ своеобразными особенностями[2]).

До военно-судебной реформы о подсудности казаковъ дѣйствовали весьма разнообразныя правила. Въ большинствѣ казачьихъ войскъ военная подсудность распространялась на всѣхъ казаковъ какъ служащихъ, такъ и отставныхъ, за всѣ роды преступленій, а въ Кубанскомъ, Терскомъ, Забайкальскомъ и Амурскомъ, гдѣ вовсе не было гражданскихъ судовъ, и на женщинъ. Болѣе ограниченная подсудность военному суду была установлена для войскъ Донского и Астраханскаго (а также нынѣ упраздненныхъ Азовскаго и Новороссійскаго), гдѣ она распространялась на всѣ преступленія казаковъ, совершенныя ими на полевой службѣ; во время же нахожденія внѣ службы—только на преступленія, заключавшія въ себѣ нарушеніе военныхъ обязанностей[3]).

Столь обширная военная юрисдикція въ большей части казачьихъ войскъ, по мнѣнію составителей военно-судебнаго устава 1867 г., не вызывалась интересами военной службы, вслѣдствіе чего было предположено на всѣ казачьи войска распространить правила о военной подсудности, дѣйствующія въ отношеніи войска Донского; но по причинѣ неизвѣстности для комиссіи условій быта и устройства нѣкоторыхъ казачьихъ войскъ, было рѣшено выяснить, путемъ сношенія съ мѣстнымъ казачьимъ начальствомъ, на сколько возможна такая мѣра относительно всѣхъ вообще казачьихъ войскъ[4]). Въ виду этого въ проектѣ основныхъ положеній о преобразованіи военно-судной части было помѣщено правило, что «чины всѣхъ вообще казачьихъ войскъ подлежатъ военному суду, согласно дѣйствующимъ нынѣ (т. е. по военно-уголовному уставу 1859 г.) постановленіямъ, впредь до примѣненія къ нимъ существующихъ по сему предмету пра-

[1]) Редигеръ. I, 109.
[2]) Лузановъ. 86—98.
[3]) Сборникъ законодат. работъ. 8—9.
[4]) Тамъ же. 9.

вплъ, для Донского казачьяго войска установленныхъ»[1]). Но въ Высочайше утвержденныхъ тѣхъ же положеніяхъ изложенное правило видоизмѣнилось и получило слѣдующую редакцію: «лица, принадлежащія къ составу иррегулярныхъ войскъ, предаются военному суду, въ войскахъ, гдѣ есть общіе войсковые уголовные суды, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они состоятъ на полевой службѣ или когда преступленія ихъ касаются нарушенія обязанностей военной службы», и кромѣ того къ этому правилу было присоединено примѣчаніе, что «чины тѣхъ казачьихъ войскъ, въ которыхъ не учреждено войсковыхъ уголовныхъ судовъ гражданскаго вѣдомства, подлежатъ военному суду и за преступныя дѣянія, не относящіяся до военной службы»[2]). Въ этой редакціи, за исключеніемъ словъ «войсковые» и «войсковыхъ», статья эта была внесена и въ проектъ военно-судебнаго устава (ст. 250) и въ такой же редакціи была затѣмъ утверждена (ст. 243).

Составители судебныхъ уставовъ имѣли въ виду всѣ изложенныя предположенія комиссіи по составленію военно-судебнаго устава, на что прямыя указанія имѣются какъ въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта 1862 г. № 65[3]), такъ и въ объяснительной запискѣ къ проекту устава уголовнаго судопроизводства[4]). Поэтому и въ послѣднемъ проектѣ (ст. 180), и въ утвержденномъ затѣмъ уставѣ уголовнаго судопроизводства (ст. 223) правила о подсудности чиновъ казачьихъ войскъ были изложены въ редакціи, совершенно тождественной съ военно-судебнымъ уставомъ.

Такимъ образомъ судебная реформа съузила объемъ военной подсудности казаковъ до предѣловъ, одинаковыхъ съ подсудностью воинскихъ чиновъ регулярныхъ войскъ. Отмѣтимъ здѣсь еще тотъ фактъ, что объемъ подсудности былъ поставленъ отчасти въ зависимость отъ учрежденія въ казачьихъ земляхъ общихъ судовъ. Правило это вполнѣ умѣстное въ военно-судебномъ уставѣ было помѣщено и въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, что представлялось совершенно излишнимъ, такъ

---

[1]) Тамъ же. 103 (ч. II, ст. 12, п. 6).
[2]) Тамъ же. 238 (ч. II, ст. 11, п. 4).
[3]) Стр. 244—245 (т. XIX дѣла о преобр.).
[4]) Стр. 120 (т. LII дѣла о преобр.).

какъ примѣненіе постановленій судебныхъ уставовъ только и могло имѣть мѣсто тамъ, гдѣ они были введены. Несмотря на это, примѣчаніе, содержащее приведенное правило, находится въ уставѣ уголовнаго судопроизводства до настоящаго времени, когда и въ военно-судебномъ уставѣ оно является анахронизмомъ, ибо такихъ мѣстностей, занятыхъ казаками, гдѣ бы не было общихъ судовъ, теперь не существуетъ.

Статьею 223 уст. угол. суд. было установлено общее правило о военной подсудности казаковъ; изданными же 31 марта 1870 года «дополнительными правилами» подсудность лицъ войскового сословія была регламентирована болѣе подробно и въ соотвѣтствіе съ правилами о подсудности военныхъ чиновъ регулярныхъ войскъ[1]). Постановленія этого закона слѣдующія: «ст. 1. Дѣла о преступленіяхъ лицъ войскового сословія подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ установленій гражданскаго вѣдомства, за исключеніемъ случаевъ, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанныхъ»; «ст. 2. Всѣ преступныя дѣянія, учиненныя лицами войскового сословія какъ въ бытность ихъ въ строевыхъ частяхъ, такъ и на службѣ по военнымъ войсковымъ учрежденіямъ, подлежатъ военному суду»; ст. 3. Лица войскового сословія служилаго разряда, состоящія на льготѣ и на внутренней службѣ, подлежатъ военному суду только за преступныя дѣянія, составляющія прямое нарушеніе обязанностей военной службы»; «ст. 4. Войсковые чины служилаго разряда, уволенные въ отставку, подлежатъ военному суду только за тѣ изъ совершенныхъ во время строевой или внутренней службы и льготы преступныхъ дѣяній, которыя соединены съ нарушеніемъ обязанностей военной службы».

При сопоставленіи этихъ правилъ съ правилами уставовъ военно-судебнаго 1867 г. и уголовнаго судопроизводства 1864 г. легко замѣчается, что ст. 2-я закона 1870 г. выражаетъ собою правило, тождественное съ ст. 219 уст. угол. судопр. (241 В.-С. У.) и касающееся казаковъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ; статья 4-я соотвѣтствуетъ ст. 220 уст. угол.

[1]) Прик. по воен. вѣд. 1870 г. № 112. Полн. Собр. 48207.

суд. (248 В.-С. У.), а статья 3-я—ст. 221 уст. угол. суд. (245 В.-С. У.).

Статьи 2-я и 3-я закона 1870 года составили содержаніе ст. 247 кн. XXIV С. В. П. изд. 1879 г., которая затѣмъ перешла и въ нынѣ дѣйствующій военно-судебный уставъ (ст. 246). Уставъ уголовнаго судопроизводства на основаніи того же закона измѣнилъ редакцію ст. 223, но съ существеннымъ отличіемъ отъ закона 1870 г., которое до настоящаго времени имѣетъ мѣсто въ этомъ уставѣ. Казакъ, по закону 1870 г. и основанной на немъ статьѣ 246 В.-С. У., подсуденъ, внѣ дѣйствительной военной службы, военному суду за нарушеніе обязанностей военной службы, если онъ состоитъ на льготѣ или на внутренней службѣ, но по 223 ст. уст. угол. суд., основанной на томъ же законѣ, это ограниченіе опущено, такъ что по буквальному тексту ст. 223 «лица войскового сословія всѣхъ вообще казачьихъ войскъ предаются военному суду... когда преступленія ихъ составляютъ прямое нарушеніе обязанностей военной службы», то есть всѣ казаки, хотя бы никогда не состоявшіе на военной службѣ; такое упущеніе, повторенное во всѣхъ изданіяхъ устава угол. суд. послѣ закона 1870 г., очевидно, не можетъ служить основаніемъ къ опредѣленію военной подсудности въ столь широкомъ смыслѣ, ибо оно, какъ не согласное съ подлиннымъ закономъ, является кодификаціоннымъ недосмотромъ, могущимъ однако вызывать на практикѣ недоразумѣнія.

Законъ 1870 г., несмотря на сохраненіе первоначальной редакціи его текста въ дѣйствующихъ уставахъ, долженъ быть еще ограниченъ на основаніи устава о воинской повинности Донского казачьяго войска 17 апрѣля 1875 года[1]), распространеннаго нынѣ на всѣ казачьи войска, кромѣ Уральскаго[2]). Ограниченіе это заключается въ томъ, что уставъ 1875 г. уничтожилъ внутреннюю службу казаковъ, оставшуюся лишь въ Уральскомъ войскѣ[3]), такъ что при установленіи военной подсудности казаковъ весьма существеннымъ является опредѣленіе времени,

[1]) Полн. Собр. 54588.
[2]) Редигеръ. I, 111.
[3]) Тамъ же. 114.

когда совершено преступленіе: до или послѣ упраздненія внутренней службы въ томъ или другомъ казачьемъ войскѣ.

Итакъ, военному суду подсудны по закону 1870 г., въ виду тѣхъ ограниченій, которыя внесъ въ службу казаковъ уставъ о воин. повин. 1875 г.: 1, казаки, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ въ строевыхъ частяхъ или военныхъ учрежденіяхъ, 2, казаки, состоящія на льготѣ и 3, казаки Уральскаго войска внутренно-служащіе, при чемъ: 1-ые—за всѣ роды преступленій, а 2-ые и 3-и—за дѣянія [1]), составляющія прямое нарушеніе обязанностей военной службы. Затѣмъ уставъ о воинской повинности Донского казачьяго войска внесъ и другія измѣненія, а именно онъ установилъ точно, что казаки служилаго состава, не находящіеся на дѣйствительной службѣ [2]), подобно чинамъ запаса регулярныхъ войскъ, во 1-хъ, подсудны военному суду за неявку на дѣйствительную службу или въ учебные сборы, и кромѣ того за неявку и на сборы смотровые, относительно которыхъ, ни въ законѣ, ни въ какихъ либо инструкціяхъ, объявленныхъ во всеобщее свѣдѣніе, не имѣется точныхъ указаній. На практикѣ такими сборами считаются: сборъ казаковъ передъ отправленіемъ на дѣйствительную службу [3]) и сборъ казаковъ, возвратившихся со службы на Донъ [4]). Въ обоихъ случаяхъ осматривается вооруженіе и снаряженіе, а также производится и медицинское освидѣтельствованіе казаковъ. Затѣмъ во время состоянія на льготѣ атаманы отдѣловъ производятъ по станицамъ провѣрку дѣйствительной наличности тѣхъ предметовъ, которые льготные казаки обязаны имѣть въ полной исправности [5]). Во 2-хъ, военная подсудность установлена для казаковъ означеннымъ выше закономъ за нарушенія обязанностей военной дисциплины и воинскаго чинопочитанія, но не въ зависимости отъ бытности при этомъ въ форменной военной одеждѣ, а «при обязательныхъ сношеніяхъ, касающихся военной

---

[1]) О подсудности казаковъ за преступленія, учиненныя до поступленія на службу, см. рѣш. Гл. Воен. Суда 1896 г. № № 11 и 13.

[2]) 386 и 397 ст. уст. о воин. повин. (т. IV Св. Зак. 1886 г.).

[3]) Ст. 51 и 58 Положж. о военной служ. казаковъ Дон. Войска (Пр. по в. в. 1874 г. № 284).

[4]) Тамъ же. ст. 59.

[5]) Тамъ же. ст. 64, 70, 77, 82 и 108.

службы». Такое различіе съ правилами, дѣйствующими относительно чиновъ запаса регулярныхъ войскъ, вполнѣ понятно, ибо у послѣднихъ военная форма устанавливаетъ воинскія отношенія къ чинамъ дѣйствительной военной службы и между собою, тогда какъ у казака военная форма, составляя обычную и постоянную одежду, не можетъ имѣть того же значенія. Опредѣлить всѣ тѣ случаи, когда сношенія, касающіяся военной службы, обязательны, весьма затруднительно, въ виду полнаго отсутствія кодификаціи законовъ о казакахъ, но если обратиться только къ уставу о воинской повинности, то и въ немъ можно указать на такіе случаи, напр.: заявленіе о желаніи отбыть воинскую повинность по правиламъ общаго устава (шкиперы, штурманы [1]), повѣрка малолѣтковъ [2]), жалобы на неправильность очередныхъ списковъ [3]) и т. п. Однимъ словомъ необходимо, чтобы возникновеніе сношеній вытекало изъ требованій закона, опредѣляющаго ихъ обязательность. Поэтому едва-ли всякое, напр., обращеніе офицера къ нижнему чину, или наоборотъ, можетъ быть признано за таковое сношеніе, какъ это установилось въ практикѣ [4]).

Такимъ образомъ въ настоящее время относительно подсудности казаковъ дѣйствуютъ два закона: во-1-хъ, ст. 223 уст. угол. суд. и соотвѣтствующая ей 246 ст. В.-С. У., или, что одно и то же, правила 31-го марта 1870 г., которыя должны быть примѣняемы въ полномъ объемѣ къ Уральскому казачьему войску, отбывающему повинность дошлѣ не на основаніи устава 1875 г., а въ отношеніи остальныхъ казачьихъ войскъ съ тѣми измѣненіями, которыя установлены уставомъ о воинск. повин. казаковъ войска Донского 1875 г. и, во-2-хъ, ст. 397 устава о воинск. повин., устанавливающая подсудность не числящихся на дѣйствительной службѣ казаковъ служилаго состава всѣхъ трехъ разрядовъ [5]).

---

[1]) Ст. 430 уст. о воин. повин., допол. по прод. 1890 г.
[2]) Ст. 440 уст. о воин. повин.
[3]) Ст. 451 уст. о воин. повин.
[4]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1892 г. № 83; 1893 г. № 129 и др.
[5]) О подсудности казаковъ приготовит. разряда см. рѣш. Гл. Воен. Суда, 1895 г. № 117.

Затѣмъ, такъ какъ уставъ проводитъ различіе между казаками «числящимися» на дѣйствительной военной службѣ и на таковой службѣ «не числящимися», представляется непзбѣжнымъ установленіе моментовъ времени, опредѣляющихъ каждое изъ этихъ состояній. Въ виду того, что казаки, какъ по своему устройству, такъ и порядку прохожденія службы, отличаются отъ регулярныхъ войскъ, нельзя не придти къ выводу, что моменты, опредѣляющіе служебное состояніе чиновъ регулярныхъ войскъ, не могутъ быть примѣнены къ казакамъ, исключая офицеровъ и вольноопредѣляющихся. Согласно ст. 51 положенія о службѣ казаковъ, назначенные на укомплектованіе строевыхъ частей казаки собираются на опредѣленныхъ пунктахъ за недѣлю до выступленія въ походъ и отправляются къ мѣстамъ назначенія, подъ начальствомъ офицеровъ, командируемыхъ на дѣйствительную службу. Этотъ моментъ сбора «на опредѣленныхъ пунктахъ» казалось бы всего правильнѣе считать за начало дѣйствительной службы, а за конецъ ея прибытіе командъ льготныхъ казаковъ въ свои станицы, т. е. тотъ моментъ, когда они поступаютъ въ вѣдѣніе станичнаго управленія.

Всѣ тѣ правила о подсудности, которыя установлены для вопискихъ чиновъ, состоящихъ на службѣ по другимъ вѣдомствамъ, должны имѣть примѣненіе и къ казакамъ, находящимся въ аналогичномъ положеніи, поскольку эти правила не измѣняются разсмотрѣнными спеціальными постановленіями о казакахъ. На практикѣ въ этомъ отношеніи возникали вопросы о подсудности чиновъ *казачьей полиціи* и *пожарныхъ командъ*, а именно относительно этихъ чиновъ гор. Новочеркасска. Затрудненія, возникающія при разрѣшеніи этого вопроса, происходятъ вслѣдствіе полнаго отсутствія кодификаціи узаконеній, касающихся управленія казаками. Въ Сводѣ Законовъ до 1876 г. въ томѣ II, ч. II, имѣлось «учрежденіе гражданскаго управленія казаковъ», но въ изданіи 1892 г. изъ этого тома часть II-я исключена, а ранѣе учрежденіе это помѣщалось въ сводѣ по редакціи 1857 г. съ измѣненіями по продолженіямъ до 1868 г. включительно, послѣ же 1868 г. было прекращено введеніе новыхъ узаконеній и въ продолженія. Этотъ порядокъ начался съ 1869 г., когда состоялось 5-го іюня Высочайшее повелѣніе

о невведеніи законовъ по гражданскому управленію казаковъ въ сводъ, такъ какъ въ военномъ министерствѣ происходитъ пересмотръ всѣхъ относящихся до нихъ законоположеній[1]). Въ настоящее время, съ исключеніемъ изъ т. II «учрежденія объ управленіи казаковъ», единственнымъ источникомъ является Сводъ Законовъ т. II, ч. II, изд. 1857 г. съ продолж. по 1868 г. и сборникъ правительственныхъ распоряженій по казачьимъ войскамъ. Въ этомъ сборникѣ помѣщены и постановленія по гражданскому управленію, бывшія также и въ ч. II, т. II Св. Законовъ, изъ которыхъ видно, что нижніе чины полицейской и пожарной службы по городу Новочеркасску принадлежатъ къ вѣдомству гражданскаго управленія[2]). Поэтому, хотя казаки и поступаютъ въ составъ Новочеркасской полиціи изъ очередныхъ служилыхъ и отправляютъ дѣйствительную службу, но они все-таки подсудны военному суду, во время состоянія на этой службѣ, лишь за преступленія, составляющія прямое нарушеніе обязанностей военной службы, на одинаковыхъ основаніяхъ съ воинскими чинами регулярныхъ войскъ, состоявшими на службѣ въ полицейскихъ и пожарныхъ командахъ. То обстоятельство, что штатъ Новочеркасской полиціи включенъ въ Сводъ штатовъ военно-сухопутнаго вѣдомства, и что полиція эта находится въ вѣдѣніи военнаго министерства, а не министерства внутреннихъ дѣлъ, не можетъ служить доказательствомъ принадлежности этой полиціи къ *военнымъ* войсковымъ учрежденіямъ и вполнѣ объясняется тѣмъ, что и все вообще гражданское управленіе въ казачьихъ войскахъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ учрежденій, состоитъ въ вѣдѣніи военнаго министерства. Въ этомъ смыслѣ состоялись разъясненія какъ Правительствующаго Сената[3]), такъ и Главнаго Военнаго Суда[4]). Наконецъ на практикѣ возникалъ вопросъ о подсудности военному суду чиновъ Кубанской и Терской городскихъ полицій, въ виду того, что чины эти числятся по спискамъ военнаго вѣдомства; но какъ

---

[1]) Объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи указанія имѣются въ объясненіяхъ къ продолженіямъ свода.

[2]) Сборникъ, т. III, стр. 270—274, а также Сводъ штатовъ военно-сухопутн. вѣдомства.

[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1890 г. № 25.

[4]) Рѣш. 1887 г. № 156.

означенные чины занимаютъ на службѣ положеніе одинаковое съ чинами прочихъ полицейскихъ командъ, образованныхъ на основаніи общаго губернскаго учрежденія, и одинаковымъ же порядкомъ опредѣляются на службу, то они и не могутъ быть даже разсматриваемы какъ воинскіе чины, если только, поступая на службу, не имѣли воинскаго званія. Въ виду этого чины указанныхъ полицій подчиняются общимъ правиламъ подсудности, установленнымъ для всѣхъ вообще чиновъ гражданскаго управленія Имперіи[1]).

2.

Къ составу постоянныхъ войскъ принадлежатъ и такъ называемыя войска иррегулярныя — изъ инородцевъ (милиціи), устройство, составъ и управленіе которыхъ, какъ и войскъ казачьихъ, опредѣляются особыми положеніями[2]). Съ этими войсками не слѣдуетъ смѣшивать другихъ воинскихъ частей комплектуемыхъ изъ инородцевъ Сѣвернаго Кавказа и Закавказья. Туземное (а въ Закавказьѣ и нетуземное) населеніе этихъ мѣстностей до 1887 года было освобождено отъ воинской повинности, а съ этого года привлечено къ ея отбыванію на основаніи особыхъ правилъ[3]). Новобранцы изъ жителей этихъ мѣстностей назначаются исключительно въ войска Кавказскаго военнаго округа, при чемъ изъ туземцевъ образуются особыя части: туземныя стрѣлковыя дружины, туземные резервные полки и Осетинскій конный дивизіонъ[4]). Всѣ перечисленныя части во всѣхъ почти отношеніяхъ приравнены къ регулярнымъ войскамъ и въ правилахъ объ ихъ устройствѣ не имѣется какихъ либо ограниченій или исключеній въ отношеніи подсудности чиновъ

[1]) См. Учр. управл. Кубанск. и Терской обл. (т. II Св. Зак. 1892 г.). На казаковъ Иркутской и Красноярской сотенъ распространяются общія правила подсудности казаковъ (см. положеніе о казакахъ Иркутской и Енисейской губ. 1871 г. въ сборн. правит. расп. по казачьимъ войскамъ. т. VII, 1872 г.). Кромѣ того состоятъ въ полномъ вѣдѣніи м-ва внутр. дѣлъ и къ составу арміи не принадлежатъ вовсе казаки Якутскіе, Березовскіе, Сургутскіе, Нарымскіе и Камчатскіе. См. о нихъ у Редигера, ч. I. стр. 110 (прим.) и «Развѣдчикъ» 1896 г. № 281.

[2]) Ст. 2, кн. V. С. В. П.

[3]) Приказы по воен. вѣд. 1886 г. № 231 и 1887 г. № 191: примѣчанія 1-е (по прод. 1891 г.), 2-е и 3-е (по прод. 1890 г.) къ ст. 7 устава о воин. пов.

[4]) Редигеръ. I, 118 и прик. по воен. вѣд. 1887 г. № 176.

этихъ частей, почему она и опредѣляется на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и для прочихъ воинскихъ чиновъ арміи.

Милиціонныя части, содержащіяся только на Кавказѣ и въ Закаспійской области, въ мирное время несутъ преимущественно военно-полицейскую службу. Въ настоящее время существуютъ слѣдующія милиціонныя части: Дагестанскій конный полкъ, Кубанская, Терская, Дагестанская, Карская и Батумская милиціи и Туркменскій конно-иррегулярный дивизіонъ[1]). Всѣ эти части подчиняются на Кавказѣ — начальникамъ и военнымъ губернаторамъ соотвѣтствующихъ областей[2]), а въ Закаспійской области — начальнику областного штаба[3]). Милиціонныя части управляются на основаніи особыхъ положеній, не введенныхъ ни въ Сводъ Законовъ, ни въ Сводъ Военныхъ Постановленій. Послѣднимъ изъ этихъ особыхъ узаконеній является положеніе *о Дагестанскомъ конномъ полку*[4]). Нижними чинами полкъ комплектуется добровольно поступающими изъ туземцевъ Дагестанской области и до 5% изъ туземцевъ-мусульманъ Кавказа вообще, не обязанныхъ личною воинскою повинностью (ст. 8), а офицеры назначаются на общемъ основаніи, но преимущественно тоже изъ туземцевъ Кавказа и въ особенности Дагестана (ст. 6). За преступленія и проступки, совершенныя во время прохожденія службы, всѣ чины полка подлежатъ суду, наказаніямъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ на одинаковомъ основаніи съ чинами регулярныхъ войскъ (ст. 17), такъ что въ общемъ правилѣ чины полка въ отношеніи подсудности приравнены къ воинскимъ чинамъ арміи. Но изъ этого правила сдѣлано исключеніе въ пользу народныхъ судовъ Дагестанской области (ст. 1284 уст. угол. суд.), именно, когда преступленіе, совершенное противъ лица, принадлежащаго къ горскому населенію, не было соединено съ нарушеніемъ обязанностей военной службы и дисциплины (ст. 18). Такимъ образомъ общеуголовныя преступленія, совершенныя однимъ изъ чиновъ полка противъ другого, въ случаѣ принадлежности ихъ обоихъ къ мѣстному гор-

[1]) Редигеръ. II, 68.
[2]) Ст. 511, кн. III С. В. П.
[3]) Ст. 535 (примѣч.), кн. III С. В. П.
[4]) Приказъ по воен. вѣд. 1894 г. № 25. Собр. узакон. 1894 г. № 61, ст. 458.

скому населенію, подсудны не военному, а народному суду. Послѣднее положеніе о Дагестанскомъ конномъ полку приблизило его по своей организаціи къ казачьимъ войскамъ, но хотя подсудность военному суду чиновъ полка и является по этому положенію расширенной сравнительно съ дѣйствовавшимъ ранѣе положеніемъ о Дагестанскомъ конно-иррегулярномъ полку[1]), по которому чины этого полка подлежали военному суду лишь за преступленія по службѣ военной и противъ дисциплины, упраздненіе подсудности народному суду было признано преждевременнымъ, такъ какъ туземцы, поступая въ полкъ, продолжаютъ жить среди прежнихъ условій, будучи разбросаны отдѣльными командами по глухимъ, трудно доступнымъ ущельямъ и мѣстностямъ, среди своихъ же соплеменниковъ; кромѣ того упраздненіе подсудности народнымъ судамъ могло бы и значительно умешьшить число желающихъ поступить въ полкъ. Въ виду этихъ соображеній мысль о полной отмѣнѣ подсудности чиновъ полка своему народному суду была оставлена.

Аналогичнымъ по своему устройству съ Дагестанскимъ коннымъ полкомъ является *Туркменскій конно-иррегулярный дивизіонъ*, преобразованный въ 1892 году изъ Туркменской милиціи Закаспійской области[2]). Въ положеніи объ этомъ дивизіонѣ говорится только о подсудности *«нижнихъ чиновъ изъ азіатцевъ»*, которые за преступленія и проступки, касающіеся ихъ служебныхъ обязанностей, подлежатъ отвѣтственности на основаніи «уставовъ дисциплинарнаго и военно-уголовнаго», во всѣхъ же прочихъ случаяхъ они подвергаются уголовному преслѣдованію наравнѣ съ туземцами, не состоящими на службѣ (ст. 6). Что же касается офицеровъ, то принимая во вниманіе, что комплектуются они не только изъ милиціи, но и изъ войскъ казачьихъ, а также регулярныхъ (ст. 3) и за неустановленіемъ относительно ихъ какого либо изъятія,—слѣдуетъ признать, что подсудность ихъ военному суду должна быть опредѣляема на общемъ основаніи съ прочими офицерами арміи.

---

[1]) Ст. 4312, кн. II, ч. I С. В. П. 1859 г.

[2]) Полож. о Туркмен. милиціи (Прик. по воен. вѣд. 1885 г. № 51). Полож. о Туркмен. к.-иррег. д-нѣ (Собр. узак. 1892 г. № 14, ст. 121).

Относительно всѣхъ чиновъ милицій *Терской, Кубанской*[1]), *Карской* и *Батумской*[2]) въ соотвѣтствующихъ положеніяхъ сказано: «чины милиціи за проступки и преступленія, не касающіеся ихъ служебныхъ обязанностей, подвергаются отвѣтственности и наказаніямъ наравнѣ съ прочими жителями областей[3]), за проступки же и преступленія по службѣ, если они незначительны (маловажны), виновные подвергаются взысканіямъ на основаніи дисциплинарнаго устава, въ важныхъ же случаяхъ предаются военному суду, на общемъ основаніи съ чинами регулярныхъ войскъ», въ милиціяхъ же Терской и Кубанской, въ случаѣ преданія военному суду, они исключаются изъ списковъ. Такимъ образомъ чины всѣхъ перечисленныхъ милицій предаются военному суду только въ случаяхъ *важныхъ* служебныхъ нарушеній. Сопоставляя выраженіе «важный случай» съ выраженіемъ дисциплинарнаго устава (ст. 9) «маловажный проступокъ», т. е. не влекущій за собою преданіе суду и наказуемый на основаніи дисциплинарнаго устава, мы приходимъ къ тому выводу, что подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ «важный случай» слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ служебныя нарушенія и упущенія, которыя предусмотрѣны уголовными законами, какъ самостоятельныя преступныя дѣянія, вслѣдствіе чего и принимая во вниманіе, что въ этихъ «важныхъ случаяхъ» чины милицій предаются военному суду на общемъ основаніи съ чинами регулярныхъ войскъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что при совершеніи чинами милицій преступленій или проступковъ противъ дисциплины или по службѣ военной, они могутъ быть преданы военному суду, если только учиненное дѣяніе предусмотрѣно уголовными законами (дисципл. уст. ст. 8—12).

Еще менѣе опредѣленными по своей редакціи представляются правила о подсудности военному суду чиновъ *Дагестанской постоянной милиціи*[4]). § 40 положенія объ этой милиціи гла-

---

[1]) Сборн. пост., дѣйствующ. въ иррегул. войск. ч. 3, 1878 г. стр. 284 - 288. (Полож. ст. 19 §§ 5 и 13). О Терской милиц. также Полн. Собр. 1870 г. № 49056.

[2]) Сборн. пост. дѣйств. въ иррегул. войск. т. XIV, ч. 2, 1879 г. стр. 471 (Положеніе, ст. 20).

[3]) Разъясн. о подсудности чиновъ Терской милиц. см. рѣш. Общ. Собр. 1893 г. № 19.

[4]) Положеніе въ приказѣ по воен. вѣд. 1861 г. № 27.

сть слѣдующее: «Всѣ служащіе въ Дагестанской постоянной милиціи чины изъ туземцевъ, за сдѣланныя во время состоянія въ этой милиціи проступки и преступленія, не относящіеся до службы и дисциплины, подвергаются отвѣтственности и наказанію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ вообще туземные жители Дагестана. Что же касается проступковъ и преступленій ихъ противъ службы, то за менѣе значительные изъ нихъ, не заключающіе въ себѣ важнаго и умышленнаго нарушенія долга и дисциплины, чины милиціи подвергаются обыкновеннымъ исправительнымъ наказаніямъ, какъ то: содержанію подъ арестомъ, наряду не въ очередь на службу и т. п. Наказанія эти опредѣляются по усмотрѣнію тѣхъ мѣстныхъ военныхъ начальниковъ, въ вѣдѣніи конхъ состоятъ части милиціи. За важные проступки и преступленія противъ дисциплины чины милиціи исключаются изъ службы командующимъ войсками Дагестанской области и, кромѣ того, если по мѣрѣ вины своей будутъ заслуживать, или подвергаются взысканію безъ суда и слѣдствія административнымъ порядкомъ, на основаніи общихъ постановленій о вредныхъ и преступныхъ горцахъ, или же предаются военному суду, какъ обыкновенному, такъ и по полевому уголовному положенію». Очевидно это дореформенное правило, остающееся донынѣ безъ измѣненія, примѣнимо лишь по стольку, по скольку оно не отмѣнено позднѣйшими узаконеніями, а въ этихъ предѣлахъ оно является тождественнымъ въ отношеніи подсудности съ приведенными выше правилами для другихъ милицій.

Къ милиціоннымъ частямъ кромѣ выше перечисленныхъ относится и *земская стража Сухумскаго отдѣла*, подсудность чиновъ которой военному суду опредѣляется на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и для милицій Терской и Кубанской[1]).

[1]) Росписаніе сухопутн. войскъ 1895 г. 280. Положеніе объ этой стражѣ въ прик. по воен. вѣд. 1872 г. № 64 и въ Сборн. постан., дѣйств. въ иррегул. войскахъ ч. 3, 1878 г. стр. 290.

V.

Гражданскіе чиновники военнаго и морского вѣдомствъ.

1.

Во всѣхъ европейскихъ арміяхъ сверхъ лицъ, посвящающихъ себя служенію непосредственной цѣли войска, состоятъ на службѣ лица, функціи которыхъ имѣютъ вспомогательное значеніе. Армія пользуется услугами этихъ лицъ или въ такой сферѣ, которая требуетъ спеціальныхъ познаній (врачи, аптекари, техники и т. п.), или въ сферѣ, не требующей ни особыхъ спеціальныхъ познаній, ни военной подготовки (счетчики, письмоводители и т. п.). Совокупность всѣхъ этихъ лицъ образуетъ въ арміи особую группу служащихъ невоеннаго званія. Изъ нихъ нашъ законъ выдѣляетъ тѣхъ, которые состоятъ на дѣйствительной службѣ по военному или морскому вѣдомству и имѣютъ гражданскіе чины; они именуются гражданскими чиновниками военнаго или морского вѣдомства[1]). Въ этомъ послѣднемъ находятся однако на службѣ еще и такія лица, которыя несомнѣнно должны быть отнесены къ гражданскимъ чиновникамъ морского вѣдомства, хотя они и не имѣютъ общеустановленныхъ чиновъ, но лишь особыя званія, соотвѣтствующія морскимъ военнымъ чинамъ. Таковы корабельные инженеры, инженеръ-механики флота, инженеры и техники морской строительной части. Особыя званія, которыя носятъ эти лица, сохраняя ихъ и въ запасѣ, слѣдующія: 1) для корабельныхъ инженеровъ: а) инспекторъ кораблестроенія, б) старшій судостроитель, в) младшій судостроитель, г) старшій помощникъ судостроителя и д) младшій помощникъ судостроителя; 2) для инженеръ-механиковъ: а) инспекторъ механической части, б) флагманскій инженеръ-механикъ, в) старшій инженеръ-механикъ, г) помощникъ старшаго инженеръ-механика, д) младшій инженеръ-механикъ; 3) для инженеровъ морской строительной части: а) инспекторъ

[1]) Ст. 10 VII С. В. П.; ст. 38 и 78, VIII. С. М. П. и прим. къ ст. 38 тамъ же по прод. 1895 г.

морской строительной части, б) главный инженеръ-строитель, в) старшій инженеръ-строитель и г) младшій инженеръ-строитель и 4) для техниковъ той же части: а) старшій техникъ и б) младшій техникъ. Званія эти соотвѣтствуютъ для первыхъ трехъ категорій чинамъ строевого состава флота, а для четвертой — военнымъ чинамъ по адмиралтейству, однако переименовываются означенныя лица, при увольненіи въ отставку или при переходѣ ихъ на службу въ другія вѣдомства, не въ военные чины, а въ соотвѣтствующіе гражданскіе[1]). Всѣ остальные чиновники военнаго и морского вѣдомствъ имѣютъ гражданскіе чины, указанные въ табели о рангахъ[2]), соотвѣтственно занимаемымъ ими должностямъ, при чемъ въ военномъ вѣдомствѣ жалуется и чинъ военнаго совѣтника (VI класса) лицамъ, занимающимъ должности чиновниковъ особыхъ порученій при Военномъ Министрѣ и дѣлопроизводителей канцеляріи военнаго министерства[3]). Такимъ образомъ подъ гражданскими чиновниками морского вѣдомства слѣдуетъ разумѣть и тѣхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ этомъ вѣдомствѣ, которыя, хотя и не имѣютъ класснаго чина, но носятъ соотвѣтствующее ему званіе. Вообще собственно чинъ не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ къ первоначальному опредѣленію на службу по военному вѣдомству на классныя должности трехъ низшихъ классовъ допускаются лица, не имѣющія классныхъ чиновъ[4]); кромѣ того закономъ[5]) установлено принятіе на дѣйствительную службу *канцелярскими служителями*, которые обыкновенно не занимаютъ классной должности и могутъ быть даже сверхъ штата. Однако и такія лица, состоящія на дѣйствительной службѣ по военному вѣдомству, ни къ какой другой категоріи, какъ гражданскихъ чиновниковъ, отнесены быть не могутъ. Итакъ, вышеприведенное опредѣленіе закона[6]) оказывается не вполнѣ точнымъ, вслѣдствіе чего подъ граждан-

---

[1]) Ст. 77^1—77^{10} кн. VIII С. М. П. по прод. 1895 г.
[2]) Ст. 357, кн. VII С. В. П.; ст. 78, кн. VIII С. М. П.
[3]) Ст. 9 и 358, кн. VII С. В. П.
[4]) Ст. 64—73, кн. VI С. В. П.; ст. 78—79 и 165—169, кн. VIII С. М. П.; ст. 160 Уст. Служ. Прав. (Св. Зак. т. III по прод. 1890 г.).
[5]) Ст. 160 Уст. Служ. Прав. (Св. Зак. т. III по прод. 1890 г.); ст. 32, тамъ же.
[6]) Ст. 10, кн. VII С. В. П.

скими чиновниками военнаго или морскаго вѣдомства слѣдуетъ разумѣть лицъ, которыя, будучи опредѣлены на дѣйствительную службу установленнымъ порядкомъ, занимаютъ въ этихъ вѣдомствахъ классныя должности или хотя и не занимаютъ таковыхъ, но исполняютъ по этимъ вѣдомствамъ опредѣленныя постоянныя служебныя обязанности. Поэтому гражданскія лица, хотя бы и имѣющія чинъ и исполняющія обязанности по классной или неклассной должности, но безъ установленнаго опредѣленія на службу, а *по вольному найму*[1]), не могутъ быть признаваемы гражданскими чиновниками военнаго вѣдомства; равнымъ образомъ не можетъ быть признаваемо таковымъ лицо, состоящее на службѣ въ другомъ вѣдомствѣ и только *временно* приглашенное военнымъ начальствомъ, напр., въ качествѣ архитектора для наблюденія за постройкою казармъ[2]). Однако при опредѣленіи подсудности не достаточно и вышеприведенныхъ признаковъ термина «гражданскій чиновникъ», т. е., 1) состоянія на дѣйствительной службѣ по военному или морскому вѣдомствамъ и 2) въ классной или неклассной должности, ибо въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства состоятъ многія учрежденія по гражданскому управленію на нашихъ окраинахъ, такъ что подъ это опредѣленіе подойдутъ гражданскіе чиновники, служащіе и въ этихъ послѣднихъ учрежденіяхъ[3]). Между тѣмъ дѣятельность упомянутыхъ учрежденій ничего общаго съ военной службой не имѣетъ и не только нѣтъ основаній къ распространенію на нихъ военной подсудности, но по смыслу закона они и не могутъ быть ей подчинены. Въ виду этого Сенатъ (по 5-му д-ту), согласно съ мнѣніемъ Военнаго Министра, еще въ 1884 году, по дѣлу о бывшемъ лѣсничемъ Оренбургскаго казачьяго войска коллежскомъ ассесорѣ Коршуновѣ, разъяснилъ, что подъ гражданскими чиновниками, подсудными, на основаніи ст. 225 уст. угол. суд. (ст. 249 В.-С. У.), военному суду, слѣдуетъ разумѣть только гражданскихъ чиновниковъ, находящихся на дѣйствительной службѣ въ войскахъ, военныхъ управленіяхъ, заведеніяхъ и учрежденіяхъ и въ томъ числѣ въ казачьихъ войскахъ

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1886 г. № 3.
[2]) Рѣш. угол. кас. д-та 1889 г. № 42.
[3]) Кн. III С. В. П. (раздѣлъ IV).

по военнымъ войсковымъ установленіямъ[1]). Въ виду этого, согласно приведенному разъясненію, должна быть понимаема и ст. 225 уст. угол. суд. (по редакціи въ уставѣ изд. 1892 г.), въ которой гражданскіе чины военнаго вѣдомства, сухопутнаго и морского, связаны словами «а равно» съ служащими въ вѣдѣніи управленія Закаспійской военной желѣзной дороги какъ въ штатныхъ должностяхъ, такъ и по вольному найму; но изъ такой редакціи не слѣдуетъ дѣлать того вывода, что служащіе въ вѣдѣніи управленія этой дороги отождествляются съ гражданскими чиновниками военнаго вѣдомства, такъ какъ установленіе военной подсудности для первыхъ потребовало изданія особаго закона (въ 1891 г.). Въ законахъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ (Св. Зак. т. XVI, ч. II 1892 г.) служащіе на Закаспійской военной желѣзной дорогѣ указаны въ числѣ лицъ гражданскаго вѣдомства, подлежащихъ по изъятію, въ опредѣленныхъ случаяхъ, военному суду (ст. 12). Но въ предшествующей (11) статьѣ допущена неточность; статья эта редактирована такъ: «военные чины сухопутнаго и морского вѣдомствъ, а также пограничной стражи, и *гражданскіе чины сихъ вѣдомствъ* подлежатъ, за преступленія и проступки, военному или гражданскому уголовному суду, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 219—225 уст. угол. суд.». При такой редакціи статья эта можетъ быть истолкована въ томъ смыслѣ, что закономъ устанавливается военная подсудность для гражданскихъ чиновъ пограничной стражи, но такое толкованіе было бы безусловно невѣрно, такъ какъ послѣдніе никогда не подчинялись военной юрисдикціи и не приравнивались гражданскимъ чиновникамъ военнаго вѣдомства.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подъ гражданскими чиновниками военнаго вѣдомства, сухопутнаго и морского о которыхъ упоминается въ 225 ст. уст. угол. суд. (соотвѣтств. 249 ст. В.-С. У. и 241 В.-М. С. У.), слѣдуетъ разумѣть гражданскихъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ этихъ вѣдомствахъ въ классныхъ или неклассныхъ должностяхъ, по военному управленію или при войскахъ.

[1]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1892 г. № 102.

Иностранныя законодательства при опредѣленіи подсудности военному суду чиновниковъ, служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, держатся перечневой системы, съ точностью перечисляя тѣхъ лицъ, которыя подлежатъ военной юрисдикціи. Германское законодательство, какъ уже было упомянуто выше, изъ числа военнослужащихъ (Militärpersonen) выдѣляетъ обширную группу военныхъ чиновниковъ (Militärbeamten), причисляя къ таковымъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя постоянно или временно служатъ въ военно-сухопутномъ или военно-морскомъ вѣдомствахъ для потребностей арміи и флота, подчиняются военному министру или главному начальнику адмиралтейства (Admiralität) и состоятъ въ военномъ рангѣ (Militärrang [1]). Военные чиновники раздѣляются по своему служебному положенію на состоящихъ въ офицерскомъ рангѣ (Offizierrang) и низшихъ (Unterc). Затѣмъ каждая изъ этихъ категорій раздѣляется на имѣющихъ опредѣленный военный чинъ и на не имѣющихъ такового. Въ этихъ категоріяхъ перечислены всѣ принадлежащія къ нимъ лица сухопутнаго и морского вѣдомствъ, при чемъ въ означенной классификаціи, изданной 29 Іюня 1880 г., прямо указано, что только тѣ лица, которыя въ ней упомянуты, суть военные чиновники [2]). Въ виду обширности этого перечня мы укажемъ лишь на главнѣйшія должности, въ немъ поименованныя: аудиторы, интенданты, аптекари, счетчики, ветеринары, инженеръ-географы, чины полевого казначейства, чины военно-почтоваго, военно-телеграфнаго и желѣзнодорожнаго вѣдомствъ. Кромѣ того въ военномъ вѣдомствѣ состоятъ на службѣ еще лица, не принадлежащія къ группѣ военныхъ чиновниковъ и называемыя гражданскими чиновниками военнаго управленія (Zivilbeamten der Militär-Verwaltung), напр., чиновники гарнизоннаго управленія, лазаретовъ и по провіантской части. Эти чиновники не принадлежатъ къ числу военнослужащихъ [3]). Къ австрійскому закону 20 Мая 1869 года также приложенъ перечень (Verzeichnisz) лицъ, принадлежащихъ къ военному управленію, но не входящихъ въ составъ войскъ и флота;

[1]) Anlage zum M. Str. G. B. v. 20 Juni 1872. (Solms. 155).
[2]) Solms. 279 и 283.
[3]) Marck. I, 12—19.

здѣсь указаны аналогичныя приведеннымъ выше категоріи лицъ, хотя не всѣ они именуются военными чиновниками: такъ напр., аудиторы поставлены отдѣльно, несмотря на то, что по своимъ функціямъ вполнѣ подходятъ подъ это опредѣленіе; это объясняется тѣмъ, что къ военнымъ чиновникамъ принадлежатъ лишь тѣ изъ вышеупомянутыхъ лицъ, которыя не имѣютъ военныхъ чиновъ; такъ военные врачи (какъ и въ Германіи) не принадлежатъ къ военнымъ чиновникамъ, такъ какъ имѣютъ военные чины, но ветеринары суть военные чиновники [1]). Такъ же какъ и въ Германіи, въ Австріи имѣются гражданскіе чиновники, напр. контрольные и регистраторы (Rechnungs-Controlsbeamten, Registraturbeamten), которые, хотя и состоятъ на дѣйствительной службѣ по военному управленію, но къ категоріи военныхъ чиновниковъ не принадлежатъ [2]). Останавливаясь на системѣ, принятой указанными иностранными законодательствами, нельзя не признать, что при опредѣленіи подсудности чиновниковъ военнаго вѣдомства система эта представляетъ только чисто внѣшнее удобство, съ измѣненіемъ же и дополненіемъ должностей необходимо постоянно измѣнять и дополнять перечень; въ противномъ случаѣ послѣдній теряетъ всякое значеніе. Германское, а также отчасти и австрійское, законодательство относитъ къ категоріи чиновниковъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ, исполняющихъ нестроевыя должности, какъ то: писарей, фельдшеровъ, служителей и т. п., называя ихъ низшими чиновниками (untere Beamten), но нашъ законъ такой категоріи не знаетъ, относя всѣхъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, служащихъ въ войскахъ и различныхъ военныхъ учрежденіяхъ, къ воинскимъ чинамъ военнаго вѣдомства, наравнѣ съ строевыми нижними чинами.

Французское законодательство держится смѣшанной системы, частью перечисляя подсудныхъ военному суду лицъ, не входящихъ въ составъ собственно войска, частью охватывая ихъ собирательнымъ терминомъ «assimilés aux militaires», или «assimilés aux marins» или наконецъ просто «служащіе» (employés [3]).

---

[1]) Manz'che G. Ausg. B. V. 538.
[2]) Dangelmaier. Abh. 68.
[3]) Code p. l'armée de terre art. 56, §§ 1 и 2. Code p. l'armeé de mer art. 77. § 1.

Перечисляетъ законъ слѣдующихъ лицъ: интендантовъ, врачей, аптекарей, ветеринаровъ, чиновъ военной администраціи и служащихъ въ различныхъ частяхъ морского вѣдомства, а затѣмъ въ группѣ приравненныхъ къ военнымъ (assimilés) различаетъ опредѣленныхъ въ службу: распоряженіемъ или указомъ (par les ordonnances ou decrets d'organisation) и безъ таковыхъ. Послѣдніе подсудны военному суду, если дѣйствительно исполняютъ спеціальныя обязанности, а первые—наравнѣ съ воинскими чинами дѣйствительной службы [1]).

Во всѣхъ государствахъ Германской имперіи, кромѣ Вюртемберга, военные чиновники (Militärbeamten) подсудны военному суду за всѣ преступленія наравнѣ съ воинскими чинами (Personen des Soldatenstandes); то же правило имѣетъ мѣсто и въ Австріи. Лица же, хотя и служащія въ военномъ или морскомъ вѣдомствахъ, но не указанныя въ разсмотрѣнныхъ выше перечняхъ, военному суду въ мирное время не подсудны вовсе. Въ Вюртембергѣ подсудность военному суду военныхъ чиновниковъ опредѣлена на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у насъ въ отношеніи гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства [2]). Такимъ образомъ во всѣхъ вышеуказанныхъ государствахъ, кромѣ Вюртемберга, при опредѣленіи подсудности состоящихъ на дѣйствительной службѣ по военному или морскому вѣдомству чиновниковъ имѣетъ значеніе не свойство дѣянія, а лишь принадлежность по служебному положенію къ указанному въ перечнѣ классу, наоборотъ, въ Россіи свойства дѣянія имѣютъ одинаково существенное значеніе, и вопросъ этотъ имѣетъ весьма любопытную исторію.

2.

Широкая военная подсудность дореформеннаго времени охватывала и всѣхъ гражданскихъ чиновъ, состоящихъ на службѣ въ военно-сухопутномъ или морскомъ вѣдомствахъ [3]), наравнѣ съ воинскими чинами. Составители судебныхъ уставовъ, стремясь къ возможному ограниченію военной подсудности, признали

[1]) Тамъ же.
[2]) Marck. I, 17.
[3]) Сборн. зак. раб. 4.

необходимымъ удержать для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства военную подсудность лишь за преступленія, относящіяся до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, и предположенія эти удостоились Высочайшаго утвержденія: ст. 117 основныхъ положеній гласитъ: «гражданскіе чины, состоящіе въ военномъ (сухопутномъ или морскомъ) вѣдомствѣ, подсудны общему уголовному суду за всѣ преступленія, не относящіяся до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, а за преступленія сего послѣдняго рода подлежатъ военному суду»[1]). То же правило было повторено въ ст. 182 проекта устава уголовнаго судопроизводства, съ тѣмъ лишь различіемъ, что было сказано: «за всѣ преступленія, не относящіяся до нарушенія законовъ дисциплины», а изъ объяснительной записки къ проекту устава видно, что при обсужденіи этой статьи былъ принимаемъ въ соображеніе и составленный особой комиссіей проектъ основныхъ положеній преобразованія военно-судной части. Между тѣмъ составители этихъ послѣднихъ положеній, въ свою очередь, руководствовались Высочайше утвержденными основными положеніями по преобразованію судебной части въ Россіи и особенно останавливались на 117 ст. этихъ положеній, находя, что гражданскіе чины военнаго вѣдомства должны подлежать военному суду «за всѣ вообще преступныя дѣянія, касающіяся до нарушенія ихъ служебныхъ обязанностей»[2]), въ виду чего въ проектъ основныхъ положеній по преобразованію военно-судной части было внесено правило о подсудности военному суду гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства «за преступныя дѣянія по должности и противу правилъ военной дисциплины»[3]), о чемъ было сообщено Государственной канцеляріи.

Сообразно изложенному мнѣнію составителей проекта военно-судебнаго устава, при обсужденіи того же предмета въ уголовномъ отдѣленіи комиссіи по составленію проекта устава уголовнаго судопроизводства, Генералъ-Аудиторъ Философовъ заявилъ о необходимости установленія военной подсудности для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства не только за пре-

---

[1]) Основн. полож. и журналъ Госуд. Сов. 1862 г. № 65.
[2]) Сборн. зак. раб. 12.
[3]) Ч. II, ст. 12, п. 7 (Сборн. зак. раб. 103).

ступленія, относящіяся до нарушенія законовъ дисциплины, но и за преступное нарушеніе обязанностей по должности, въ подкрѣпленіе чего указывалось, что «для разбора дѣлъ о преступленіяхъ по должности необходимы спеціальныя свѣдѣнія о военной администраціи и военномъ хозяйствѣ, весьма хорошо извѣстныя каждому военному и совершенно недоступныя судьямъ гражданскаго вѣдомства». Однако большинство комиссіи (въ общемъ собраніи 35 членовъ) не убѣдилось этими доводами, находя, что и для многихъ другихъ дѣлъ требуются спеціальныя познанія и что въ такихъ случаяхъ судъ призываетъ экспертовъ[1]). Останавливаясь на этомъ разномысліи, мы полагаемъ, что основаніе къ установленію подсудности военному суду гражданскихъ чиновниковъ прежде всего заключается не въ томъ, что дѣло сложно, а въ томъ, что оно затрагиваетъ самые существенные интересы войска, для огражденія которыхъ болѣе всего пригоденъ именно судъ военный, а не гражданскій; при производствѣ большинства военно-хозяйственныхъ дѣлъ гражданскимъ слѣдователю, прокурору, судьѣ пришлось бы изучить не только самое дѣло, но предварительно весьма сложныя и разнообразныя законоположенія по военному хозяйству. Все это, очевидно, служитъ вѣскимъ основаніемъ къ изъятію этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія общеуголовнаго суда. Сознавая всѣ эти обстоятельства, комиссія выставила и другое, но уже совершенно неосновательное возраженіе: «подчиненіе дѣлъ о преступленіяхъ по должности гражданскихъ чиновниковъ, служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, исключительно военному суду неудобно было бы потому, что военные суды, по особенностямъ военнаго быта, воинской дисциплины и проч., всегда находятся въ большей или меньшей зависимости отъ вліянія начальства, а сіе послѣднее нерѣдко можетъ быть причастно къ обнаруженнымъ злоупотребленіямъ»[2]). Противъ этихъ соображеній мы находимъ возраженіе въ журналѣ засѣданія Соединеннаго Присутствія Военнаго и Морского Генералъ-Аудиторіатовъ, при разсмотрѣніи проекта основныхъ положеній. Присутствіе, единогласно раздѣляя мнѣніе Генералъ-Аудитора Фи-

[1]) Объясн. зап. къ проекту уст. угол. суд. стр. 122—123 (т. LII дѣла о преобр.).
[2]) Объясн. зап. къ проекту уст. угол. суд. стр. 123.

лософова, между прочимъ полагало, что «предпринимаемое нынѣ преобразованіе военно-судной части, съ цѣлью приданія военному суду возможной самостоятельности и примѣненія къ нему основныхъ положеній, которыя утверждены Государемъ Императоромъ для гражданскаго вѣдомства, дастъ полное основаніе полагать, что дѣла о преступленіяхъ по должности гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства будутъ разрѣшаемы въ сихъ новыхъ военныхъ судахъ гораздо правильнѣе, нежели въ судахъ гражданскихъ, и подсудимые не будутъ лишены тѣхъ гарантій, которыя предположено установить въ гражданскомъ вѣдомствѣ и безъ которыхъ невинный могъ бы быть признанъ виновнымъ»[1]). Присутствіе кромѣ того признало необходимымъ сообщить этоть журналъ Военному и Морскому Министрамъ, въ тѣхъ видахъ, что изложенныя соображенія могутъ быть полезны при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ проекта устава уголовнаго судопроизводства, въ коемъ, несмотря на возраженія Генералъ-Аудитора Философова, подсудность гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства опредѣлена несогласно съ интересами арміи. Соображенія Присутствія были вполнѣ раздѣлены Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта и статья о подсудности гражданскихъ чиновниковъ была измѣнена сообразно съ предложеніемъ Присутствія Генералъ-Аудиторіатовъ, при чемъ соображенія, изложенныя въ журналѣ Присутствія, цѣликомъ вошли въ журналъ Государственнаго Совѣта и помѣщены почти безъ измѣненія подъ статьей 225 уст. угол. суд.[2]). Послѣ всѣхъ этихъ перипетій правило 225 ст. уст. угол. суд. вошло и въ основныя положенія по преобразованію военно-судной части (ч. II, ст. 11, п. 6[3]), Высочайше утвержденныя 25-го октября 1865 года, затѣмъ въ военно-судебный и военно-морской судебный уставы, составляя донынѣ дѣйствующій законъ[4]).

Впослѣдствіи вопросъ о предѣлахъ подсудности гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства военному суду возни-

---

[1]) Журналъ Присутствія 9-го января 1864 г. № 5.
[2]) Судебные уставы, изд. Госуд. канц. (1867 г. стр. 106).
[3]) Сборн. зак. раб. 239.
[4]) Ст. 249 В.-С. У. и ст. 241 В.-М. С. У.

калъ еще въ 1877 году. Вопросъ былъ возбужденъ по иниціативѣ Военнаго Министра Генералъ-Адъютанта Милютина, при чемъ было выдвинуто на первый планъ различіе между чиновниками центральнаго управленія и чиновниками, служащими въ строевыхъ частяхъ войскъ. Въ заключеніи Главнаго Военнаго Прокурора, предложенномъ Соединенному Присутствію Главныхъ Военнаго и Военно-Морского Судовъ, между прочимъ, указывалось, что послѣдняя категорія чиновниковъ, числясь въ строевыхъ частяхъ, какъ по формѣ обмундированія, такъ и по роду занятій и образу жизни, почти не отличается отъ строевыхъ офицеровъ и подчиняется наравнѣ съ послѣдними одинаковымъ условіямъ соблюденія военной дисциплины; кромѣ того представляетъ значительное неудобство и то, что при дѣйствующихъ правилахъ соучастники общаго преступленія — офицеръ и чиновникъ—подлежатъ не военному, а общеуголовному суду. Въ виду изложеннаго предполагалось установить для гражданскихъ чиновниковъ, «состоящихъ на службѣ въ войскахъ и войсковыхъ управленіяхъ», подсудность, одинаковую съ воинскими чинами, состоящими на дѣйствительной военной службѣ, оставивъ старое правило лишь для тѣхъ чиновниковъ, которые состоятъ на службѣ въ центральныхъ и подвѣдомственныхъ имъ управленіяхъ военнаго министерства. Соединенное Присутствіе Главныхъ Военнаго и Военно-Морского Судовъ[1]) въ окончательномъ рѣшеніи постановило распространить военную подсудность, наравнѣ съ воинскими чинами, на всѣхъ гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства, безъ различія по мѣсту служенія. Но затѣмъ, въ виду отзывовъ Главноуправляющаго 2 отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и Министра Юстиціи, вопросъ о расширеніи военной подсудности остановился въ своемъ законодательномъ движеніи и не былъ внесенъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта.

Что касается свойствъ тѣхъ дѣяній, которыя по дѣйствующему законодательству, будучи совершены гражданскими чиновниками военнаго вѣдомства, подсудны военному суду, то

[1]) Журналъ $\frac{\text{13-го января}}{\text{10-го марта}}$ 1878 г.

хотя таковыя опредѣлены нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ, совершенно аналогичныхъ этому случаяхъ[1]), а именно: «преступленія должности и нарушеніе правилъ военной дисциплины», по различіе это вполнѣ объясняется вышеприведенной исторіей текста 225 ст. уст. угол. суд., по смыслу же своему опредѣленіе этой статьи является вполнѣ тождественнымъ съ упомянутыми выше постановленіями закона[2]).

Законъ о подсудности гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства имѣетъ два изъятія, а именно: 1) означенные чиновники, служащіе въ Финляндіи, подлежатъ военному суду за *всѣ* преступленія[3]) и 2) члены Главныхъ Военнаго и Военно-Морского Судовъ, а также высшіе представители военной прокуратуры, состоящіе въ гражданскихъ чинахъ (см. выше то же правило и о военныхъ чинахъ), судятся за преступленія по судебной должности въ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената[4]). Основанія этихъ изъятій понятны сами собою.

Уголовное уложеніе для финскихъ войскъ также содержитъ постановленія о подсудности служащихъ въ этихъ войскахъ чиновниковъ (§ 3). Въ мирное время подсудны военному суду наравнѣ съ военными чинами слѣдующіе гражданскіе чиновники: врачи и «чиновники для обученія музыкантовъ» за всѣ преступленія, предусмотрѣнныя этимъ уложеніемъ, а главный аудиторъ и аудиторы за преступленія, предусмотрѣнныя § 143 и главами 20, 21 и 22. Преступленія эти заключаются въ различныхъ упущеніяхъ при отправленіи судебной должности, при чемъ главы 20, 21 и 22 содержатъ постановленія процессуальныя, но въ нѣкоторыхъ параграфахъ говорится о штрафахъ, коимъ подлежатъ аудиторы въ случаѣ неисполненія опредѣленныхъ въ этихъ параграфахъ формъ судопроизводства или обязанностей по должности. Въ военное же время всѣ гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства подсудны военному суду наравнѣ съ военными чинами за всѣ вообще преступленія.

---

[1]) Ст. 200, 221, 223 и 224 уст. угол. суд. и соотвѣт. В.-С. У.
[2]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1885 г. № 169 и 1888 г. № 94 и др.
[3]) Прилож. къ ст. 213 (прим. 2) В.-С. У. п. 2.
[4]) Ст. 1209 В.-С. У.; ст. 1186 В.-М. С. У.

3.

Въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ состоитъ на службѣ кромѣ гражданскихъ чиновниковъ весьма много лицъ *по вольному найму*. Прежде всего возникаетъ вопросъ о юридическомъ положеніи этихъ лицъ. Нашъ законъ, говоря о государственной службѣ, имѣетъ всегда въ виду, въ зависимости отъ различныхъ условій, особый порядокъ опредѣленія на эту службу, права и преимущества, сопряженныя со службой, отправленіе служебныхъ обязанностей отъ лица государства и особый порядокъ прекращенія служебнаго состоянія, которое опредѣляется совокупностью своеобразныхъ отношеній служащаго лица къ государству и къ главѣ государства[1]). Публичный характеръ этого института устраняетъ всякую возможность основывать служебныя отношенія на договорѣ. Но, очевидно, что главнѣйшій признакъ, опредѣляющій служебное положеніе лица, представляетъ содержаніе его дѣятельности и, слѣдовательно, способъ приспособленія лица къ этой дѣятельности является совершенно безразличнымъ для понятія «служащій». Если же законъ допускаетъ принятіе на извѣстныя должности по найму, т. е. по договорному соглашенію, то осуществляемая такимъ лицомъ дѣятельность не получаетъ еще отъ этого характера частно-правоваго и такое лицо безусловно должно быть почитаемо служащимъ. Наши государствовѣды не касаются вопроса о служащихъ по вольному найму, несмотря на важность этого вопроса. Различіе между состоящими на дѣйствительной службѣ и на службѣ по вольному найму заключается, во-1-хъ, въ способѣ опредѣленія на службу и увольненія отъ нея и, во-2-хъ, въ томъ, что для служащаго по вольному найму, внѣ условій договора, не можетъ, строго говоря, существовать какихъ либо другихъ правъ и обязанностей; поэтому вольнонаемный не пользуется правами и преимуществами, предоставляемыми закономъ состоящимъ на дѣйствительной службѣ (чины, награды, пенсіи и т. п.), но по содержанію дѣятельности какъ тѣ, такъ и другіе совершенно равны. Въ виду этого Сенатъ въ рядѣ рѣшеній разъясняетъ,

[1]) Градовскій. Начала, II, 48. Коркуновъ. Русск. Госуд. право. I, 270.

что лица, занимающія должности по вольному найму, какъ относительно отвѣтственности, такъ и относительно порядка преданія суду должны быть сравнены съ опредѣляемыми на службу отъ правительства[1]), въ случаѣ совершенія преступленія по исполняемой ими должности. По тѣмъ же соображеніямъ и составители проекта уголовнаго уложенія считаютъ способъ поступленія на службу безразличнымъ для понятія «служащій»[2]). Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что относительно служащихъ по вольному найму *въ гражданскомъ* вѣдомствѣ не можетъ возникать какихъ либо затрудненій при опредѣленіи подсудности ихъ за преступленія должности. По относительно подсудности таковыхъ же лицъ, состоящихъ въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ существуютъ спеціальные органы судебной власти и спеціальная юрисдикція для служащихъ въ этомъ вѣдомствѣ, подлежитъ еще разрѣшенію вопросъ, какому суду, военному или общеуголовному, они подсудны. Законы о военной подсудности суть законы исключительные, при чемъ, какъ это видно изъ вышеизложеннаго, для подсудности военному суду требуется непремѣннымъ условіемъ состояніе на дѣйствительной военной службѣ въ качествѣ воинскаго чина или гражданскаго чиновника, для неудовлетворяющихъ же этому основному условію установлены особыя правила. Отсюда выводъ, что служащіе въ военномъ вѣдомствѣ по вольному найму подлежатъ военному суду наравнѣ съ лицами гражданскими[3]), всякое же расширеніе военной подсудности за эти предѣлы можетъ быть установлено лишь особымъ закономъ, такъ что внѣ этихъ условій *вольнонаемные*, независимо отъ занимаемой должности, подчиняются за всѣ преступленія общеуголовной юрисдикціи. Въ военномъ вѣдомствѣ существуетъ очень много должностей, занимаемыхъ по вольному найму, напр., капельмейстеры, оружейные мастера, врачи, художники, чертежники, берейторы, писцы и т. д., при чемъ тѣ же должности могутъ быть занимаемы и лицами, состоящими на дѣйствительной службѣ. Вслѣдствіе этого при опредѣленіи подсудности такихъ лицъ по преступленіямъ должности весьма важ-

---

[1]) Щегловитовъ. Суд. уст. Уставъ угол. суд. Тезисы подъ ст. 1066.
[2]) Объясн. зап., т. VIII, стр. 19.
[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1886 г. № 3.

нымъ представляется точное установленіе ихъ служебнаго положенія, тогда какъ для таковыхъ же лицъ, служащихъ по гражданскому вѣдомству, этотъ вопросъ не имѣетъ и не можетъ имѣть существеннаго значенія[1]).

Военное вѣдомство, пользуясь услугами вольнонаемныхъ лицъ, замѣщало ими должности, имѣющія субсидіарное значеніе, въ сферѣ чисто-технической, гдѣ служащій является не органомъ власти, а орудіемъ по осуществленію преимущественно такихъ задачъ, въ которыхъ необходимы спеціальныя познанія. Однако этотъ принципъ мало-по-малу начинаетъ нарушаться и, какъ на крупный примѣръ въ этомъ отношеніи въ сухопутномъ вѣдомствѣ, можно указать на организацію Аму-Дарьинской флотиліи[2]), должность начальника которой можетъ быть замѣщена по вольному найму лицомъ изъ отставныхъ или запасныхъ воинскихъ чиновъ, равно какъ и прочія офицерскія должности, при чемъ начальникъ флотиліи пользуется правами полкового командира, командиры пароходовъ, во время плаванія,—командира отдѣльнаго баталіона, а на берегу — неотдѣльнаго баталіона и помощники ихъ—правами командировъ неотдѣльнаго баталіона или роты. При такомъ положеніи этихъ лицъ можетъ возникать рядъ трудно-разрѣшимыхъ вопросовъ, по главнымъ образомъ въ сферѣ матеріальнаго права, подсудность же ихъ во всѣхъ случаяхъ, до установленія особыхъ правилъ въ законодательномъ порядкѣ, не можетъ быть иною, какъ одинаковою съ лицами гражданскаго вѣдомства, при чемъ не могутъ измѣнить этого положенія ни подписка, отбираемая отъ упомянутыхъ лицъ при поступленіи по вольному найму о согласіи ихъ подчиняться военно-уголовнымъ законамъ, такъ какъ подчиненіе или неподчиненіе тѣмъ или другимъ изъ дѣйствующихъ законовъ не можетъ служить предметомъ договора и не зависитъ отъ воли контрагентовъ, ни тѣ условія подчиненности, въ которыя поставлены одни изъ такихъ вольнонаемныхъ по отношенію къ другимъ, такъ какъ дѣйствіе спеціальнаго военно-уголовнаго закона какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго, обусловливается

---

[1]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1869 г. № 982, 1876 г. № 97, 1873 г. № 554.
[2]) Приказъ по воен. вѣд. 1894 г. № 55.

прежде всего нахожденіемъ на дѣйствительной военной службѣ, а въ изъятіе изъ этого основного правила — прямымъ указаніемъ на это въ законѣ.

Въ гораздо большихъ предѣлахъ установлено замѣщеніе должностей по вольному найму въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ, какъ мы уже видѣли, могутъ быть этимъ способомъ назначаемы на должности: смотрители маяковъ и зданій, механики, техники, архитекторы, содержатели магазиновъ и проч.[1]). При этомъ на всѣхъ этихъ лицъ, не исключая и женщинъ (лѣкарскихъ помощницъ), распространяется дѣйствіе дисциплинарнаго устава[2]) и всѣ они, также не исключая лѣкарскихъ помощницъ, подчиняются военной юрисдикціи наравнѣ съ состоящими въ военно-морскомъ вѣдомствѣ гражданскими чинами[3]). Необходимо однако замѣтить, что практика Главнаго Военно-Морского Суда ограничиваетъ понятіе «служащаго по найму», подводя подъ это послѣднее лишь тѣхъ изъ состоящихъ въ морскомъ вѣдомствѣ по найму лицъ, которыя, занимаясь по письменной, счетной, технической и другимъ частямъ въ управленіяхъ и учрежденіяхъ морского вѣдомства, несутъ по найму обязанности, исполненіе коихъ уподобляетъ ихъ канцелярскимъ чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ, состоящимъ на дѣйствительной государственной службѣ[4]). Поэтому не подсудны военному суду: кадровый мастеровой и служащій по найму старшина въ адмиралтействѣ, вольнонаемный служитель маяка, а равно и простые рабочіе въ мастерскихъ[5]), но, напр., мастеръ шлюпочной мастерской признанъ подлежащимъ военному суду (за лихоимство), такъ какъ ему присвоено право опредѣлять необходимое для работъ число мастеровыхъ и распредѣлять ихъ по работамъ[6]); равнымъ образомъ признано подсуднымъ военному суду дѣло о растратѣ, ввѣренныхъ въ служебномъ порядкѣ денегъ, вольнонаемнымъ писцомъ морского строительнаго комитета[7]).

---

[1]) Прилож. къ ст. 98 (прим.) кн. I, С. М. П. и кн. V, С. М. П.
[2]) Ст. 7, кн. XVII С. М. П. (изд. 1895 г.).
[3]) Примѣч. къ ст 241 (по продолж. 1895 г.) В.-М. С. У.
[4]) Рѣш. 1874 г. № 233 (по Сборнику Ржерадскаго).
[5]) Рѣш. 1874 г. № 233, 1884 г. №№ 559 и 580. (Тамъ же).
[6]) Рѣш. 1892 г. № 817.
[7]) Рѣш. 1892 г. № 826.

Такимъ образомъ для подсудности вольнонаемнаго служащаго въ морскомъ вѣдомствѣ военному суду необходимо, по толкованію практики, или исполненіе обязанностей, поручаемыхъ въ общемъ правилѣ канцелярскимъ чиновникамъ, или уполномочіе на извѣстныя служебныя дѣйствія, или же наконецъ предоставленіе лицу, служащему по найму, извѣстной власти въ порядкѣ управленія.

Вопросъ о распространеніи военной подсудности на служащихъ по найму былъ возбужденъ морскимъ министерствомъ въ 1867 г. Въ основу предположеній морского министерства было положено то соображеніе, что дѣятельность этихъ лицъ тѣсно связана съ морскимъ бытомъ и что нарушеніе возлагаемыхъ на нихъ обязанностей нерѣдко отзывается весьма невыгодно на морскомъ хозяйствѣ и вообще на казенномъ интересѣ. Предположенія свои морское министерство сообщило и Военному Министру, которымъ было сдѣлано распоряженіе объ истребованіи отъ всѣхъ главныхъ управленій заключеній по возбужденному вопросу. Большинство управленій высказалось за оставленіе дѣйствующихъ правилъ о подсудности безъ измѣненія, въ виду чего военное министерство и не сочло нужнымъ принимать участіе въ составленіи и разсмотрѣніи предположенныхъ новыхъ правилъ о подсудности служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ по вольному найму. По вѣдомству же морскому былъ Высочайше утвержденъ 9-го февраля 1870 года новый вышеразсмотрѣнный законъ. Вслѣдъ за изданіемъ этого закона морское министерство вновь вошло въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ по вопросу о подчиненіи военной юрисдикціи, за нарушеніе правилъ воинской дисциплины, вольнонаемныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, но военное министерство высказалось и противъ этого нововведенія, которое затѣмъ осталось безъ осуществленія и въ морскомъ вѣдомствѣ. Эти послѣдніе факты указываютъ, что мастеровые и рабочіе, служащіе по найму въ заведеніяхъ морского вѣдомства, не подлежатъ вообще военному суду и на нихъ не можетъ быть распространяемо правило примѣч. къ 241 ст. В.-М. С. У. Вообще необходимо замѣтить, что военно-сухопутное вѣдомство всегда было противъ установленія военной подсудности, какъ

общаго правила, для лицъ, служащихъ въ этомъ вѣдомствѣ по вольному найму; такъ въ 1885 году, когда однимъ изъ военныхъ прокуроровъ былъ возбужденъ вопросъ о необходимости распространенія военной юрисдикціи на вольнонаемныхъ оружейныхъ мастеровъ за нарушеніе ими воинской дисциплины, то всѣ главные начальники военныхъ округовъ высказались противъ измѣненія дѣйствующаго по этому предмету закона. Такимъ образомъ этотъ вопросъ былъ оставленъ безъ дальнѣйшаго движенія. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи является законъ 18-го марта 1891 г.[1]) о подсудности военному суду служащихъ по вольному найму на *Закаспійской военной желѣзной дорогѣ* за преступленія должности и нарушенія военной дисциплины, при чемъ по смыслу закона наиболѣе правильнымъ было бы ограничить и въ данномъ случаѣ объемъ понятія «служащаго по найму» тѣми признаками, которые указаны выше, тѣмъ болѣе, что такое ограниченіе подкрѣпляется и приведенной исторіей закона 9-го февраля 1870 г. въ морскомъ вѣдомствѣ. Мотивы закона 1891 г. неизвѣстны, но можно предполагать, что въ основу его были положены имѣвшіе мѣсто на практикѣ частные случаи растратъ, учиненныхъ кассирами, оскорбленіе начальниковъ станцій и т. п. Законъ этотъ практически, въ отношеніи подсудности, особыхъ затрудненій представить не можетъ, въ отношеніи же примѣненія законовъ матеріальныхъ, какъ на это указываетъ и проф. Кузьминъ-Караваевъ[2]), долженъ вызвать неопредолимыя препятствія.

4.

Съ вопросомъ о служащихъ по вольному найму соприкасается вопросъ, о такъ называемыхъ, сверхсрочнослужащихъ. Точкой соприкосновенія являются *вольнонаемные музыканты*. Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 17-го октября 1870 г.[3]),

[1]) Введенъ въ текстъ ст. 225 уст. угол. суд., изд. 1892 г. и ст. 12 Зак. о судопр. по прест. и прост. (ч. 2, т. XVI Св. Зак. изд. 1892 г.).

[2]) Военно-уголовное право. I. 206.

[3]) Приказъ по войскамъ Гвардіи и Петерб. воен. округа 1871 г. № 22. О вольнонаемныхъ музыкантахъ морского вѣд. см. ст. 70 и 71, кн. II С. М. П. (по прод. 1895 г.).

былъ допущенъ пріемъ вольнонаемныхъ музыкантовъ (общее число 250 челов.) въ музыкантскіе хоры гвардейскихъ войскъ, учебнаго баталіона и военныхъ училищъ Павловскаго и Александровскаго. Эти музыканты должны быть принимаемы изъ числа уволенныхъ въ отпуски и отставку, при чемъ предписано обязывать ихъ при вступленіи подпискою: а) служить одинъ годъ, возобновляя по окончаніи года контрактъ, если пожелаютъ и б) во время состоянія на службѣ по найму, подчиняться всѣмъ требованіямъ службы наравнѣ съ обязательно служащими. Въ вознагражденіе за службу была назначена каждому изъ нихъ плата по 100 руб. въ годъ, сверхъ полнаго содержанія, для нижнихъ чиновъ вообще отъ казны положеннаго. Кромѣ того всѣмъ вольнонаемнымъ музыкантамъ присвоены унтеръ-офицерскія отличія (три нашивки на погонахъ) и допущено назначеніе одного изъ нихъ фельдфебелемъ. Остановимся на опредѣленіи того юридическаго положенія, въ которое ставились изложеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ означенные музыканты, т. е. слѣдуетъ ли ихъ разсматривать какъ служащихъ по вольному найму или какъ добровольно продолжающихъ дѣйствительную службу, но лишь названныхъ вольнонаемными. Если бы не было этого послѣдняго слова, то, казалось бы, не могло и возникать сомнѣнія въ признаніи ихъ состоящими на дѣйствительной службѣ, такъ что весь вопросъ заключается въ этомъ словѣ. Добровольная, сверхъ обязательной, служба нижнихъ чиновъ установилась у насъ еще въ 1816 г.[1]) и поступленіе на нее выражалось въ такъ называемомъ отказѣ отъ отставки или безсрочнаго отпуска, при чемъ отказавшимся назначалось небольшое добавочное содержаніе[2]). Въ 1871 году были установлены болѣе опредѣленныя правила о добровольной службѣ, но ранѣе практиковавшійся способъ оставленія на службѣ отмѣненъ не былъ, и новыя правила распространялись только на унтеръ-офицеровъ[3]), добавочное же содержаніе, положенное по новымъ правиламъ, было весьма незначительное (42 р.—30 р.—21 р. въ годъ), а другихъ существенныхъ преимуществъ установлено

[1]) Редигеръ. I, 188.
[2]) Прилож. къ ст. 1604, кн. II, ч. II, С. В. П. 1859 г. (по 5 прод.).
[3]) Приказъ по воен. вѣд. 1871 г. № 169.

не было. Очевидно, что тѣ выгоды, которыя предоставлялись старыми и новыми правилами, не могли удержать или привлечь хорошаго музыканта, отслужившаго обязательный срокъ, вслѣдствіе чего, въ промежутокъ между изданіемъ тѣхъ и другихъ правилъ, для музыкантовъ указанныхъ выше частей войскъ и были установлены болѣе выгодныя условія. Подписка, отбираемая отъ остающихся на службѣ музыкантовъ, едва ли можетъ служить также указаніемъ на частный характеръ ихъ службы, такъ какъ, хотя ни въ положеніи о сверхсрочныхъ 1874 г.[1]), ни въ нынѣ дѣйствующемъ[2]) ни слова не говорится о контрактахъ и подпискахъ, но заключеніе такого договора, очевидно, не измѣняетъ положенія сверхсрочнаго, какъ состоящаго на дѣйствительной службѣ, такъ какъ является обстоятельствомъ лишь побочнымъ въ виду всѣхъ остальныхъ признаковъ. Нельзя при этомъ не указать еще и на то, что въ Западной Европѣ заключеніе контрактовъ (или капитуляцій) практикуется, напр. въ Германіи и Франціи[3]), но не является опредѣляющимъ юридическое положеніе служащаго. Такимъ образомъ терминъ «вольнонаемный музыкантъ» съ самаго начала выражалъ понятіе не служащаго по вольному найму, но служащаго на дѣйствительной службѣ, только не обязательной, а добровольной. Это подтверждается еще и тѣмъ, что въ 1870 году было разрѣшено замѣщать вакансіи писарей «наймомъ вольныхъ писцовъ»[4]), причемъ никакихъ условій ихъ поступленія, прохожденія службы и увольненія не опредѣлялось. Какъ различіе наименованій, такъ и характеръ самыхъ постановленій о тѣхъ и другихъ, ясно указываетъ, на разницу, которую дѣлали между первыми и вторыми. Наконецъ, въ 1877 году состоялось Высочайшее повелѣніе о распространеніи на вольнонаемныхъ музыкантовъ — въ отношеніи прохожденія службы, правъ и преимуществъ — правилъ о сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицерахъ, согласно чему считать ихъ наравнѣ съ прочими нижними чинами, состоящими на добровольной службѣ въ войскахъ[5]). Несомнѣнно,

[1]) Приказъ по воен. вѣд. 1874 г. № 259 и 1877 г. № 92.
[2]) Приказъ по воен. вѣд. 1890 г. № 172. См. также ст. 46—51, кн. VII С. В. П.
[3]) Редигеръ. I, 181 и 185.
[4]) Приказъ по воен. вѣд. 1870 г. № 317.
[5]) Приказъ по воен. вѣд. 1877 г. № 146.

что вопросъ разрѣшается этимъ повелѣніемъ вполнѣ ясно и категорически, но оно не можетъ служить опроверженіемъ сдѣланнаго ранѣе вывода, т. е., что если вольнонаемные музыканты и ранѣе считались состоящими на дѣйствительной добровольной службѣ, то излишне было бы подтверждать это. Послѣднее Высочайшее повелѣніе было необходимо въ виду того, что положеніе 1874 года установило предѣльныя нормы числа сверхсрочнослужащихъ, получающихъ добавочное жалованье, при чемъ о музыкантахъ не было вовсе упомянуто, а говорилось лишь о баталіонныхъ горнистахъ и штабъ-трубачахъ, по одному въ гвардейскихъ частяхъ. По изложеннымъ соображеніямъ, такъ называемые въ военномъ вѣдомствѣ, вольнонаемные музыканты безусловно состоятъ на дѣйствительной военной службѣ, да и всегда должны были считаться состоящими на таковой. Въ заключеніе замѣтимъ, что въ Высочайшемъ повелѣніи 1877 года сказано: «существующій нынѣ порядокъ относительно производства музыкантамъ добавочнаго содержанія за добровольную службу, равно и отпускъ необходимыхъ для сего денежныхъ средствъ, сохранить и на будущее время въ своей силѣ» (п. 2). Отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что во всѣхъ остальныхъ частяхъ приведенное выше Высочайшее повелѣніе отъ 17-го октября 1871 г. слѣдуетъ считать отмѣненнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и установленныя имъ подписки совершенно излишними.

VI.

Чины военно-народнаго управленія.

1.

Съ расширеніемъ нашей восточной границы, возникла потребность въ устройствѣ управленія во вновь присоединенныхъ къ Россіи областяхъ, населенныхъ инородческими, нерѣдко полудикими, племенами. Къ такимъ областямъ относятся части Кавказа, Туркестанскій край, земли, присоединенныя отъ Азіатской Турціи по Берлинскому трактату, и наконецъ Закаспійская область. Управленіе во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ не только въ военномъ, но и гражданскомъ отношеніи съ самаго ихъ при-

соединенія сосредоточивалось въ военномъ министерствѣ, при чемъ должности по гражданскому управленію замѣщались какъ гражданскими лицами, такъ и воинскими чинами, и числились всѣ эти лица по спискамъ военнаго вѣдомства. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, и разбросанности законоположеній о названныхъ чинахъ — съ другой, на этихъ лицъ распространяли на Кавказѣ военную подсудность по общимъ правиламъ, независимо отъ свойствъ учиненныхъ ими дѣяній, приравнивая гражданскихъ чиновъ къ гражданскимъ чиновникамъ военнаго вѣдомства, а воинскихъ чиновъ, считая состоящими на дѣйствительной военной службѣ. Однако то обстоятельство, что гражданское управленіе было подчинено военному министерству, не могло еще само по себѣ измѣнять гражданскаго характера управленія и свойствъ занимаемыхъ чинами этого управленія должностей. Когда же въ практикѣ Главнаго Военнаго Суда возникъ вопросъ о подсудности означенныхъ чиновъ, то для категорическаго разъясненія его были подробно разсмотрѣны всѣ, какъ ранѣе дѣйствовавшія, такъ и дѣйствующія, законоположенія объ этихъ учрежденіяхъ, при чемъ прежде всего были установлены точно тѣ функціи, которыя отправлялись чинами учрежденій, и общій характеръ ихъ, откуда былъ уже сдѣланъ выводъ и о подсудности [1]).

Съ постепеннымъ утвержденіемъ русской власти на Кавказѣ управленіе покоренными горскими племенами сосредоточивалось сперва въ одномъ отдѣленіи при управленіи Генералъ-Квартирмейстера главнаго штаба Кавказской арміи, а затѣмъ, когда была покорена бо́льшая часть племенъ, Генералъ-Фельдмаршалъ князь Барятинскій въ 1860 г. призналъ необходимымъ образовать, взамѣнъ этого отдѣленія, на первое время въ видѣ опыта, новое учрежденіе, подъ названіемъ «Канцеляріи по управленію кавказскими горцами» [2]). Съ учрежденіемъ въ 1865 году Кавказскаго военнаго округа [3]) въ составѣ военно-окружныхъ управленій было образовано «Кавказское горское управленіе», въ вѣдѣніи котораго должны были состоять всѣ горскіе народы,

[1]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1892 г. № 102.
[2]) Полн. Собр. 1860 г. 35962.
[3]) Полн. Собр. 1865 г. 42368.

и наконецъ въ 1880 г. управленіе это было переименовано въ «Кавказское военно-народное управленіе» съ изданіемъ для него новаго положенія и штатовъ [1]). Къ вѣдомству этого послѣдняго управленія относилось устройство поземельное и полицейское, части судныя и учебныя, обложеніе туземцевъ податными и другими сборами, межеваніе и т. п.

Центральному управленію подчинялись мѣстныя управленія Кавказскаго края, при чемъ эти послѣднія при первоначальномъ своемъ устройствѣ имѣли чисто военный характеръ и были организованы, сообразно раздѣленію завоеваннаго края: на правое и лѣвое крыло Кавказской линіи, Прикаспійскій край, Лезгинскую кордонную линію и Кутаисское генералъ-губернаторство, главное же начальствованіе въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ, какъ въ военномъ, такъ и гражданскомъ отношеніи, принадлежало командующимъ войсками, расположенными въ раіонѣ отдѣловъ [2]). Каждый изъ отдѣловъ раздѣлялся въ свою очередь на округа, а послѣдніе на приставства, находившіяся въ управленіи военныхъ начальниковъ. По мѣрѣ умиротворенія края, управленіе имъ мало-по-малу стало утрачивать исключительно военный характеръ. Такимъ образомъ въ 1860 г. были образованы область Дагестанская и Закаспійскій округъ [3]), при чемъ были учреждены и судебныя мѣста: Дагестанскій областной судъ (гражданскій и уголовный) и Дагестанскій народный судъ (туземный). Жители Дагестанской области подчинены управленію, во-1-хъ, по общимъ законамъ Имперіи и, во-2-хъ, по народнымъ обычаямъ и особымъ постановленіямъ, и хотя главную мѣстную власть на особыхъ правахъ представлялъ командующій войсками области по всѣмъ частямъ управленія: административной, финансовой, хозяйственной, судебной и военной, но подчиненные ему начальники округовъ по своимъ обязанностямъ и правамъ, въ части, не относящейся до управленія войсками, мало-по-малу приравниваются закономъ къ уѣзднымъ начальникамъ Закавказья. Затѣмъ Дербентскому градоначальнику предоставляются права градоначальниковъ Имперіи, соот-

[1]) Полн. Собр. 1880 г. 61249.
[2]) Полн. Собр. 1858 г. 32938.
[3]) Полн. Собр. 1860 г. 35710 и 36026. Прик. по воен. вѣд. 1860 г. №№ 96 и 173.

вѣтствующія правамъ и обязанностямъ военныхъ губернаторовъ, управляющихъ гражданской частью въ Закавказскомъ краѣ. Въ томъ же 1860 г. были образованы области Терская и Кубанская[1]). Согласно положенію объ управленіи этими областями[2]). начальникамъ областей были предоставлены по военному управленію права командировъ корпусовъ, а по гражданскому—права генералъ-губернаторовъ на основаніи общихъ узаконеній; точно также и функціи подчиненныхъ начальниковъ разграничивались на военныя и гражданскія, а въ положеніи объ управленіи Терской областью прямо было указано, что управленіе областью раздѣляется на три отрасли: «собственно военное, или управленіе войсками, управленіе туземными племенами, на особыхъ правахъ, и управленіе *гражданское*». Такимъ образомъ гражданское управленіе на Кавказѣ все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ военнаго по своему характеру, хотя то и другое оставалось большей частью соединеннымъ. Въ 1866 г. былъ образованъ особый Сухумскій отдѣлъ[3]), начальникъ котораго былъ подчиненъ Кутаисскому генералъ-губернатору, а полицейскіе и прочіе чины отдѣла сравнены съ служащими по военно-народному управленію Терской и Дагестанской областей. Въ 1869 году послѣдовало преобразованіе административныхъ учрежденій въ Кубанской и Терской областяхъ[4]), при чемъ первая была раздѣлена на уѣзды, а вторая на округа. Въ Именномъ указѣ, данномъ Сенату, было между прочимъ постановлено: управленіе этими областями образовать на основаніи общаго губернскаго учрежденія; въ каждой области должности начальника оной и наказного атамана казачьяго войска соединить въ одномъ лицѣ, которое подчинить главному начальнику Кавказскаго края: въ гражданскомъ отношеніи—какъ намѣстнику, а въ военномъ—какъ главнокомандующему. Уѣзднымъ и окружнымъ начальникамъ присвоить всѣ права и обязанности, принадлежащія по общимъ узаконеніямъ исправникамъ. Въ 1878 г. къ вѣдѣнію Кавказскаго горскаго управленія были отнесены присоединен-

[1]) Полн. Собр. 1860 г. 35421 и 35644.
[2]) Полн. Собр. 1862 г. 38326 и 1866 г. 42913.
[3]) Полн. Собр. 1866 г. 43551.
[4]) Полн. Собр. 1869 г. 47847.

ныя отъ Турціи по Берлинскому трактату земли, изъ которыхъ были образованы: области Батумская и Карская. На основаніи выработанныхъ Кавказскимъ горскимъ управленіемъ временныхъ положеній объ этихъ областяхъ[1]), управленіе въ нихъ было ввѣрено военнымъ губернаторамъ, сосредоточивавшимъ власть какъ по военной, такъ и гражданской части, а при нихъ состояли военная канцелярія и управленіе для завѣдыванія дѣлами военно-народнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Въ 1883 году Кавказское военно-народное управленіе было упразднено[2]), а вмѣстѣ съ тѣмъ произведены нѣкоторыя измѣненія въ управленіи Дагестанской и Карской областями и Закатальскимъ округомъ, а область Батумская съ Сухумскимъ отдѣломъ присоединены къ Кутаисской губерніи, при чемъ всѣ эти преобразованія приблизили гражданское управленіе въ этихъ мѣстностяхъ къ общему управленію въ Имперіи.

Тѣ же фазисы въ постепенномъ образованіи гражданскаго управленія замѣчаются и въ другихъ вновь пріобрѣтенныхъ окраинахъ: Туркестанѣ и Закаспійскомъ краѣ. Въ 1867 г. Именнымъ Высочайшимъ указомъ[3]), было повелѣно учредить Туркестанское генералъ-губернаторство, которое раздѣлить на двѣ области: Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую. Главное управленіе краемъ было возложено на генералъ-губернатора, а управленіе областями —на военныхъ губернаторовъ. Затѣмъ, возлагая на тѣхъ же лицъ кромѣ гражданскаго управленія и военное, тотъ же указъ устанавливаетъ образованіе для управленія мѣстными военными силами Туркестанскій военный округъ, начальствованіе надъ войсками котораго возлагается на генералъ-губернатора съ званіемъ командующаго войсками въ округѣ, а въ областяхъ на военныхъ губернаторовъ съ званіемъ командующихъ войсками въ областяхъ. Управленіе областями основывалось на Высочайше одобренномъ въ 1867 году проектѣ положенія о Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ, въ которомъ было сказано, что военные губернаторы соединяютъ въ себѣ военное и военно-народное управленія, имѣя по этому

[1]) Полн. Собр. 1880 г. 58862а и 58953а.
[2]) Полн. Собр. 1883 г. 1636.
[3]) Полн. Собр. 1867 г. 44831.

послѣднему права и обязанности губернаторовъ по общимъ учрежденіямъ въ Имперіи съ дополненіями, опредѣленными положеніемъ, дѣйствуютъ же они по военно-народному управленію черезъ областное правленіе. Управленіе уѣздное какъ по военно-народнымъ дѣламъ, такъ и по военной части, было сосредоточено въ лицѣ уѣзднаго начальника, которому по дѣламъ полицейскимъ предоставлены права уѣзднаго исправника. Затѣмъ тѣ же начала раздѣленія должностей по управленію гражданскому и военному получили дальнѣйшее развитіе и еще точнѣе и опредѣленнѣе проведены въ нынѣ дѣйствующемъ положеніи 1886 г.[1]), при чемъ наименованіе управленія военно-народнымъ въ этомъ положеніи уже не встрѣчается.

Устройство и управленіе Закаспійскимъ краемъ было первоначально опредѣлено временнымъ положеніемъ 1874 г.[2]), коимъ вновь образованный Закаспійскій военный отдѣлъ былъ причисленъ къ Кавказскому военному округу, какъ въ военномъ, такъ и административномъ отношеніяхъ, мѣстное же управленіе сосредоточено въ лицѣ начальника отдѣла, который въ отношеніи административнаго управленія руководствуется правилами, опредѣляющими обязанности губернаторовъ по общимъ учрежденіямъ Имперіи, на сколько они примѣнимы къ особымъ условіямъ края и пользуется предоставленными губернаторамъ правами относительно подвѣдомственныхъ ему управленій и должностныхъ лицъ. На приставовъ двухъ приставствъ (Мангишлакскаго и Красноводскаго), на которыя былъ раздѣленъ отдѣлъ, въ числѣ особыхъ обязанностей, опредѣленныхъ временнымъ положеніемъ, возложены обязанности уѣздныхъ исправниковъ на основаніи общихъ для уѣздной полиціи Имперіи правилъ, на сколько они примѣнимы къ мѣстнымъ условіямъ. Затѣмъ съ образованіемъ въ 1881 г. Закаспійской области было издано въ 1882 г. новое временное положеніе объ управленіи этой областью[3]), которое сохранило, съ незначительными измѣненіями, правила о гражданскомъ управленіи, опредѣленныя въ положеніи 1874 года. Дальнѣйшее развитіе постановленія объ

[1]) Полож. объ упр. Турк. края. (т. II. Св. Зак. 1892 г.).
[2]) Полн. Собр. 1874 г. 53233. Прик. по воен. вѣд. 1874 г. № 95.
[3]) Прик. по воен. вѣд. 1882 г. № 206.

управленіи краемъ получили, съ объявленіемъ его самостоятельной областью, во временномъ положеніи 1890 г.[1]), при чемъ чины гражданскаго управленія, во временномъ штатѣ, названы чинами «военно-народнаго управленія»[2]).

Всѣ вышеуказанныя мѣстности до настоящаго времени состоятъ по части административно-полицейскаго управленія въ вѣдѣніи военнаго министерства, и Военному Министру предоставлены относительно этихъ мѣстностей права, принадлежащія по общему закону Министру Внутреннихъ Дѣлъ[3]); точно также и всѣ казачьи войска, какъ по военному, такъ и по гражданскому ихъ управленію, состоятъ въ вѣдѣніи того же военнаго министерства[4]).

2.

Приведенный краткій историческій очеркъ показываетъ, что военно-народныя управленія всегда преслѣдовали тѣ же задачи, какъ и гражданская администрація, и составляли въ краѣ собственно гражданское управленіе, приноровленное лишь къ мѣстнымъ условіямъ. Если же, въ первое время по военномъ занятіи мѣстностей и впродолженіи нахожденія ихъ на военномъ положеніи, управленіе ими ввѣрялось иногда начальникамъ строевыхъ частей, то такой порядокъ, не измѣнявшій все-таки самого характера управленія, прекратился уже давно, а съ упраздненіемъ въ 1883 г. Кавказскаго военно-народнаго управленія, всѣ бывшія въ его вѣдѣніи мѣстныя губернскія и областныя учрежденія подчинены были непосредственно Главнопачальствующему гражданской частью на Кавказѣ. При внимательномъ разсмотрѣніи какъ прежнихъ, такъ и нынѣ дѣйствующихъ постановленій объ управленіи этими мѣстностями нетрудно замѣтить проведеніе въ нихъ все того же начала, которое было выражено еще въ вышеприведенномъ Именномъ указѣ Императора Николая I, данномъ Тульскому военному губернатору въ 1832 г., начала разграниченія должностей, хотя и соединенныхъ въ од-

[1]) Т. II. Св. Зак. 1892 г.
[2]) Собр. Узак. 1890 г. ст. 256.
[3]) Т. II Св. Зак. 1892 г. Учр. Кавк. края ст. 102, 142 и 204. Вр. пол. объ у-ніи Закасп. обл. ст. 2. Пол. объ у-ніи Турк. края ст. 8.
[4]) С. В. П., кн. I (изд. 1893 г.), ст. 369.

номъ лицѣ, по управленіямъ военному и гражданскому. Поэтому все изложенное выше относительно подсудности *военныхъ чиновъ*, не состоящихъ на службѣ по военному вѣдомству или соединяющихъ въ своемъ лицѣ должности по вѣдомству военному и вѣдомству гражданскому, вполнѣ примѣнимо и къ вольнымъ чинамъ, состоящимъ на службѣ по военно-народному, или его замѣняющему, управленію. Затѣмъ то обстоятельство, что военно-народныя и другія соотвѣтствующія имъ мѣстныя учрежденія состоятъ въ вѣдѣніи военнаго министерства, отнюдь не можетъ служить основаніемъ къ признанію этихъ учрежденій *военными*, что и было разъяснено Главнымъ Военнымъ Судомъ, рѣшеніе котораго по этому вопросу имѣетъ руководящее значеніе[1]). Поэтому *гражданскіе* чины, служащіе въ этихъ учрежденіяхъ, не могутъ быть приравниваемы къ гражданскимъ чиновникамъ военнаго вѣдомства. Противное приведенному толкованіе могло бы привести къ явной несообразности: напр., съ введеніемъ въ нѣкоторыхъ городахъ Кубанской и Терской областей или Черноморскаго округа городового положенія утвержденіе въ должности городского головы, какъ и всѣ обязанности въ отношеніи городского управленія, принадлежитъ Военному Министру, слѣдовательно пришлось бы признавать и гласныхъ и городского голову гражданскими чиновниками военнаго вѣдомства и за преступленія ихъ по должности подчинять военной юрисдикціи, между тѣмъ въ данномъ случаѣ Военный Министръ исполняетъ лишь обязанности, лежащія въ общемъ порядкѣ управленія на Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Или другой примѣръ: по штатамъ военнаго и военно-народнаго управленія Закаспійской области 1890 г. оказывается, что хотя нѣкоторыя должности значатся въ составѣ военно-народнаго управленія, но тѣмъ не менѣе не состоятъ въ вѣдѣніи военнаго министерства, такъ, техники по строительной и дорожной частямъ, по ирригаціи и по части горной, а также чиновникъ для пограничныхъ сношеній, состоятъ въ вѣдѣніи соотвѣтствующихъ министерствъ: путей сообщенія, государственныхъ имуществъ и земледѣлія и иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, если бы подвѣдомственность

[1]) Рѣш. 1892 г. № 102.

учрежденія военному министерству была принята за основаніе къ установленію для служащихъ въ такомъ учрежденіи военной подсудности, то пришлось бы для служащихъ по военно-народному управленію чиновъ установить двоякую подсудность: суду военному—для состоящихъ въ вѣдѣніи военнаго министерства и суду общеуголовному—для состоящихъ въ вѣдѣніи другихъ министерствъ. Наконецъ, во всѣхъ вышеприведенныхъ узаконеніяхъ, какъ то выяснено и Главнымъ Военнымъ Судомъ [1]), не только нѣтъ правилъ объ отвѣтственности чиновъ военно-народныхъ управленій по военно-уголовнымъ законамъ и о подсудности ихъ военному суду, но имѣются прямыя указанія на подсудность и отвѣтственность ихъ по общимъ законамъ Имперіи. Только въ одномъ положеніи объ управленіи горцами Кубанской области 1866 г. была установлена военная подсудность для чиновъ военно-народныхъ управленій за преступленія должности, но правило это утратило свою силу еще въ 1869 г., вслѣдствіе преобразованія Кубанской и Терской областей и упраздненія въ нихъ военно-народныхъ управленій. На основаніи всего вышеизложеннаго нельзя не придти къ выводу, что чины военно-народныхъ управленій и соотвѣтствующихъ имъ, а также всѣхъ гражданскихъ учрежденій, подвѣдомственныхъ военному министерству, вообще военному суду не подсудны, исключая чиновъ воинскихъ, на которыхъ распространяется военная подсудность, но только по преступленіямъ, составляющимъ нарушеніе правилъ воинской дисциплины и обязанностей военной службы, т. е. на основаніи 222 ст. уст. угол. суд. и 247 ст. В.-С. У.

VII.

Ратники ополченія.

1.

Ополченіе, какъ средство защиты, имѣетъ свою историческую почву и, опираясь на народныя преданія, является мѣрою, вполнѣ естественною въ тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда при недостаткѣ военныхъ силъ, необходимыхъ для за-

[1]) Рѣш. 1892 г. № 102.

щиты государства, цѣлости его будетъ угрожать весьма серьезная опасность. На этомъ основаніи и составители устава о воинской повинности не признали возможнымъ отказаться отъ этого, хотя и чрезвычайнаго, средства борьбы. При обсужденіи проекта положенія о государственномъ ополченіи естественно возникъ вопросъ о военной подготовкѣ ратниковъ, такъ какъ «безъ этого самая повинность, наложенная на населеніе, не имѣла бы существеннаго значенія, ибо люди, нисколько не подготовленныя къ защитѣ отечества, были бы мало ему полезны въ минуту опасности». Поэтому первоначально было предположено немедленно послѣ набора, «въ мѣстахъ опаго», ратниковъ ополченія, признанныхъ способными, по медицинскому освидѣтельствованію, носить оружіе, оставлять для обученія на срокъ не менѣе трехъ и не свыше шести недѣль [1]), но предположенія эти не вошли въ положеніе 1876 г. и только по закону 1883 г. ратниковъ 1 разряда признано возможнымъ, въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ состоящія въ этомъ разрядѣ, созывать не болѣе двухъ разъ въ учебные сборы на время не свыше 6 недѣль. Это постановленіе вошло и въ нынѣ дѣйствующій уставъ [2]).

Все изложенное относится до сухопутнаго ополченія, что же касается *морского ополченія*, то, хотя о немъ и упоминается въ дѣйствующемъ уставѣ о воинской повинности [3]), но собственно положеніе о способахъ его формированія и устройствѣ заключается въ Сводѣ Морскихъ Постановленій [4]). При обсужденіи вопроса о морскомъ ополченіи возникло даже сомнѣніе въ его необходимости. Хотя въ войну 1853—1856 г. г. и были сформированы 4 дружины охотниковъ для гребной флотиліи Финскаго залива, особая стража съ отрядомъ лодокъ для защиты Ревельской гавани и Свеаборская флотилія, комиссія, имѣя въ виду настоящую организацію нашего военнаго флота и современное состояніе морского дѣла вообще, признала, что въ фор-

---

[1]) Труды комиссіи, стр. 1063, 1116, 1124.

[2]) Ст. 303[1] по прод. 1891 г.

[3]) Ст. 301. 304[2] по прод. 1891 г., ст. 313, 324, 326[1], 334, 338, 340, 346, 347 по прод. 1891 г.

[4]) Кн. VIII, ст. 24—29.

мированіи подобныхъ самостоятельныхъ частей морского ополченія не встрѣтится надобности и придется ограничиться лишь составленіемъ нештатныхъ командъ, почему было проектировано дѣйствующее и донынѣ [1]) постановленіе съ указаніемъ тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть полезны морскому вѣдомству въ моментъ чрезвычайнаго напряженія государственныхъ силъ [2]). Дѣйствующее положеніе говоритъ только о *добровольномъ* морскомъ ополченіи, объ охотникахъ, желающихъ поступить на службу въ судовыя команды, вслѣдствіе чего о созывѣ такихъ добровольцевъ въ учебные сборы не можетъ быть и рѣчи. Равнымъ образомъ не призываются иначе, какъ на службу въ военное время, и казаки войскового ополченія [3]).

Изъ иностранныхъ государствъ во Франціи не имѣется въ составѣ вооруженныхъ силъ категоріи, соотвѣтствующей нашему ополченію, а въ Австріи и Германіи послѣднему соотвѣтствуетъ *ландштурмъ*.

2.

Ополченцы могутъ быть призываемы: 1) на службу во время войны и 2) въ учебные сборы, для ознакомленія съ воинскимъ дѣломъ, въ мирное время. Юридическое положеніе ратниковъ въ первомъ случаѣ существенно отличается отъ такового во второмъ. Призывъ на воинскую службу во время войны ставитъ ратника въ положеніе военнослужащаго и на него распространяются наравнѣ съ послѣдними [4]) всѣ постановленія военныхъ законовъ; начальный и конечный моменты дѣйствія этихъ законовъ относительно ратниковъ опредѣляются фактическимъ нахожденіемъ ихъ на службѣ [5]).

Первый призывъ ратниковъ ополченія въ учебные сборы состоялся у насъ въ 1890 году, на основаніи временныхъ правилъ для учебныхъ сборовъ ратниковъ I-го разряда [6]). При со-

---

[1]) Ст. 313 уст. о воин. пов.
[2]) Труды комиссіи, стр. 1141.
[3]) Ст. 404 уст. о воин. пов.
[4]) Ст. 325 уст. о воин. пов., ст. 936 кн. VII С. В. П.; Marck. I. 6.
[5]) Ст. 346 (по прод. 1891 г.). уст. о воинск. пов. Австр. Зак. 6 іюня 1886 г. (Manz'che G.Ausg. V, 533 и 540). Marck. I. 6.
[6]) Приказъ по воен. вѣд. 1890 г. № 56.

ставленіи указанныхъ правилъ былъ возбужденъ вопросъ и о подсудности ратниковъ за учиненные ими во время этихъ сборовъ преступленія и проступки, но такъ какъ правила эти были Высочайше утверждены безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, то, впредь до разсмотрѣнія въ общеустановленномъ законодательномъ порядкѣ проекта нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій устава о воин. пов. въ отношеніи государственнаго ополченія, было только въ видѣ временной мѣры установлено, что за нарушенія воинской дисциплины ратники подвергаются отвѣтственности на основаніи дисциплинарнаго устава[1]). Подсудность военному суду ратниковъ ополченія, призванныхъ въ учебные сборы, была впервые установлена закономъ 15-го апрѣля 1891 г. Въ силу этого закона на ратниковъ ополченія, призванныхъ въ сборъ въ мирное время, распространяется военная юрисдикція въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) за неявку въ учебный сборъ и 2) за преступленія и проступки, соединенные съ нарушеніемъ законовъ дисциплины и обязанностей военной службы, во время нахожденія въ этихъ сборахъ[2]), т. е. за преступленія противъ подчиненности и чинопочитанія и всѣ прочія преступленія, которыя могутъ быть учинены ратникомъ въ кругу его служебныхъ обязанностей, независимо отъ того, предусмотрѣно ли это преступленіе по службѣ воинскимъ уставомъ о наказ. или общеуголовными законами; такъ, напр., на десятскихъ, избираемыхъ изъ ратниковъ ополченія, могутъ быть возлагаемы и нѣкоторыя хозяйственныя обязанности (пріемъ и раздача казеннаго имущества[3]), при чемъ всякое злоупотребленіе въ кругу этихъ обязанностей слѣдуетъ признать подсуднымъ военному суду.

Въ Германіи и Австріи ландштурмъ призывается лишь въ военное время. Это правило, ясно выраженное въ прежде дѣйствовавшихъ законахъ о воинской повинности[4]), сохранено и

---

[1]) Пунктъ 3-й самаго приказа № 56.

[2]) Ст. 306[1] (по прод. 1891 г.) уст. о воинск. пов. Правило это внесено въ уст. угол. суд. изд. 1892 г. примѣч. 2-е ст. 221.

[3]) Приказъ по воен. вѣд. 1892 г. № 30 (§ 5).

[4]) Герм. зак. 26-го марта 1868 г. § 16 и австр. законъ 5-го декабря 1868 г. §§ 5 и 10.

въ нынѣ дѣйствующихъ въ этихъ государствахъ законахъ[1]) при чемъ въ германскомъ законѣ 11-го февраля 1888 г. прямо сказано, что ратники (Landssturmpflichtigen) не могутъ быть призываемы ни въ учебные, ни въ контрольные сборы (§ 31[2]). Такимъ образомъ и вопроса о подсудности военному суду ратниковъ въ мирное время въ Германіи и Австріи не существуетъ.

3.

Выше, говоря о подсудности запасныхъ, мы намѣренно не упоминали о запасѣ финскихъ войскъ, потому что финляндскій законъ отождествляетъ въ отношеніи подсудности положеніе запасныхъ и ратниковъ. Законы о подсудности этихъ лицъ представляютъ и другія любопытныя особенности.

§ 16 устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ 1878 года[3]) устанавливаетъ, что *чины запаса* подлежатъ военному суду: 1) за неявку по призыву на дѣйствительную службу или къ учебнымъ сборамъ, 2) за преступленія и проступки, совершенные во время сихъ сборовъ (при этомъ не указано, за какіе именно преступленія и проступки), и 3) за нарушеніе обязанностей дисциплины и воинскаго чинопочитанія во время ношенія форменной одежды; такимъ образомъ постановленія эти являются тождественными съ нашими законами. На основаніи § 20 того же устава ратники «могутъ быть созываемы на защиту края лишь при вторженіи въ оный непріятеля».

Въ 1886 году издается уголовное уложеніе для финскихъ войскъ[4]), въ § 2 котораго сказано: «воинскіе чины, состоящіе въ запасѣ и *ополченіи*, судятся по сему уложенію: а) за неявку по призыву на дѣйствительную службу или на учебный сборъ, б) за *воинскія* преступленія, совершенныя во время учебнаго сбора и включительно съ того дня, когда началась, или должна быть начаться дѣйствительная служба, до роспуска по

[1]) Австрійск. 6-го іюня 1886 г.
[2]) Marck. I, 6.
[3]) Сборн. Пост. Вел. Кн. Финл. 1878 г. № 25.
[4]) Сборн. Пост. Вел. Кн. Финл. 1886 г. № 23.

домамъ, в) за дисциплинарные проступки и нарушенія чинопочитанія во время ношенія форменной одежды». При сравненіи приведенныхъ законоположеній оказывается, что позднѣйшій законъ сузилъ военную подсудность за преступныя дѣянія во время ношенія форменной одежды, а упомянувъ наравнѣ съ запасными и ратниковъ, законъ этотъ какъ бы расширилъ дѣйствіе военныхъ законовъ въ отношеніи послѣднихъ, но если § 2 признать замѣняющимъ § 16, то во всякомъ случаѣ примѣненіе перваго къ ратникамъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если въ уставѣ о воин. пов. будетъ сказано, что ратники могутъ быть призываемы и въ учебные сборы. Такимъ образомъ введеніе въ § 2 указанія и на ратниковъ не имѣетъ практическаго значенія.

VIII.

Военное духовенство.

Какъ въ военно-сухопутномъ, такъ и морскомъ вѣдомствахъ состоитъ на службѣ довольно многочисленный классъ священно и церковно-служителей[1]). Лица, принадлежащія къ военному духовенству, никогда не были въ общемъ правилѣ подсудны въ Россіи военному суду, вслѣдствіе чего и составители военно-судебнаго устава 1867 г. признали, что лица духовнаго вѣдомства могутъ подлежать военному суду только въ тѣхъ случаяхъ, когда этому суду подсудны лица гражданскаго вѣдомства, во всѣхъ же прочихъ — духовныя лица, хотя бы они состояли на службѣ при войскахъ, судятся или духовнымъ, или уголовнымъ судомъ гражданскаго вѣдомства, на основаніи общихъ правилъ для судопроизводства по преступленіямъ духовныхъ лицъ[2]).

Въ предѣлахъ Финляндіи дѣйствовали, до изданія военно-судебнаго устава, относительно русскихъ полковыхъ священниковъ особыя правила. На основаніи Высочайшаго постановленія отъ $\frac{6\text{-го}}{18\text{-го}}$ февраля 1816 года «полковые священники

---

[1]) Кн. VII С. В. П. ст. 37—54; кн. I С. В. П. ст. 604—626; кн. I С. М. П. прил къ ст. 173 (по прод. 1895 г.).

[2]) Сборн. зак. раб. 440; В.-С. У. ст. 1169; В.-М. С. У. ст. 1146.

по преступленіямъ уголовнымъ подлежали духовному суду, но если по дѣлу уголовному на священника подана была жалоба, то полковые или другіе военные или гражданскіе начальники, коимъ донось учиненъ, по предварительномъ въ военномъ судѣ изслѣдованіи дѣла, отсылали оное для окончательнаго рѣшенія духовному суду»[1]). Правило это, какъ противорѣчащее началамъ новаго военно-уголовнаго судопроизводства, несомнѣнно, слѣдуетъ считать нынѣ потерявшимъ силу, и такъ какъ въ приложеніи ко 2-му примѣч. ст. 213 В.-С. У., въ коемъ изложены правила о порядкѣ примѣненія военно-судебнаго устава къ войскамъ Финляндскаго военнаго округа, не упоминается о какой либо особой подсудности лицъ военнаго духовенства, то слѣдуетъ признать, что они подлежатъ за учиненныя ими въ предѣлахъ Финляндіи преступныя дѣянія суду: или духовному, или общеуголовному на основаніи Высочайшаго постановленія 25-го ноября 1826 года «о судопроизводствѣ по дѣламъ, касающимся до лицъ Греко-Россійскаго священно и церковно-служительскаго званія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, не принадлежащихъ къ войскамъ»[2]).

По законодательствамъ германскому и австрійскому военное и морское духовенство относится къ числу военныхъ чиновниковъ: въ Германіи: евангелическій и католическій полевые благочинные (Feldprobst der Armee) и военные проповѣдники (Militär-Prediger), а также и всѣ состоящія при войскахъ католическія духовныя лица[3]), въ Австріи: военные священники (Militärpfarrer und Militärcaplan) и церковные попечители (Militärcurat[4]). Поэтому въ Германіи и Австріи военное и морское духовенство подсудно военному суду наравнѣ съ военными чиновниками.

---

[1]) Малышевъ. Общ. улож. стр. 866.
[2]) Тамъ же. стр. 874—877.
[3]) Klassifikation (Solms. 280).
[4]) Verzeichniss. Gesetz v. 20 Mai 1869 (Manz'che G. Ausg. B. V, 538).

IX.

Лица гражданскаго вѣдомства.

Выше было указано, что составители судебныхъ уставовъ стремились по возможности сузить широкіе предѣлы военной юрисдикціи, вслѣдствіе чего было предположено установить, какъ изъятіе изъ общеуголовной подсудности, что лица гражданскаго вѣдомства подлежатъ военному суду лишь въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, и за преступленія, именно означенныя въ Высочайшемъ указѣ. Противъ установленія этого правила высказался лишь одинъ членъ комиссіи (графъ Панинъ), который находилъ, что во всякой мѣстности, хотя бы она и не была объявлена на военномъ положеніи, обвиняемые въ возстаніи, сопротивленіи властямъ и подстрекательствѣ военнослужащихъ къ нарушенію ихъ обязанностей должны быть судимы военнымъ судомъ съ примѣненіемъ къ нимъ наказаній по военно-уголовнымъ законамъ. Остальные же члены находили, что, если бы и дѣйствительно нужно было подавлять нѣкоторыя преступленія страхомъ болѣе тяжкихъ наказаній, чѣмъ положенныя за эти преступленія общими уголовными законами, то лучше сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ уложеніи о наказаніяхъ, нежели допускать изъятія изъ общаго порядка подсудности[1]). Предположенія большинства были приняты Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта и составили содержаніе ст. 226 уст. угол. суд.[2]), которая съ небольшими редакціонными измѣненіями остается въ уставѣ и донынѣ.

Однако это основное правило, съ теченіемъ времени, было дополнено въ смыслѣ расширенія случаевъ военной подсудности по самымъ разнообразнымъ причинамъ, которыя могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: 1) *причины политическія*, вызывающія необходимость особенно энергичной борьбы съ политическими преступленіями и отчасти общими и воинскими въ случаяхъ, требующихъ усиленія уголовной репрессіи, и 2) *причины*

[1]) Журн. Госуд. Совѣта 1862 г. № 65, стр. 245—248.
[2]) Ст. 250 В.-С. У. и ст. 242 В.-М. С. У.

мѣстныя, вызывающія необходимость установленія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и для извѣстныхъ случаевъ военной подсудности не временной, а постоянной.

Такимъ образомъ основаніемъ военной подсудности во всѣхъ этихъ случаяхъ являются не свойства лица, а главнымъ образомъ *мѣсто* и *время* совершенія преступленія, вслѣдствіе чего мы и разсматриваемъ эти случаи подсудности, какъ особые ея виды по мѣсту и по времени, при чемъ причины первой группы обусловливаютъ собою понятіе *чрезвычайной* подсудности.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ ПО МѢСТУ.

I.

Исключительныя мѣры государственной охраны.

1.

Выше было указано на право государства установлять въ случаяхъ государственной необходимости особую военную подсудность для гражданъ, при чемъ сужденіе послѣднихъ военнымъ судомъ является исключительно мѣрою характера политическаго. Примѣненіе этой мѣры представляетъ собою послѣдствіе пріостановленія дѣйствія общихъ законовъ, обезпечивающихъ права, свободу и неприкосновенность гражданъ, во имя охраны государства, при чемъ высшую степень такой чрезвычайной охраны образуетъ, такъ называемое, *осадное положеніе* (Belagerungszustand, état de siege[1]).

Изобрѣтеніе этой мѣры принадлежитъ *Франціи*, гдѣ законами 1791 и 1797 гг. было положено основаніе этому законодательству въ его главныхъ чертахъ. Начала упомянутыхъ законовъ были затѣмъ развиты въ декретѣ Наполеона I отъ 24-го декабря 1811 г., окончательное же развитіе они получили, послѣ іюнской революціи 1848 г., въ законѣ 9-го авгу-

[1]) Коркуновъ. Сравн. очеркъ, 147.

ста 1849 г., измѣненномъ затѣмъ закономъ 3-го апрѣля 1878 г.[1]), при чемъ въ послѣднемъ указаны лишь условія установленія осаднаго положенія, послѣдствія же этого положенія по прежнему опредѣляются закономъ 1849 г. Осадное положеніе во Франціи можетъ быть объявлено при непосредственно грозящей опасности отъ войны или вооруженнаго возстанія, при чемъ должны быть точно указаны какъ мѣстности, объявленныя въ этомъ положеніи, такъ и время, въ теченіе котораго оно продолжается; истеченіе назначеннаго срока прекращаетъ дѣйствіе исключительныхъ законовъ. Объявленіе осаднаго положенія можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, исключая нижеслѣдующихъ случаевъ, когда право это предоставлено, съ согласія совѣта министровъ, президенту республики: 1) во время отсрочки засѣданія палаты и 2) въ военное время. Во время же роспуска палаты депутатовъ осадное положеніе можетъ быть объявлено президентомъ республики лишь во второмъ случаѣ. Палата депутатовъ по возобновленіи засѣданій во всякомъ случаѣ утверждаетъ или отмѣняетъ осадное положеніе. Кромѣ того право объявленія осаднаго положенія принадлежитъ въ Алжирѣ губернатору, когда будетъ прервано всякое сообщеніе съ метрополіей[2]), а въ колоніяхъ осадное положеніе объявляется губернаторомъ колоніи, о чемъ онъ обязанъ немедленно представить отчетъ правительству[3]). Съ объявленіемъ мѣстности въ осадномъ положеніи, военная юрисдикція однако является не обязательнымъ его послѣдствіемъ, но факультативнымъ, такъ какъ граждане лишь *могутъ быть* предаваемы военному суду[4]). Затѣмъ и эта факультативная военная подсудность ограничивается одними только преступленіями и проступками (crimes et délits) противъ безопасности республики, конституціи, общественнаго порядка и спокойствія. Необходимо отмѣтить, что такое опредѣленіе свойствъ преступныхъ дѣяній представляется вполнѣ точнымъ и соотвѣтствующимъ заголовкамъ главъ 1, 2 и 3 перваго раздѣла французскаго уго-

[1]) Градовскій. Госуд. право европ. державъ, 61.
[2]) Loi du 3 Avril 1878, art. 1—5.
[3]) Loi du 9 Août 1849, art. 4.
[4]) Тамъ же, art. 8.

ловнаго кодекса (Code pénal). Прекращеніе осаднаго положенія устраняетъ и всѣ его послѣдствія, въ томъ числѣ и военную юрисдикцію, но тѣ изъ уголовныхъ дѣлъ, которыя были уже переданы на разсмотрѣніе военныхъ судовъ, производятся въ послѣднихъ и по прекращеніи осаднаго положенія[1]).

Французскій законъ объ осадномъ положеніи послужилъ образцомъ для подобнаго же закона въ *Пруссіи*. Прусскій законъ объ осадномъ положеніи 4-го іюня 1851 года, распространенный въ силу 68 ст. имперской конституціи на всю территорію Германской имперіи, кромѣ Баваріи, предоставляетъ право объявленія осаднаго положенія въ мирное время германскому императору, при чемъ отношеніе къ принятію этой мѣры рейхстага установлено закономъ крайне неопредѣленно: правительство обязано сообщить объ этомъ палатамъ, но можетъ ли рейхстагъ отмѣнять осадное положеніе и долженъ ли онъ санкціонировать эту мѣру, — законъ не выясняетъ. Осадное положеніе въ мирное время можетъ быть объявлено въ каждой части имперіи, если представляется явная опасность общественному спокойствію или въ случаѣ возстанія (Aufruhr[2]). Въ Эльзасѣ правомъ объявленія осаднаго положенія пользуется и штатгалтеръ[3]). Самое объявленіе дѣлается при барабанномъ боѣ или трубномъ звукѣ (Trompetenschall) и черезъ выставленіе въ видныхъ мѣстахъ печатныхъ объявленій. Съ момента объявленія извѣстной мѣстности въ осадномъ положеніи вся власть переходитъ къ военному начальству, но при этомъ должны быть точно указаны тѣ статьи конституціи, дѣйствіе которыхъ пріостанавливается, распространеніе же на гражданскихъ лицъ военной подсудности можетъ послѣдовать лишь съ пріостановкою дѣйствія ст. 5, 6 и 7 конституціи[4]) и ограничивается тѣмъ только временемъ, въ теченіе котораго продолжается исключительное положеніе. Военная подсудность, при указанномъ условіи, распространяется на слѣдующія дѣянія гражданскихъ лицъ: государственную и земскую измѣны, убійство, возстаніе, насильственное сопротивленіе

---

[1]) Тамъ же, art. 13.
[2]) R.-Verf. art. 68. Gesetz v. 4 Juni 1851 § 2. Marck. I, 66. Solms. 25.
[3]) Dangelmaier, Abh. 210.
[4]) Marck. I, 66.

власти, разрушеніе и поврежденіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, разбой, грабежъ, освобожденіе заключенныхъ, подговоръ военныхъ къ измѣнѣ, поджогъ и другія общеопасныя преступленія[1]). Производство суда опредѣлено въ самомъ законѣ объ осадномъ положеніи, согласно которому дѣла эти разсматриваются собственно не въ обыкновенныхъ военныхъ судахъ, но въ особыхъ смѣшанныхъ комиссіяхъ, въ составъ которыхъ входятъ два гражданскихъ члена мѣстнаго гражданскаго суда[2]).

Дѣйствіе изложенныхъ правилъ не распространяется на *Баварію*, въ которой отдѣльнаго закона объ осадномъ положеніи не существуетъ, но въ мѣстномъ уголовномъ уложеніи 1813 г. имѣются постановленія объ исключительныхъ судахъ (Standrecht[3]), объявленіе о началѣ дѣйствія которыхъ для опредѣленной мѣстности предоставлено мѣстному административному управленію (Generalcommissariat) по соглашенію съ апелляціоннымъ судомъ (Appellationsgericht) округа, а при весьма большой опасности и одному административному управленію (art. 443). Поводы къ установленію исключительной подсудности слѣдующіе: возстаніе и необыкновенное развитіе нѣкоторыхъ преступленій: убійства, разбоевъ и поджоговъ (art. 441). Съ объявленіемъ объ исключительномъ положеніи указанныя въ этомъ объявленіи преступленія гражданскихъ лицъ подлежатъ разсмотрѣнію въ 24 часа особыхъ смѣшанныхъ судовъ, формируемыхъ подобно тому, какъ установлено въ прусскомъ законѣ 1851 г., но для внесенія въ эти суды дѣлъ объ убійствѣ, разбоѣ и поджогѣ необходимо одобреніе апелляціоннаго суда и королевскаго тайнаго совѣта (art. 444).

Въ Германіи кромѣ того дѣйствуетъ законъ 21-го октября 1878 г. противъ общеопасныхъ стремленій соціаль-демократіи (Socialisten-Gesetz), вступившій въ силу 31-го марта 1881 г., коимъ могутъ быть устанавливаемы извѣстныя ограниченія свободы собраній и печати, ношенія и ввоза оружія и воспрещеніе жительства въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Введеніе въ дѣйствіе этихъ ограниченій проф. Градовскій[4]) называетъ «малымъ осаднымъ

[1]) Gesetz v. 4 Juni 1851 §§ 8—10. Marck. I, 67—68. Weisl. Das Militärstrafverfahren. 191.

[2]) Marck. I, 68.

[3]) Art. 441—456.

[4]) Госуд. право европ. державъ, 64.

положеніемъ, по собственно въ законѣ такого термина не существуетъ. Примѣненіе этого закона не влечетъ за собою, во всякомъ случаѣ, измѣненія обыкновенной подсудности.

Въ *Австріи* вообще не существуетъ объявленія частей государственной территоріи въ осадномъ положеніи, но въ 1869 г., на основаніи ст. 20 конституціи 21-го декабря 1867 г., былъ изданъ законъ о пріостановленіи опредѣленныхъ статей конституціи, при чемъ термина «Belagerungszustand» въ этомъ законѣ также не употребляется, равно какъ ничего не говорится и о распространеніи на гражданскихъ лицъ военно-уголовныхъ законовъ вообще[1]). Изъятіе же уголовнаго дѣла изъ обыкновенной подсудности для передачи въ военный судъ можетъ состояться лишь на основаніи законодательнаго акта, изданнаго порядкомъ, установленнымъ для конституціонныхъ законовъ[2]). Австрійскій уставъ уголовнаго судопроизводства 1873 года сохранилъ, подобно баварскому законодательству, для случаевъ, вызывающихъ необходимость болѣе строгой репрессіи, особый видъ процесса (standrechtliches Verfahren[3]), при чемъ порядокъ установленія его для извѣстныхъ мѣстностей и поводы къ этому вполнѣ аналогичны съ вышеизложенными правилами баварскаго уложенія, но только въ качествѣ дѣйствующаго въ особомъ порядкѣ суда является не смѣшанная комиссія, а окружной судъ (Gerichtshof erster Instanz), въ пользу котораго ограничивается и военная подсудность, такъ какъ *всѣ* подлежащія послѣдней лица за преступленія, для которыхъ объявленъ этотъ особый порядокъ разсмотрѣнія, подсудны не военному, а этому особому суду (§ 438), что было установлено еще при старомъ порядкѣ судопроизводства[4]).

Изъ разсмотрѣнія вышеизложенныхъ чрезвычайныхъ законовъ иностранныхъ государствъ оказывается, что военной подсудности, какъ обязательнаго послѣдствія пріостановки конституціонныхъ гарантій, въ этихъ государствахъ не существуетъ и

---

[1]) Gesetz v. 5 Mai 1869. (Manz'che Ausg. B. IV, 428).

[2]) Коркуновъ. Сравн. очеркъ. 154.

[3]) §§ 429—446 (Manz'che Ausg. B. V. 376). Порядокъ этотъ существовалъ и по уставу 29-го іюля 1853 г.

[4]) Gesetz v. 20 Mai 1869, § 8.

что военная подсудность, въ собственномъ смыслѣ этого термина, существуетъ факультативно для гражданскихъ лицъ, во время осаднаго положенія, лишь во Франціи. Смѣшанныя же комиссіи въ Германіи нельзя все-таки приравнивать къ военнымъ судамъ, тѣмъ болѣе, что и предсѣдательство въ нихъ принадлежитъ гражданскому судьѣ. Разсмотрѣнныя законодательства знаютъ двѣ системы чрезвычайной юрисдикціи: *военной*, въ тѣсномъ смыслѣ (Франція), и *специальной*, осуществляемой чрезъ особыя смѣшанныя комиссіи (Германія) и чрезъ обыкновенный уголовный судъ (Австрія). Затѣмъ установленіе чрезвычайной подсудности по законамъ французскому и прусскому является исключительно какъ послѣдствіе пріостановки конституціонныхъ гарантій, въ Австріи же и Баваріи она устанавливается внѣ зависимости отъ этой мѣры, при чемъ въ Австріи пріостановленіе гарантій находится внѣ всякой связи съ чрезвычайной подсудностью. Всѣ эти законодательства имѣютъ только одну общую черту: единство основанія, въ силу котораго учреждается чрезвычайная подсудность, а именно политическая необходимость. Наконецъ «осадное положеніе», какъ терминъ, опредѣляющій чрезвычайное состояніе государства, употребляется лишь во Франціи и Германіи, у насъ же этотъ терминъ имѣетъ, какъ увидимъ ниже, болѣе ограниченный и соотвѣтствующій смыслъ.

2.

Нѣкоторое сходство съ особыми судами Австріи представляетъ у насъ существовавшій до судебной реформы и нынѣ дѣйствующій по судебнымъ уставамъ особый процессуальный порядокъ подсудности и разсмотрѣнія дѣлъ по *государственнымъ преступленіямъ*, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что примѣненіе этого особаго порядка имѣетъ мѣсто ipsa lege за исключеніемъ учрежденія по Высочайшему указу верховнаго уголовнаго суда. Кромѣ того различіе заключается и въ числѣ преступленій, къ коимъ, по закону, обязательно примѣняется этотъ особый порядокъ[1]). Затѣмъ, кромѣ указаннаго и парал-

[1]) Судебные уставы 1864 г., изд. 2-е Госуд. канц. уст. угол. суд. стр. 386—404. Уст. угол. суд. изд. 1892 г. ст. 1030—1065.

лельно съ нимъ, у насъ уже давно установился порядокъ обращенія дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ къ военной подсудности. Этотъ порядокъ развивался путемъ изданія чрезвычайныхъ указовъ, при чемъ съ теченіемъ времени кругъ преступныхъ дѣяній, для которыхъ признавалось необходимымъ разсмотрѣніе ихъ военнымъ судомъ, то расширялся, то сужнвался, но въ основѣ большинства этихъ указовъ лежала все-таки политическая опасность. Примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ иногда выражалось въ объявленіи извѣстныхъ мѣстностей на военномъ положеніи, но въ настоящее время эта форма примѣняется лишь при мобилизаціи и въ военное время, а самый терминъ «военное положеніе» пріобрѣлъ теперь строго ограниченный смыслъ. Развиваясь въ рядѣ сепаратныхъ временныхъ указовъ, наше законодательство, касающееся обезпеченія государственной и общественной безопасности, наконецъ остановилось на изданіи въ 1881 г. постояннаго закона — «Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»[1]). Всѣ эти указы по своему содержанію могутъ быть охарактеризованы одною общею имъ всѣмъ чертою: расширеніемъ прерогативъ административной власти и распространеніемъ на лицъ гражданскихъ военной подсудности по дѣламъ, имѣющимъ политическую подкладку.

Впервые военная подсудность. какъ политическая мѣра, была примѣнена у насъ въ 1813 г., когда было установлено сужденіе военнымъ судомъ всѣхъ виновныхъ «въ неповиновеніи и другихъ неблагонамѣренныхъ поступкахъ» жителей Подольской губерніи[2]). Эта первоначальная опредѣленная формула въ послѣдующихъ указахъ начала развиваться и дополняться, при чемъ самое распространеніе военной подсудности опредѣлялось не всегда въ однаковыхъ выраженіяхъ, хотя по содержанію и являлось во всѣхъ указахъ тождественнымъ. Такъ, въ 1861 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ были установлены «правила на случай объявленія какихъ либо мѣстностей западныхъ губерній на военномъ положеніи»[3]). Въ п. 4

[1]) Прилож. I, къ ст. 1 (примѣч. 2) уст. о предупр. и пресѣч. прест. (т. XIV Св. Зак. изд. 1890 г.).

[2]) Полн. Собр. 1813 г. 25397.

[3]) Полн. Собр. 1861 г. 37328.

правилъ было сказано, что «всѣ безъ изъятія обвиняемые въ измѣнѣ, бунтѣ, явномъ неповиновеніи военному и гражданскому начальству или склоненіи другихъ къ этимъ преступленіямъ, хотя бы и не произошло возмущенія, въ насиліи, разбоѣ, убійствѣ, грабежѣ и зажигательствѣ подлежатъ военному суду, который приговариваетъ виновныхъ къ наказанію на основаніи полевыхъ военно-уголовныхъ законовъ». Точно также при объявленіи въ томъ же году на военномъ положеніи Царства Польскаго въ Высочайшемъ повелѣніи по этому поводу была установлена военная подсудность (въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ), при чемъ перечень преступленій дополненъ слѣдующими: «сокрытіе оружія, произнесеніе публично возмутительныхъ рѣчей, составленіе и распространеніе возмутительныхъ сочиненій»[1]). Изъ этихъ постановленій видно, что на гражданскихъ лицъ не только распространялись процессуальные, но и матеріальные военно-уголовные законы. Нельзя, однако, не замѣтить, что и неуказаніе на примѣненіе законовъ о наказаніи не могло бы устранить обязанности суда опредѣлять наказаніе по военно-уголовному уставу, такъ какъ по уставу 1859 г. пространство дѣйствія матеріальныхъ и процессуальныхъ законовъ совпадало, но указаніе это было тѣмъ не менѣе необходимо въ виду того, что изъ установленія военной подсудности еще не вытекала возможность примѣненія именно *полевыхъ* законовъ и кромѣ того нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ преступленій не были вовсе предусмотрѣны военно-уголовными законами, напр. «сокрытіе оружія». Диспозитивная часть этихъ особыхъ правилъ видоизмѣнялась сообразно тѣмъ обстоятельствамъ, которыя вызывали примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ, такъ сказать, приспособлялась къ мѣстнымъ условіямъ, что видно изъ сопоставленія вышеизложенныхъ правилъ, весьма тѣсно связанныхъ съ тѣми причинами, которыя вызвали ихъ установленіе. Эти чрезвычайные законы имѣли широкіе предѣлы дѣйствія, распространяясь на весьма обширную часть территоріи и охватывая значительное число преступленій. По такіе же указы издавались и по отдѣльнымъ случаямъ: такъ,

---

[1]) Сборн. админ. постановл. Царства Польскаго по вѣд. м-ва юстиціи, т. XIII, стр. 486.

въ виду повторявшихся огромныхъ пожаровъ, въ 1862 г. было Высочайше повелѣно: «всѣхъ, кои могли бы быть взяты съ поджигательными снарядами и веществами или по подозрѣнію въ поджигательствѣ, равно подстрекателей къ безпорядкамъ, судить военнымъ судомъ въ 24 часа по полевому уголовному уложенію»[1]). Санкція въ этомъ послѣднемъ указѣ уже другая, доказывающая, что формѣ ея не придавалось особаго значенія, такъ какъ полевое уложеніе въ то время уже составляло часть военно-уголовнаго устава 1859 г. (раздѣлъ IV), а слѣдовательно ссылка на послѣдній была бы болѣе правильной.

Всѣ эти указы несомнѣнно имѣли въ виду преступленія политическаго характера, что доказывается какъ временемъ ихъ изданія, такъ и содержаніемъ. Въ приведенномъ Высочайшемъ повелѣніи 1861 г. о военномъ положеніи Царства Польскаго прямо было указано, что «если военное начальство признаетъ, что неповиновеніе, насиліе, убійство, разбой, грабежъ или зажигательство, по свойству сопровождавшихъ сіи дѣянія обстоятельствъ, *не составляютъ преступленій, имѣющихъ характеръ политическій*, то дѣла объ оныхъ оставляются въ вѣдомствѣ обыкновенныхъ судовъ». Предоставляя военной власти право предварительной оцѣнки свойствъ преступныхъ посягательствъ, тотъ же указъ, въ виду особыхъ національно-мѣстныхъ условій смуты, окончившейся польскимъ мятежомъ, распространялъ военную подсудность на нарушенія чисто полицейскія, но въ которыхъ нельзя было не предполагать политической окраски, такъ напр., виновные въ устройствѣ безъ разрѣшенія сходокъ, процессій, церковныхъ служеній по поводу смерти политическихъ преступниковъ, разыгрываніи лотерей и сборѣ денегъ, выставленіи и продажѣ плакардовъ, брошюръ и т. п., или въ участіи въ нихъ подлежали военному суду и наказанію «примѣнительно къ ст. 599, кн. I военно-уголовнаго устава», въ которой предусматривалось ослушаніе начальству, нарушеніе подчиненности, грубость и дерзость на словахъ; такимъ образомъ опять-таки устанавливалась наказуемость по военнымъ законамъ дѣяній, прямо въ нихъ не предусмотрѣнныхъ. Точно также въ 1867 г.,

[1]) Полн. Собр. 1862 г. 38336.

по поводу указа 1862 г. о поджигателяхъ, было разъяснено, что преданіе ихъ военному суду должно имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершается съ политическою цѣлью[1]).

Усиленіе въ концѣ 70-хъ годовъ соціально-революціоннаго движенія и пропаганды, а также рядъ дерзкихъ посягательствъ политическаго характера послужили основаніемъ къ изданію Именного Высочайшаго указа 9-го августа 1878 года[2]). Указомъ этимъ устанавливалась обязательная военная подсудность тѣхъ политическихъ преступленій, которыя выразились «въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, отъ Правительства установленнымъ, или нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ». Независимо отъ установленія военной подсудности и порядка разсмотрѣнія этихъ дѣлъ по правиламъ военнаго времени, въ указѣ было прямо выражено, что наказаніе за всѣ эти преступленія опредѣляется по ст. 279 воинскаго устава о наказ., такъ какъ безъ этого послѣдняго указанія всѣ изложенныя преступленія подлежали бы, какъ не предусмотрѣнныя воинскимъ уставомъ, наказанію по уложенію. Несомнѣнно, что приведенныя правила указа 9-го августа 1878 г. не подлежали, какъ въ полной мѣрѣ исключительныя, распространительному толкованію, но въ 1-й части означеннаго указа говорилось вообще о всѣхъ политическихъ преступленіяхъ, а затѣмъ было сказано, что «послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго принятія такихъ временныхъ исключительныхъ мѣръ», которыя обезпечивали бы наиболѣе «быструю и строгую наказуемость оныхъ», въ виду чего было признано «за благо, подчинить временно, дѣла о таковыхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ военно-уголовными законами для военнаго времени». Эта 1-я часть

[1]) Примѣч. 3-е (по прод. 1868 г.) къ п. 29 ст. 761, ч. 2, т. XV Св. Зак. 1857 г.
[2]) Собр. узак. 1878 г. № 154, ст. 622; Приказъ по воен. вѣд. 1878 г. № 226.

указа, связанная со второю, изложенною выше словами: «Посему повелѣваемъ», вызвала на практикѣ толкованіе, что всѣ вообще государственныя преступленія подлежатъ военному суду и наказанію по законамъ военнаго времени. Вслѣдствіе этого Правительствующимъ Сенатомъ было разъяснено, что опредѣленіе подсудности должно основываться на точномъ разумѣ *всего содержанія* указа, а не той или другой части его; поэтому только тѣ изъ государственныхъ преступленій подлежали военному суду, которыя выразились въ вышеперечисленныхъ преступныхъ посягательствахъ, такъ что, напр., нападеніе на чиновъ войска или полиціи, хотя бы и при условіяхъ, означенныхъ во 2-й части указа, въ томъ только случаѣ могло быть подсудно военному суду, когда обвиняемые принадлежали «къ кругу такихъ злоумышленниковъ, которые дѣйствовали подъ вліяніемъ соціально-революціонныхъ или другихъ разрушительныхъ ученій»[1]). Въ слѣдующемъ году, въ виду продолжавшихся, съ усиливающейся дерзостью политическихъ посягательствъ, завершившихся покушеніемъ на цареубійство (покушеніе Соловьева), былъ изданъ 5-го апрѣля новый Высочайшій указъ, коимъ назначались временные генералъ-губернаторы въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, облеченные чрезвычайными полномочіями[2]) и въ томъ числѣ правомъ «лицъ гражданскаго вѣдомства, въ подвѣдомственныхъ имъ *мѣстностяхъ*, предавать военному суду, съ примѣненіемъ къ нимъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени, независимо отъ случаевъ, упомянутыхъ въ указѣ 9-го августа 1878 г., и за другіе виды преступленій государственныхъ или противъ порядка управленія, а равно и за совершеніе другихъ преступленій, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія» (п. 4), такъ что указъ 5-го апрѣля составилъ дополненіе указа 9-го августа, оставшагося въ своей силѣ. Такимъ образомъ военная подсудность факультативно была распространена въ обширной части территоріи на всѣхъ вообще

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1878 г. №№ 36 и 54.

[2]) Собр. узак. 1879 г. № 44; Приказъ по воен. вѣд. 1879 г. № 76. Тѣ же права были предоставлены генералъ-губернаторамъ: Московскому, Кіевскому и Варшавскому.

гражданскихъ лицъ, независимо отъ принадлежности обвиняемыхъ къ преступнымъ сообществамъ и отъ рода совершенныхъ преступленій. Примѣненіе же матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ, очевидно, могло имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда инкриминируемое дѣяніе являлось предусмотрѣннымъ воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ[1]). Послѣ этого состоялось еще нѣсколько Высочайшихъ повелѣній съ разъясненіями по поводу возникавшихъ на практикѣ вопросовъ по примѣненію вышеприведенныхъ указовъ, что вызывалось, главнымъ образомъ, необходимостью «объединенія дѣйствій генералъ-губернаторовъ въ борьбѣ съ крамолой». Послѣднее обстоятельство послужило затѣмъ и главнымъ основаніемъ къ учрежденію Верховной Распорядительной Комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія[2]), главному начальнику которой было предоставлено между прочимъ право верховнаго направленія дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи. Но вскорѣ (6-го августа 1880 г.), въ виду засвидѣтельствованнаго въ Именномъ Высочайшемъ указѣ достиженія комиссіей поставленныхъ ей цѣлей, учрежденіе это было закрыто и общее направленіе всѣхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ было возложено вновь на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ нѣкоторымъ расширеніемъ предѣловъ его власти.

3.

Въ виду необходимости объединенія всѣхъ вышеизложенныхъ мѣръ лѣтомъ 1881 г. было приступлено въ особой Высочайше учрежденной комиссіи къ пересмотру и согласованію всѣхъ изданныхъ для противодѣйствія соціально-революціонному движенію временныхъ указовъ, и результатомъ этихъ работъ было изданіе «Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»[3]), въ основаніе котораго между прочимъ легли указы 9-го августа 1878 г. и

[1]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не предусмотрѣно воинск[illegible] въ практикѣ установилось примѣненіе 3 п. 78 ст. этого устава.

[2]) Именной Высочайшій указъ 12-го февраля 1880 г.

[3]) Собр. узак. 1881 г. № 94, ст. 616.

5-го апрѣля 1879 г. и ранѣе изданные чрезвычайные указы; кромѣ того при составленіи положенія имѣлись въ виду вышеприведенные французскій и прусскій законы объ осадномъ положеніи, а также и германскій законъ о соціалистахъ. Постановленія о расширеніи военной юрисдикціи вошли въ статьи 17, 18, 26 и 31 положенія.

Составители положенія нашли полезнымъ провести нѣкоторую постепенность въ допущеніи изъятій изъ общеустановленнаго закономъ порядка, что и выразилось въ раздѣленіи исключительнаго положенія на двѣ степени, при чемъ названіе этихъ степеней было выведено изъ опредѣленія отличительныхъ ихъ признаковъ, но наименованіе исключительныхъ положеній *осадными* или *военными* комиссія не признала правильнымъ, «чтобы не внести смѣшенія въ понятія невполнѣ тождественныя»[1]). Эти предположенія и осуществились, такъ что объемъ полномочій высшихъ мѣстныхъ административныхъ управленій внѣшнимъ образомъ опредѣляется той или другой степенью: 1) усиленной охраны и 2) чрезвычайной охраны. Центральному же управленію предоставлено право осуществлять извѣстныя чрезвычайныя мѣры въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи. Цѣль всѣхъ устанавливаемыхъ положеніемъ мѣръ заключается лишь въ обезпеченіи политической безопасности государства и *ввиду этой цѣли* примѣненіе исключительныхъ правилъ положенія не должно имѣть мѣста, что было признано и Государственнымъ Совѣтомъ по дѣлу Келлера[2]). Въ виду изложеннаго всѣ постановленія положенія построены на началѣ послѣдовательнаго расширенія полномочій мѣстной власти въ зависимости отъ степени угрожающей государству или обществу опасности; то же начало проведено и въ отношеніи объема военной юрисдикціи.

Правила о подсудности всецѣло основаны на указахъ 9-го августа 1878 г. и 5-го апрѣля 1879 г., что видно, во-1-хъ, изъ сравненія текста 18 и 31 ст. положенія съ указомъ 9-го августа, а ст. 17 съ указомъ 5-го апрѣля и, во-2-хъ, изъ объяснительной къ положенію записки. Относительно редакціи этихъ статей

[1]) Объясн. записка къ положенію, стр. 2.
[2]) Юридич. газета 1895 г. № 57.

можно сдѣлать то общее замѣчаніе, что онѣ имѣютъ смѣшанное содержаніе, касаясь правилъ и процессуальнаго, и матеріальнаго права, что вызывало недоразумѣнія какъ на практикѣ, такъ и въ литературѣ. Въ послѣдней останавливались между прочимъ на толкованіи выраженія 17 ст.—«для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени», при чемъ признавалось, что это выраженіе не содержитъ указанія на примѣненіе законовъ матеріальныхъ. Но толкованіе это опровергается тѣмъ, что ст. 17 основана на указѣ 5-го апрѣля 1879 г., въ которомъ прямо было упомянуто о примѣненіи и законовъ о наказаніи, установленныхъ для военнаго времени. Указанное выраженіе само по себѣ неточно и употребленіе его съ большимъ вѣроятіемъ объясняется тѣмъ, что составителями положенія было упущено различіе между старымъ военно-уголовнымъ уставомъ и воинскимъ уставомъ о наказ., да и вообще внѣшней формѣ этихъ выраженій, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не придавалось особаго значенія, но тѣмъ не менѣе воля законодателя опредѣляется въ немъ вполнѣ ясно, т. е. всякое общее преступленіе гражданскаго лица можетъ быть по распоряженію генералъ-губернатора разсмотрѣно военнымъ судомъ и за тѣ изъ нихъ, которыя предусмотрѣны и воинскимъ уставомъ о наказ., должно быть назначено наказаніе по этому послѣднему. Изложенное подтверждается и объяснительной запиской къ положенію, изъ которой видно, что разъ составители желали измѣнить постановленія принятыхъ за основаніе указовъ, то подробно мотивировали такія отступленія, такъ, указаніе въ ст. 18 на раздѣлъ IV военно-судебнаго устава (въ первомъ изданіи на гл. 3, разд. V, кн. XXIV С. В. П.) сдѣлано въ виду того, что возвращеніе къ правиламъ производства этого раздѣла, «обезпечивая достаточную быстроту въ движеніи дѣла, устранитъ неудобство, опредѣленныхъ 4-мъ и слѣдующими пунктами Высочайшаго повелѣнія 8-го августа 1879 г. сроковъ, соблюденіе коихъ на практикѣ представляется невозможнымъ»[1]), выраженіе же законы

[1]) Объясн. записка стр. 7. Высочайшее повелѣніе 8-го августа 1879 г. о порядкѣ производства дѣлъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, предаваемыхъ военному суду на основаніи Высочайшихъ указовъ 9-го августа 1878 г. и 5-го апрѣля 1879 г. (Собр. узак. 1879 г. № 50, ст. 240).

военнаго времени» понималось именно въ смыслѣ какъ процессуальныхъ, такъ и матеріальныхъ законовъ, наконецъ выраженіе ст. 18 *«по съ тѣмъ»* и указаніе на ст. 279 воин. уст. о нак. имѣетъ то значеніе, что наказаніе за не предусмотрѣнныя въ этомъ уставѣ преступленія и перечисленныя въ ст. 18 должно быть назначаемо на основаніи приведенной 279 статьи[1]). Изложенныя выше условія военной подсудности по указамъ 9-го августа и 5-го апрѣля вполнѣ примѣнимы и къ правиламъ положенія, съ тѣмъ лишь различіемъ, что военная подсудность по этому послѣднему всегда факультативна, тогда какъ по указу 9-го августа она была обязательной.

4.

Независимо отъ чрезвычайныхъ указовъ, устанавливающихъ военную юрисдикцію и особыя полномочія административныхъ управленій въ видахъ борьбы съ политическими движеніями, были издаваемы указы аналогичнаго содержанія въ цѣляхъ поддержанія порядка во время общественныхъ бѣдствій и предупрежденія ихъ распространенія. Такъ, 24-го января 1879 года графъ Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ временнымъ генералъ-губернаторомъ Астраханскимъ, Саратовскимъ и Самарскимъ въ виду обнаруженія въ Астраханской губерніи заразы (чумы въ Ветлянкѣ), при чемъ генералъ-губернатору было предоставлено объявлять по своему усмотрѣнію части Астраханской и сопредѣльныхъ съ нею губерній, или цѣлыя губерніи на военномъ положеніи. Затѣмъ въ Высочайшемъ указѣ 1-го февраля 1879 г. были установлены правила о военной подсудности гражданскихъ лицъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ генералъ-губернаторомъ на военномъ положеніи[2]), за нарушенія уставовъ карантинныхъ (ст. 831—852 улож.), влекущія наказанія уголовныя. «За преступленія же государственныя, а равно за тягчайшія преступныя дѣянія противъ порядка управленія или противъ жизни, чести и собственности частныхъ лицъ, за которыя опредѣля-

[1]) См. разъясненія ст. 17 и 18 въ рѣш. Гл. Воен. Суда 1887 г. № 117. Contra: Володимировъ. 217 и послѣд. Кузьминъ-Караваевъ. Воен. Угол. Право, I, 228.

[2]) Приказъ по воен. вѣд. 1879 г. № 25.

ются въ законахъ также наказанія уголовныя», генералъ-губернатору предоставлено было право въ тѣхъ же мѣстностяхъ предавать военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства, «для суженія ихъ и опредѣленія виновнымъ наказаній по законамъ военнаго времени, лишь въ томъ случаѣ, когда онъ признаетъ необходимымъ принять таковую мѣру по особенной важности обстоятельствъ, коими сопровождалось совершеніе преступленія, или въ видахъ охраненія общественнаго порядка и спокойствія». Изложенное постановленіе съ очевидностію доказываетъ, что выраженію «по законамъ военнаго времени» невозможно придавать значенія термина и что подъ этимъ выраженіемъ всегда подразумѣвалось примѣненіе какъ процессуальныхъ, такъ и матеріальныхъ законовъ. Это еще болѣе подтверждается пунктомъ II-мъ указа, въ коемъ установлена подсудность военному суду женщинъ лишь при соучастіи съ «лицами мужского пола», при чемъ военнымъ судамъ предписано «для опредѣленія рода, степени и мѣры наказанія виновнымъ женщинамъ, руководствоваться постановленіями уложенія о наказ.». Такимъ образомъ законодатель, желая оставить примѣненіе общеуголовныхъ законовъ, прямо оговариваетъ это. Приведенный указъ на практикѣ не примѣнялся, такъ какъ объявленія на военномъ положеніи какой либо части мѣстности, подвѣдомственной Генералъ-Адъютанту графу Лорисъ-Меликову, не было. Съ изданіемъ положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія оно примѣняется во всѣхъ случаяхъ, вызывающихъ необходимость примѣненія чрезвычайныхъ мѣръ (напр., во время холерныхъ безпорядковъ).

5.

Къ постановленіямъ о военной подсудности, по причинамъ политическимъ, по нашему законодательству, примыкаетъ и новый законъ о *шпіонствѣ* въ мирное время, который, кромѣ правилъ матеріальнаго уголовнаго права, содержитъ и постановленіе о факультативномъ распространеніи военной юрисдикціи на

гражданскихъ лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ, указанныхъ въ этомъ законѣ[1]).

Вопросъ о болѣе подробной регламентаціи наказуемости шпіонства въ мирное время возникъ впервые послѣ франко-прусской войны 1870—71 гг. и начало въ этомъ отношеніи было сдѣлано германскимъ уголовнымъ кодексомъ. Наболѣе же чувствовался этотъ пробѣлъ у насъ, такъ какъ, несмотря на то, что въ 1871 г. по военному вѣдомству были изданы особыя правила о порядкѣ допущенія иностранцевъ въ русскія военныя техническія заведенія и другія военныя учрежденія[2]), но карательныя постановленія по этому предмету оставались попрежнему далеко неполными. Однако, и постановленія иностранныхъ уголовныхъ кодексовъ оказались также недостаточными и несоотвѣтствующими современному положенію большинства европейскихъ государствъ.

Починъ въ дальнѣйшемъ развитіи правилъ о *шпіонствѣ* принадлежитъ Франціи, гдѣ былъ изданъ по этому поводу въ 1886 году новый законъ (loi Boulanger); затѣмъ въ февралѣ 1892 г. подобный же законъ былъ изданъ въ Германіи[3]), а въ Австріи постановленія того же рода внесены въ § 97 проекта новаго уголовнаго уложенія[4]). Образцомъ для нашего законодательства послужилъ французскій законъ 18-го апрѣля 1886 г., инициатива же принадлежала Военному Министру, который, имѣя въ виду постоянно ощущаемый на практикѣ пробѣлъ въ подобныхъ карательныхъ правилахъ, настоялъ на проведеніи новаго закона ранѣе разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія. Всѣ указанные законы мало разнятся по своему содержанію и относятся къ области матеріальнаго права[5]), но особенность нашего закона 20-го апрѣля 1892 г. заключается еще и въ установленіи подсудности дѣлъ о шпіонствѣ военному суду. Военное министерство, при самомъ возбужденіи вопроса о необхо-

---

[1]) Собр. узак. 1892 г. № 41, ст. 444, III. Дополн. ст. 31. Прил. I къ ст. 1 (примѣч. 2) уст. о пред. прест. по прод. 1893 г.

[2]) Прик. по воен. вѣд. 1871 г. № 326.

[3]) Dangelmaier. Abh. 194.

[4]) Lammasch. 11.

[5]) Подробности см. объясн. записка къ проекту угол. улож. т. II, стр. 74 и слѣд.

димости новаго закона о шпіонствѣ, находило разсмотрѣніе всѣхъ подобныхъ дѣлъ военнымъ судомъ наиболѣе соотвѣтствующимъ самому *свойству* преступленій этого рода, но Министръ Юстиціи не признавалъ возможнымъ согласиться съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ, находя, что существующій порядокъ подсудности и судопроизводства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ также правильное и скорое разрѣшеніе дѣлъ и о шпіонствѣ. При разсмотрѣніи проекта закона о шпіонствѣ соединенные департаменты Государственнаго Совѣта[1]), нашли, что нельзя отрицать возможности такихъ случаевъ, когда, по особенностямъ дѣлъ о вышеупомянутыхъ преступленіяхъ, весьма близко затрогивающихъ интересы военной обороны государства, гражданскій судъ оказался бы недостаточно компетентнымъ къ ихъ разрѣшенію, но обстоятельство это, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, не можетъ служить основаніемъ къ безусловному изъятію всѣхъ дѣлъ этого рода изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ мѣстъ; для устраненія же возможныхъ затрудненій, слѣдуетъ предоставить Министру Юстиціи, по соглашенію съ Военнымъ Министромъ, обращать въ потребныхъ случаяхъ означенныя дѣла къ разсмотрѣнію военнаго суда, дополнивъ въ этомъ смыслѣ статью 31 положенія объ охранѣ. Въ окончательной редакціи этой статьи новаго закона было сдѣлано указаніе и на управляющаго морскимъ министерствомъ. Такимъ образомъ основаніемъ для установленія факультативной военной подсудности гражданскихъ лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 256, 256^1 и 256^2 уложенія (по прод. 1893 г.), послужили свойства самыхъ преступныхъ дѣяній, затрогивающихъ не только военные интересы, но и интересы общегосударственные, чрезвычайной важности, при чемъ установленіе въ данномъ случаѣ военной подсудности вовсе не имѣетъ въ виду усиленія уголовной репрессіи, почему и порядокъ разсмотрѣнія этихъ дѣлъ оставленъ обыкновенный, установленный для *мирнаго* времени.

Подобнаго изъятія до настоящаго времени не существовало въ иностранныхъ законодательствахъ, но послѣ извѣстнаго дѣла

[1]) Журналъ, 3-го февр. 1892 г., стр. 3.

Дрейфуса во французской палатѣ депутатовъ было сдѣлано предложеніе о замѣнѣ закона 1886 г. новымъ, болѣе строгимъ[1]), при чемъ въ проектѣ заключаются постановленія не только о шпіонствѣ, но и объ измѣнѣ. Какъ на главный мотивъ къ измѣненію «закона Буланже» указывается на то, что за преступленія противъ обороны страны не можетъ быть опредѣлена судомъ смертная казнь, такъ какъ, на основаніи закона 8-го октября 1830 г., политическія преступленія не могутъ быть карасмы смертью. Въ виду этого новый проектъ, назначая за важнѣйшіе виды измѣны и шпіонства, независимо отъ времени ихъ совершенія, смертную казнь, вводитъ новое правило, по которому преступленія и проступки противъ обороны страны (contre la défénce nationale), какъ въ мирное, такъ и въ военное время не могутъ быть почитаемы за преступленія или проступки политическія. Затѣмъ изъ доклада комиссіи, сдѣланнаго въ палатѣ 6-го апрѣля 1895 г., видно, что послѣдняя находитъ военную подсудность по всѣмъ дѣламъ этого рода наиболѣе соотвѣтствующей въ виду необходимости какъ технической оцѣнки дѣянія, такъ и соблюденія тайны. Во всякомъ случаѣ комиссія находитъ весьма желательнымъ установленіе военной подсудности по крайней мѣрѣ при соучастіи съ гражданскими лицами военныхъ[2]). Но по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ изложенный законопроектъ до сего времени еще не утвержденъ.

6.

Исключительную особенность у насъ составляетъ подсудность отбывающихъ наказаніе *государственныхъ преступниковъ*. На основаніи § 5 положенія о Шлиссельбургской тюрьмѣ для приговоренныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы государственныхъ преступниковъ, послѣдніе во время пребыванія въ этой тюрьмѣ подлежатъ, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, преданію военному суду за всѣ преступленія, кромѣ проступковъ противъ тюремной дисциплины[3]).

[1]) Подобныя предложенія были сдѣланы и въ 1891 г., но остались безъ осуществленія (Lammasch. 16).

[2]) Journale officiel de la république française 1894 №№ 350 et 152; 1895 №№ 3 26, 114, 115 et 225.

[3]) Полн. Собр. 1884 г. 2369.

II.

Особые виды мѣстныхъ изъятій изъ общей подсудности.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ судебные уставы не содержали никакихъ правилъ объ особой подсудности въ зависимости отъ національности обвиняемыхъ, особенностей мѣстности и другихъ подобныхъ спеціальныхъ причинъ и если устанавливали изъятія изъ общаго порядка судоустройства или судопроизводства, то таковыя, основываясь на особенностяхъ самыхъ преступленій, имѣли одинаковое примѣненіе вездѣ, гдѣ были введены въ дѣйствіе судебные уставы. Но по мѣрѣ введенія послѣднихъ на нашихъ окраинахъ, общія правила видоизмѣнялись въ зависимости отъ потребностей и условій мѣстныхъ, явился цѣлый рядъ изъятій какъ путемъ установленія новыхъ, такъ и сохраненія въ силѣ, независимо отъ общей реформы, нѣкоторыхъ изъ дореформенныхъ правилъ. Такимъ образомъ и военная подсудность въ нѣкоторыхъ случаяхъ была сохранена, а въ настоящее время и расширена изданіемъ новыхъ узаконеній. Всѣ эти изъятія въ пользу военной подсудности относятся къ Кавказскому краю и нѣкоторымъ другимъ мѣстностямъ Азіатской Россіи.

1.

Закатальскій округъ на Кавказѣ управляется на основаніи особаго положенія 29-го января 1874 г.[1]), въ коемъ изложены правила и по судебной части округа. Судъ въ Закатальскомъ округѣ надъ лицами *туземнаго* населенія, по силѣ этого положенія, отправляется: 1) по военно-уголовнымъ законамъ; 2) въ Закатальскомъ окружномъ словесномъ судѣ: а) по адату — народному обычаю, б) по шаріату—духовному суду и в) по особымъ правиламъ, утвержденнымъ Главнокомандующимъ Кавказской арміей, и 3) въ главномъ народномъ судѣ (ст. 9). Сужде-

[1]) Полн. Собр. 53097. Св. Зак. т. II, 1892 г. Учр. упр. Кавк. края, ст. 102 и послѣд.

ніе туземцевъ въ мѣстной военно-судной комиссіи по военно-уголовнымъ законамъ было установлено за слѣдующія преступленія: государственную измѣну, возмущеніе противъ правительства и установленныхъ властей, разбой, грабежъ, предумышленное убійство, поджигательство и похищеніе казеннаго имущества. Дѣла же по обвиненію туземцевъ въ воровствѣ, ссорахъ, дракахъ и увозѣ женщинъ, если послѣдствіемъ сего не были увѣчья или смерть, а также дѣла магометанъ по несогласіямъ между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми подлежатъ сужденію въ окружномъ словесномъ судѣ (ст. 13). Всѣ же остальныя уголовныя дѣла, т. е. не подсудныя ни военному, ни народному горскому суду, подлежатъ разсмотрѣнію по общимъ законамъ Имперіи (ст. 11), слѣдовательно или въ учрежденномъ, для «гражданскаго населенія»[1]), въ 1868 г. мировомъ отдѣлѣ округа[2]), или Тифлисскомъ окружномъ судѣ по принадлежности (ст. 13). Въ положеніи о Закатальскомъ округѣ 1874 г., между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что при опредѣленіи военной подсудности туземцевъ указано на военно-судныя комиссіи, хотя уже въ 1870 г. въ Кавказскомъ военномъ округѣ былъ введенъ въ дѣйствіе военно-судебный уставъ 1867 г.[3]). Это объясняется тѣмъ, что въ 1871 г. было испрошено Высочайшее повелѣніе объ оставленіи стараго порядка сужденія туземцевъ Закатальскаго округа въ военно-судныхъ комиссіяхъ, каковое повелѣніе въ 1874 г. было замѣнено вышеизложеннымъ постановленіемъ положенія о названномъ округѣ. Военно-судныя комиссіи дѣйствовали еще въ 1878 г. по поводу возстанія въ Дагестанѣ. Въ 1892 г. въ ст. 1283 уст. угол. суд., порядкомъ кодификаціоннымъ, было исключено указаніе на военно-судныя комиссіи, а съ упраздненіемъ должности аудитора при штабѣ Кавказскаго военнаго округа слѣдуетъ считать порядокъ сужденія туземцевъ въ этихъ комиссіяхъ прекратившимся, но не отмѣненнымъ, такъ какъ военно-судныя ко-

---

[1]) Выраженія: «лица гражд. вѣд.» или «гражданское населеніе» во многихъ документахъ, относящихся къ Кавказу, противополагаются выраженіямъ: «горцы», «горское населеніе».

[2]) Полн. Собр. 46374.

[3]) Прик. по воен. вѣд. 1870 г. № 267.

миссіи могутъ быть образованы во всякое время, а исполненіе обязанностей аудитора возложено на всякаго строевого офицера.

На основаніи положенія 1860 г.[1]) въ Дагестанской области были оставлены, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствовавшіе въ Дагестанѣ горскіе суды и, независимо отъ этого, учрежденъ изъ Дербентскаго губернскаго суда Дагестанскій областной судъ, къ вѣдѣнію котораго были отнесены уголовныя дѣла, не подсудныя ни военному, ни народному суду. Въ 1875 г. судебные уставы были введены въ Дагестанской области на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прочихъ частяхъ Закавказья, при чемъ въ судебномъ отношеніи область была причислена къ округу Тифлисской судебной палаты и подчинена вѣдѣнію Бакинскаго окружного суда. Затѣмъ въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта о введеніи въ этой области судебныхъ уставовъ[2]), между прочимъ, сказано: «уголовныя дѣла лицъ, принадлежащихъ къ горскому населенію, подлежатъ вѣдомству судебныхъ установленій, образованныхъ по уставамъ 20-го ноября 1864 г., когда лица эти обвиняются въ преступныхъ дѣйствіяхъ противъ лицъ другихъ сословій. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, означенныя дѣла вѣдаются народными и военными судами на существующемъ основаніи». Обращаясь къ этимъ «основаніямъ», т. е. къ дѣйствующему положенію 1860 г. объ управленіи Дагестанской областью, мы видимъ, что военному суду подсудны слѣдующія преступленія горцевъ: «измѣна, возмущеніе противъ правительства и постановленныхъ имъ властей, явное неповиновеніе постановленному отъ правительства начальству и тяжкое оскорбленіе его, разбой и похищеніе казеннаго имущества». Къ вѣдомству же окружныхъ народныхъ судовъ, на основаніи §§ 45 и 46 того же положенія, изъ уголовныхъ дѣлъ отнесены дѣла «по воровству, ссорамъ, дракамъ, увозу женщинъ (хотя бы оно имѣло послѣдствіемъ увѣчья и даже смерть), по похищеніямъ и грабежамъ, когда они учинены хотя съ насиліемъ и даже угрозами, но такого рода, что сіи

---

[1]) Полн. Собр. 1860 г. 36026. Прик. по воен. вѣд. 1860 г. № 173. Прик. по Кавказск. арміи 1860 г. № 208.

[2]) Полн. Собр. 54351.

угрозы и самое насильственное дѣйствіе не представляли опасности ни для жизни, ни для здравія жалобщика». На основаніи вышеизложенныхъ законоположеній были введены въ уставъ уголовнаго судопроизводства статьи 1283, опредѣляющая подсудность туземцевъ Закатальскаго округа, и 1284, опредѣляющая подсудность туземцевъ вообще Дагестанской области, но редакцію этихъ статей нельзя признать удовлетворительною, такъ какъ въ ст. 1283 разграничена подсудность военнаго и народнаго судовъ, а о подсудности установленіямъ, образованнымъ на основаніи судебныхъ уставовъ, не упоминается вовсе, статья же 1284 указываетъ, на основаніи закона о введеніи судебныхъ уставовъ 1875 г., на подсудность туземцевъ общимъ судебнымъ установленіямъ, въ тѣхъ только случаяхъ, когда они обвиняются въ преступленіяхъ противъ лицъ другихъ сословій. Но такъ какъ эта формула не можетъ быть признана исчерпывающей, въ виду точнаго опредѣленія подсудности военнымъ и народнымъ судамъ, то къ подсудности общихъ судовъ должны быть отнесены еще всѣ преступленія туземцевъ, совершенныя хотя бы и не противъ лицъ другихъ сословій, но не подсудныя ни военному, ни народному суду.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ нельзя не придти къ выводу, что лица, принадлежащія къ горскому населенію Дагестанской области и Закатальскаго округа, подсудны военному суду во всѣхъ отнесенныхъ къ вѣдомству сего суда случаяхъ, независимо отъ того, на кого непосредственно было направлено посягательство, на туземцевъ или лицъ, принадлежащихъ къ гражданскому населенію, по остальнымъ же преступленіямъ, направленнымъ противъ лицъ гражданскаго населенія, а также по всѣмъ преступленіямъ, не отнесеннымъ къ вѣдомству народныхъ судовъ, хотя бы посягательство было направлено на туземца, горцы подсудны общимъ судебнымъ установленіямъ округа Тифлисской судебной палаты. Ко всему этому слѣдуетъ добавить, что подъ лицами горскаго населенія, по разъясненію Сената, слѣдуетъ разумѣть, безъ различія національности, всѣхъ приписанныхъ къ этому населенію, такъ что пріобрѣтеніе, напр., по гильдейскому свидѣтельству извѣстныхъ личныхъ правъ служитъ основаніемъ къ изъятію обладателя этого

свидѣтельства изъ числа туземцевъ[1]). Всѣ изложенныя правила дѣйствуютъ исключительно въ указанныхъ мѣстностяхъ, такъ что горецъ, находящійся внѣ Дагестана, подчиняется законамъ, дѣйствующимъ въ мѣстѣ его дѣйствительнаго нахожденія или совершенія преступленія, на общемъ основаніи.

Существованіе въ настоящее время такого тройного порядка подсудности, со введеніемъ на Кавказѣ судебныхъ уставовъ, является анахронизмомъ, тѣмъ болѣе, что исключительныя преступленія могутъ быть обращены къ военной подсудности на основаніи положенія объ охранѣ, а въ цѣломъ рядѣ случаевъ установлена для Закавказья кромѣ того военная подсудность, съ примѣненіемъ наказаній военнаго времени, отдѣльными нижеприведенными законами. Итакъ, сохраненіе военной подсудности, и притомъ съ примѣненіемъ общаго порядка производства суда, для горцевъ Дагестанской области и Закатальскаго округа на основаніи особыхъ о нихъ положеній, не можетъ быть оправдываемо никакими соображеніями.

2.

Высочайшимъ повелѣніемъ 29-го іюля 1891 года[2]) установлено, чтобы впредь, до возстановленія безопасности движенія по Закавказской желѣзной дорогѣ, предавать военному суду, по соглашенію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, лицъ обвиняемыхъ: 1) въ вооруженномъ нападеніи на служащихъ Закавказской желѣзной дороги, при исполненіи ими обязанностей службы, и на пассажировъ сей дороги, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, *тяжкихъ побоевъ*, или разбоемъ, грабежомъ или поджогомъ и 2) въ умышленномъ поврежденіи желѣзной дороги (улож. о наказ. ст. 1081 и 1082), при чемъ наказаніе за всѣ эти преступленія предписывается опредѣлять по ст. 279 и 270 воинск. уст. о наказ. Высочай-

[1]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1888 г. № 10.
[2]) Собр. Узак. № 95, ст. 1003; примѣч. къ ст. 1260 уст. угол. суд.

шимъ повелѣніемъ 25-го января 1893 г.[1]) правила о предачіи военному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, обвиняемыхъ «въ вооруженномъ нападеніи на пассажировъ и служащихъ Закавказской желѣзной дороги, когда сіе преступленіе сопровождалось убійствомъ, покушеніемъ на оное, нанесеніемъ ранъ и увѣчій, разбоемъ, грабежомъ и поджогомъ» распространено на участки Владикавказской желѣзной дороги въ предѣлахъ Терской и Кубанской областей и Ставропольской губерніи, съ тѣмъ, чтобы преданіе военному суду виновныхъ въ перечисленныхъ выше преступленіяхъ было предоставлено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по Ставропольской губерніи соглашенію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, а по Терской и Кубанской областямъ и Военнаго Министра. Въ этомъ новомъ Высочайшемъ повелѣніи опущено указаніе на «поврежденіе желѣзныхъ дорогъ», хотя съ огромнымъ вѣроятіемъ можно думать, что законъ 1891 г. о Закавказской желѣзной дорогѣ предполагалось *въ полномъ объемѣ* примѣнить и къ Владикавказской желѣзной дорогѣ, но умышленно или по ошибкѣ былъ сдѣланъ этотъ пропускъ, представляется безразличнымъ и восполненіе его путемъ толкованія не можетъ быть допущено. То же самое относится и къ другому пропуску, а именно неуказанію на «тяжкіе побои».

Наконецъ Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го сентября 1893 г.[2]) установлено, въ видѣ временной мѣры, впредь до искорененія разбойничества въ Кавказскомъ краѣ и Ставропольской губерніи, дѣла о разбоѣ, умышленномъ убійствѣ, грабежѣ съ насиліемъ, поджогахъ жилыхъ строеній, возстаніи и вооруженномъ сопротивленіи властямъ, когда преступленія эти совершены *туземцами* края, безъ различія національности, сословія и исповѣданія, предоставить главноначальствующему гражданской частью на Кавказѣ передавать по своему усмотрѣнію, изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ установленій на разсмотрѣніе военнаго суда, для сужденія виновныхъ по законамъ военнаго времени и конфирмовать состоявшіеся по этимъ дѣламъ приговоры военныхъ

[1]) Собр. Узак. № 31, ст. 289; 2-е примѣч. къ ст. 1256 уст. угол. суд.
[2]) Собр. Узак. № 160, ст. 1267.

судовъ. Тотъ же порядокъ изъятія изъ общей подсудности и конфирмаціи приговоровъ былъ распространенъ и на дѣла, указанныя въ изложенныхъ выше Высочайшихъ повелѣніяхъ, во избѣжаніе разнообразія въ порядкахъ установленія исключительной подсудности и достиженія быстроты въ движеніи этихъ дѣлъ. Этотъ послѣдній законъ въ 1895 г. былъ распространенъ на персидскихъ и турецкихъ подданныхъ, обвиняемыхъ въ тѣхъ же преступленіяхъ, учиненныхъ въ предѣлахъ Кавказскаго края [1]). Законъ 13-го сентября еще разъ подтверждаетъ своею вступительною частью, гдѣ говорится о «примѣненіи той же мѣры», т. е. установленной предшествующими законами 29-го іюля и 25-го января, что подъ указаннымъ выраженіемъ «законы военнаго времени» разумѣются и карательные законы. Въ отношеніи же примѣненія послѣднихъ по закону 13-го сентября замѣтимъ, какъ и выше уже было изложено, что смертная казнь по ст. 279, кн. XXII можетъ быть назначаема за дѣянія, точно указанныя въ этой статьѣ воинскаго устава о нак.

Всѣ изложенные законы, очевидно, введены какъ средство борьбы съ преступленіями, особенно упорно и часто повторяющимися въ краѣ. Однако нельзя не признать, что установленіе военной подсудности, хотя и факультативной, но примѣняемой почти во всѣхъ случаяхъ, представляетъ собою средство малодѣйствительное, что и подтверждается все въ томъ же, если не большемъ, числѣ повторяющимися случаями разбоевъ, убійствъ и другихъ преступленій, на «искорененіе» которыхъ направлены эти законы. Давно уже опытъ указалъ, что строгостью наказанія и вообще одними средствами уголовнаго права нельзя искоренить то или другое общественное зло, ни насадить добро. Нельзя перекаленить всѣхъ разбойниковъ, какъ нельзя ихъ всѣхъ и переловить, хотя несомнѣнно, что цѣлесообразное развитіе предупредительныхъ полицейскихъ мѣръ въ особенности на границахъ Персіи и Турціи, является болѣе желательнымъ, чѣмъ смертная казнь; еще болѣе несомнѣнно, что корни разбойничества и хищничества заключаются въ тѣхъ первобытныхъ инстинктахъ дикаря, которые не чужды до сего времени и нашимъ

[1]) Собр. Узак. № 38, ст. 255.

кавказскимъ горцамъ. Поэтому всѣ мѣры должны быть направлены къ «покоренію» именно этихъ инстинктовъ, но въ этомъ отношеніи уголовный судъ, да еще военнаго времени, со смертной казнью и безсрочной каторгой на Сахалинѣ, едва ли можетъ принести пользу, скорѣе приспособляясь къ современному духу горца, чѣмъ ослабляя его. Поэтому установленіе исключительнаго судебнаго порядка, который въ настоящее время сталъ нормальнымъ, въ борьбѣ съ разбойничествомъ едва ли приводитъ къ желанной цѣли. Въ наши задачи не входитъ разсмотрѣніе тѣхъ мѣръ, которыя необходимы для этой цѣли, но нелишне будетъ сдѣлать краткую историческую справку.

Подсудность жителей Закавказскаго края военному суду за разбой и грабежъ[1]) была установлена издавна (1819 г.), при чемъ, когда былъ возбужденъ въ Государственномъ Совѣтѣ (въ 1823 г.) вопросъ о продленіи военной подсудности въ Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, то какъ на мотивъ положительнаго разрѣшенія вопроса было указано, «что къ сему суду народы уже пріобыкли и онъ болѣе приличествуетъ для азіатцевъ, нежели продолжительныя формы гражданской расправы, и наконецъ введеніе новаго порядка могло бы произвести смятеніе между людьми непросвѣщенными и загрубѣвшими въ предразсудкахъ»[2]). Такая натяжка въ мотивировкѣ необходима была еще въ 1823 году, и мотивы эти, очевидно, никого убѣдить въ необходимости для горцевъ военнаго суда не могли; теперь же, когда все-таки просвѣщеніе и культура горцовъ подвинулась хотя бы на весьма незначительную величину впередъ, когда отъ «продолжительныхъ формъ гражданской расправы» осталось лишь одно преданіе,— еще труднѣе найти сколько нибудь вѣскіе мотивы для оправданія военной подсудности горцевъ. Вопросъ объ обращеніи къ общей уголовной подсудности дѣлъ о разбояхъ и грабежахъ въ Закавказскомъ краѣ затѣмъ восходилъ на разсмотрѣніе Кавказскаго комитета въ 1851 г. и главное начальство края не встрѣчало съ своей стороны никакихъ затрудненій къ изъятію изъ военной подсудности какъ вышеназванныхъ, такъ и дру-

[1]) Воен.-Угол. Уст. 1859 г. ст. 6. п. 10; ст. 761. п. 14, кн. II. т. XV Св. Зак. 1857 г.

[2]) Полн. собр. 1823 г. 29371.

гихъ дѣлъ, но разрѣшеніе этого вопроса было отложено до общаго преобразованія судебной части въ Закавказскомъ краѣ. Въ началѣ 1860 г. князь Барятинскій входилъ въ Кавказскій комитетъ съ представленіемъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ судопроизводствѣ и судоустройствѣ Закавказья до общаго преобразованія судебной части и, между прочимъ, находилъ желательнымъ дѣла о разбояхъ и грабежахъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ есть общія судебныя мѣста, предоставить вѣдомству послѣднихъ, а не военно-судныхъ комиссій, такъ что по мнѣнію Намѣстника Кавказскаго подсудность военному суду жителей Закавказскаго края за разбой и грабежъ должна была остаться только въ двухъ уѣздахъ (Александропольскомъ и Ахалцыхскомъ), въ коихъ не было уголовныхъ судовъ, что и предполагалось по проекту графа Блудова узаконить въ новомъ, составлявшемся во 2-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, проектѣ устава уголовнаго судопроизводства, съ оставленіемъ, однако, существовавшаго для Кавказскаго края правила, на основаніи котораго въ *чрезвычайныхъ* случаяхъ разбоевъ могъ быть назначаемъ, по усмотрѣнію Намѣстника, судъ по военнымъ полевымъ законамъ, но только впредь до преобразованія судебной части въ краѣ[1]). Предположенія эти, какъ указывалось уже выше, неосуществились, и судебные уставы ограничили весьма тѣсными рамками всякую чрезвычайную подсудность. Но независимо отъ этого нельзя не остановиться и на томъ обстолтельствѣ, что еще до судебной реформы смотрѣли на военную подсудность горцевъ какъ на необходимость, допускаемую лишь въ виду отсутствія въ краѣ общей юстиціи, и только для чрезвычайныхъ случаевъ признавалось нужнымъ оставить *чрезвычайную* подсудность по полевымъ законамъ, т. е. признавалась достаточной такая мѣра, которая по дѣйствующему законодательству установлена ст. 31 положенія объ охранѣ.

Иностранныя законодательства, какъ было уже изложено выше, никогда не прибѣгаютъ къ военной подсудности въ случаяхъ, подобныхъ указаннымъ въ законѣ о кавказскихъ разбойникахъ. Единственно сходными съ этимъ закономъ являются

---

[1]) Проектъ Блудова: Записка 1861 г. № 648 (т. VII Дѣла о преобр. суд. ч.).

постановленія французскаго и австрійскаго законодательствъ о военной подсудности *морскихъ разбойниковъ* (pirates; Seeraüber). На основаніи французскаго закона 10-го апрѣля 1825 года[1]), между прочимъ признаются морскими разбойниками: 1) всѣ, состоящіе на вооруженномъ морскомъ суднѣ, плавающемъ безъ свидѣтельства или иного акта, удостовѣряющаго законность плаванія; 2) начальникъ каперскаго корабля, и 3) принадлежащіе къ кораблю, совершившему нападеніе на французское судно или судно дружественной Франціи державы (art. 1 et 2). Всѣ признаваемые морскими разбойниками лица подлежатъ военному суду (les tribunaux maritimes), какъ на основаніи приведеннаго закона (art. 17), такъ и французскаго военно-морского уголовнаго кодекса (art. 90 et 91). Постановленія же австрійскаго законодательства болѣе кратки, а именно, на основаніи п. 5, § 1 закона о подсудности 20-го мая 1869 г., захваченные военнымъ судномъ морскіе разбойники судятся военнымъ судомъ, который въ мирное время происходитъ въ г. Полѣ[2]).

3.

Въ Туркестанѣ, за неимѣніемъ судовъ, дѣйствующихъ на правахъ палатъ уголовнаго и гражданскаго суда, была временно установлена военная подсудность гражданскихъ лицъ по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, превышающимъ компетенцію уѣздныхъ судей[3]), киргизы же и сарты областей Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской подлежали военному суду за измѣну, возбужденіе своихъ соплеменниковъ къ сопротивленію противъ правительства, нападеніе на почты и военные транспорты, убійство христіанъ и другихъ лицъ, изъявившихъ желаніе принять христіанство, и за убійство должностныхъ лицъ. Кромѣ того они были подсудны тому же военному суду, по неимѣнію въ краѣ

---

[1]) Loi pour la sûreté de la navigation et du commerce maritime du 10 Avril 1825 Часть этого закона имѣется въ русск. переводѣ въ т. VII (вып. I) Матеріаловъ для пересмотра нашего угол. зак-ства 1883 г., 138.

[2]) Militär-Strafprocess-Ordnung. § 9.

[3]) Приказъ по воен. вѣд. 1883 г. № 160; Полож. о введеніи В.-С. У. § 9, (въ Турк. воен. окр.). Прик. по воен. вѣд. 1889 г. № 92; Полож. о введеніи В.-С. У. § 8, (въ Омск. воен. окр.).

общихъ судебныхъ мѣстъ, и за другія преступленія, изъятыя изъ вѣдѣнія народныхъ судовъ[1]). Но эти постановленія утратили уже значеніе за послѣдовавшимъ устройствомъ судебной части по гражданскому вѣдомству въ Туркестанскомъ краѣ въ 1887 г. и въ Семирѣченской области въ 1893 г. Относительно послѣдней необходимо указать, что 25-го марта 1891 г. было Высочайше утверждено новое положеніе объ управленіи областей Акмолинской, Семирѣченской, Уральской и Тургайской[2]), предназначенное ко введенію въ дѣйствіе съ 1-го января 1892 г.[3]), но въ дѣйствительности это введеніе состоялось лишь 1-го октября 1893 г. Затѣмъ вышеуказанныя уголовныя дѣла о киргизахъ и сартахъ были также подчинены подсудности вновь учрежденныхъ въ Туркестанскомъ краѣ и Семирѣченской области общихъ судебныхъ мѣстъ[4]), наравнѣ съ таковыми же дѣлами о прочихъ лицахъ гражданскаго вѣдомства.

Въ нѣсколько иномъ положеніи находится подсудность въ Закаспійской области. Въ 1874 году состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Закаспійскаго военнаго отдѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено и временное положеніе объ управленіи Закаспійскимъ краемъ[5]). Въ положеніи была опредѣлена и подсудность возникающихъ въ названномъ краѣ уголовныхъ (а также и гражданскихъ) дѣлъ, при чемъ кочующіе въ предѣлахъ этого края «ордынцы» были подчинены военному суду за слѣдующія преступленія: «измѣну, явное сопротивленіе властямъ, возбужденіе къ неповиновенію правительству, нападеніе на почты, казенные транспорты и купеческіе караваны, убійство русскихъ и лицъ другихъ народностей, разбой, грабежъ, поджогъ, дѣланіе и переводъ фальшивой монеты и похищеніе казеннаго имущества» (§ 35). Затѣмъ «преступленія должностныхъ лицъ изъ туземцевъ по исполненію ими служебныхъ обязанностей, равно всѣ дѣла ордынцевъ съ русскими и лицами другихъ народностей, какъ уголовныя, такъ и граждан-

[1]) §§ 130, 131, 134 и 135 проекта полож. объ управленіи этими областями.
[2]) Т. II. Св. Зак. 1892 г.
[3]) Прим. къ ст. 1 полож. объ упр. Степн. обл. (т. II. Св. Зак. 1892 г.).
[4]) Ст. 101 и 109 полож. объ упр. Степн. областей, ст. 117, 140, 145 и 160 полож. объ упр. Туркестанск. края (т. II Св. Зак. 1892 г.).
[5]) Полн. Собр. 1874 г. 53233. Прик. по воен. вѣд. 1874 г. № 95.

скія, разбираются судомъ по общимъ законамъ Имперіи» (§ 37). Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію по общимъ законамъ Имперіи, были отнесены къ вѣдомству судебныхъ учрежденій Астраханской и Бакинской губерній (§ 38). Наконецъ всѣ прочія преступленія ордынцевъ, не подлежащія ни суду военному, ни суду по общимъ законамъ Имперіи, подчинены вѣдѣнію народнаго суда (§ 40). При внимательномъ разсмотрѣніи изложенныхъ постановленій видно, что правила о подсудности стремились приноровить къ мѣстнымъ условіямъ края и что важнѣйшія изъ преступленій, наиболѣе возможныя со стороны туземцевъ и наиболѣе опасныя по культурному и политическому положенію края, были отнесены къ вѣдомству военнаго суда. Такимъ образомъ вѣдомство народнаго суда опредѣлено признаками отрицательными, которые ограничиваютъ его отъ вѣдомства съ одной стороны военнаго суда, а съ другой—гражданскихъ судебныхъ мѣстъ, и хотя подсудность туземцевъ послѣднимъ точно не опредѣлена, но, очевидно, что обширная категорія дѣлъ, не подходящихъ ни подъ одну изъ указанныхъ выше рубрикъ, напримѣръ, всѣ государственныя преступленія (кромѣ измѣны), противъ уставовъ казенныхъ управленій, противъ должностныхъ лицъ и др.,—не можетъ быть отнесена къ подсудности народнаго суда, если принять во вниманіе даже только одни свойства этихъ дѣяній, непосредственнымъ объектомъ которыхъ частныя лица быть не могутъ, но если и допустить возможность того, что непосредственнымъ объектомъ преступнаго дѣянія явится такое лицо, то и тогда нельзя признать подсудными этого рода уголовныя дѣла суду народному, такъ какъ народный судъ (судъ аульныхъ біевъ и съѣздъ біевъ) разрѣшаетъ всѣ дѣла исключительно по *народнымъ обычаямъ* (§ 41 — 46). Поэтому и принимая во вниманіе: 1) что подсудность военнаго суда опредѣлена точнымъ перечисленіемъ дѣлъ, этимъ судамъ подвѣдомственныхъ; 2) что народнымъ обычаемъ могутъ быть регулируемы лишь правоотношенія туземцевъ между собою, и 3) что для разрѣшенія дѣлъ по правоотношеніямъ, возникающимъ лишь съ развитіемъ государственной жизни и культуры, не можетъ и существовать народныхъ обычаевъ у кочевниковъ,—слѣдуетъ признать, что всѣ дѣла, которыя не могутъ быть разрѣшены

обычаемъ, народному суду не подсудны и если не подвѣдомственны военному суду, то на нихъ распространяются общіе законы Имперіи, т. е. они подсудны мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ. Положеніе 1874 г. въ отношеніи судебнаго устройства края является дѣйствующимъ до настоящаго времени, такъ какъ ни въ изданномъ въ 1882 г. положеніи объ управленіи Закаспійской областью [1]), ни въ нынѣ дѣйствующемъ положеніи 6-го февраля 1890 г.[2]) не содержится никакихъ постановленій по судебной части, а объ отмѣнѣ по этому предмету правилъ положенія 1874 г. объявлено не было, въ изданныхъ же послѣ 1874 г. отдѣльныхъ узаконеніяхъ, касающихся судебной части, вопросъ о подсудности вообще не затрогивался, исключая Высочайшаго повелѣнія 18-го ноября 1887 г.[3]), коимъ установлена временная подсудность Бакинскому окружному суду всѣхъ возникающихъ въ Закаспійской области уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ въ Закавказьѣ общимъ судебнымъ установленіямъ (ст. 1260 уст. угол. суд.). Дѣла, подсудныя мировымъ установленіямъ, разсматриваются мѣстными уѣздными начальниками и особо командированными въ Асхабадское и Мервское уѣздныя управленія чинами военно-судебнаго вѣдомства[4]).

4.

Наконецъ къ числу изъятій по мѣсту мы относимъ и подчиненіе военной юрисдикціи *гражданскихъ лицъ, находящихся на военномъ кораблѣ*, хотя бы и въ мирное время. По дѣйствующему у насъ законодательству, «всѣ находящіеся на военномъ кораблѣ пассажиры, безъ различія чина и званія, подчиняются морскимъ постановленіямъ и установленному на кораблѣ порядку[5]). Дальнѣйшее развитіе этого основного правила находится въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ, постановленія

[1]) Приказъ по воен. вѣд. 1882 г. № 206.
[2]) Св. Зак. т. II 1892 г.
[3]) Полн. Собр. 4807. Примѣч. 1-е 432 ст. учр. суд. уст. (т. XVI, ч. I Св. Зак. 1892 г.).
[4]) Собр. Узак. 1893 г., ст. 740 и 1894 г. ст. 319.
[5]) Ст. 992, кн. X, С. М. П. (Морской уставъ).

котораго представляются въ этомъ отношеніи не вполнѣ опредѣленными. Общаго правила о распространеніи военной юрисдикціи на всѣхъ пассажировъ въ этомъ уставѣ не содержится, но установлено лишь, что «всѣ находящіяся на кораблѣ лица, не принадлежащія къ составу экипажа и не пользующіяся особыми правами по происхожденію, воспитаніемъ или службою пріобрѣтенными», подчинены за преступленія и проступки, совершенные на кораблѣ, вѣдомству корабельнаго суда, по компетенціи равнаго экипажному[1]). Такимъ образомъ для лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, подсудность за извѣстнаго рода преступленія опредѣлена вполнѣ точно. Для дѣлъ же, не подвѣдомственныхъ корабельному суду, командиръ корабля во время отдѣльнаго плаванія можетъ назначать особую комиссію, но въ тѣхъ только случаяхъ, когда для поддержанія порядка и дисциплины невозможно отлагать взысканіе, при чемъ этотъ порядокъ примѣнимъ лишь къ «состоящимъ на кораблѣ *чинамъ*»[2]), относительно же преступленій, не относящихся до нарушенія законовъ дисциплины и военно-морской службы, производится только предварительное слѣдствіе, которое, по возвращеніи корабля въ портъ, препровождается къ военно-морскому прокурору для дальнѣйшаго направленія на основаніи военно-морского устава[3]). Изъ этихъ постановленій слѣдуетъ только, что пассажиры, не подсудные корабельному суду, какъ по роду дѣлъ, такъ и по принадлежащимъ имъ правамъ, за преступленія, совершенныя на кораблѣ во время плаванія, не подлежатъ и юрисдикціи особой комиссіи, но вопроса о томъ, куда именно слѣдуетъ направлять уголовныя дѣла объ этихъ пассажирахъ, къ военной подсудности или общей, законъ не разрѣшаетъ. Принимая во вниманіе, что для установленія подсудности особому суду необходимо точное указаніе на это изъятіе въ законѣ, нельзя не придти къ тому выводу, что преступленія и проступки, совершенные пассажирами во время плаванія на военномъ кораблѣ и не подсудные корабельному суду не подлежатъ военной юрисдикціи. Но командиръ военнаго корабля облеченъ чрез-

[1]) Ст. 1080 В.-М. С. У.
[2]) Ст. 1083—1086 В.-М. С. У.
[3]) Тамъ же. ст. 1108—1109.

вычайной властью, въ силу которой онъ вправѣ налагать на всѣхъ безъ изъятія лицъ, находящихся на кораблѣ, «*всякія*, по усмотрѣнію своему и по мѣрѣ надобности, закономъ опредѣленныя наказанія», въ случаяхъ «измѣны въ виду непріятеля, явнаго возстанія или открытаго неповиновенія въ минуту опасности для цѣлости корабля»[1]).

Изъ иностранныхъ законодательствъ наиболѣе подробную регламентацію относительно подсудности лицъ, находящихся въ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ морскому начальству, даетъ французскій военно-морской уголовный кодексъ. На основаніи этого кодекса всѣ лица, совершившія преступное дѣяніе, находясь на кораблѣ, подсудны военному суду, хотя бы они и оставили судно, при чемъ подсудность этому суду прекращается съ уходомъ корабля или его разоруженіемъ (art. 78). Военная подсудность распространяется затѣмъ на всѣхъ лицъ, совершившихъ преступное дѣяніе въ предѣлахъ порта, въ арсеналѣ или другомъ морскомъ сооруженіи, если только дѣяніе это было направлено противъ безопасности учрежденія, или составляло нарушеніе установленныхъ полицейскихъ правилъ, или было соединено вообще со вредомъ для морской службы (art. 88); наконецъ подлежатъ военно-морскому суду за всѣ преступленія тѣ изъ осужденныхъ въ каторжныя работы (travaux forcés), которые отбываютъ наказаніе въ портахъ, арсеналахъ или другихъ морскихъ учрежденіяхъ, находящихся во Франціи (art. 89). Такого объема военно-морская подсудность не имѣетъ ни въ одномъ государствѣ и это съ большимъ вѣроятіемъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что всѣ изложенныя правила подсудности были установлены еще декретомъ 12-го ноября 1806 года, т. е. спустя годъ послѣ полнаго уничтоженія французскаго флота при Трафальгарѣ (21-го октября 1805 г.) англійскимъ адмираломъ Нельсономъ, послѣ чего все, относящееся къ флоту, составляло предметъ особыхъ заботъ Наполеона[2]), а это послѣднее обстоятельство вызвало принятіе и особыхъ мѣръ къ охраненію интересовъ флота.

---

[1]) В.-М. С. У. ст. 1095.

[2]) Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка т. 1 и 2; русск. переводъ, 212.

По кодексу германскому (§ 164), всякій военный корабль, отдѣльно плавающій внѣ территоріальныхъ водъ, признается находящимся на военномъ положеніи (Kriegszustand) и въ это время всѣ находящіеся офиціально (dienstlich) на кораблѣ подчиняются военной юрисдикціи (§ 166[1]); по законодательству же австрійскому, послѣдняя распространяется на всѣхъ, принадлежащихъ къ экипажу (zum Bemannungstande) военнаго корабля[2]), при чемъ подъ экипажемъ корабля слѣдуетъ разумѣть всѣхъ безъ исключенія находящихся на немъ лицъ, такъ какъ относительно военно-морскихъ чиновъ и военныхъ чиновниковъ морского вѣдомства, подлежащихъ въ полномъ объемѣ военной подсудности, говорится въ первомъ и второмъ пунктахъ того же параграфа закона о подсудности. Сравнивая постановленія о подсудности лицъ, находящихся на военномъ кораблѣ, нельзя не признать болѣе удачнымъ правило германскаго кодекса, которымъ въ достаточной мѣрѣ ограждаются интересы морского вѣдомства, а также и безопасность корабля съ возможно меньшимъ въ то же время нарушеніемъ основныхъ началъ подсудности.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ ПРИ ВОЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

«Inter arma silent leges» гласитъ римская пословица, характеризуя то, остающееся и донынѣ непзмѣннымъ, положеніе, что во время войны всѣ интересы государственной жизни не только отступаютъ на задній планъ передъ интересами защиты государства, но прямо приносятся иногда въ жертву ради огражденія какъ этихъ интересовъ, такъ и интересовъ арміи. Тоже самое положеніе выразилъ въ 1836 году весьма рельефно бывшій президентъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ Джонъ Квинси Адамсъ въ своей рѣчи къ нижней палатѣ: «есть два рода властей, говорилъ онъ, различной природы и несовмѣстимыхъ —

---

[1]) Solms. 154. Marck. I, 64; II, 86.
[2]) Gesetz v. 20 Mai 1869. P. 3. § 1.

власть на время войны и власть на время мира. Послѣдняя ограничена правилами и опредѣлена постановленіями самой конституціи. Власть *военная* подчинена единственно ограниченіямъ, налагаемымъ на нее законами и обычаями международнаго права. Эта власть грозна, она, разумѣется, конституціонна, но она разрушаетъ всѣ преграды, воздвигнутыя съ такимъ трудомъ для огражденія свободы, собственности и жизни»[1]). Такимъ образомъ война, измѣняя обычный государственный порядокъ, вызываетъ къ жизни новыя отношенія и создаетъ новыя, неизвѣстныя мирному времени, нормы, нарушеніе которыхъ является преступленіемъ, невозможнымъ въ другое время и, наконецъ, распространяетъ военную власть на новыя группы лицъ. Очевидно поэтому, что она не можетъ не отражаться и на объемѣ военной подсудности. Дѣйствительно, во всѣхъ законодательствахъ военное время является, какъ то было уже указано выше, однимъ изъ основаній, опредѣляющихъ военную подсудность. При этомъ мѣсто, видъ преступленія и свойство лица, хотя сохраняютъ и въ военное время значеніе основаній, коими опредѣляется подсудность вообще, но они играютъ лишь второстепенную роль, а главнымъ, превалирующимъ надъ всѣми остальными, основаніемъ подсудности являются именно условія этого времени. Положеніе это не всегда ясно выражено въ законѣ, но оно несомнѣнно подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ, какъ бы несогласныхъ съ нимъ по формѣ, постановленій о подсудности военнаго времени. Напримѣръ, общей чертой подсудности военнаго времени является во всѣхъ законодательствахъ «нахожденіе при войскѣ», но такъ какъ, гдѣ бы ни находилась армія, она, такъ сказать, несетъ съ собою военную подсудность для лицъ, при ней находящихся, то, слѣдовательно, не мѣсто пребыванія, а именно война, военное время, является основаніемъ военной подсудности этихъ лицъ. Равнымъ образомъ, при объявленіи опредѣленной мѣстности на военномъ положеніи, въ мѣстныхъ условіяхъ можетъ и не быть основаній къ такому объявленію,—основанія эти могутъ лежать въ интересахъ, внѣ даннаго мѣста возникающихъ и лишь къ нему пріуроченныхъ,

[1]) Градовскій. Государственное право иностр. державъ. 1895 г., 65.

такъ что объявленіе даннаго мѣста на военномъ положеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расширеніе военной подсудности обусловливается не возникшими въ этой именно мѣстности исключительными обстоятельствами, но опять-таки особенностями переживаемаго государствомъ времени.

I.

Подсудность при военномъ положеніи.

1.

Иностранныя законодательства не проводятъ различія по содержанію между тѣми особыми мѣрами, которыя опредѣляются терминами «военное положеніе» (Kriegszustand, état de guerre) и «осадное положеніе» (Belagerungszustand, état de siége), примѣняя ихъ къ фактамъ различной природы: войнѣ, возмущенію и вообще ко всякимъ случаямъ возникновенія особой опасности для государства, при чемъ и послѣдствія объявленія этихъ положеній представляются почти тождественными. При дѣйствительномъ же состояніи осады по французскому и германскому законодательствамъ лишь расширяется кругъ лицъ, имѣющихъ право объявлять осадное положеніе. Такъ по французскому закону 1849 года комендантъ каждаго укрѣпленнаго мѣста вправѣ объявить осадное положеніе, если непріятель находится на разстояніи 1800 туазовъ[1]) отъ крѣпостной ограды (art. 5), а на основаніи прусскаго закона 1851 года комендантъ можетъ объявить въ осадномъ положеніи не только крѣпость, но и ея раіонъ, вообще въ случаѣ войны и наступленія непріятеля; тѣмъ же правомъ пользуется и корпусный командиръ (Kommandirende General) относительно корпуснаго округа (§ 1[2]). Но особаго «объявленія военнаго положенія» ни французское, ни германское законодательства не знаютъ. Необходимо однако замѣтить, что въ Германіи «впредь до изданія общаго закона о военномъ положеніи», объявленіе такового положенія въ Эльзасъ-Лота-

[1]) Loi du 10 Juillet 1791. Art. 11.
[2]) Marck. I, 66.

рингіи, въ случаѣ войны или непосредственно грозящей отъ непріятеля опасности, предоставлено каждому военному начальнику, состоящему въ чинѣ не ниже штабъ-офицерскаго, относительно мѣсть и частей края имъ подчиненныхъ[1]). Кромѣ того въ § 9 германскаго военно-уголовнаго кодекса 1872 г. говорится о пространствѣ дѣйствія полевыхъ законовъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, но затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ постановленій объ этомъ положеніи не содержится. Французскій кодексъ выставляетъ еще и другое основаніе военной подсудности гражданскихъ лицъ, а именно: «присутствіе на французской территоріи непріятеля» (art. 61); при этомъ условіи иностранцы и собственные подданные подсудны военному суду за всѣ преступленія противъ безопасности арміи и государства[2]). Въ австрійскомъ законѣ 20-го мая 1869 г. содержится правило, на основаніи котораго гражданскія лица подлежатъ общему суду за преступленіе противъ арміи (шпіонство, недозволенное вербованіе, подговоръ военныхъ къ совершенію воинскихъ преступленій и т. п.). Но въ случаѣ объявленія войны всѣ подобныя преступленія[3]) переходятъ въ вѣдѣніе военнаго суда, при чемъ Министръ Юстиціи объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе какъ о днѣ, съ котораго начинается эта подсудность, такъ и о днѣ, въ который она прекращается[4]).

Наше законодательство ранѣе также не различало осаднаго положенія отъ военнаго, и объявленіе извѣстныхъ мѣстностей преимущественно на военномъ положеніи практиковалось въ порядкѣ изданія сепаратныхъ указовъ не только по военнымъ обстоятельствамъ, но какъ было указано выше, и по причинамъ мѣстнаго характера. Съ установленіемъ по закону объ охранѣ 1881 г. особыхъ терминовъ для опредѣленія тѣхъ мѣръ, которыя примѣняются въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ исключительномъ положеніи (усиленная охрана, чрезвычайная охрана) не по военнымъ обстоятельствамъ, термины «военное или осадное положенія» получили совершенно спеціальное значеніе. Но

---

[1]) Gesetz, v. 30 Mai 1892 (Reichs-Gesetzblatt № 32).
[2]) Titre II du livre IV.
[3]) § 304 Milit. Str.-G.
[4]) Manz'che G.-Ausg. B. V, 537; M.-Strfpr.-Ordn. § 383.

кромѣ того выраженіе «военное положеніе» употребляется въ отношеніи частей войскъ: «привести (поставить) армію въ военное положеніе» — для обозначенія мобилизованнаго ея состоянія; такое именно значеніе имѣетъ въ германскомъ кодексѣ терминъ «Kriegszustand», замѣняющій другой болѣе точный терминъ «mobiler Zustand»[1]). Вопросъ о ближайшемъ и точнѣйшемъ опредѣленіи того состоянія арміи, при которомъ наступаетъ дѣйствіе особыхъ постановленій закона, установленныхъ для военнаго времени, обсуждался и при составленіи военно-судебнаго устава 1867 г., при чемъ составители послѣдняго находили, что къ мобилизованнымъ частямъ войскъ необходимо примѣнять правила военнаго времени лишь при нахожденіи ихъ въ дѣйствительныхъ условіяхъ войны; это состояніе арміи предположено было назвать «боевымъ положеніемъ», т. е. такимъ, «когда она ежечасно ожидаетъ вступить въ бой»[2]), но терминъ этотъ комитетомъ по составленію устава принятъ не былъ[3]). Впрочемъ для разграниченія подсудности общихъ судовъ и военныхъ означенные термины значенія не имѣютъ, опредѣляя собою не измѣненіе подсудности, а измѣненіе процессуальныхъ формъ и обрядовъ; преимущественное же значеніе имѣютъ они въ сферѣ матеріальныхъ законовъ, а намъ важно именно выяснить, насколько объявленіе о военномъ положеніи вліяетъ на расширеніе сферы военной подсудности. Расширеніе это, при объявленіи извѣстныхъ мѣстностей, въ виду или вслѣдствіе войны, на военномъ положеніи, опредѣлялось у насъ послѣ введенія судебныхъ уставовъ[3]), въ издаваемыхъ каждый разъ по этому поводу Высочайшихъ указахъ, а до реформы объемъ военной подсудности точно былъ опредѣленъ полевымъ уголовнымъ уложеніемъ 1812 г., вошедшимъ затѣмъ въ составъ и военно-уголовнаго устава, по изданію котораго 1859 года было установлено, что «всѣ жители, равно чиновники воинскіе, городскихъ и земскихъ полицій въ губерніяхъ и областяхъ, объявленныхъ

---

[1]) § 10 Militär-Strafgesetz (Solms. 25); Marck. I, 76.
[2]) Сборн. зак. раб. стр. 75 и 448.
[3]) Тамъ же. 894.
[3]) Ст. 226 уст. угол. суд. (старая редакція), ст. 250 и 1324 В.-С. У. и ст. 242 В.-М. С. У.

въ военномъ положеніи», подлежать военному суду на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ (ст. 739). Преступленія, за которыя могли подлежать этому суду означенныя лица, были слѣдующія: «измѣна и бунтъ, побѣгъ къ непріятелю, неповиновеніе, шпіонство, кража и невѣрное храненіе, либо употребленіе суммъ или предметовъ, къ арміи принадлежащихъ, разбой, грабежъ и насиліе». Такое опредѣленіе было и неполнымъ, и неточнымъ, а съ введеніемъ судебной реформы и установленіемъ новаго правила о подсудности гражданскихъ лицъ военному суду лишь за преступленія, именно означенныя въ Высочайшемъ указѣ, правило устава 1859 г. утратило значеніе. По объявленіи въ 1877 году войны Турціи Высочайшимъ повелѣніемъ 12-го апрѣля были объявлены на военномъ положеніи прилежащія къ Черному морю мѣстности Южной Россіи [1]), а Главнокомандующему Кавказскою арміею было предоставлено право объявлять на такомъ же положеніи мѣстности Кавказскаго намѣстничества по мѣрѣ надобности [2]), каковымъ правомъ Кавказскій Намѣстникъ и воспользовался, объявивъ нѣкоторыя части Кавказа состоящими на военномъ положеніи. Затѣмъ указомъ отъ 28-го апрѣля былъ установленъ и порядокъ отвѣтственности для лицъ гражданскаго вѣдомства, совершившихъ въ этихъ мѣстностяхъ наиболѣе тяжкія преступленія, «преимущественно направленныя, сказано въ указѣ, ко вреду или противъ безопасности государства и арміи» [3]). Преступленія эти слѣдующія: 1) бунтъ противъ Верховной власти и государственная измѣна; 2) умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе какихъ либо военныхъ снарядовъ, предметовъ и вещей, принадлежащихъ къ средствамъ защиты или продовольствія, въ мѣстахъ, защищаемыхъ противъ непріятеля или же въ виду его, а также умышленное истребленіе или поврежденіе телеграфовъ, водопроводовъ, желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, плотинъ, переправъ и другихъ средствъ сообщенія; 3) умышленное сокрытіе полученныхъ свѣдѣній о движеніи непріятеля или о чемъ либо, имѣющемъ, по обстоятельствамъ военнаго вре-

---

[1]) Собр. Узак. 1877 г. № 30, ст. 356.
[2]) Тамъ же. № 32, ст. 385.
[3]) Тамъ же. № 37, ст. 456; приказъ по воен. вѣд. 1877 г. № 159.

мени, важное значеніе, когда чрезъ это отнята была возможность предотвратить крайне вредныя для военныхъ дѣйствій послѣдствія и 4) нападеніе на часового или военный караулъ, а равно вооруженное сопротивленіе военному караулу и умышленное убійство часового». Во всѣхъ этихъ случаяхъ устанавливалась обязательная военная подсудность. Кромѣ того было предоставлено Главнокомандующему Кавказской арміею и командующему войсками Одесскаго военнаго округа предавать военному суду гражданскихъ лицъ для наказанія по законамъ военнаго времени за учиненныя въ тѣхъ же мѣстностяхъ слѣдующія преступленія: умышленное убійство, изнасилованіе, разбой, грабежъ и умышленное зажигательство или потопленіе чужого имущества,—но лишь въ томъ случаѣ, когда принятіе такой мѣры будетъ вызываться: 1) или особенно важными обстоятельствами, сопровождавшими преступленіе, 2) или необходимостью охраненія общественнаго порядка и спокойствія. Такимъ образомъ указъ направляетъ усиленную репрессію на такія преступленія, которыя особенно опасны для арміи и цѣлей войны; вредъ, могущій послѣдовать для арміи,—вотъ основаніе, принятое при указаніи видовъ преступленій, влекущихъ для гражданскихъ лицъ военную подсудность, при чемъ вредоносность перечисленныхъ преступленій обусловливается особенностями времени, переживаемаго государствомъ—періода войны. Поэтому, устанавливая факультативную подсудность для лицъ, совершившихъ преступленія, хотя непосредственно и не клонящіяся ко вреду арміи, законодатель все-таки обусловливаетъ примѣненія этой мѣры обстоятельствами, благопріятствующими возникновенію вреда и для арміи. Кромѣ того указъ, предписывая принятіе особыхъ мѣръ для обезпеченія арміи, всѣ изложенныя посягательства характеризуетъ какъ направленныя именно ко вреду государства и арміи и притомъ, упоминая на ряду съ арміею и о государствѣ, онъ изъ всѣхъ преступныхъ дѣяній противъ государственной власти выдѣляетъ лишь бунтъ и государственную измѣну, т. е. такія преступленія, посредствомъ коихъ возможно особенно повредить именно успѣхамъ войны. Оригинальную особенность указа составляетъ изъятіе отъ военной подсудности женщинъ, исключая случаевъ соучастія ихъ съ

мужчинами. Въ такомъ изъятіи выразилось переживаніе старыхъ отмѣненныхъ нормъ, а именно примѣчанія къ п. 2, ст. 739, кн. II-й, ч. V С. В. П. 1859 г. (по 4 продолж.), на основаніи котораго, «лица женскаго пола, прикосновенныя къ преступленіямъ, подлежавшимъ суду по полевымъ военнымъ законамъ, предавались сему суду въ тѣхъ только случаяхъ, когда онѣ обвиняются вмѣстѣ съ лицами мужскаго пола...» Что составители указа руководствовались именно этимъ отмѣненнымъ закономъ, видно еще изъ того, что въ указъ было включено правило, изложенное въ томъ же примѣчаніи, по которому военный судъ при опредѣленіи преступленія и наказанія обязанъ былъ руководствоваться уложеніемъ о наказаніяхъ.

Изложенный указъ, по точному его смыслу, относился лишь къ преступленіямъ, направленнымъ противъ безопасности *сухопутной* арміи, вслѣдствіе чего 9-го мая 1877 г. былъ данъ дополнительный Высочайшій указъ, коимъ перечень преступленій, влекущихъ для гражданскихъ лицъ военную подсудность по указу 28-го апрѣля, былъ дополненъ слѣдующими, направленными противъ безопасности флота: «умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе кораблей, доковъ, морскихъ магазиновъ или иныхъ морскихъ сооруженій, а равно умышленное истребленіе или поврежденіе маяковъ и другихъ предостерегательныхъ знаковъ»[1]).

Начальнымъ моментомъ военной подсудности вслѣдствіе военнаго положенія являлся по указу 28-го апрѣля моментъ обнародованія этого указа, который не совпалъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, съ моментомъ объявленія военнаго положенія въ виду того, что мѣры, объявленныя въ этомъ указѣ, являлись лишь послѣдствіемъ этого особаго ранѣе установленнаго положенія; окончаніе же дѣйствія исключительныхъ мѣръ наступило съ объявленіемъ о прекращеніи военнаго положенія, о чемъ было обнародовано указомъ 28-го іюня 1879 г.[2]), т. е. когда части дѣйствующей арміи уже были приведены или приводились въ мирное состояніе, такъ что начало демобилизаціи войскъ не ока-

---

[1]) Приказъ Генералъ-Адмирала 1877 г. № 63.
[2]) Прик. по воен. вѣд. 1879 г. № 191.

зывало никакого вліянія на дѣйствіе исключительныхъ правилъ относительно гражданскихъ лицъ, пока правительство признавало наличность существованія тѣхъ «военныхъ обстоятельствъ», которыя вызвали примѣненіе этихъ правилъ, равно какъ и приведеніе части въ мобилизаціонное состояніе само по себѣ не обусловливаетъ примѣненія исключительныхъ мѣръ военнаго положенія[1]). Точно также неодновременно послѣдовало и прекращеніе военнаго положенія въ Одесскомъ военномъ округѣ и на Кавказѣ, такъ какъ въ послѣднемъ оно было прекращено распоряженіемъ Кавказскаго Намѣстника 1-го сентября 1878 г., хотя, очевидно, «военныя обстоятельства» прекратили свое существованіе вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны, а если мѣстныя условія вызывали необходимость продленія военнаго положенія, то основаніемъ этого могли быть уже другія обстоятельства, что и подтверждается въ данномъ случаѣ изданными, до прекращенія въ Одесскомъ военномъ округѣ военнаго положенія, указами 9-го августа 1878 г. и 5-го апрѣля 1879 г. Послѣ Турецкой войны были сдѣланы указанія на неудобства отсутствія въ законѣ постоянныхъ правилъ о подсудности военному суду въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи[2]), съ чѣмъ нельзя не согласиться, такъ какъ тѣ пробѣлы, которые могутъ оказаться при данныхъ обстоятельствахъ, возможно всегда пополнить или расширеніемъ полномочій главнокомандующаго или отдѣльнымъ дополнительнымъ указомъ, хотя едва ли при достаточной полнотѣ закона пришлось бы прибѣгать и къ этимъ мѣрамъ.

Аналогичный порядокъ опредѣленія особымъ сепаратнымъ указомъ полномочій военной власти былъ соблюденъ и въ 1880 г. при Текинской экспедиціи Генерала Скобелева. Первоначально Генералу Скобелеву была дана особая подробная инструкція вообще относительно военныхъ дѣйствій въ Закаспійскомъ краѣ, а затѣмъ была Высочайше утверждена 19-го апрѣля 1880 года инструкція по военно-судной части, въ которой опредѣленій о подсудности не содержалось, а устанавливались лишь нѣкото-

---

[1]) См. рѣш. Главн. Воен. Суда 1877 г. № 209 и 1878 г. № 9.

[2]) Ахшарумовъ. О судѣ въ военное время (Журн. гражд. и угол. права 1882 г. № 10 и 1883 г. № 2. Протоколы Юрид. общества).

рыя изъятія изъ правилъ военно-судебнаго устава о дѣйствіи полевыхъ военныхъ судовъ экспедиціоннаго отряда. Вслѣдъ затѣмъ 17-го октября 1880 г. Закаспійскій край былъ объявленъ на военномъ положеніи, при чемъ, примѣнительно къ указу 28-го апрѣля 1877 года, было предписано «лицъ гражданскаго вѣдомства въ упомянутомъ краѣ судить военнымъ судомъ и наказывать по законамъ военнаго времени за бунтъ противъ Верховной власти, государственную измѣну и преступленія, означенныя въ 117, 118, 257 ч. 3 и 270 ст., XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 2-е, и кромѣ того за преступленія, поименованныя въ 279 ст. той же книги и свода, въ особенно важныхъ случаяхъ»; было также сохранено и правило указа 28-го апрѣля относительно женщинъ.

Подобно тому, какъ отдѣльные указы послужили источникомъ при составленіи положенія объ охранѣ 1881 г., такъ и указъ 28-го апрѣля имѣлъ то же значеніе при составленіи правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ на военномъ положеніи 1892 г., къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

2.

Послѣ Турецкой войны 1877—78 гг. многіе изъ военныхъ законовъ подверглись коренной переработкѣ, въ томъ числѣ и «положеніе о полевомъ управленіи войскъ» 1876 года, въ видахъ устраненія, по указаніямъ опыта войны, замѣченныхъ въ немъ недостатковъ[1]). Вновь переработанное положеніе было Высочайше утверждено 26-го февраля 1890 г. Изъ объяснительной записки къ положенію видно, что степень власти главнокомандующаго и командующаго арміями по гражданскому управленію подчиненными имъ мѣстностями, объявленными на военномъ положеніи, должна была быть опредѣлена особыми постановленіями о сихъ мѣстностяхъ, которыя предположено было включить въ положеніе въ видѣ приложенія къ ст. 22. Вслѣдствіе этого въ 1890 году въ главномъ военно-судномъ управленіи приступили къ составленію особыхъ правилъ объ этихъ

[1]) Объясн. записка къ положенію 1890 г. (прик. по воен. вѣд. № 62).

мѣстностяхъ. При выработкѣ проекта правилъ за основной источникъ было принято положеніе объ охранѣ 1881 г., что легко замѣтить при сопоставленіи статей этого послѣдняго съ правилами 18-го іюня 1892 г. о военномъ положеніи. По разсмотрѣніи проекта въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго военно-суднаго управленія Генералъ-Адъютанта князя Имеретинскаго, проектъ этотъ былъ представленъ въ мартѣ 1891 г. въ Государственный Совѣтъ на окончательное обсужденіе.

Постановленія о расширеніи объема военной подсудности въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, заключаются въ статьяхъ 17, 19 (п. 6 и 7) и 20. Первая изъ этихъ статей въ первоначальной своей редакціи (ст. 21 проекта) представляла буквальное повтореніе правилъ о подсудности указа 28-го апрѣля 1877 г., такъ какъ указъ этотъ было признано возможнымъ принять на будущее время за общее правило. Но затѣмъ, при обсужденіи проекта въ комиссіи, однимъ изъ членовъ было указано, что въ составляемомъ проектѣ новаго уголовнаго уложенія случаи истребленія и поврежденія разныхъ средствъ сообщенія развиты полнѣе и опредѣленнѣе, вслѣдствіе чего и были сдѣланы въ текстѣ статьи соотвѣтствующія измѣненія, коими достигалось согласованіе «правилъ» съ будущимъ уголовнымъ кодексомъ, а также и болѣе общая формулировка перечисленныхъ въ статьѣ преступленій. Такимъ образомъ по закону 18-го іюня 1892 г.[1]) въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, не принадлежащія къ арміи лица гражданскаго вѣдомства подлежатъ обязательно военному суду за слѣдующія преступленія: 1) за бунтъ противъ Верховной власти и государственную измѣну; 2) за умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе, или приведеніе въ негодность предметовъ воинскаго снаряженія и вооруженія и вообще всего принадлежащаго къ средствамъ нападенія или защиты, а также запасовъ продовольствія и фуража; 3) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе, въ *районѣ театра войны*, водо-

[1]) Собр. Узак. 1892 г. № 85, ст. 925. Прилож. къ ст. 23 общ. учр. губ. (Св. Зак. т. II 1892 г.).

проводовъ, мостовъ, плотинъ, гатей, шлюзовъ, водоспусковъ, колодцевъ, дорогъ, бродовъ или иныхъ средствъ, назначенныхъ для передвиженія, переправы, судоходства, предупрежденія наводненій, или необходимыхъ для снабженія водою; 4) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе служащихъ *тамъ же* для правительственнаго пользованія: а) телеграфнаго, телефоннаго или иного снаряда, употребляемаго для передачи извѣстій, и б) желѣзнодорожнаго пути, подвижного состава онаго или предостерегательныхъ знаковъ, установленныхъ для безопасности желѣзнодорожнаго движенія или судоходства, и 5) за нападеніе на часового или военный караулъ, вооруженное сопротивленіе военному караулу или чинамъ военной и гражданской полиціи, а равно за убійство часового или чиновъ караула и полиціи (ст. 17). При разсмотрѣніи изложенной статьи, нельзя прежде всего не отмѣтить нѣкоторыхъ редакціонныхъ неточностей: такъ, въ п. 3 и 4 упоминается о совершеніи указанныхъ въ нихъ преступленій лишь «въ раіонѣ театра войны», между тѣмъ, согласно ст. 1 правилъ, на военномъ положеніи могутъ быть объявляемы мѣстности, «входящія въ раіонъ театра военныхъ дѣйствій»; «театръ же войны» и «театръ военныхъ дѣйствій» не одно и тоже: подъ первымъ разумѣется пространство, ограниченное политическими или естественными рубежами, на которомъ находятся и состязаются арміи, имѣющія одинъ и тотъ же предметъ дѣйствій, а подъ театромъ войны — пространство, на которомъ ведется война[1]). Не входя въ анализъ этихъ опредѣленій, нельзя не признать, что введеніе въ ст. 17 указанія на «театръ войны» представляетъ ограниченіе въ ея примѣненіи и во всякомъ случаѣ является излишнимъ, такъ какъ, напр., испорченный мостъ или фуражъ, могутъ и не быть на театрѣ войны, но въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, а въ цѣляхъ обезпеченія успѣха дѣйствій и безопасности арміи представляется совершенно безразличнымъ мѣсто ихъ нахожденія: вредъ для арміи возможенъ какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ. Разсматриваемая оговорка, только въ нѣсколько иной формѣ, была и въ указѣ 28-го апрѣля, а

[1]) Энцикл. воен. и морск. наукъ Г. А. Леера, т. VII, вып. III 1895 г., 453.

именно: «въ мѣстахъ, защищаемыхъ противъ непріятеля, или же въ виду его». Это выраженіе комиссіей, разсматривавшей проектъ, какъ легко растяжимое и неопредѣленное, было исключено, по тому соображенію, что «въ военныхъ интересахъ часто можетъ быть совершенно безразличнымъ, но одинаково важнымъ, истреблены ли запасы военныхъ снарядовъ и проч. вблизи непріятеля, или же въ значительномъ отъ него разстояніи»[1]). Поэтому въ проектѣ военнаго министерства о «театрѣ войны» не упоминалось вовсе и указаніе на него было введено въ текстъ статьи при обсужденіи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ[2]). Очевидно, что разсматриваемый признакъ можетъ вызвать на практикѣ недоразумѣнія не только при примѣненіи матеріальныхъ законовъ, но и при опредѣленіи подсудности. Затѣмъ изъ законодательныхъ работъ не видно, чтобы при составленіи и обсужденіи проекта правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ на военномъ положеніи, былъ принятъ во вниманіе и вышеприведенный указъ 9-го мая 1877 г., коимъ предусматривались особо преступленія противъ безопасности флота, что подтверждается и самымъ содержаніемъ разсматриваемой статьи. Если цѣлью изданія въ законодательномъ порядкѣ особыхъ правилъ (вошедшихъ въ Сводъ Законовъ) о мѣстностяхъ, объявляемыхъ на военномъ положеніи, было устраненіе неудобствъ и предупрежденіе замедленія въ изданіи особыхъ каждый разъ Высочайшихъ указовъ при обстоятельствахъ, не терпящихъ отлагательствъ, то, казалось бы, игнорированіе дополнительнаго указа 9-го мая не должно было имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что опредѣленныя въ этомъ указѣ посягательства лишь съ натяжкой могутъ быть подведены подъ дѣйствіе ст. 17 правилъ. Наконецъ общій недостатокъ ст. 17 заключается въ перечневой системѣ и притомъ исчерпывающей, тогда какъ всякій перечень, сколь бы полонъ онъ не былъ, всегда будетъ заключать въ себѣ извѣстные, обнаруживаемые на практикѣ, пробѣлы. Пробѣлы эти впрочемъ устраняются установленіемъ кромѣ того и факультативной военной подсудности: 1) по отдѣльнымъ дѣ-

[1]) Журналъ засѣданія комиссіи 23-го мая 1890 г. № 1.
[2]) Журналъ соедин. д-товъ 21-го марта 1892 г. № 39.

лам̀ъ о всякихъ преступленіяхъ, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, и 2) по цѣлымъ категоріямъ дѣлъ по преступленіямъ, не предусмотрѣннымъ ст. 17, объ изъятіи которыхъ изъ общей подсудности объявляется во всеобщее свѣдѣніе (п. 6 и 7, ст. 19). При разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ, на основаніи правилъ о военномъ положеніи, военные суды опредѣляютъ наказаніе по 279 ст. воин. устава о нак., за вооруженное сопротивленіе властямъ или нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ (ст. 20).

Наконецъ, отмѣтимъ еще одинъ весьма интересный фактъ изъ исторіи правилъ о военномъ положеніи. При обсужденіи проекта въ департаментахъ Государственнаго Совѣта былъ возбужденъ вопросъ: «не слѣдуетъ ли оговорить въ ст. 21 проекта (ст. 17 дѣйств.), что лица женскаго пола, предаваемыя военному суду за предусмотрѣнныя въ оной дѣянія, не могутъ быть подвергаемы смертной казни?» Вопросъ этотъ несомнѣнно возникъ подъ вліяніемъ указа 28-го апрѣля 1877 года и конечно не могъ быть разрѣшенъ иначе, какъ то изложено въ журналѣ Государственнаго Совѣта: «при ближайшемъ соображеніи сего вопроса», сказано въ журналѣ, «принято было на видъ, что хотя подобная льгота и установлялась неоднократно отдѣльными Высочайшими указами о введеніи военнаго положенія, но цѣлесообразность допущенія ея въ видѣ правила постояннаго представляется сомнительною, такъ какъ мѣра сія облегчала бы непріятелю возможность прибѣгать въ военное время къ услугамъ женщинъ для добыванія необходимыхъ свѣдѣній и исполненія разнаго рода опасныхъ порученій въ раіонѣ военныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе этого, полагая разрѣшить поставленный вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, департаменты замѣтили, что такое рѣшеніе отнюдь не лишаетъ *полевые* суды возможности пользоваться въ отношеніи подсудимыхъ женщинъ правомъ смягченія наказанія на основаніи ст. 1 и 83 воинскаго устава о наказаніяхъ и 134 и 135 уложенія о нак., а главнокомандую-

щаго—права замѣнять осужденнымъ женщинамъ смертную казнь другими уголовными наказаніями, въ силу полномочія, принадлежащаго ему по ст. 55 воинскаго устава»[1]). Такимъ образомъ Государственный Совѣтъ предрѣшилъ на будущее время и вопросъ о подсудности женщинъ военному суду въ тѣхъ же случаяхъ какъ и мужчинъ, такъ какъ, если нельзя привести сколько нибудь вѣскихъ доводовъ противъ строгой наказуемости женщинъ, то тѣмъ болѣе нельзя обосновать изъятіе отъ подсудности военному суду преступленій, подлежащихъ разсмотрѣнію этого суда, только на томъ, что обвиняемыя лица—женщины, и если такое изъятіе было установлено въ дореформенномъ законодательствѣ, то объясняется оно исключительно тѣмъ, что за многія изъ преступленій, предусмотрѣнныхъ военно-уголовными законами, были положены жесточайшія тѣлесныя наказанія, а пространство дѣйствія матеріальныхъ и процессуальныхъ военно-уголовныхъ законовъ совпадали между собой. Однако, въ 1891 г. такое изъятіе женщинъ отъ военной подсудности все-таки было установлено, о чемъ будетъ подробно изложено ниже. Въ литературѣ на возможность изъятія отъ военной подсудности женщинъ въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, указываетъ проф. Шендзиковскій, при чемъ, какъ на мотивъ, сдѣлана ссылка на указъ 28-го апрѣля 1877 г.[2]).

Законъ 18-го іюня 1892 г. указываетъ съ полною точностью и моменты времени, опредѣляющіе дѣйствіе исключительныхъ правилъ: 1) для городовъ и селеній, въ коихъ находятся волостныя и равныя имъ правленія, — со дня объявленія о введеніи военнаго положенія и 2) въ прочихъ мѣстахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи сельской полиціи, со дня, слѣдующаго за днемъ объявленія о введеніи военнаго положенія въ мѣстѣ нахожденія подлежащаго волостного правленія (ст. 6); конечнымъ моментомъ—день объявленія о прекращеніи военнаго положенія (ст 7). Сообразно съ изложенными правилами были измѣнены и соотвѣтствующія статьи Свода Законовъ о подсудности гражданскихъ

---

[1]) Журналъ. 21-го марта 1892 г. № 39, стр. 9.
[2]) О военномъ судѣ въ военное время. 67.

лицъ военному суду[1]), при чемъ такое измѣненіе не только нельзя разсматривать какъ отступленіе отъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебныхъ уставовъ 1864 г., но, наоборотъ, точное опредѣленіе случаевъ подсудности военному суду именно въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, представляетъ собою, несомнѣнно, дальнѣйшее развитіе этихъ началъ.

Намъ остается сказать еще объ *«осадномъ положеніи»* по русскому законодательству. Положеніе объ управленіи крѣпостями 1887 года[2]) установлено точно три состоянія крѣпостей: мирное, военное и осадное, при чемъ, при военномъ положеніи крѣпости жители ея должны быть подчинены общимъ правиламъ 18-го іюня 1892 г., но коменданту не присвоиваются права высшихъ начальствующихъ лицъ, указанныхъ въ этомъ послѣднемъ законѣ. Съ объявленіемъ крѣпости въ осадномъ положеніи, комендантъ ея вступаетъ въ права командира отдѣльнаго корпуса, который пользуется одинаковой властью съ командующимъ арміею[3]). Затѣмъ законъ не устанавливаетъ никакой разницы между предѣлами военной юрисдикціи при военномъ и осадномъ положеніи, опредѣляя главнымъ образомъ лишь правила по оборонѣ крѣпости и отчасти полицейскія[4]). Такимъ образомъ осадное положеніе по нашимъ законамъ имѣетъ совершенно другое, чисто военное, значеніе, чѣмъ въ приведенныхъ выше иностранныхъ законодательствахъ, и не оказываетъ никакого вліянія на объемъ военной подсудности. Въ уголовномъ же уложеніи для финскихъ войскъ указано, что опредѣленія этого уложенія объ уголовной отвѣтственности за преступленія въ военное время примѣняются къ преступленіямъ, совершеннымъ «по постановкѣ части на военную ногу» или же содѣяннымъ въ мѣстностяхъ, которыя объявлены, по Высочайшему повелѣнію, на военномъ положеніи (§ 209), но изъ другихъ постановленій нельзя вывести заключенія, чтобы правило это распространялось и на лицъ гражданскихъ.

---

[1]) Ст. 226 уст. угол. суд. (т. XVI, ч. I. Св. Зак. изд. 1892 г.) и примѣч. къ ст. 12 зак. о суд. по прест. и прост. (т. XVI, ч. II Св. Зак. изд. 1892 г.).

[2]) Кн. III, С. В. П. 1890 г.

[3]) Ст. 758 полож. о полевомъ у-ніи 1890 г.

[4]) Ст. 345 — 360 кн. III С. В. П. 1890 г. Прилож. къ ст. 22 общ. учр. губ. (т. II. Св. Зак. 1892 г.).

II.

Подсудность во время войны.

Измѣненіе объема военной подсудности въ военное время вызывается: во 1-хъ, расширеніемъ военной власти, во 2-хъ, неимѣніемъ другихъ судовъ для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ и въ 3-хъ, необходимостью усиленія репрессіи въ видахъ огражденія интересовъ и безопасности арміи. На этихъ основаніяхъ во всѣхъ законодательствахъ военная подсудность распространяется въ военное время на всѣхъ безъ различія лицъ, находящихся при войскѣ, или такъ называемыхъ «принадлежащихъ къ войску» (assimilées, zugetheilt), военноплѣнныхъ, шпіоновъ и жителей непріятельскихъ областей, занятыхъ арміей.

1.

Всѣ законодательства даютъ болѣе или менѣе подробные перечни лицъ, *принадлежащихъ къ войску*, но какъ-то будетъ изложено ниже, перечни эти въ отношеніи «слѣдующихъ за войскомъ» оказываются лишь примѣрными. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ, очевидно, невозможно перечислить всѣхъ тѣхъ лицъ, въ услугахъ которыхъ, временныхъ или постоянныхъ, нуждается дѣйствующая армія, а также и тѣхъ лицъ, которыя находятся при арміи по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Всѣ эти лица, въ общемъ правилѣ не подсудныя военному суду, могутъ быть охвачены однимъ общимъ признакомъ фактическаго нахожденія при арміи съ разрѣшенія военной власти. Признакъ этотъ ясно выраженъ въ кодексахъ французскомъ[1]), германскомъ[2]) и баварскомъ[3]), по которымъ всѣ слѣдующія или состоящія при войскахъ лица (les individus á la suite de l'armée; alle Personen, welche sich bei dem kriegführenden Heere aufhalten oder ihm folgen) подсудны за всѣ престу-

[1]) Art. 62.
[2]) § 155.
[3]) Art. 6.

пленія военному суду; то же правило содержится и въ австрійскомъ законѣ 1869 г.[1]), который опредѣляетъ этихъ лицъ словомъ «Gefolge», а нашъ военно-судебный уставъ «слѣдующими за войскомъ»[2]). Французскій и русскій кодексы дѣлаютъ указаніе на наличность разрѣшенія (en vertu de permissions[3]) слѣдовать за арміей, но всѣ остальные кодексы объ этомъ условіи умалчиваютъ. Обращаясь къ нашему законодательству, мы находимъ, что на основаніи положенія о полевомъ управленіи войскъ всѣ лица, не входящія въ составъ арміи, но слѣдующія за ней, обязаны имѣть билеты и свидѣтельства отъ соотвѣтствующихъ комендантовъ, на обязанности которыхъ лежитъ и веденіе именныхъ списковъ этихъ лицъ (ст. 286 и 820), или отъ начальниковъ этаповъ (609 ст.), или транспортовъ (698 ст.) арміи, высшее же завѣдываніе этими лицами принадлежитъ дежурному генералу арміи (246 ст.) и начальнику военныхъ сообщеній арміи (308 ст.); такое же подчиненіе полевому управленію слѣдующихъ за войскомъ лицъ установлено какъ въ Германіи, такъ и Австріи. Изложенное показываетъ, что за арміею не могутъ слѣдовать частныя лица, не получивъ на то надлежащаго разрѣшенія, что установлено, несомнѣнно, въ видахъ огражденія безопасности арміи и является простою полицейскою мѣрою. Поэтому, собственно для опредѣленія военной подсудности слѣдующихъ за войскомъ частныхъ лицъ, неимѣніе по какой либо причинѣ подобнаго разрѣшенія является несущественнымъ, если тѣмъ или другимъ способомъ будетъ констатировано фактическое нахожденіе этого лица при войскахъ. Что касается моментовъ, опредѣляющихъ военную подсудность находящихся при войскѣ лицъ, то началомъ таковой слѣдуетъ считать моментъ вступленія частей арміи въ раіонъ военныхъ дѣйствій, т. е. когда начинается дѣйствіе особыхъ процессуальныхъ правилъ военнаго времени, а конечнымъ—оставленіе арміи. Подробный перечень лицъ, слѣдующихъ за войскомъ, даютъ лишь французскій и русскій кодексы; при этомъ необходимо замѣтить,

---

[1]) § 3.
[2]) Ст. 1323.
[3]) Art. 62 и ст. 1323.

что для русскаго законодательства въ этомъ отношеніи послужилъ образцомъ французскій законъ 13-го брюмера V года[1]), но только отчасти, такъ какъ еще въ 1782 году былъ изданъ указъ, въ которомъ опредѣлялась власть кригсрехта, и въ числѣ подлежащихъ вѣдѣнію этого суда лицъ, на основаніи «краткаго изображенія процессовъ», указаны «прочіе къ войску надлежащіе люди, между которыми офицерскіе служители, харчевники и прочіе, кромѣ женъ и младенцевъ, разумѣются»[2]). Первое полное перечисленіе слѣдующихъ за войскомъ лицъ у насъ было дано въ полевомъ уголовномъ уложеніи 1812 г., откуда перечень этотъ перешелъ въ военно-уголовный уставъ и въ изданіи его 1859 г. составлялъ содержаніе 740 ст. Этимъ перечнемъ, нѣсколько измѣнивъ его, воспользовались и составители военно-судебнаго устава 1867 г.[3]). Какъ въ военно-судебномъ уставѣ (ст. 1323), такъ и французскомъ кодексѣ (art. 62) перечни имѣютъ примѣрный характеръ, заканчиваясь въ первомъ словами «и проч.», а во второмъ «et autres individus», названы же въ перечняхъ тѣ лица, которыя, такъ сказать, составляютъ непремѣнную принадлежность дѣйствующей арміи: маркитанты, поставщики, торговцы, извозчики и т. п. Французскій кодексъ говоритъ какъ о лицахъ мужскаго пола, такъ и о женщинахъ. Въ немъ упомянуты, между прочимъ, «blanchiseurs», т. е. лица мужскаго пола, занимающіяся стиркою бѣлья, что подало французскимъ комментаторамъ поводъ къ сомнѣнію относительно подсудности военному суду и прачекъ[4]). Останавливаясь на этомъ обстоятельствѣ, проф. Шендзиковскій указываетъ на ту же неясность[5]) и въ нашемъ уставѣ, который не упоминаетъ вовсе о женщинахъ, и приходитъ къ тому выводу, что въ законѣ перечисленіе лицъ, слѣдующихъ за войскомъ и подсудныхъ потому военному суду, необходимо дополнить словами «какъ мужскаго, такъ и женскаго пола (послѣднихъ лишь во время нахожденія арміи за границей, хотя бы въ странѣ союзной)». Од-

[1]) Шендзиковскій. О судѣ въ военное время, 33.
[2]) I-е Полн. Собр. Зак. 15610.
[3]) Сборн. зак. раб., 453.
[4]) Шендзиковскій. О судѣ въ военное время, 18.
[5]) Тамъ же, 67.

нако, въ виду приведенныхъ выше соображеній по поводу изъятія отъ военной подсудности женщинъ, намъ кажется, что для такого изъятія нельзя привести никакого сколько нибудь вѣскаго аргумента, вытекающаго изъ дѣйствующаго законодательства или требованій теоріи и практики. Вопросъ, который дѣйствительно подлежитъ разрѣшенію, относится къ области права матеріальнаго: какому наказанію подвергать слѣдующихъ за войскомъ лицъ, при чемъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ установленіи различныхъ наказаній для мужчинъ и женщинъ. Наконецъ и самая необходимость этихъ перечней въ законѣ является по меньшей мѣрѣ сомнительною и установленіе, по образцу германскаго и австрійскаго законодательствъ, краткаго термина, охватывающаго всѣхъ этихъ лицъ, было бы болѣе практичнымъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что особенность перечня нашего военно-судебнаго устава составляетъ указаніе и на *корреспондентовъ*, включенное въ законъ лишь съ 1885 года, хотя при обсужденіи вопроса о лицахъ, подлежащихъ военному суду въ военное время, и комиссія устава 1867 г. имѣла въ виду, между прочимъ, «составителей газетныхъ статей»[1]). Въ другихъ же кодексахъ о корреспондентахъ не упоминается, несомнѣнно въ виду того, что они подходятъ вполнѣ подъ общее опредѣленіе.

2.

Германскій кодексъ[2]), а на основаніи его баварскій[3]), а также и австрійскій[4]) подчиняютъ военной подсудности всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя находятся при дѣйствующихъ войскахъ по службѣ или контракту (Dienst-oder-Vertragsverhältnisse); то же правило содержится въ кодексѣ французскомъ[5]) и нашемъ военно-судебномъ уставѣ, при чемъ въ послѣднемъ распространеніе военной подсудности на этихъ лицъ выражено такъ: «чиновники какъ военнаго, такъ и прочихъ вѣдомствъ и другія лица,

[1]) Сборн. зак. раб., 75.
[2]) § 155.
[3]) Art. 6.
[4]) § 382.
[5]) Art. 62.

состоящія на службѣ отъ правительства по разнымъ частямъ военнаго управленія и при военныхъ начальникахъ» считаются принадлежащими къ войску [1]). Равнымъ образомъ и всѣ служащіе по вольному найму, какъ при военныхъ управленіяхъ, такъ и вообще при лицахъ, входящихъ въ составъ арміи или находящихся при ней (employes à quelque titre que ce soit), подлежатъ военной юрисдикціи.

Наиболѣе краткія постановленія о всѣхъ упомянутыхъ лицахъ заключаются въ уложеніи для финскихъ войскъ, въ коемъ сказано, «что всякій, кто сопровождаетъ отрядъ финскихъ войскъ или находится при ономъ, также подлежитъ взысканіямъ, опредѣленнымъ въ семъ уложеніи за преступленія, совершенныя во время войны» (§ 4); кромѣ того военная юрисдикція распространена во время войны на всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства (§ 3). При этомъ надо замѣтить, что въ военное время, по финскому уложенію, военной подсудности подчиняются и всѣ общія преступленія (§ 151), за исключеніемъ прелюбодѣянія и вообще всѣхъ дѣлъ, отнесенныхъ закономъ къ вѣдѣнію духовной консисторіи.

3.

Всѣ вышеизложенныя постановленія являются общими для всѣхъ разсматриваемыхъ кодексовъ, и намъ остается остановиться на одной особенности германскаго и русскаго кодексовъ, отдѣльно упоминающихъ объ *иностранныхъ офицерахъ*. Еще прусскій военно-судебный кодексъ 1845 г. установилъ военную подсудность въ военное время допущенныхъ къ пребыванію при войскѣ иностранныхъ офицеровъ (zugelassenen fremden Officiere) и сопровождающихъ ихъ лицъ (Gefolge). Иностранные офицеры могутъ находиться при войскѣ, между прочимъ, въ качествѣ представителей нейтральныхъ государствъ, военными агентами, и могутъ имѣть или политическія порученія, или спеціально военныя: слѣдить за военными операціями исключительно съ научными цѣлями [2]). Военные агенты пользуются вообще одинаковыми

[1]) Ст. 1323.
[2]) Мартенсъ. Восточная война. 576.

съ прочими дипломатическими агентами правами, если входятъ въ составъ посольства или лично аккредитованы при иностранномъ дворѣ[1]). Такимъ образомъ право экстерриторіальности принадлежитъ военнымъ агентамъ въ зависимости отъ только что приведенныхъ условій, и во всякомъ случаѣ они пользуются всѣми правами нейтральныхъ, если только не выходятъ за предѣлы своей спеціальной миссіи, какъ некомбатанты. Германскій уголовный кодексъ 1872 г. внесъ въ вышеприведенное правило поправку, указавъ, что иностранные офицеры лишь въ томъ случаѣ подлежатъ дѣйствію нѣмецкихъ военныхъ законовъ наравнѣ съ нѣмецкими офицерами, если относительно ихъ не послѣдуетъ особаго со стороны императора повелѣнія (§ 157). Правило это было цѣликомъ перенесено и въ раздѣлъ IV изданія 1885 г. нашего военно-судебнаго устава. Что касается свиты (Gefolge) иностранныхъ офицеровъ, въ какомъ бы качествѣ эти послѣдніе не являлись, то она подчиняется общимъ правиламъ, установленнымъ для слѣдующихъ за войсками лицъ, но при этомъ надо замѣтить, что подъ свитой въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть только прислугу. Однако и въ исправленной редакціи правило о подсудности иностранныхъ офицеровъ, находящихся при арміи, казалось бы, можетъ быть примѣняемо лишь при условіи поставленія о семъ въ извѣстность иностраннаго государства, къ коему принадлежитъ офицеръ, по крайней мѣрѣ изъ мотивовъ къ германскому военно-уголовному кодексу видно, что допущеніе иностраннаго офицера въ армію воюющаго можетъ послѣдовать не иначе, какъ по соглашенію правительствъ[2]). На основаніи изложеннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) правило о военной подсудности иностранныхъ офицеровъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространяемо на военныхъ агентовъ, или вообще офицеровъ, имѣющихъ дипломатическое порученіе: къ нимъ должны быть примѣняемы общія начала международнаго права и 2) всѣ прочіе иностранные офицеры, находящіеся при арміи, въ общемъ правилѣ, подчинены по закону военной подсудности, если не будутъ отъ таковой изъяты по особому Высочайшему повелѣнію.

---

[1]) Мартенсъ. Междунар. право. II, 14. Квачевскій. Объ угол. преслѣд. I, 236.
[2]) Marck. II, 85.

4.

Военный плѣнъ во всѣхъ законодательствахъ служитъ основаніемъ для установленія военной подсудности. Нашъ военно-судебный уставъ[1]), кодексы германскій[2]), баварскій[3]), французскій[4]) и финскій[5]), а также австрійскій законъ 20-го мая 1869 г.[6]), подчиняютъ военноплѣнныхъ военной юрисдикціи, но объемъ такого подчиненія не одинаковъ въ различныхъ кодексахъ. Вопросъ о томъ, кто можетъ быть военноплѣннымъ, разрѣшается по началамъ международнаго права и хотя въ его литературѣ существуетъ нѣкоторое разногласіе мнѣній относительно лицъ, не подлежащихъ плѣну, но во всякомъ случаѣ ему не подлежатъ лица, пользующіяся правомъ нейтральности на основаніи Женевской конвенціи $\frac{10\text{-го}}{22\text{-го}}$ августа 1864 г. Вопросъ о признаніи захваченнаго лица военноплѣннымъ разрѣшается военнымъ начальствомъ арміи, его захватившей, и не подлежитъ обсужденію суда, который опредѣляетъ подсудность на основаніи фактическаго положенія захваченнаго.

Составители военно-судебнаго устава 1867 г. высказались при самомъ началѣ своихъ работъ за ограниченіе военной подсудности плѣнныхъ, находя, что таковая «можетъ быть оправдана только исключительнымъ положеніемъ ихъ и состояніемъ въ непосредственномъ вѣдѣніи военнаго или морского начальства, но съ тѣхъ поръ, какъ они передаются въ вѣдѣніе гражданскаго начальства, подчиненіе ихъ спеціальному военному суду уже не представляется необходимымъ»[7]). На этомъ основаніи и было постановлено нынѣ дѣйствующее правило о подсудности военному суду плѣнныхъ лишь за преступленія и проступки, совершенные до обращенія ихъ въ вѣдомство гражданскаго начальства. Слѣдовательно, наше процессуальное законодатель-

---

[1]) Ст. 251 и соотв. уст. угол. суд. ст. 227; ст. 243 В.-М. С. У.
[2]) § 158.
[3]) Art. 6.
[4]) Art. 56.
[5]) § 4.
[6]) Пунктъ 4, § 1.
[7]) Сборн. зак. раб. 12.

ство видитъ основаніе для разграниченія военной и общей подсудности плѣнныхъ вовсе не въ свойствѣ обвиняемыхъ и угрожающей съ ихъ стороны опасности для правопорядка, а лишь въ чисто внѣшнемъ признакѣ подвѣдомственности военной или гражданской власти, этотъ послѣдній признакъ принятъ всѣми военно-процессуальными кодексами, кромѣ французскаго и германскаго; такъ, баварскій кодексъ говоритъ о военнопленныхъ, которые находятся въ вѣдѣніи баварскихъ войскъ или военныхъ учрежденій, финское уложеніе распространяетъ на нихъ военную подсудность, «пока они содержатся подъ стражей финскаго отряда», а въ австрійскомъ законѣ 20-го мая 1869 г., хотя и не содержится по этому поводу какого либо ограниченія, но въ сборникѣ военно-процессуальныхъ правилъ 1884 г. говорится о военнопленныхъ, которые находятся при арміи[1]).

Цѣль подчиненія военнопленныхъ военной юрисдикціи, по мотивамъ германскаго кодекса, заключается въ огражденіи государства и его народонаселенія отъ той опасности, которая можетъ произойти вслѣдствіе нарушенія со стороны плѣнныхъ порядка и дисциплины[2]). Этотъ мотивъ является господствующимъ какъ въ наукѣ, такъ и въ современной международной практикѣ. На основаніи проекта Брюссельской декларацiи 1874 г., военнопленные подчиняются законамъ и постановленіямъ дѣйствующимъ въ арміи, во власти коей они находятся (ст. 28). Правило это въ полномъ объемѣ примѣнялось во время сѣверо-американской войны 1861—1865 гг., датской 1864 г., австро-прусской 1866 г. и франко-прусской 1870—1871 гг.[3]). Примѣненіе той же мѣры у насъ въ турецкую войну 1877—1878 гг. особенно защищаетъ профессоръ Ф. Мартенсъ, находя, что временное положеніе 2-го іюля 1877 г. о военнопленныхъ, установивъ военную подсудность для плѣнныхъ турокъ (§ 59), не могло цѣлесообразнѣе и удачнѣе разрѣшить эту задачу, такъ какъ если германское и французское правительства усматривали въ подчиненіи плѣнныхъ военнымъ властямъ и судамъ необходимую гарантію для охраненія внутренней безопасности страны,

[1]) § 382.
[2]) Marck. II. 86.
[3]) Мартенсъ. Восточная война. 279.

то тѣмъ болѣе была необходима такая мѣра для турецкихъ башибузуковъ и черкесовъ[1]). Однако, первоначально было предположено подчинить плѣнныхъ турокъ гражданскимъ властямъ, при чемъ составители проекта положенія исходили изъ того соображенія, что войска, какъ боевая сила, не должны быть, безъ крайней необходимости, призываемы къ такого рода занятіямъ, которыя съ равнымъ успѣхомъ могутъ быть выполнены и невоенными; въ виду этого проектъ и устанавливалъ вполнѣ согласное съ дѣйствующимъ законодательствомъ правило (ст. 227 уст. угол. суд.), что съ водвореніемъ въ мѣстахъ, назначенныхъ для пребыванія внутри Имперіи, плѣнные подчиняются гражданской власти, а слѣдовательно и судятся въ общеуголовныхъ судахъ[2]). Наше дореформенное законодательство подчиняло военнопленныхъ, въ общемъ правилѣ, военному суду, дѣлая исключеніе для мѣстностей, въ которыхъ послѣднихъ не имѣется и гдѣ они судились судомъ гражданскимъ[3]); это правило примѣнялось и до кодификаціи нашего военнаго законодательства въ кампаніяхъ 1806, 1813 и 1829 гг.[4]).

Такимъ образомъ международный обычай и практика нѣсколько расходятся по вопросу о подсудности военнопленныхъ, а изъ числа военныхъ процессуалистовъ особенно стоятъ за подсудность ихъ военному суду въ полномъ объемѣ нѣмецкіе (Дангельмайеръ[5]), Маркъ[6]), наоборотъ профессоръ Эйхельманъ не видитъ къ тому никакихъ основаній и полагаетъ, что взявшее въ плѣнъ (Nehmestaat) государство, изъ уваженія къ своимъ законамъ, обязано находящихся въ его власти плѣнныхъ подчинять дѣйствію общихъ законовъ, такъ какъ, говоритъ онъ, всякій болѣе строгій процессъ былъ бы наказаніемъ собственно за состояніе въ плѣну[7]). Дангельмайеръ[8]), возражая Эйхельману, приводитъ изложенный выше мотивъ, указывая на опасность, которая угро-

---

[1]) Тамъ же. 278—279.
[2]) Тамъ же. 276.
[3]) Воен. угол. уставъ 1859 г. ст. 5 (п. 26).
[4]) Eichelmann. Uber die Kriegsgefangenschaft. 163.
[5]) Abhandlungen. 225.
[6]) Der Militär-Prozess. II, 86.
[7]) Eichelmann. Ueber die Kriegsgefangenschaft. 163.
[8]) Abh. 225.

жаетъ со стороны массы военноплѣнныхъ арміи и государству. Если даже и можно признать мотивъ этотъ убѣдительнымъ, то именно только относительно «массы» и относительно плѣнныхъ комбатантовъ. Но спрашивается, гдѣ основаніе для подчиненія военному суду, напр. корреспондента, водвореннаго внутри государства, вдали не только отъ театра войны, но и внѣ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи? Не говоря уже о вопросѣ, обсуждавшемся на Брюссельской конференціи, по поводу правильности захвата въ плѣнъ некомбатантовъ, нельзя не согласиться съ проф. Эйхельманомъ, что не только плѣнный некомбатантъ, но и комбатантъ долженъ быть разсматриваемъ, во время пребыванія на территоріи захватившаго его государства, какъ всякій иностранецъ, а военные законы могутъ быть примѣняемы лишь къ военнымъ, поскольку это необходимо для поддержанія между ними дисциплины и порядка. Не разрѣшая окончательно указаннаго вопроса, мы отмѣтимъ, однако, тотъ безспорный, по нашему мнѣнію, выводъ, что хотя некомбатантъ и подлежитъ плѣну, но въ отношеніи юрисдикціи онъ долженъ быть сравненъ вообще съ гражданскими лицами.

Изъ преступленій, за которыя подлежатъ военному суду плѣнные, обыкновенно выдѣляютъ особенно опасныя, подчиняя ихъ законамъ военнаго времени, хотя бы совершеніе ихъ имѣло мѣсто въ такой части государства, которая находится на мирномъ положеніи, что между прочимъ было установлено Высочайшимъ повелѣніемъ 10-го сентября 1877 г.[1]), изданнымъ въ развитіе временнаго положенія 2-го іюля. Нарушенія чинопочитанія и подчиненности и вообще всѣ преступленія противъ воинскаго порядка подлежатъ, по установившейся практикѣ, военному суду, но безусловно исключается побѣгъ[2]). Юрисдикція захватившаго государства распространяется не только на преступленія, совершенныя во время состоянія въ плѣну, но и на ранѣе того учиненныя общія преступленія, наказуемыя по законамъ взявшаго государства, и притомъ не только направленныя противъ сего послѣдняго, но и противъ того, къ подданству кото-

[1]) Приказъ по воен. вѣд. 1877 г. № 360.

[2]) Временное положеніе, § 61. Инст. Либера, § 77. Проектъ Брюссельск. декларація, ст. 28. Блюнчли. Кодексъ, §§ 609 и 611.

раго принадлежитъ плѣнный, такъ какъ военный плѣнъ не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію лица отъ законной отвѣтственности за преступленія и проступки, совершенные имъ до плѣна, если онъ не былъ за нихъ наказанъ по отечественнымъ законамъ[1]); но, разумѣется, преступленія воинскія и политическія не подлежатъ во второмъ случаѣ уголовному преслѣдованію. Профессоръ Ф. Мартенсъ между прочимъ касается вопроса о наказуемости захваченныхъ въ плѣнъ за нарушенія съ ихъ стороны законовъ и обычаевъ войны, находя, что пойманный впиновный долженъ разсматриваться не какъ военноплѣнный, но какъ преступникъ, подлежащій военно-уголовному суду. Такъ, онъ считалъ положительно необходимымъ поступить съ баши-бузуками за ихъ звѣрства, а также и съ Османъ-пашею за оставленіе больныхъ и раненыхъ въ Плевнѣ безъ всякаго ухода, несмотря на предложенныя безвозмездныя услуги англійскихъ докторовъ[2]). Конечно, нельзя не отнестися съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли почтеннаго профессора, но нельзя также не замѣтить, что можно преслѣдовать лишь за такія нарушенія обычаевъ войны, которыя сами по себѣ составляютъ уголовнонаказуемое дѣяніе. Однако вопросъ объ отвѣтственности за нарушенія международныхъ обычаевъ въ настоящее время уже является поставленнымъ на очередь[3]).

Къ числу лицъ, приравниваемыхъ къ военноплѣннымъ, швейцарскій кодексъ 1889 г. относитъ *интернированныхъ*, т. е. воюющихъ, перешедшихъ не случайно на нейтральную территорію[4]), а австрійскій законъ 1869 г. и *заложниковъ* (Geiszeln); какъ тѣ, такъ и другіе, по своему положенію, дѣйствительно близко подходятъ къ плѣннымъ[5]). Другіе кодексы вовсе не упоминаютъ объ этихъ лицахъ: о первыхъ въ виду крайней рѣдкости случаевъ интернаціи, а о вторыхъ, вслѣдствіе оставленія обычая

---

[1]) Піуновскій. Вопр. 43. Блюнчли. Кодексъ, § 602. Инстр. Либера, § 59. Оту. 462.

[2]) Мартенсъ. Восточная война. 488—490.

[3]) См. Проектъ Р. Клэна о военной контрабандѣ въ статьѣ Лейтенанта Овчинникова (Морск. Сборникъ 1895 г. №№ 11 и 12). а также предположенія объ установленіи уголовной отвѣтственности за нарушенія Женевской конвенціи въ Сборникѣ правовѣдѣнія, т. VI.

[4]) Шендзиковскій. О судѣ въ военное время. 73.

[5]) Мартенсъ. Международ. право. II, 559. Брюссельск. деклар., ст. 53. Блюнчли. Кодексъ, §§ 769 и 770.

брать заложниковъ при войнѣ между цивилизованными народами, такъ что Зольмсъ въ своихъ коммептаріяхъ къ германскому кодексу даже поясняетъ, что § 158 не имѣетъ отношенія къ заложникамъ, но нельзя при этомъ не упомянуть, что новѣйшее примѣненіе, и притомъ весьма сомнительное, заложническаго права было сдѣлано именно нѣмцами, во время войны 1870—71 гг., для обезпеченія безопасности желѣзнодорожнаго движенія[1]). О заложникахъ упоминаетъ затѣмъ Либеръ въ своихъ полевыхъ инструкціяхъ (§§ 54 и 55), приравнивая ихъ къ военноплѣннымъ, но при этомъ оговаривается, что они «рѣдко встрѣчаются въ нашъ вѣкъ». Въ отношеніи этихъ лицъ надо замѣтить, что, если для военной подсудности интернированныхъ и могутъ быть еще какія-нибудь основанія (опасность со стороны массъ), то подчиненіе военной юрисдикціи заложниковъ—если только цивилизованныя государства будутъ примѣнять впослѣдствіи заложничество—прямо не имѣетъ смысла, кромѣ случаевъ нахожденія ихъ при взявшей арміи.

5.

Военная подсудность, по издавна установившемуся обычаю распространяется на *шпіоновъ*. Однако, ни одинъ изъ военно-процессуальныхъ уголовныхъ кодексовъ о нихъ не упоминаетъ, тогда какъ въ матеріальныхъ военно-уголовныхъ законахъ о шпіонахъ говорится, какъ объ особенно важныхъ преступникахъ. Шпіонство такъ же старо, какъ война, и въ недавнее еще время со шпіонами расправлялись въ суммарномъ порядкѣ и даже безъ суда, или какъ характерно опредѣлялъ воинскій артикулъ «безъ процесу». Международное право стремясь смягчить суровость обычаевъ войны, приняло подъ свое покровительство и шпіоновъ, опредѣлило понятіе шпіонства и оградило лицъ, подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ, отъ безсудной расправы. Международное право, говоря о шпіонѣ, имѣетъ въ виду извѣстную профессію, эксплуатируемую во время войны въ широкихъ размѣрахъ, уголовное же право имѣетъ въ виду преступленіе противъ безопасности государства и арміи и въ

[1]) Блюнчли. стр. 366.

опредѣленія существенныхъ признаковъ состава этого преступленія руководствуется правилами, установленными международнымъ обычаемъ. Поэтому въ международныхъ постановленіяхъ, инструкціяхъ войскамъ дѣйствующихъ армій и т. п. о шпіонахъ говорится для руководства военнымъ начальникамъ, дабы точнымъ опредѣленіемъ понятія оградить другихъ лицъ, смѣшиваемыхъ со шпіонами. Военный обычай подвергаетъ шпіона смертной казни, и суровый Либеръ въ своихъ инструкціяхъ прямо предписываетъ вѣшать шпіона за шею, «все равно, удалось ему получить свѣдѣнія и сообщить ихъ непріятелю или нѣтъ» (§ 88). Проектъ Брюссельской декларації стремится смягчить эту суровость и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить пойманному шпіону гарантіи судебнаго разбирательства, поэтому ст. 20-ою декларації и опредѣляется, что шпіонъ «подлежитъ преданію суду и взысканію на основаніи законовъ, дѣйствующихъ въ арміи, взявшей его», но декларація имѣла въ виду не процессуальное опредѣленіе, а правило международное, смягчающее укоренившійся военный обычай относительно шпіоновъ. Такого же возврѣнія держится и проф. Ф. Мартенсъ[1]).

Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что въ законахъ о подсудности вовсе и нѣтъ надобности упоминать о шпіонахъ, а слѣдуетъ лишь указать, что лица, неподсудныя военному суду въ общемъ правилѣ, *подлежатъ* этому суду за *шпіонство*, подобно тому, какъ устанавливается военная подсудность за убійство, разбой и т. п. Такъ именно поступаетъ австрійскій законъ 20-го мая 1869 г., устанавливая военную подсудность для гражданскихъ лицъ за шпіонство и другія сношенія съ непріятелемъ въ военное время (§ 7). Но опредѣленіе шпіонства, какъ преступленія, должно быть сдѣлано не въ процессуальномъ кодексѣ, а въ законахъ матеріальныхъ. Вотъ единственное, какъ намъ кажется, объясненіе отсутствія въ законахъ о военной подсудности указанія на шпіоновъ. Однако нельзя не замѣтить, что полевое уголовное уложеніе 1812 г., а за нимъ военно-уголовный уставъ (ст. 739 по изд. 1859 г.), перечисляя лицъ, подсудныхъ военному суду, упоминаетъ и о шпіонахъ, но въ томъ же

[1]) Мартенсъ. Восточная война, 462.

уставѣ можно встрѣтить подобныя опредѣленія подсудности гражданскихъ лицъ военному суду, по субъекту преступленія, и въ другихъ случаяхъ, напр. «грабители почтъ» (п. 39, ст. 6), «зажигатели» (п. 25, ст. 6) и т. п. Это былъ своеобразный способъ редакціи, слѣдовать которому въ настоящее время едва ли есть основаніе.

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ о *непріятельскихъ* шпіонахъ, такъ какъ относительно ихъ могутъ возникать недоразумѣнія. Слово «непріятельскій» показываетъ на непринадлежность шпіона къ подданнымъ государства, его захватившаго,— и только; а такъ какъ на характеръ дѣятельности шпіона не можетъ оказывать никакого вліянія свойство его личности, то съ точки зрѣнія уголовнаго права представляется совершенно безразличнымъ, кто именно вредилъ арміи, собственный ли подданный или иностранецъ; поэтому-то всѣ новѣйшіе кодексы перенесли центръ тяжести состава преступленія на вредоносность шпіонской услуги, оставивъ въ сторонѣ нравственныя побужденія дѣятеля; этой точки зрѣнія держится и проектъ нашего уложенія[1]). Однако международное право нѣсколько смягчаетъ такую суровость, различая шпіона «своего» отъ «непріятельскаго»; поэтому для послѣдняго устанавливается особое условіе отвѣтственности, а именно проектъ Брюссельской декларации опредѣляетъ, что «шпіонъ, вернувшійся къ своей арміи (qui rejoint l'armée) и впослѣдствіи захваченный непріятелемъ, обращается въ военноплѣннаго и не подлежитъ никакой отвѣтственности за свой прежній проступокъ» (ст. 21); это ограниченіе имѣется и въ инструкціяхъ Либера (§ 104), и въ кодексѣ, составленномъ Блюнчли (§ 633), а также введено въ «законы войны», собранные Піуновскимъ (вопр. 80). Но, очевидно, это правило не можетъ быть распространяемо на шпіоновъ изъ подданныхъ государства той арміи, которая его захватила. Шпіономъ не можетъ быть признаваемъ комбатантъ, имѣющій всѣ признаки законнаго врага[2]), хотя бы и дѣйствующій скрытно. Но комбатантъ,

[1]) Объяснит. записка, т. II, 52.

[2]) Мартенсъ. Международное право, II, 492. Блюнчли. Кодексъ, § 570. Инстр. Либера, § 81. Перельсъ. Морское международное право, ч. II, 30. Проектъ Брюссельской декларации, ст. 9 и 22. Проектъ особенной части воин. устава о наказ. Сенатора Каптера, статья 639 (Сборникъ закон. раб. по воин. уставу о наказ. 1869 г., стр. 536).

переодѣтый въ мѣстный костюмъ или мундиръ непріятельской арміи, производящій развѣдку, разсматривается какъ шпіонъ. Однако, несмотря на общепризнанность этого воззрѣнія въ литературѣ международнаго права, нѣкоторые военные писатели указываютъ на необходимость различать отъ шпіоновъ лицъ, хотя и занимающихся тѣмъ же шпіонствомъ, но принадлежащихъ къ составу арміи. Такъ профессоръ Сенъ-Спрской школы Шилли находитъ справедливымъ отличать послѣднихъ отъ первыхъ и называть этихъ особо подготовленныхъ военныхъ шпіоновъ *эмиссарами* (émissères), такъ какъ они дѣйствуютъ не изъ корысти[1]). Профессоръ Шендзиковскій оспариваетъ правильность такого названія, но вполнѣ раздѣляетъ самое мнѣніе профессора Шилли и, называя упомянутыхъ лицъ, въ отличіе отъ шпіоновъ, *лазутчиками*, находитъ необходимымъ особо указать въ военно-судебномъ уставѣ на подсудность ихъ военному суду[2]). Обращаясь къ разсмотрѣнію этого предложенія, мы остановимся прежде всего на терминахъ, опредѣляющихъ этихъ лицъ. Вполнѣ соглашаясь съ профессоромъ Шендзиковскимъ, что слово «эмиссаръ» ничего общаго не имѣетъ со словомъ «шпіонъ», мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что слово «лазутчикъ» есть не что иное, какъ русское опредѣленіе «шпіона». Различаются оба слова только въ своей этимологіи: слово «шпіонъ» опредѣляетъ понятіе по одному его признаку (отъ латинск. speculari — выѣдывать, отсюда speculator), русское же «лазутчикъ»—по другому признаку (отъ лазать[3]), но какъ то, такъ и другое слово всегда выражало одно и то же понятіе[4]). Затѣмъ выше уже было изложено, что составъ шпіонства, какъ преступленія, не зависитъ отъ качествъ субъекта, равнымъ образомъ безразлично и то, какія побужденія руководили шпіономъ или лазутчикомъ: патріотизмъ, корысть, вражда и т. п. Такое воззрѣніе существуетъ въ наукѣ международнаго права[5]), его же держатся и составители проекта уголовнаго уложенія[6]); кромѣ того вообще пере-

---

[1]) Numa Chilly. L'espionnage, 121.
[2]) Шендзиковскій. О судѣ въ военное время, 74—75.
[3]) Даль. Словарь, II, 238.
[4]) Тамъ же. IV, 663.
[5]) Блюнчли. 375.
[6]) Объяснит. записка, т. II, 60.

одѣваніе, въ цѣляхъ достиженія бо́льшаго успѣха, принадлежитъ къ числу запрещенныхъ международнымъ обычаемъ средствъ, а Либеръ прямо приравниваетъ переодѣтыхъ солдатъ (въ непріятельскіе мундиры или партикулярное платье), посланныхъ для собиранія свѣдѣній о непріятелѣ, къ шпіонамъ (§ 83) и, какъ намъ кажется, поступаетъ вполнѣ правильно, такъ какъ комбатантъ, нарушающій правила войны, не можетъ разсчитывать и на международную охрану. Поэтому шпіоны изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу войскъ, ничѣмъ не отличаются, съ точки зрѣнія международнаго и уголовнаго права, отъ каждаго другого шпіона, наравнѣ съ которыми и подлежатъ преслѣдованію съ соблюденіемъ вышеприведенныхъ правилъ. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ мы полагаемъ, что отсутствіе указаній въ процессуальныхъ кодексахъ на подсудность военному суду шпіоновъ вообще и «непріятельскихъ шпіоновъ» въ частности не составляетъ пробѣла, а наоборотъ представляется совершенно правильнымъ, и подсудность эта должна быть опредѣляема въ зависимости отъ мѣста и времени совершенія преступленія, а также и качества лица, виновнаго въ шпіонствѣ, на общемъ основаніи.

Въ заключеніе отмѣтимъ ту высокую степень гуманности, которая въ отношеніи шпіоновъ выразилась въ распоряженіяхъ Августѣйшихъ Главнокомандующихъ арміями (Дунайской и Кавказской) въ минувшую войну. Всѣ почти лица, подозрѣвавшіяся въ шпіонствѣ, вмѣсто преданія военному суду, были отправлены въ предѣлы Россіи, гдѣ и содержались подъ надзоромъ до заключенія мира[1]).

6.

Старый принципъ, по которому побѣдитель имѣетъ право на жизнь непріятеля, разумѣя подъ послѣднимъ всѣхъ подданныхъ враждебнаго государства (Бинкерегукъ, Геффтеръ и др.), утратилъ уже свое значеніе[2]), и современное международное право точно устанавливаетъ тѣ отношенія, которыя возника-

[1]) Мартенсъ. Восточная война. 465. Максимовъ. Статистическій очеркъ, II, 89.
[2]) Блюнчли. 340.

ютъ между *жителями непріятельской области* и военной властью арміи побѣдителя. Фактъ непріятельскаго занятія, или оккупаціи, служитъ основаніемъ къ замѣнѣ власти туземной властью непріятельской. Дѣйствіе этой послѣдней распространяется на всю мѣстность, гдѣ она на самомъ дѣлѣ утвердилась, и продолжается въ предѣлахъ времени, въ теченіе котораго существуетъ фактическое занятіе непріятельской территоріи[1]). О началѣ дѣйствія новой власти непріятель долженъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что впрочемъ, по мнѣнію Либера, не является необходимымъ[2]), но въ современной международной практикѣ это весьма важное правило соблюдается. Непріятель не только вправѣ, но и обязанъ принять всѣ необходимыя мѣры, дабы обезпечить дѣйствіе законовъ и мѣстный порядокъ[3]); поэтому онъ можетъ ограничить мѣстную уголовную юрисдикцію и замѣнить ее военной, въ предѣлахъ, необходимыхъ для огражденія безопасности арміи. Этими именно основаніями и опредѣляется объемъ военной юрисдикціи относительно «жителей непріятельскихъ областей, арміей занимаемыхъ», а вовсе не тѣмъ, какъ полагаетъ Дангельмайеръ, что «der Soldat trägt sein Gesetzbuch mit in dem Tornister»[4]). Изложенное положеніе вещей послужило основаніемъ ко включенію въ дѣйствующіе военно-уголовные кодексы правилъ о распространеніи на жителей занятыхъ областей военно-уголовныхъ законовъ въ отношеніи преступныхъ дѣяній, объявляемыхъ въ особыхъ прокламаціяхъ главнокомандующаго (Россія[5]) или прямо указанныхъ въ законѣ (Франція[6]), Германія[7]), Баварія[8]), Австрія[9]). Но, очевидно, что и въ случаѣ указанія въ законѣ преступленій, за совершеніе которыхъ жители непріятельскихъ областей подлежатъ военному суду, о введеніи его въ дѣйствіе должно быть предварительно объявлено жителямъ, такъ какъ никакой законъ не можетъ быть примѣняемъ

---

[1]) Мартенсъ. Междунар. право, II, 503 и послѣд.
[2]) Инстр. § 1.
[3]) Проектъ Брюссельской декларации, ст. 2.
[4]) Dangelmaier. Abh., 208.
[5]) Ст. 1325 В.-С. У. Тоже, по финск. улож., § 5.
[6]) Art. 63. Code p. l'armée de terre.
[7]) § 161 M.-Str.-G.-B.
[8]) Art. 6 M.-Str.-Prozess.
[9]) Gesetz 1869, § 7.

до его обнародованія, что и соблюдалось на практикѣ, напр. въ франко-прусскую войну[1]). Преступныя дѣянія, совершенныя до военнаго занятія области и до объявленія прокламаціи, не подлежатъ вѣдѣнію военнаго суда, какъ это было разъяснено и на практикѣ кассаціоннымъ присутствіемъ дѣйствующей арміи въ послѣднюю турецкую войну, когда болгары стали возбуждать дѣла объ обидахъ, нанесенныхъ имъ турками до прихода русскихъ войскъ[2]); всѣ такія дѣла слѣдуетъ признать относящимися къ компетенціи мѣстныхъ судовъ.

Обращаясь къ существу постановленій, опредѣляющихъ объемъ военной юрисдикціи въ мѣстностяхъ, занятыхъ непріятелемъ, мы прежде всего отмѣтимъ, что характеръ преступленій мѣстныхъ жителей, отнесенныхъ къ военной подсудности, опредѣляется общимъ признакомъ опасности для арміи и военнаго управленія, что вытекаетъ само собою изъ обстоятельствъ даннаго времени. Въ русскомъ законодательствѣ на это имѣются прямыя указанія въ положеніи о земскихъ правителяхъ[3]), по которому земскій правитель, прибывъ на мѣсто назначенія, объявляетъ, между прочимъ, «что судъ по дѣламъ гражданскимъ и по тѣмъ изъ уголовныхъ, для коихъ не сдѣлано изъятія въ прокламаціи главнокомандующаго и кои *не затрогиваютъ интересовъ войскъ или не имѣютъ политическаго характера*, будетъ отправляться на прежнихъ основаніяхъ и по *мѣстнымъ* законамъ» (ст. 14, п. б).

Въ турецкую войну 1877—78 гг. подсудность военному суду жителей областей, занятыхъ русской арміей, была опредѣлена въ прокламаціи 1-го іюня 1877 г. за совершеніе слѣдующихъ преступленій: 1) бунтъ, заговоръ и неповиновеніе противъ главнокомандующаго русской арміею или властей, установленныхъ имъ для управленія краемъ; 2) шпіонство; 3) истребленіе или поврежденіе колодцевъ, водопроводовъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, плотинъ, переправъ и другихъ средствъ сообщенія; 4) поджогъ или иное истребленіе военныхъ снарядовъ, предметовъ и вещей, принадлежащихъ къ средствамъ защиты и продовольствія войскъ; 5) убійство часового, нападеніе

---

[1]) Мартенсъ. Междунар. право, II, 506.
[2]) Максимовъ. Статистич. очеркъ, II, 84.
[3]) Прилож. къ ст. 604 полож. о полев. у-піи войскъ 1890 г.

на военный караулъ, а равно вооруженное сопротивленіе военному карауду; 6) убійство, изнасилованіе, разбой, грабежъ, зажигательство, потопленіе чужого имущества и *другія* преступленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по особенной важности обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступленіе, примѣненіе наказанія по законамъ для военнаго времени признается за нужное для охраненія существенныхъ интересовъ арміи или общественнаго порядка и спокойствія. Въ сихъ случаяхъ всякое дѣло можетъ быть изъято, сказано далѣе въ прокламаціи, изъ подсудности общимъ уголовнымъ судамъ края и передано въ полевой военный судъ, по приказу главнокомандующаго или лицъ, особо имъ на то уполномоченныхъ. Всѣ эти постановленія распространялись на лицъ лишь мужскаго пола, а женщины подлежали военному суду лишь при соучастіи съ мужчинами. Затѣмъ въ прокламаціи сдѣлано указаніе на подсудность военному суду ipso jure всѣхъ преступленій, учиненныхъ совмѣстно съ военнослужащими. Бѣглаго взгляда достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что прокламація почти дословно повторяетъ указъ 28-го апрѣля 1877 г. Въ виду этого и принимая во вниманіе послѣдовавшее въ 1892 г. изданіе правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ на военномъ положеніи, можно съ увѣренностью сказать, что на будущее время законъ 1892 г. долженъ служить основаніемъ всѣхъ такихъ прокламацій. Это подтверждается и положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ, по которому главнокомандующему предоставляется право измѣнять или дополнять «существующія въ законѣ указанія относительно того, за какія преступленія должны подвергаться военному суду мѣстные жители непріятельскихъ областей, занятыхъ по праву войны» (ст. 34, п. 9). Несомнѣнно, что приведенное правило имѣетъ въ виду только законъ о военномъ положеніи, такъ какъ изъ объяснительной записки къ положенію (стр. 18—19[1]) видно, что никакого другого закона и не предполагалось издавать по этому поводу. Профессоръ Ф. Мартенсъ, оцѣнивая постановленія прокламаціи 1-го іюня, находитъ ее вполнѣ соотвѣтствующей началамъ международнаго права, за исключеніемъ распростране-

[1]) Приказъ по воен. вѣд. 1890 г. № 62.

пія военной подсудности на *всѣ* «другія преступленія» по усмотрѣнію главнокомандующаго, такъ какъ компетенція общихъ судовъ является при такомъ порядкѣ совершенно неопредѣленною[1]). Теоретически приведенное замѣчаніе нельзя не признать вполнѣ правильнымъ, но практическое его осуществленіе едва ли возможно, такъ какъ случайности войны и военная необходимость могутъ потребовать даже полной пріостановки дѣйствія мѣстныхъ органовъ власти; при этомъ, конечно, опытность и политическій тактъ главнокомандующаго опредѣлятъ границы примѣненія этихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Наконецъ всѣ наши исключительные законы допускали и допускаютъ примѣненіе указаннаго правила и въ мирное время, такъ что при ихъ существованіи едва ли возможно дѣлать изъятіе въ этомъ отношеніи для военнаго времени.

Французскій кодексъ подчиняетъ военной юрисдикціи всѣхъ находящихся на непріятельской территоріи, занятой арміею, лицъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, шпіонствѣ, недозволенномъ вербованіи, возстаніи, неповиновеніи и другихъ преступленіяхъ, направленныхъ ко вреду арміи (art. 63); германскій и баварскій кодексы—за различнаго рода опасныя для арміи посягательства, указанныя въ §§ 57—59 германскаго военно-уголовнаго кодекса, мародерство и преступленія противъ установленныхъ властей, а по австрійскому закону 1869 г.—за тѣ же преступленія, которыя подвергаютъ военной подсудности въ военное время вообще гражданскихъ лицъ, какъ то было изложено выше.

7.

Наконецъ относительно военно-морскихъ судовъ, въ военное время, *на берегу*, необходимо замѣтить, что къ нимъ примѣняются тѣ же правила, какъ и въ сухопутномъ вѣдомствѣ, а въ нашемъ военно-морскомъ судебномъ уставѣ изд. 1886 г. въ ст. 1255 сказано, что «судъ въ военное время на берегу производится на основаніяхъ, опредѣленныхъ въ военно-судебномъ

[1]) Мартенсъ. Восточная война, 319.

уставѣ (С. В. П. 1869 г. II изд., кн. XXII) для суда въ военное время». Такимъ образомъ, несмотря на то, что раздѣлъ IV, кн. XXIV (а не XXII) замѣненъ въ 1885 г. новыми правилами, редакція приведенной 1255 статьи является до сего времени неисправленной; но однако едва ли это обстоятельство можетъ служить основаніемъ къ примѣненію въ морскомъ вѣдомствѣ отмѣненнаго въ 1885 г. по вѣдомству сухопутному закона.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СМѢШАННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

1.

Въ теоріи формальнаго уголовнаго права является твердо установленнымъ правило, что всякое уголовное дѣло въ полномъ его объемѣ должно быть разсмотрѣно однимъ судомъ, компетентнымъ къ его разрѣшенію. Но дѣйствительность выдвигаетъ и такіе случаи, когда нѣсколько судовъ по различнымъ основаніямъ являются компетентными къ разсмотрѣнію одного и того же дѣла, вслѣдствіе чего возникаетъ, такъ называемая, коллизія подсудностей и необходимость разрѣшенія вопроса, какому изъ судовъ отдать предпочтеніе, при чемъ избирая одинъ изъ нихъ, мы признаемъ основанія подсудности даннаго дѣла этому именно суду наиболѣе важными и, такъ сказать, подчиняемъ имъ тѣ основанія, по которымъ дѣло могло бы быть подсудно другому изъ этихъ судовъ. Такое подчиненіе подсудности одного суда подсудности другого образуетъ понятіе *подсудности производной*. Случаевъ такого рода подсудности много и нѣкоторые изъ нихъ прямо указываются въ законѣ. Всѣ они могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: 1) когда столкновеніе подсудностей происходитъ внутри одной и той же системы судовъ (напр. общихъ) и 2) когда столкновеніе подсудностей происхо-

дить между судами разныхъ системъ (напр. общихъ и военныхъ или военныхъ и духовныхъ и т. п.). Случаи второй группы образуютъ понятіе *смѣшанной подсудности*.

Основное начало разграниченія подсудности общимъ судамъ и военнымъ заключается въ качествѣ лица; поэтому столкновеніе подсудностей общей и военной происходитъ отъ наличности *соучастія* въ одномъ и томъ же преступленіи лицъ, подсудныхъ судамъ общимъ и военнымъ, при чемъ такое соучастіе можетъ имѣть мѣсто: а) при совершеніи общеуголовнаго преступленія, б) при совершеніи преступленія противъ воинской дисциплины и военной службы и в) при совокупности тѣхъ и другихъ. Но кромѣ этого могутъ быть случаи, когда *одно* лицо совершаетъ нѣсколько преступленій, изъ которыхъ одни подсудны общимъ судамъ, а другія военнымъ, т. е., когда имѣется наличность *совокупности* преступленій, подсудныхъ судамъ различныхъ системъ. Такимъ образомъ смѣшанная подсудность въ своемъ основаніи имѣетъ или стеченіе преступниковъ, или стеченіе преступленій различной подсудности. Всѣ перечисленные случаи указаны въ законѣ, но возникающее въ дѣйствительности разнообразіе подобныхъ фактовъ этими случаями не исчерпывается, и практика дала много такихъ дѣлъ, въ которыхъ упомянутые случаи находились въ извѣстной между собою комбинаціи.

2.

Дореформенное законодательство во всѣхъ случаяхъ столкновенія подсудностей не допускало подчиненія подсудности одного суда подсудности другого, вслѣдствіе чего, какъ при соучастіи лицъ военныхъ и гражданскихъ, такъ и при совокупности преступленій сохранялась подсудность обвиняемыхъ по одному и тому же дѣлу различнымъ судамъ[1]). Такое раздѣльное разсмотрѣніе одного и того же дѣла представляло весьма существенное несовершенство, такъ какъ: 1) приговоры различныхъ судовъ стояли нерѣдко въ полномъ между собою противорѣчіи, 2) производство по одному и тому же дѣлу лишалось не-

[1]) Уставъ угол. суд., изд. Госуд. канц. 1867 г., стр. 491.

обходимаго единства изслѣдованія и 3) къ одному и тому же дѣлу примѣнялись различныя процессуальныя формы и обряды. Поэтому судебные уставы разрѣшаютъ вопросъ о столкновеніи подсудностей по принципу нераздѣльности дѣла, т. е., разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла, хотя и подсуднаго по различнымъ основаніямъ нѣсколькимъ судамъ, должно происходить о всѣхъ обвиняемыхъ въ одномъ судѣ во всемъ его объемѣ.

Коренныя причины принятой формальнымъ правомъ процессуальной нераздѣльности уголовныхъ дѣлъ лежатъ однако въ началахъ матеріальнаго уголовнаго права опредѣляющаго понятія соучастія преступниковъ и совокупности преступленій, при чемъ совокупность преступленій не имѣетъ при разрѣшеніи вопроса о разсмотрѣніи дѣла въ томъ или другомъ судѣ столь важнаго значенія, такъ какъ обвиненіе по каждому изъ преступленій можетъ быть разсмотрѣно отдѣльно, но съ тѣмъ, чтобы постановленные по всѣмъ обвиненіямъ приговоры соединились въ одномъ судѣ, который и постановилъ бы одинъ общій приговоръ о подсудимомъ по правиламъ о совокупности. Наоборотъ, постановленія закона о соучастіи имѣютъ существенное значеніе. Соучастіе представляетъ собою совмѣстную преступную дѣятельность многихъ лицъ и притомъ такую, что преступный результатъ находится въ причинной зависимости отъ дѣйствій всѣхъ этихъ лицъ[1]). Этотъ преступный результатъ, какъ единое цѣлое, служитъ основаніемъ процессуальной зависимости совиновниковъ другъ отъ друга, при чемъ представляется совершенно безразличнымъ, въ какой формѣ выразилась эта совмѣстная преступная дѣятельность, а равно и степень вины каждаго изъ соучастниковъ. Такимъ образомъ, если не будетъ на лицо соучастія въ указанномъ выше смыслѣ, не будетъ и процессуальнаго единства дѣла. Между тѣмъ преступная дѣятельность одного лица можетъ находиться въ фактической связи съ таковою же дѣятельностью другого лица, хотя каждый изъ нихъ является авторомъ самостоятельнаго преступленія, такъ что дѣятельность перваго не находится въ причинной связи съ преступнымъ результатомъ, вызваннымъ дѣятельностью вто-

[1]) Сергѣевскій. Русское угол. право, часть общая, 1890 г., 319, 321 и 324.

рого, а этого послѣдняго — съ таковымъ же результатомъ, вызваннымъ дѣятельностью перваго. Очевидно, что фактическая связь между дѣйствіями того и другого не образуетъ собою понятія соучастія, хотя совмѣстное разсмотрѣніе въ одномъ судѣ обоихъ обвиненій можетъ и облегчить задачи процесса. Это послѣднее обстоятельство служитъ основаніемъ совершенно другого понятія — *соучастія процессуальнаго*, которое неизвѣстно нашему законодательству, но весьма развито въ французскомъ правѣ[1]). Сенатъ расширилъ понятіе матеріально-уголовнаго соучастія и, примѣнивъ на практикѣ широкое понятіе французскаго процессуальнаго соучастія, установилъ сужденіе въ одномъ судѣ такихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, которыя подъ понятіе соучастниковъ по дѣйствующему праву не подходятъ[2]), какъ напр., нижнихъ чиновъ, обвиняемыхъ въ кражѣ казенныхъ дровъ, и лица, купившаго у нихъ эти дрова[3]). Того же толкованія держится и Главный Военный Судъ[4]). Такое расширеніе понятія соучастія признается проф. Фойницкимъ неправильнымъ, тѣмъ болѣе, что отъ раздѣльнаго разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ не могутъ пострадать интересы процессуальные[5]). Не отрицая правильности этого мнѣнія съ точки зрѣнія матеріальнаго уголовнаго права, нельзя тѣмъ не менѣе не указать на то, что въ результатѣ раздѣльнаго разсмотрѣнія подобнаго рода дѣлъ, когда, напр., прикосновенные къ преступленію лица будутъ судиться въ разныхъ судахъ, могутъ быть противорѣчивые приговоры. Такъ, напр., одинъ судъ можетъ оправдать обвиняемыхъ въ кражѣ, а другой признать виновными лицъ, обвиняемыхъ въ недонесеніи о той же кражѣ. Затѣмъ нельзя не отмѣтить нѣкоторой неустойчивости въ практикѣ при разрѣшеніи разсматриваемаго вопроса. Сенатъ, напр., признаетъ, въ противорѣчіе съ приведеннымъ выше рѣшеніемъ, что нижній чинъ, обвиняемый въ противозаконномъ закладѣ казенныхъ вещей, и лицо, принявшее въ закладъ эти вещи, подлежатъ сужденію

---

[1]) Фойницкій. Курсъ 1884 г., 542.
[2]) Тамъ же, 544. Случевскій. Учебникъ, 1895 г., 333.
[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1883 г. № 22.
[4]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1872 г. № 112, 1885 г. № 93 и др.
[5]) Фойницкій. Курсъ 1884 г., 545.

разныхъ судовъ, такъ какъ принятіе въ закладъ казенныхъ вещей составляетъ самостоятельное преступленіе[1]); точно также и на томъ же основаніи подлежатъ раздѣльному сужденію военный дезертиръ и его укрыватели[2]). Такимъ образомъ Сенатъ въ только что приведенныхъ рѣшеніяхъ допускаетъ сужденіе прикосновенныхъ къ преступленію лицъ, совмѣстно съ участниками самаго преступленія, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда прикосновенность не является преступнымъ дѣяніемъ sui generis, особо предусмотрѣннымъ закономъ, между тѣмъ какъ въ рѣшеніяхъ, изложенныхъ выше, не принимается въ расчетъ этотъ признакъ. Наоборотъ, Главный Военный Судъ призналъ подсудными одному (военному) суду какъ военнаго дезертира, такъ и укрывателей его, лицъ гражданскихъ[3]). Мы полагаемъ, что рѣшеніе Главнаго Военнаго Суда представляется болѣе правильнымъ[4]), такъ какъ при раздѣльномъ сужденіи обвиняемыхъ во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ въ результатѣ могутъ быть противорѣчивые приговоры. Однако, несмотря на вышеизложенное, остается все-таки въ силѣ указаніе и на расширеніе понятія матеріально-уголовнаго соучастія, но съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія практика будетъ вынуждена ограничить объемъ процессуальнаго соучастія, такъ какъ, независимо отъ ограниченія понятія матеріальнаго соучастія, и проектъ уложенія устанавливаетъ отвѣтственность прикосновенныхъ лицъ, дѣятельность которыхъ наукою давно признана, ничего общаго съ институтомъ соучастія не имѣющей[5]), лишь въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ особенной части[6]). Къ такому воззрѣнію повидимому склонился впослѣдствіи и Сенатъ[7]).

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1880 г. № 1.
[2]) Рѣш. Общ. Собр. 1883 г. № 3.
[3]) Рѣш. 1886 г. № 117.
[4]) Contra см. ст. Дворжицкаго «Воинскія преступленія лицъ гражданскаго вѣдомства» въ Юридическ. газетѣ 1895 г., №№ 42—47.
[5]) Сергѣевскій. Русское угол. право, часть общая 1890 г., 332. Таганцевъ. Лекціи, II. 942.
[6]) Объясн. записка, т. I, стр. 490.
[7]) Рѣш. Общ. Собр. 1889 г. № 19.

3.

Съ установленіемъ нераздѣльнаго разсмотрѣнія дѣла о всѣхъ соучастникахъ въ одномъ судѣ естественно возникъ вопросъ о томъ, какой изъ судовъ при участіи военныхъ и гражданскихъ лицъ, общеуголовный или военный, долженъ разсматривать дѣло. Наше законодательство устанавливаетъ подсудность всего дѣла или суду общему, или суду военному въ зависимости отъ свойствъ учиненнаго преступнаго дѣянія, а именно: при совершеніи преступленія общеуголовнаго—суду общему, а при совершеніи преступленія противъ воинской дисциплины и военной службы — суду военному [1]), при чемъ подъ преступленіями по службѣ военной должно разумѣть, какъ то было выяснено выше, не только тѣ изъ преступныхъ дѣяній, которыя предусмотрѣны воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ, но и общеуголовными законами, если только преступленія эти совершены въ кругу обязанностей службы военной, напр., подлогъ, хотя и предусмотрѣнный ст. 362 улож. о наказ., но относящійся до дѣлъ военной службы и т. п.[2]). Поэтому же преступное дѣяніе, соотвѣтствующее по своимъ признакамъ и преступленію противъ военной дисциплины и преступленію общему (напр., насильственное ограбленіе нижнимъ чиномъ офицера) подлежитъ во всемъ объемѣ разсмотрѣнію военнаго суда и въ томъ случаѣ, когда съ военнослужащимъ участвовало въ учиненіи этого преступнаго дѣянія лицо гражданскаго вѣдомства[3]). Наоборотъ, если военнослужащимъ, въ бытность, напр., членомъ присутствія по воинской повинности, совершено преступленіе по этой должности совмѣстно съ другими, гражданскими, членами присутствія, то всѣ обвиняемые подсудны суду гражданскаго вѣдомства, такъ какъ присутствія по воинской повинности представляютъ учрежденія гражданскаго вѣдомства и исполняемыя входящими въ ихъ составъ членами функціи составляютъ обязанности по службѣ гражданской.

---

[1]) Уст. угол. суд., ст. 1236 и 1246. Мотивы подъ этими статьями въ изд. Госуд. канц. В.-С. У. ст. 1261 и 1262. В.-М. С. У. ст. 1237 и 1238.

[2]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1873 г. № 165; 1888 г. № 80 и др.

[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1869 г. № 30.

Основное правило нераздѣльности разсмотрѣнія уголовнаго дѣла имѣетъ и свои изъятія. Такъ, въ Финляндскомъ военномъ округѣ обвиненіе въ отношеніи военнослужащаго во всѣхъ случаяхъ разрѣшается подлежащимъ военнымъ судомъ, а о его соучастникахъ — лицахъ гражданскаго вѣдомства — въ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ[1]). Затѣмъ въ случаяхъ соучастія лицъ, подсудныхъ военному суду, на основаніи особыхъ правилъ (напр., на основ. положенія объ охранѣ 1881 г.), съ лицами, не подсудными вовсе этому послѣднему суду или ему не преданными, дѣло слѣдуетъ признать подлежащимъ раздѣльному разсмотрѣнію, такъ какъ установленныя правила о смѣшанной подсудности не имѣютъ въ виду случаевъ исключительной подсудности, относясь лишь къ нормальной юрисдикціи.

4.

Законъ[2]) въ постановленіяхъ о смѣшанной подсудности говоритъ о соучастникахъ: лицахъ гражданскаго вѣдомства и военнослужащихъ, или лицахъ военнаго вѣдомства. Какъ тотъ, такъ и другой термины имѣютъ въ законѣ вполнѣ опредѣленное значеніе и во всѣхъ его постановленіяхъ подъ первыми разумѣются лица частныя или служащія по вѣдомству гражданскому въ гражданскихъ чинахъ, вообще лица, не носящія воинскаго званія. Терминъ «лицо военнаго вѣдомства» не встрѣчается въ выше разсмотрѣнныхъ постановленіяхъ, гдѣ употребляется другой — «воинскіе чины», имѣющій нѣсколько иное значеніе, такъ какъ воинскіе чины могутъ и не состоять на службѣ по военному вѣдомству; подъ военнослужащими же или лицами военнаго вѣдомства, какъ то было выяснено выше, разумѣются всѣ тѣ лица, которыя состоятъ на службѣ *въ военномъ* вѣдомствѣ, какъ въ чинахъ военныхъ, такъ и гражданскихъ; поэтому, напр., воинскіе чины запаса не могутъ быть признаны ни военнослужащими, ни лицами военнаго вѣдомства, вслѣдствіе чего, считая ихъ лицами гражданскими, пришлось бы, по буквальному смыслу постанов-

[1]) Прилож. къ ст. 213 (прим. 2) В.-С. У., § 3.

[2]) Уст. угол. суд. ст.: 1236, 1246 и 1252. В.-С. У. ст.: 1261, 1262, 1269 и 1271. В.-М. С. У. ст.: 1237, 1238 и 1248.

леній о смѣшанной подсудности, подчинять ихъ, въ случаѣ совмѣстнаго съ частными лицами нарушенія правилъ воинскаго чинопочитанія и подчиненности, общей юрисдикціи. Но, очевидно, законодатель, устанавливая особыя правила, на основаніи которыхъ разрѣшается коллизія подсудностей, не имѣлъ въ виду отмѣны общихъ правилъ подсудности (ст. 219 — 227 уст. угол. суд.), а лишь объединеніе всѣхъ соучастниковъ, подсудныхъ въ общемъ правилѣ различнымъ судамъ, въ одномъ судѣ, коему подсуденъ одинъ или нѣсколько изъ соучастниковъ въ зависимости отъ свойствъ учиненнаго совмѣстно дѣянія. Поэтому, напр., при совмѣстномъ совершеніи общаго преступленія воинскимъ чиномъ, не состоящимъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, и воинскимъ чиномъ, состоящимъ на дѣйствительной военной службѣ, оба соучастника подсудны суду гражданскаго вѣдомства, т. е. подсудность второго подчиняется подсудности перваго. Наоборотъ, соучастіе частнаго лица съ отставнымъ воинскимъ чиномъ въ подлогѣ по дѣлу, касающемуся службы военной, совершенному послѣднимъ во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ, влечетъ за собою разсмотрѣніе дѣла въ судѣ военномъ относительно обоихъ соучастниковъ. Такимъ образомъ въ постановленіяхъ о смѣшанной подсудности подъ «лицами гражданскими» слѣдуетъ разумѣть лицъ, подсудныхъ по общимъ правиламъ за общія преступленія суду гражданскаго вѣдомства и, стало быть, въ этомъ смыслѣ гражданскими лицами будутъ: и гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, и чины запаса, и воинскіе чины, состоящіе на гражданской службѣ, и проч.; подъ «лицами же военнаго вѣдомства» разумѣются всѣ тѣ лица, которыя за преступленія противъ дисциплины или военной службы, въ общемъ правилѣ, подсудны суду военному, слѣдовательно ими могутъ быть тѣ же гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, чины запаса и проч.

5.

Совокупность преступленій, какъ то было указано выше, по существу своему требуетъ не столько единства ихъ разсмотрѣнія, сколько постановленія одного общаго приговора, коимъ

окончательно разрѣшается дѣло примѣненіемъ къ виновному одного наказанія за всѣ совершенныя имъ преступленія по правиламъ о совокупности. Поэтому и составители устава уголовнаго судопроизводства имѣли въ виду главнымъ образомъ именно установленіе точнаго правила, опредѣляющаго порядокъ постановленія одного общаго приговора въ случаяхъ совокупности преступленій, изъ которыхъ одни подсудны суду гражданскому, а другія военному, какового правила не было въ Сводѣ 1857 г., въ виду чего и «для отвращенія всякихъ по сему предмету недоразумѣній» и были проектированы нынѣ дѣйствующія ст. 1250 и 1254 уст. угол. суд. (соотвѣтств. ст. 1269 и 1273 В.-С. У. и ст. 1246 и 1250 В.-М. С. У.[1]). За всѣмъ тѣмъ точный смыслъ ст. 1250 и 1251 уст. угол. суд. не оставляетъ сомнѣнія, что законодатель все-таки желаетъ также и разсмотрѣнія въ одномъ судѣ всѣхъ преступленій, изъ коихъ одни подсудны военному, а другія гражданскому суду. Основаніемъ для подчиненія всего дѣла одному суду служитъ подсудность *важнѣйшаго* преступленія, при чемъ подъ этимъ послѣднимъ слѣдуетъ разумѣть преступное дѣяніе, которое влечетъ болѣе тяжкое наказаніе. Свойство дѣянія имѣетъ значеніе лишь основанія, опредѣляющаго подсудность этого важнѣйшаго преступленія; поэтому, если противъ состоящаго на дѣйствительной военной службѣ воинскаго чина возникли обвиненія въ общеуголовныхъ преступленіяхъ, изъ коихъ одни совершены на службѣ, а другія въ гражданскомъ быту, то въ зависимости отъ того, когда совершено болѣе тяжкое преступленіе, должна быть опредѣлена и подсудность всего дѣла военному или гражданскому суду. Равнымъ образомъ въ случаѣ нарушенія обязанностей по службѣ гражданской и по службѣ военной лицомъ, занимающимъ должность по военному и гражданскому управленію, подсудность также должна быть разрѣшена въ пользу одного суда по правилу ст. 1250. Итакъ, когда одно лицо обвиняется въ двухъ или болѣе преступленіяхъ, изъ которыхъ одни, по общимъ правиламъ подсудности, подлежатъ суду гражданскому, а другія, по тѣмъ же правиламъ, подсудны суду военному, то подсудность дѣла по всѣмъ преступ-

[1]) Уст. угол. суд., изд. Госуд. канц. 1867 г. стр. 491.

леніямъ разрѣшается всегда въ пользу одного суда военнаго или гражданскаго, смотря по тому, которому изъ этихъ судовъ подвѣдомственно важнѣйшее преступленіе[1]). Но законъ не разрѣшаетъ того случая, когда преступленія, подсудныя гражданскому и военному суду, влекутъ одинаковыя наказанія. Проф. Володимировъ разрѣшаетъ вопросъ въ пользу суда общаго, находя, что «авторитету послѣдняго, при наличности одинаковыхъ условій подсудности, конечно, долженъ уступить, хотя и равный ему, спеціальный судъ»[2]). Съ этимъ мнѣніемъ можно было бы согласиться лишь въ томъ случаѣ, если бы правило о подсудности при совокупности преступленій суду гражданскому или военному основывалось на сравнительной компетентности судовъ, подобно тому, какъ это установлено для судовъ одной системы[3]); что же касается судовъ особенныхъ, то изъ нихъ низшими признаются, сравнительно съ мировыми и общими, суды волостные[4]) и кромѣ того законъ признаетъ менѣе компетентными, сравнительно съ тѣми же судами, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей[5]), но суды общіе и военные считаются равными, почему при столкновеніи юрисдикція ихъ опредѣляется по началу, принятому для судовъ однородныхъ, а именно по роду и сравнительной важности преступленій[6]). Для судовъ однородныхъ законъ устанавливаетъ въ этомъ случаѣ подсудность дѣла суду, ближайшему къ мѣсту задержанія обвиняемаго[7]), но правило это относится лишь къ судамъ одной системы и, слѣдовательно, не приложимо къ случаю столкновенія преступленій одинаковой важности, подсудныхъ судамъ разныхъ системъ. Въ послѣднемъ случаѣ остается опредѣлить подсудность всего дѣла одному изъ этихъ судовъ по основному правилу разграниченія подсудности общей и военной, т. е. по качеству лицъ.

Руководствуясь сими соображеніями, мы приходимъ къ вы-

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1879 г. № 20; 1888 г. № 29 и др.
[2]) Курсъ. 245.
[3]) Ст. 205, 211 и 217 уст. угол. суд.
[4]) Случевскій. 329. Фойницкій. 548.
[5]) Ст. 166 Правилъ объ устр. суд. части.
[6]) Фойницкій. 549.
[7]) Ст. 211 уст. угол. суд.; ст. 263 В.-С. У. и ст. 632 В.-М. С. У.

воду, что при совокупности равныхъ преступленій, изъ которыхъ одни подсудны военному, а другія гражданскому суду, дѣло должно разсматриваться во всемъ его объемѣ тѣмъ изъ судовъ, коему обвиняемый подсуденъ по общему правилу ст. 219—227 уст. угол. суд., а правило ст. 1250 того же устава, составляя изъятіе не подлежитъ распространительному толкованію. Посему и по точному смыслу ст. 219 уст. угол. суд. воинскіе чины во всѣхъ подобныхъ разсматриваемому случаяхъ подлежатъ военной юрисдикціи, а гражданскіе чины военнаго вѣдомства — общей. Но Главный Военный Судъ[1]) призналъ, что гражданскій чиновникъ военнаго вѣдомства подлежитъ военному суду въ случаѣ обвиненія въ преступленіи воинскомъ и общеуголовномъ одинаковой важности. Правильность этого рѣшенія можно оспаривать съ точки зрѣнія приведеннаго положенія, но съ окончательнымъ выводомъ его нельзя не согласиться, хотя и по другимъ основаніямъ: чиновникъ обвинялся въ оскорбленіи начальника на словахъ (ст. 97, кн. XXII С. В. П.), въ подачѣ завѣдомо ложной на него жалобы (ст. 172 той же книги) и ложномъ на него же доносѣ (ст. 940 улож. о наказ.). Высшимъ наказаніемъ за второе и третье преступленія является ссылка въ Сибирь на поселеніе. Въ такомъ случаѣ все дѣло дѣйствительно подлежитъ разсмотрѣнію военнаго, а не гражданскаго суда потому, что ложный доносъ на начальника, хотя и является предусмотрѣннымъ уложеніемъ о наказ., но, касаясь сферы отношеній подчиненнаго къ начальнику, составляетъ нарушеніе обязанностей военной службы[2]).

Затѣмъ законъ предусматриваетъ случай *стеченія преступниковъ и преступленій*, а именно, когда, независимо отъ совмѣстнаго совершенія общаго преступленія съ лицами гражданскаго вѣдомства, военнослужащими нарушены законы дисциплины и военной службы. При такихъ обстоятельствахъ установлено отдѣльное сужденіе за воинское преступленіе въ судѣ военномъ, при единственномъ условіи, если оно влечетъ болѣе

---

[1]) Рѣш. 1891 г. № 37.

[2]) См. рѣш. Общ. Собр. 1873 г. № 13, по вопросу о ложномъ доносѣ на начальника. Мотивы подъ ст. 1254 уст. угол. суд. изд. Госуд. канц.

строгое наказаніе, чѣмъ общее преступленіе[1]). Этимъ правиломъ, однако, не исчерпывается все разнообразіе встрѣчающихся въ дѣйствительности случаевъ; поэтому разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ, возникавшіе на практикѣ.

Военнослужащими самостоятельно можетъ быть совершено другое, общее же, преступленіе, влекущее болѣе строгое наказаніе, чѣмъ общее преступленіе, совершенное совмѣстно съ гражданскими лицами. Въ этомъ случаѣ всѣ обвиненія разрѣшаются гражданскимъ судомъ, такъ какъ въ законѣ сдѣлано лишь одно исключеніе для преступленій *воинскихъ*, влекущихъ болѣе строгую отвѣтственность[2]). Кромѣ указаннаго совмѣстнаго совершенія съ гражданскимъ лицомъ общаго преступленія и отдѣльнаго совершенія военнослужащими болѣе важнаго общаго же преступленія, военнослужащими можетъ быть совершено отдѣльно же воинское преступленіе, влекущее менѣе строгую отвѣтственность, чѣмъ означенное общее, отдѣльно совершенное, преступленіе. Въ этомъ случаѣ подсудность всѣхъ обвиненій должна быть разрѣшена также въ пользу суда гражданскаго, такъ какъ въ числѣ общихъ преступленій, подсудныхъ суду гражданскому, имѣется такое, которое подвергаетъ лицъ военнаго вѣдомства болѣе строгому наказанію. Если же воинское преступленіе подвергало бы лицо военнаго вѣдомства болѣе строгому наказанію, чѣмъ всѣ совершенныя имъ однимъ и совмѣстно съ гражданскими лицами общія преступленія, то по обвиненію въ одномъ только воинскомъ преступленіи онъ подлежалъ бы сужденію, согласно ст. 1252 уст. угол. суд., въ судѣ военномъ.

Сенатъ, обобщая эти случаи, разъяснилъ, «что ст. 1250 уст. угол. суд. (соотвѣтствующая ст. 1269 В.-С. У.) предусматриваетъ тотъ случай смѣшанной подсудности военной и гражданской, когда лица одного и того же вѣдомства обвиняются въ двухъ или болѣе преступленіяхъ, изъ коихъ одни, по общимъ правиламъ подсудности, подлежатъ суду гражданскаго вѣдомства, а другія, по тѣмъ же правиламъ, подсудны суду военному. Въ подобномъ случаѣ подсудность дѣла по всѣмъ преступленіямъ

[1]) Ст. 1252 уст. угол. суд., ст. 1271 В.-С. У. и ст. 1248 В.-М. С. У.
[2]) Рѣш. Общ. Собр. 1870 г. № 21.

разрѣшается всегда въ пользу одного суда, военнаго или гражданскаго, смотря по тому, которому изъ этихъ судовъ подвѣдомственно важнѣйшее преступленіе»; «когда же смѣшанная подсудность состоитъ въ томъ, что обвиняемыми являются лица разныхъ вѣдомствъ, военнаго и гражданскаго, и когда, независимо отъ совершенія съ лицами гражданскаго вѣдомства общаго преступленія, военнослужащіе обвиняются еще въ преступленіяхъ, совершенныхъ ими одними, дѣло по обвиненію ихъ въ общемъ преступленіи съ гражданскими лицами разсматривается всегда судомъ гражданскаго вѣдомства, а отдѣльныя ихъ преступленія могутъ подлежать: 1) или суду гражданскаго вѣдомства, если относятся къ числу общихъ преступленій, или хотя и къ воинскимъ, но не влекутъ за собою наказанія болѣе строгаго, чѣмъ общія преступленія, 2) или же суду военному, если отдѣльныя ихъ преступленія принадлежатъ къ воинскимъ и подвергаютъ при этомъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ общее преступленіе, совершенное вмѣстѣ съ гражданскими лицами или ими одними»[1]).

Все вышеизложенное показываетъ, что конструкція смѣшанной подсудности по русскому праву представляется весьма послѣдовательной, при чемъ на основаніи существующихъ правилъ могутъ быть разрѣшены всѣ самые сложные случаи, несмотря на ихъ разнообразіе въ практикѣ. Сущность же этой конструкціи заключается въ томъ, что при соучастіи подсудность опредѣляется свойствомъ преступнаго дѣянія, при совокупности—важностью преступленія, т. е. тяжестью положеннаго за него наказанія, а при стеченіи соучастія и совокупности—свойствомъ и важностью преступленія, при этомъ большая важность преступленія, подсуднаго военному суду, служитъ основаніемъ къ раздѣльному разсмотрѣнію дѣла.

Кромѣ изложенныхъ правилъ о смѣшанной подсудности въ военно-судебномъ уставѣ существуютъ еще слѣдующія особыя правила: 1) при совокупности преступныхъ дѣяній воинскихъ или общихъ, подсудныхъ военному суду, съ нарушеніями уставовъ казеннаго управленія, послѣднія могутъ быть разсмотрѣны

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1888 г. № 29.

отдѣльно административнымъ порядкомъ, но если дѣло по нарушенію сихъ уставовъ будетъ направлено къ судебному разсмотрѣнію, то и прочія преступленія могутъ быть разсмотрѣны совмѣстно съ этими нарушеніями въ одномъ судѣ (ст. 1221, соотв. ст. 1198 В.-М. С. У. и ст. 1126 уст. угол. суд.) и 2) при совокупности преступленій государственныхъ съ другими преступленіями всѣ они разсматриваются нераздѣльно порядкомъ, установленнымъ для дѣлъ по преступленіямъ государственнымъ (ст. 1183, соотв. ст. 1160 В.-М. С. У.). Затѣмъ въ случаѣ совокупности преступныхъ дѣяній, изъ коихъ одни подсудны суду военному, а другія духовному, безусловно сохраняется раздѣльное разсмотрѣніе каждаго въ своемъ вѣдомствѣ[1]).

Наконецъ относительно случаевъ столкновенія подсудностей военной и земскимъ начальникамъ или городскимъ судьямъ законъ дастъ весьма краткія указанія. На основаніи ст. 166 правилъ объ устр. суд. части, при совокупности преступныхъ дѣяній, изъ коихъ одни подсудны земскому начальнику или городскому судьѣ, а другія мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ, всѣ преступныя дѣянія разсматриваются въ послѣднихъ, такъ что, независимо отъ важности преступнаго дѣянія, мировымъ и общимъ судебнымъ установленіямъ отдается предпочтеніе, какъ судамъ болѣе совершеннымъ. Въ случаѣ же соучастія съ различными лицами, подсудными первымъ и вторымъ учрежденіямъ, установлена раздѣльная подсудность и, наконецъ, при соучастіи въ одномъ проступкѣ лицъ, подсудныхъ порознь и тѣмъ и другимъ учрежденіямъ, все дѣло подсудно также мировымъ или общимъ установленіямъ (ст. 167). Но относительно столкновенія юрисдикцій земскаго начальника или городского судьи съ юрисдикціей военной въ законѣ предусмотрѣнъ лишь одинъ случай совершенія воинскими чинами, состоящими на дѣйствительной военной службѣ, совмѣстно съ лицами гражданскаго вѣдомства, проступка, подсуднаго земскому начальнику или городскому судьѣ. «Дѣло о семъ проступкѣ, говоритъ законъ, разсматривается земскимъ начальникомъ или городскимъ судьей по принадлежности» (ст. 168). Такимъ образомъ, по пра-

[1]) Случевскій. 330. Фойницкій. 553.

вилам̀ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земск. нач., вопискіе чины могутъ быть подсудны какъ этимъ послѣднимъ, такъ и городскимъ судьямъ лишь въ точно указанномъ приведенномъ случаѣ, потому, что остальные случаи въ правилахъ этихъ не приведены, а указанія на то, что земскіе начальники и городскіе судьи въ подлежащихъ случаяхъ могутъ руководствоваться судебными уставами, въ законѣ не имѣется. Возникающее отсюда затрудненіе можетъ быть, какъ намъ кажется, разрѣшено слѣдующимъ способомъ: на основаніи ст. 163 изъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей изъемлются дѣла по проступкамъ лицъ, подлежащихъ по закону отвѣтственности передъ военнымъ судомъ, слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый подлежитъ, по правиламъ устава уголовнаго судопр., суду военному, земскій начальникъ и городской судья являются въ такомъ дѣлѣ некомпетентными, если же лицо военнаго вѣдомства, по правиламъ того же устава, будетъ подлежать суду гражданскому, то подсудность одному изъ этихъ судовъ опредѣлится на общемъ основаніи по правиламъ, дѣйствующимъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо замѣтить, что изъ законодательныхъ работъ вовсе не видно, что при составленіи правилъ угол. судопр. для земск. начальниковъ и городск. судей имѣлось въ виду ограничивать дѣйствія общихъ правилъ уголовнаго процесса, примѣняемыхъ въ вышеизложенныхъ случаяхъ[1]).

6.

Законъ не упоминаетъ вовсе о случаяхъ коллизіи подсудностей, могущей произойти вслѣдствіе совершенія *преступленій длящихся и продолжающихся* лицомъ, подсудность котораго измѣнилась въ періодъ времени, охватывающій эти преступленія, т. е. была сперва общей, а затѣмъ военной или наоборотъ. Намъ извѣстны два случая, оба касающіеся преступленій длящихся (преступное состояніе). 1) Бродяга, подъ ложнымъ именемъ Фомина, былъ принятъ въ военную службу и затѣмъ подвергся

[1]) Объясн. записка къ проекту правилъ, стр. 29—31.

обвиненію въ побѣгѣ и оскорбленіи на словахъ начальника. Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ признало Фомина подсуднымъ суду гражданскаго вѣдомства по нижеслѣдующимъ, изложеннымъ въ рапортѣ Военнаго Министра, основаніямъ: сокрытіе Фоминымъ своего званія или состоянія, хотя и совершенное имъ до поступленія на службу, можетъ считаться продолжающимся и по вступленіи его на службу, въ томъ смыслѣ, что онъ не обнаружилъ означеннаго званія или состоянія и понынѣ, но обстоятельство это, весьма существенное для наличности преступленія бродяжества, не можетъ, однако, служить основаніемъ для признанія подсуднымъ его суду военному, а не гражданскому, такъ-какъ для этого необходимо, чтобы въ законахъ о судопроизводствѣ было точное и опредѣленное по сему предмету правило. Между тѣмъ ст. 219 уст. угол. суд. и соотвѣтствующая ей 244 ст. В.-С. У. указываютъ только, что воинскіе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ, подлежатъ военному суду за всѣ преступленія и проступки, совершенные во время уже состоянія на дѣйствительной службѣ; ст. 210 уст. уг. суд. и сходная съ ней 263 ст. В.-С. У. опредѣляютъ только территоріальную подсудность, а ст. 1250 уст. угол. суд. (1269 ст. В.-С. У.), относясь до дѣлъ смѣшанной подсудности военной и гражданской, имѣетъ въ виду только случай совокупности нѣсколькихъ преступленій, изъ коихъ одни подлежатъ разсмотрѣнію гражданскаго, а другія военнаго суда, по случая совершенія одного и того же преступленія, учиненнаго во время состоянія обвиняемаго въ гражданскомъ быту и продолжающагося по вступленіи его на дѣйствительную военную службу, ни эта статья, ни другія не предусматриваютъ. Посему и принимая во вниманіе, что правила о подсудности суду военному, какъ особому, не могутъ подлежать распространительному толкованію,—Сенатъ призналъ все дѣло о Фоминѣ, не исключая воинскихъ преступленій, какъ не влекущихъ болѣе строгаго наказанія, подсуднымъ суду гражданскаго вѣдомства[1]) и 2) Главный Военный Судъ, руководствовавшійся приведеннымъ рѣшеніемъ Сената, призналъ подсуднымъ также граждан-

[1]) Рѣш. 1890 г. № 34.

скому суду дѣло по обвиненію нижняго чина, состоящаго на дѣйствительной военной службѣ, въ отступленіи отъ православія въ магометанство, начавшемся до поступленія на службу [1]).

Правильность разрѣшеннаго Сенатомъ вопроса о подсудности дѣла Фомина, по началамъ дѣйствующаго процессуальнаго законодательства, не подлежитъ сомнѣнію, но нельзя, однако, не замѣтить, что вопросъ о подсудности такихъ дѣлъ представляется спорнымъ. Главными основаніями, опредѣляющими подсудность, являются: качества лица и свойства преступнаго дѣянія, при чемъ подъ свойствами преступленія разумѣются конкретные признаки, отличающіе его отъ другихъ запрещенныхъ уголовнымъ закономъ, подъ страхомъ наказанія, дѣяній. Между тѣмъ терминъ «длящееся преступленіе» есть условная формула, которая выражаетъ, что преступленіе постоянно и непрерывно возобновляется до наступленія какого либо обстоятельства, указывающаго на прекращеніе этого преступнаго состоянія; кромѣ того для признанія даннаго конкретнаго дѣянія длящимся необходимо, чтобы безпрерывно возобновлялась та составная часть дѣянія, въ которой законъ видитъ его преступную сущность [2]). Такимъ образомъ длящееся преступленіе есть особая форма преступной дѣятельности, коей опредѣляется, что преступное дѣяніе, хотя и слагается изъ множества отдѣльныхъ актовъ, но представляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Длящееся преступленіе можетъ по конкретнымъ своимъ признакамъ быть общимъ, воинскимъ, должностнымъ и т. п.; каждое изъ этихъ видовъ имѣетъ свою подсудность какъ само по себѣ, такъ и по качеству лица обвиняемаго, но при этомъ совершенно безразлично, длящееся ли оно или одноактное. Поэтому, казалось бы, къ преступленіямъ длящимся могли быть примѣнены и общія правила, опредѣляющія подсудность по качеству лица въ моментъ обнаруженія преступленія.

Тоже можно сказать и о преступленіяхъ продолжающихся, которыя также разсматриваются, какъ единое преступленіе [3]).

---

[1]) Рѣш. 1894 г. по дѣлу рядов. Степанова.

[2]) Таганцевъ. Лекціи, § 863.

[3]) Таганцевъ. Лекціи, § 861. Сергѣевскій. 338. Объясн. зап. къ проекту угол. улож., т. I, 559.

Выяснимъ это на примѣрѣ: А., задумавъ обокрасть Б., похищаетъ мало-по-малу деньги Б. изъ незапертаго помѣщенія; похитивъ такимъ образомъ 100 руб., онъ поступаетъ на военную службу и, продолжая выполненіе того же плана, взламываетъ дверь квартиры Б. для проникновенія къ деньгамъ. На этомъ оканчивается преступная дѣятельность А. Описанная единая кража должна быть квалифицирована по ст. 1647 улож. о наказ., но актъ, квалифицирующій кражу, относится ко времени состоянія на военной службѣ; часть этой кражи, учиненная до поступленія на службу, подсудна мировому судьѣ, и если бы всѣ акты, изъ коихъ слагается кража, были совершены до службы, то А. былъ бы подсуденъ окружному суду. Но такъ какъ преступленіе продолжалось и послѣ поступленія А. на военную службу, то все дѣло подлежитъ разсмотрѣнію военно-окружного суда. Если же принять за основаніе при опредѣленіи подсудности начальный моментъ преступленія, то на это можно возразить, что моментъ, опредѣлившій квалификацію, относится ко времени службы, вслѣдствіе чего все дѣло слѣдуетъ подчинить военному суду. Принимая за основаніе при опредѣленіи подсудности моментъ, квалифицирующій все дѣяніе, пришлось бы подчинить правила о подсудности чисто случайнымъ обстоятельствамъ, съ примѣненіемъ же общихъ правилъ ст. 219—227 уст. угол. суд. устранятся всякія затрудненія, и правила о подсудности не будутъ лишены необходимой устойчивости. Изложенныя соображенія такимъ образомъ указываютъ, что подсудность подобнаго рода дѣлъ могла быть опредѣлена и иначе, но для этого необходимо установленіе особаго въ законѣ правила, прямо предусматривающаго эти случаи.

7.

Коренное нарушеніе правилъ о смѣшанной подсудности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расширеніе военной юрисдикціи за нормальные ея предѣлы, внесъ законъ 21-го мая 1891 г. Особенное развитіе похищеній казеннаго оружія, патроновъ и пороха на Кавказѣ побудило въ 1887 г. главноначальствующаго гражданскою частью Генералъ-Адъютанта Дондукова-Корсакова войти съ представленіемъ объ усиленіи отвѣтственности за указанныя

преступленія какъ для воинскихъ чиновъ, такъ и лицъ гражданскихъ, съ подчиненіемъ послѣднихъ военной подсудности. Первая часть ходатайства, но въ отношеніи лишь воинскихъ чиновъ, осуществилась въ 1889 г., при чемъ усиленіе наказаній за эти преступныя дѣянія было введено не только для Кавказа, но также въ Закаспійской области и военныхъ округахъ Туркестанскомъ, Омскомъ, Иркутскомъ и Приамурскомъ, высшее начальство которыхъ признало примѣненіе во вѣренныхъ имъ округахъ предложенной Генералъ-Адъютантомъ Дондуковымъ-Корсаковымъ мѣры вполнѣ цѣлесообразнымъ[1]). Въ морскомъ вѣдомствѣ то же правило было введено для приморскихъ мѣстностей Кавказа и Приамурскаго края[2]). Затѣмъ въ 1891 г., въ дополненіе приведеннаго закона, Министрами Военнымъ, Юстиціи и Морскимъ было внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе о подчиненіи военной юрисдикціи дѣлъ о похищеніи казеннаго оружія, патроновъ и пороха, по коимъ совмѣстно съ лицами гражданскаго вѣдомства обвиняются военнослужащіе въ поименованныхъ выше мѣстностяхъ. 21-го мая 1891 г. изложенное предположеніе получило силу закона[3]), но Государственный Совѣтъ внесъ въ проектированный министрами законъ одно ограниченіе, изъявъ отъ военной подсудности женщинъ, что, вѣроятно, основывалось на правилахъ стараго процесса[4]), по которому подлежали военному суду лица гражданскаго вѣдомства, виновныя въ похищеніи казеннаго воинскаго имущества, за исключеніемъ женщинъ, подсудныхъ гражданскому суду. Но правило это дѣйствовало лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ не былъ введенъ военно-судебный уставъ[5]), и дѣйствительно, такое изъятіе могло существовать лишь тамъ, гдѣ на основаніи прежнихъ процессуальныхъ законовъ возможно было раздѣльное разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ. Установленіе особаго пра-

---

[1]) Приказъ по воен. вѣд. 1889 г. № 100.

[2]) Приказъ по морск. вѣд. 1890 г. № 51.

[3]) Примѣч. къ ст. 1246 уст. угол. суд. (т. XVI. ч. I Св. Зак. изд. 1892 г.); п. 2, ст. 12 зак. о судопр. по дѣламъ о прест. и прост. (т. XVI, ч. 2, изд. 1892 г.). Прим. къ ст. 1237 В.-М. С. У. по прод. 1895 г. Приказъ по воен. вѣд. 1891 г. № 164.

[4]) Пунктъ 8, ст. 12 зак. о судопр. по дѣламъ о прест. и прост., т. XV, ч. 2, изд. 1876 г.

[5]) Примѣч. 2-е къ той же статьѣ.

вила о подсудности военному суду гражданскихъ лицъ въ случаяхъ соучастія съ лицами военнаго вѣдомства въ кражѣ воинскаго оружія и т. д. необходимо было въ виду того, что кража, хотя и казенныхъ оружія, патроновъ и пороха, составляетъ преступленіе общее, и военное министерство видѣло въ этомъ законѣ лишь одну изъ ряда другихъ мѣръ противъ похищенія казенныхъ боевыхъ запасовъ, а потому и предполагало въ изъятіе изъ правила ст. 1236 уст. угол. суд. установить военную подсудность для всѣхъ вообще участниковъ лицъ гражданскаго вѣдомства, виновныхъ въ этомъ преступленіи. Изъятіе женщинъ отъ военной подсудности въ семъ случаѣ создало то, что, при соучастіи женщинъ, всѣ остальные соучастники, какъ гражданскіе, такъ и военные, должны будутъ судиться въ судѣ гражданскомъ, по силѣ ст. 1236 уст. угол. суд., что, очевидно, не только не согласно съ основною мыслью закона, но и устанавливаетъ совершенно чуждый современному процессу принципъ разграниченія подсудностей по принадлежности участниковъ къ тому или другому полу.

8.

Намъ остается выяснить еще вопросъ о значеніи для примѣненія правилъ смѣшанной подсудности фактовъ, устраняющихъ или пріостанавливающихъ уголовное преслѣдованіе одного или нѣсколькихъ изъ соучастниковъ. Подсудность опредѣляется въ зависимости отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя имѣлись въ виду при первоначальномъ обвиненіи[1]), поэтому прекращеніе уголовнаго преслѣдованія въ отношеніи одного изъ соучастниковъ не должно служить основаніемъ къ измѣненію подсудности остальныхъ, ибо въ судѣ, коему подсудно дѣло по правиламъ смѣшанной подсудности, можетъ быть предъявленъ и гражданскій искъ, имѣющій отношеніе, напр., и къ умершему соучастнику (ст. 226, 227 В.-С. У.), измѣненіе же подсудности въ зависимости отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ едва ли

[1]) Рѣш. угол. кассац. д-тъ 1870 г. № 186 и Главн. Воен. Суда 1888 г. № 80.

было бы цѣлесообразно въ практическомъ отношеніи. Правило о неизмѣняемости подсудности соучастниковъ, въ виду измѣненія процессуальнаго положенія одного или нѣсколькихъ изъ нихъ, Сенатомъ проведено со строгой послѣдовательностью, при чемъ, напр., даже осужденіе лица гражданскаго вѣдомства, совершившаго совмѣстно съ военнослужащимъ общее преступленіе, не измѣняетъ подсудности послѣдняго суду гражданскому, хотя обсужденію подлежитъ лишь вопросъ о виновности его одного[1]). Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній Сенатомъ разъяснено, что если гражданскій судъ постановилъ приговоръ объ общемъ преступленіи, совершенномъ военнослужащимъ при участіи лицъ гражданскаго вѣдомства, то въ случаѣ обнаруженія, послѣ постановленія приговора, воинскаго нарушенія, влекущаго за собою наказаніе менѣе строгое, чѣмъ общее преступленіе, это новое обвиненіе разсматривается тѣмъ же судомъ гражданскаго вѣдомства[2]).

Если такимъ образомъ причины, прекращающія уголовное преслѣдованіе, не должны оказывать никакого вліянія на подсудность, то тѣмъ болѣе не должны вліять на нее причины, пріостанавливающія движеніе дѣла и разрѣшеніе уголовнаго иска, поэтому побѣгъ соучастника не измѣняетъ первоначальной подсудности дѣла военному или гражданскому суду[3]). Точно также измѣненіе обвиненія въ воинскомъ преступленіи въ обвиненіе въ преступномъ дѣяніи общеуголовномъ на судѣ, разсматривающемъ дѣло о всѣхъ соучастникахъ, не можетъ служить основаніемъ къ измѣненію подсудности, а въ данномъ случаѣ къ направленію военнымъ судомъ дѣла въ гражданскій судъ, въ виду того, что на практикѣ такой порядокъ можетъ породить неразрѣшимыя пререканія, ибо судъ гражданскій, въ свою очередь, не лишенъ возможности признать, наоборотъ, преступленіе воинскимъ и тогда ему пришлось бы направить дѣло въ военный судъ[4]).

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1887 г. № 15.

[2]) Рѣш. Общ. Собр. 1870 г. № 2, 1871 г. № 142, 1877 г. № 30, 1881 г. № 19. Contra: рѣш Главн. Воен. Суда 1876 г. № 244.

[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1875 г. № 4. Рѣш. Гл. В. Суда 1886 г. № 135.

[4]) Contra: рѣш. Гл. В. Суда 1889 г. № 136.

Въ заключеніе замѣтимъ, что тѣ же правила о смѣшанной подсудности военной и гражданской примѣняются въ полной мѣрѣ къ случаямъ столкновенія подсудностей военному суду и гражданскимъ судамъ стараго устройства [1]).

9.

Въ законодательствахъ иностранныхъ существуютъ различныя системы опредѣленія подсудности при соучастіи лицъ военныхъ и гражданскихъ въ совершеніи преступленія. Во французскихъ военно-уголовныхъ кодексахъ какъ сухопутномъ, такъ и морскомъ, въ качествѣ основного правила постановлено, что всѣ соучастники преступнаго дѣянія, независимо отъ его свойствъ, подсудны одному гражданскому суду въ томъ случаѣ, если одинъ изъ соучастниковъ принадлежатъ къ категоріи лицъ, подсудныхъ вообще военному суду, а другія гражданскому [2]). Изъ этого основного правила сдѣланы исключенія, во 1-хъ, для военнаго времени, когда всѣ соучастники подсудны суду военному, во 2-хъ, если съ лицами, подсудными военному суду, участвовалъ въ совершеніи преступленія иностранецъ, такъ какъ, говоритъ Vexiau, нѣтъ никакого основанія предоставлять иностранцамъ тѣ привилегіи, коими по основному правилу пользуются французскіе граждане [3]) (?) и, въ 3-хъ, если всѣ соучастники носятъ военное званіе или состоятъ въ распоряженіи военнаго вѣдомства, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ по своему положенію во время совершенія преступленія и не были подсудны военному суду [4]). Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ сохранился старый инквизиціонный военный процессъ (Пруссія, Австрія), лица, подсудныя военному суду, въ случаѣ соучастія съ лицами гражданскими, судятся отдѣльно отъ послѣднихъ судомъ военнымъ [5]). Затѣмъ баварскій военный кодексъ устанавливаетъ совершенно особый порядокъ. На основаніи закона 18 ав-

---

[1]) Ст. 700 Зак. о судопр. по прест. и прост. (ч. 2. т. XVI Св. Зак. 1892 г.).
[2]) Code p. l'armée de terre, art. 76. Code p. l'armée de mer, art. 103.
[3]) Vexiau. Commentaire abrégé, 67.
[4]) Code p. l'armée de terre, art. 77. Code p. l'armée de mer, art. 104.
[5]) Oesterr. Mil.-Strafprozess-Ordn. § 21. Strafpr.-Ordn. 1873 § 60. Strafgerichts Ordn. f. das Preussische Heere, § 53.

густа 1879 года въ случаѣ соучастія военныхъ и гражданскихъ лицъ, послѣ производства предварительнаго слѣдствія, слѣдственное дѣло препровождается прокуратурой въ компетентное военное учрежденіе, которое, по разсмотрѣніи слѣдственныхъ актовъ, должно объявить, признаетъ ли оно необходимымъ сужденіе военнослужащаго въ военномъ судѣ или находитъ возможнымъ разсмотрѣніе дѣла и о послѣднемъ, совмѣстно съ гражданскими соучастниками, въ судѣ общеуголовномъ (art. 75), при утвердительномъ же разрѣшеніи вопроса—въ первомъ случаѣ обвиненіе военнослужащаго разсматривается отдѣльно въ судѣ военномъ (art. 76 [1]). Но если всѣ соучастники военнаго званія, при чемъ одни изъ нихъ, въ общемъ правилѣ, подсудны гражданскому суду, а другіе—военному, то дѣло въ полномъ объемѣ разсматривается судомъ военнымъ [2]).

Также неодинаково опредѣляется въ иностранныхъ кодексахъ подсудность въ случаяхъ совокупности преступныхъ дѣяній, изъ которыхъ одни подсудны военному суду, а другія гражданскому и какъ тѣ, такъ и другія учинены лицомъ, подчиненнымъ военной юрисдикціи. Во французскомъ законодательствѣ принята система раздѣльнаго разсмотрѣнія каждаго обвиненія, при чемъ прежде разсматривается важнѣйшее преступленіе и при обвинительныхъ приговорахъ по обоимъ дѣламъ въ исполненіе приводится приговоръ, коимъ назначено болѣе строгое наказаніе, такъ что во Франціи допускается одновременное существованіе нѣсколькихъ приговоровъ, изъ которыхъ въ исполненіе приводится лишь одинъ. Если же преступныя дѣянія влекутъ одинаковыя наказанія, то прежде разсматривается обвиненіе, подсудное военному суду [3]). Уставы прусскій и австрійскій не содержатъ правилъ по этому предмету, вслѣдствіе чего на практикѣ каждое обвиненіе разсматривается отдѣльно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ подсудность всѣхъ преступленій разрѣшается въ пользу одного суда военнаго или гражданскаго [4]). Кодексъ баварскій въ случаѣ совокупности престу-

[1]) Weigel. Die Zustandigkeitsgrenzen, 46—50. Marck. II, 116.
[2]) Art. 10 M.-S.-G.-Ordn.
[3]) Code p. l'armée de terre, art. 60. Code d'instruction, art. 365.
[4]) Marck. II. 128.

леній проводить начало нераздѣльности процесса, а именно, при совокупности преступленій воинскихъ и общихъ, учиненныхъ лицомъ военнаго званія, подсуднымъ за общія преступленія гражданскому суду, дѣло въ полномъ объемѣ разсматривается гражданскимъ судомъ, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ военнымъ (art. 7), такъ что предпочтеніе, очевидно, отдано суду военному, ибо такихъ лицъ воинскаго званія, которыя подсудны общимъ судамъ, весьма немного.

Наконецъ уголовное уложеніе для финскихъ войскъ въ основаніе разрѣшенія вопроса о подсудности дѣлъ по преступленіямъ, учиненнымъ лицами, подлежащими военному суду, въ соучастіи съ лицами, этому суду неподвѣдомственными, кладетъ степень участія виновныхъ. При этомъ, если главный виновникъ подсуденъ военному суду, то этотъ судъ производитъ слѣдствіе и относительно соучастника, подсуднаго общему суду, но затѣмъ протоколы по дѣлу отсылаются въ судъ гражданскій, который и постановляетъ о немъ приговоръ, что, конечно, возможно лишь при существующей въ Финляндіи инквизиціонной формѣ процесса. Если же лицо, подчиненное военной юрисдикціи, не было главнымъ виновникомъ, то дѣло въ полномъ объемѣ разсматривается судомъ общимъ, который постановляетъ одинъ приговоръ о всѣхъ совиновникахъ (§ 159). Въ случаяхъ же совокупности преступленій, подсудныхъ разнымъ судамъ, каждое изъ обвиненій разсматривается отдѣльно, но все-таки судъ, разсматривавшій послѣднее обвиненіе, постановляетъ одинъ приговоръ по совокупности (§ 157).

Сравнивая всѣ эти разнообразныя постановленія о смѣшанной подсудности, мы видимъ, что принципъ раздѣльнаго разсмотрѣнія является преобладающимъ въ процессахъ стараго типа, подобно тому, какъ это было и у насъ до введенія реформы; свойственный же новому процессу принципъ нераздѣльности наиболѣе послѣдовательно проведенъ въ русскомъ и французскомъ законодательствахъ. Затѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи постановленій о смѣшанной подсудности въ иностранныхъ кодексахъ, принявшихъ новый процессъ, нельзя не замѣтить, что законодатель прилагаетъ особыя заботы къ тому, чтобы лица, подсудныя военному суду, выходили изъ ком-

петенціи послѣдняго какъ можно рѣже; подчиненію же военной юрисдикціи, при соучастіи лицъ гражданскихъ препятствуютъ основные государственные законы, въ виду чего баварскій кодексъ допускаетъ нарушеніе принципа нераздѣльности, предоставляя въ этихъ случаяхъ опредѣленіе подсудности военнослужащаго даже усмотрѣнію начальства. Наоборотъ, французскій кодексъ уступаетъ требованіямъ конституціи, но не желая въ то же время нарушать нераздѣльности процесса о соучастникахъ и ограничивать военную подсудность военнослужащихъ въ пользу судовъ общихъ, устанавливаетъ, во 1-хъ, расширеніе военной подсудности на лицъ военнаго званія, не подлежащихъ военной юрисдикціи, независимо отъ свойствъ совершеннаго дѣянія и, во 2-хъ, исключаетъ изъ общей подсудности иностранцевъ, для которыхъ, по объясненію цитированнаго выше комментатора, гарантіи общегражданскаго суда являются излишней роскошью. Въ виду указанныхъ, трудно согласимыхъ между собою стремленій, институтъ смѣшанной подсудности въ двухъ послѣднихъ кодексахъ лишенъ необходимой логической устойчивости (въ особенности въ Баваріи) и опредѣленности, такъ что при сравненіи съ ними нельзя не отдать предпочтенія постановленіямъ по этому вопросу нашего законодательства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОДСУДНОСТЬ ВЫСШИХЪ И НИЗШИХЪ ВОЕННЫХЪ СУДОВЪ.

I.

Общія основанія. Суды сухопутные и морскіе.

1.

Предыдущія главы были посвящены опредѣленію объема военной юрисдикціи, при чемъ были установлены тѣ признаки, коими отграничивается подсудность судовъ общегражданскихъ отъ военныхъ, содержаніе же настоящей главы составляетъ опредѣленіе того соотношенія, въ которомъ находятся между собою разнородные и однородные военные суды по объему своей юрисдикціи.

Составители военно-судебнаго устава 1867 г., приступая къ своимъ работамъ, прямо выразили, что «необходимо устройство военныхъ судовъ сколь можно ближе уподобить устройству общихъ судовъ государства» [1]), что дѣйствительно и было выполнено; поэтому и главныя основанія новаго военнаго процесса являются въ настоящее время тождественными съ коренными основами процесса общаго, а уставъ военно-судебный про-

[1]) Сборн. закон. раб., 13.

никнуть, по выраженію проф. Фойницкаго, началами судебныхъ уставовъ [1]). Тѣ начала, которыя легли въ основаніе разграниченія вѣдомствъ разнородныхъ и однородныхъ судовъ общей судебной системы, получили полное примѣненіе и къ судамъ военно-судебной системы, но съ тою лишь особенностью, какъ то будетъ изложено ниже, что *начало сословное*, устраненное почти вовсе судебными уставами, сохранило для судовъ военныхъ свое прежнее значеніе. Распредѣленіе судебной работы между разнородными военными судами покоится на двухъ началахъ: личномъ (forum personale) и предметномъ (forum reale), а между однородными на началѣ мѣстномъ (forum territoriale). Но, независимо отъ этихъ началъ, на объемъ подсудности разнородныхъ военныхъ судовъ оказываетъ еще спеціальное вліяніе и *время*. Такимъ образомъ опредѣленіе подсудности внутри системы основывается на тѣхъ же началахъ, какими мы руководствовались при установленіи границъ общей и военной юрисдикцій. Что касается распредѣленія судебной работы между военно-сухопутными и военно-морскими судами, то оно, очевидно, можетъ быть сдѣлано единственно по началу принадлежности лицъ, подлежащихъ военной юрисдикціи, къ тому или другому вѣдомству, т. е. по личному принципу: лица, принадлежащія къ военно-сухопутному вѣдомству, подсудны суду военно-сухопутному, а принадлежащія къ военно-морскому—суду военно-морскому.

2.

Обращаясь къ дѣйствующему законодательству, мы видимъ, что власть судебная въ военномъ вѣдомствѣ распредѣляется между судами военно-сухопутными и военно-морскими, при чемъ какъ въ военно-судебномъ, такъ и въ военно-морскомъ судебномъ уставахъ имѣются правила, вполнѣ тождественныя по содержанію, на основаніи которыхъ служащіе въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ подлежатъ преслѣдованію въ порядкѣ перваго изъ указанныхъ уставовъ, а служащіе въ военно-морскомъ вѣдомствѣ въ порядкѣ второго [2]).

[1]) Курсъ, стр. 170 (нов. изд. стр. 58).
[2]) Ст. 1 и 213 В.-С. У.; ст. 1 и 206 В.-М. С. У.

По этимъ правиламъ должна быть опредѣляема и подсудность военно-сухопутныхъ и военно-морскихъ чиновъ. Но въ виду того, что военно-морской судебный уставъ содержитъ правила о подсудности морскому суду лицъ и другихъ категорій, указанныхъ также и въ военно-судебномъ уставѣ (чины запаса флота, военно-морскіе чины, состоящіе на службѣ внѣ морского вѣдомства, отставные, лица гражданскаго вѣдомства, военноплѣнные), представляется необходимымъ выяснить признаки подсудности всѣхъ этихъ лицъ морскому суду. Что касается лицъ, состоящихъ въ военно-морскихъ чинахъ, чиновъ запаса флота и отставныхъ военно-морскихъ чиновъ, то подсудность ихъ военно-морскому суду опредѣляется носимымъ ими званіемъ. Лица же гражданскія, по точному смыслу 242 ст. В.-М. С. У., подсудны военно-морскому суду въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, если мѣстности эти состоятъ подъ главнымъ начальствомъ военно-морскихъ лицъ, а военноплѣнные—если состоятъ въ веденіи также морского начальства [1]). Въ послѣднюю Турецкую войну, однако, по всѣмъ дѣламъ, «имѣвшимъ отношеніе къ оборонѣ края и военному его положенію» и производившимся въ военно-морскомъ судѣ Николаевскаго порта, чрезвычайныя права по судебной части были Высочайше предоставлены не морскому начальству, а командующему войсками Одесскаго военнаго округа [2]), самая же подсудность дѣла морскому суду опредѣлялась, на основаніи Высочайшаго указа 9 мая 1877 г., свойствомъ преступленія лица гражданскаго вѣдомства, т.-е. если оно было направлено противъ безопасности флота. Такимъ образомъ къ личному принципу, при разграниченіи подсудности сухопутныхъ и морскихъ военныхъ судовъ, присоединяются и другіе признаки: свойства власти и свойства преступленія.

Законъ, твердо устанавливая разграниченіе юрисдикцій военно-сухопутной и военно-морской по принадлежности обвиняемыхъ къ тому или другому вѣдомству, дѣлаетъ изъ этого правила два исключенія: 1) дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, подсуднымъ военному суду, морскихъ чиновъ въ Архангельскѣ, могутъ быть разсмотрѣны временнымъ судомъ военно-сухопутнаго вѣдом-

[1]) Ст. 243 В.-М. С. У.

[2]) Приказъ Генералъ-Адмирала 1877 г. № 75 и Отчетъ по военно-морской судной части за 1877 г.

ства, точно такъ же какъ и таковыя же дѣла военно-сухопутныхъ чиновъ, находящихся въ томъ же городѣ, могутъ быть передаваемы временному военно-морскому суду, но въ обоихъ случаяхъ въ число временныхъ членовъ назначается одинъ оберъ-офицеръ одного съ обвиняемыми вѣдомства [1]) и 2) дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, подсуднымъ экипажному суду, нижнихъ военно-морскихъ чиновъ, отсутствующихъ отъ своихъ командъ, подсудны ближайшему къ мѣсту совершенія полковому или равному имъ по власти суду, если преступное дѣяніе совершено не въ портѣ, гдѣ таковыя дѣла подсудны мѣстному экипажному суду [2]). Изложенныя изъятія имѣютъ своимъ основаніемъ процессуальное удобство и опредѣляются мѣстомъ совершенія преступленія. Главный Военный Судъ весьма строго охраняетъ основной принципъ разграниченія подсудностей сухопутныхъ и морскихъ судовъ, придерживаясь въ толкованіи относящихся сюда правилъ буквальнаго ихъ смысла; такимъ образомъ было разъяснено, что матросъ, прикомандированный къ сухопутной части, подлежитъ за совершенныя имъ преступныя дѣянія суду морского вѣдомства [3]), а приведенное выше правило ст. 258 В.-М. С. У. не подлежитъ распространительному толкованію, вслѣдствіе чего нижній чинъ морского вѣдомства, отсутствующій отъ своей команды, не подлежитъ за преступленія, выходящія изъ компетенціи экипажнаго суда, сужденію въ военно-окружномъ судѣ, но подсуденъ суду морского вѣдомства [4]). Послѣднее разъясненіе состоялось въ то время, когда компетенція экипажныхъ и полковыхъ судовъ была одинаковой, но съ изданіемъ въ 1884 г. военно-судебнаго устава въ новой редакціи, компетенція послѣднихъ стала шире компетенціи первыхъ, вслѣдствіе чего необходимо выяснить, подсудны ли полковому суду преступленія отсутствующихъ нижнихъ морскихъ чиновъ въ томъ случаѣ, если они, не превышая компетенціи полкового, выходятъ изъ предѣловъ власти экипажнаго суда? Если принять во вниманіе, что въ основаніи разсматриваемаго правила лежитъ начало цѣлесообразности и удобства, то обвиненіе въ преступномъ дѣя-

[1]) Примѣч. къ ст. 27 В.-М. С. У.
[2]) Ст. 258 В.-М. С. У.
[3]) Рѣш. 1874 г. № 183.
[4]) Рѣш. 1872 г. № 128 и Отчетъ по военно-морской судной части за 1871 г., стр. 33.

ній, подсудномъ по своей природѣ полковому суду, должно подлежать разрѣшенію этого суда и въ томъ случаѣ, когда совершено нижнимъ чиномъ морского вѣдомства, но тотъ же вопросъ можетъ быть разрѣшенъ и иначе: подчиняя такого нижняго чина подсудности полкового суда, мы лишаемъ его тѣхъ гарантій, установленныхъ для высшихъ судовъ, коими онъ пользуется по общему для всѣхъ нижнихъ морскихъ чиновъ закону. Поэтому и въ разсматриваемомъ случаѣ онъ не можетъ быть, безъ точнаго указанія на то въ законѣ, лишенъ принадлежащаго ему весьма существеннаго права; въ виду чего, казалось бы, правильнѣе остановиться на второмъ рѣшеніи этого вопроса.

Проф. Володимировъ находитъ цѣлесообразнымъ, примѣнительно къ ст. 258 В.-М. С. У., неподсудныя экипажнымъ судамъ дѣла о преступленіяхъ отсутствующихъ нижнихъ морскихъ чиновъ подчинить подсудности военно-окружныхъ судовъ, такъ какъ, «если отдаленность экипажнаго суда служитъ достаточнымъ основаніемъ для измѣненія подсудности, то важность сохраненія единства власти и подчиненности съ одной, и отсутствіе существенной разницы въ порядкѣ дѣйствій военнаго и военно-морского суда съ другой стороны» должны быть признаны основаніями, весьма уважительными для такого толкованія [1]). Вполнѣ раздѣляя принципіально эту точку зрѣнія, мы не можемъ, однако, не отмѣтить того весьма существеннаго обстоятельства, что ст. 258 говоритъ исключительно объ экипажныхъ и полковыхъ судахъ, изъ чего можетъ быть сдѣланъ тотъ выводъ, что законодатель желаетъ сохранить за судами военно-морского вѣдомства болѣе важныя уголовныя дѣла о нижнихъ морскихъ чинахъ, да наконецъ нельзя указать въ законѣ и основанія, по которому военно-окружной судъ былъ бы обязанъ принять подобное дѣло къ своему производству. Въ виду всего вышеизложеннаго слѣдуетъ признать, что приведенныя выше разъясненія Главнаго Военнаго Суда, въ строго ограниченномъ смыслѣ, представляются болѣе близкими къ волѣ законодателя; но независимо отъ этого очевидно, что постановленія закона о столкновеніи подсудностей военно-морскимъ и военно-сухопутнымъ судамъ все-

[1]) Курсъ, 203.

таки представляются недостаточно полными. Дѣйствительно, практика не замедлила выдвинуть подобные вопросы. Такъ, въ 1891 году въ предѣлахъ Вилепскаго воннаго округа былъ привлеченъ къ отвѣтственности, по обвиненію въ воинскомъ преступленіи, нижній морской чинъ, находившійся въ годовомъ отпуску. Морское вѣдомство находило это дѣло подсуднымъ Виленскому военно-окружному суду, въ виду того, что ст. 238 В.-М. С. У. (о подсудности чиновъ запаса флота) устанавливаетъ изъятіе нижнихъ морскихъ чиновъ изъ подсудности общимъ судебнымъ учрежденіямъ и что увольняемые въ запасъ или продолжительный отпускъ нижніе морскіе чины поступаютъ въ вѣдѣніе уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. Главное военно-судное управленіе находило, что по точной силѣ закона подобныя дѣла во всякомъ случаѣ подсудны судамъ морского вѣдомства и только въ видахъ практическихъ, для удобства разсмотрѣнія дѣла въ судѣ ближайшемъ къ мѣсту совершенія преступленія, таковое можетъ быть передано въ Виленскій военно-окружной судъ, но не иначе, какъ по соглашенію министерства военнаго и морского [1]), что въ дѣйствительности и осуществилось. Такое разрѣшеніе вопроса находитъ себѣ подтвержденіе, между прочимъ, и въ правилѣ ст. 337 В.-С. У. о производствѣ предварительнаго слѣдствія при соучастіи военно-сухопутныхъ и военно-морскихъ чиновъ.

Наконецъ, въ 1893 году въ видѣ временной мѣры была установлена, по особому Высочайшему повелѣнію, подсудность военно-морскихъ чиновъ Енисейской экспедиціи военнымъ судамъ сухопутнаго вѣдомства, вслѣдствіе отдаленности отъ г. Енисейска военныхъ портовъ [2]).

Всѣ вышеизложенныя правила имѣютъ въ виду случаи подсудности преступленій, совершенныхъ одними морскими чинами, но законъ не содержитъ прямого разрѣшенія вопроса о стеченіи соучастниковъ морского и военно-сухопутнаго вѣдомствъ. Этотъ вопросъ возникалъ еще въ семидесятыхъ годахъ и былъ разрѣшенъ въ смыслѣ подсудности всѣхъ соучастниковъ одному суду морского или военно-сухопутнаго вѣдомства, потому что основное правило

[1]) Ст. 274 В.-С. У.

[2]) Высочайшее повелѣніе 22 Ноября 1893 г. Рѣш. Глав. В.-Морск. Суда 1895 г. № 978.

о совмѣстномъ сужденіи всѣхъ соучастниковъ содержится какъ въ военно-судебномъ, такъ и въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ [1]), и что на основаніи его должна быть разграничена подсудность судовъ морского и военно-сухопутнаго въ случаѣ соучастія чиновъ того и другого вѣдомства. Изложенное толкованіе несомнѣнно заключаетъ въ себѣ нѣкоторую натяжку, но оно основано на коренномъ принципѣ нераздѣльности и подкрѣпляется тѣмъ соображеніемъ, что если по правиламъ о смѣшанной подсудности подлежатъ военному суду въ извѣстныхъ случаяхъ лица гражданскія, то тѣмъ болѣе нѣтъ причины придерживаться противоположнаго воззрѣнія въ случаяхъ соучастія сухопутныхъ и морскихъ чиновъ, принадлежащихъ въ одинаковой степени къ войску. Въ виду сего по военному вѣдомству состоялось разъясненіе, что при совмѣстномъ совершеніи преступленія вонискими чинами морского и сухопутнаго вѣдомствъ, всѣ они подсудны одному суду морскому или военно-сухопутному, въ зависимости отъ того, въ вѣдомствѣ котораго изъ нихъ находится большее число обвиняемыхъ или которому изъ этихъ судовъ подсудны главные виновные [2]). Что же касается вопроса о подсудности однихъ военно-сухопутныхъ чиновъ судамъ морского вѣдомства, то едва ли на практикѣ могутъ возникнуть такіе случаи, внѣ указанныхъ выше изъятій, такъ какъ необходимость подсудности морскихъ чиновъ судамъ военно-сухопутнаго вѣдомства происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе малочисленности морскихъ судовъ, но если бы обстоятельства сложились такъ, что сужденіе обвиняемыхъ сухопутнаго вѣдомства было удобнѣе въ морскомъ судѣ, то вопросъ этотъ надлежало бы разрѣшить на тѣхъ же вышеизложенныхъ основаніяхъ.

Французское законодательство содержитъ подробныя правила о разграниченіи подсудности военно-сухопутному и военно-морскому суду. Подсудность соучастниковъ сухопутнаго и морского вѣдомствъ опредѣляется мѣстомъ совершенія преступленія, при чемъ всѣ соучастники подсудны одному морскому суду, если преступленіе совершено на кораблѣ, въ морскомъ арсеналѣ, или другомъ морскомъ сооруженіи и вообще въ предѣлахъ военнаго

---

[1]) Ст. 269 В.-С. У. (ст. 256 кн. XXIV С. В. П. 1869 г. изд. 2) и ст. 247 В.-М. С. У.

[2]) Цирк. Глав. Штаба 1875 г. № 255.

порта [1]), во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ суду военно-сухопутнаго вѣдомства [2]). Кромѣ того, если преступленіе совершено въ мѣстностяхъ, находящихся въ осадномъ положеніи, то хотя бы это было мѣсто, состоящее въ вѣдѣніи морского начальства, всѣ соучастники подлежатъ военно-сухопутному суду [3]). Затѣмъ французскій военно-морской уголовный кодексъ разрѣшаетъ еще вопросъ о подсудности прикомандированныхъ военно-сухопутныхъ чиновъ къ вѣдомству морскому, а военно-морскихъ — къ сухопутному. Лица эти подчиняются юрисдикціи судовъ того вѣдомства, къ коему они прикомандированы, при чемъ безразлично, въ составѣ ли цѣлыхъ частей, или въ отдѣльности (art. 108); поэтому и сухопутныя воинскія части, посаженныя на корабль (art. 108), также подчиняются военно-морской юрисдикціи. Такимъ образомъ, французское законодательство отдаетъ предпочтеніе мѣстному основанію при разграниченіи подсудности военно-сухопутныхъ и военно-морскихъ судовъ, а вообще—первымъ надъ вторыми. Наоборотъ, наше законодательство и практика придаетъ большое значеніе принадлежности къ вѣдомству, а въ частныхъ случаяхъ разрѣшаетъ вопросъ о подсудности тому или другому суду по началу удобства разсмотрѣнія дѣла.

II.

Разнородные военные суды первой степени.

1.

Древнѣйшій принципъ распредѣленія судебныхъ дѣлъ между отдѣльными судебными органами есть принципъ личный (f. personale), по которому вопросъ о подсудности дѣла рѣшаетъ соціально-политическое положеніе лица, его политическій status. Подъ вліяніемъ измѣнявшихся условій государственной и общественной жизни этотъ принципъ постепенно терялъ значеніе,

[1]) Code p. l'armée de terre, art 78. Code p. l'armée de mer, art. 105.
[2]) Тамъ же, art. 79 и 106.
[3]) Тамъ же.

уступая мѣсто другимъ и сохраняя свое дѣйствіе лишь въ весьма узкой сферѣ. У насъ, со введеніемъ судебной реформы 1864 г., личный принципъ также оказался въ значительной степени устраненнымъ въ сферѣ общегражданской жизни[1]), но военный процессъ сохранилъ его и послѣ реформы, что объясняется особенностями военнаго быта, основаннаго на своеобразныхъ отношеніяхъ іерархическаго подчиненія и раздѣленія всѣхъ военнослужащихъ на двѣ крупныя группы: нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Уже одно численное превосходство первыхъ надъ вторыми вызывало необходимость, при разграниченіи подсудности военныхъ судовъ, образованіе для наиболѣе многочисленныхъ и въ то же время маловажныхъ дѣлъ о нижнихъ чинахъ особыхъ судовъ, болѣе дешевыхъ и болѣе простыхъ по своему устройству. Сообразно общимъ началамъ судебныхъ уставовъ, слѣдовало бы, конечно, при этомъ принять во вниманіе исключительно свойство преступленія и тяжесть положеннаго за него въ законѣ наказанія, но законодатель, разграничивая и по этому послѣднему началу, какъ то увидимъ ниже, вѣдомства высшихъ и низшихъ военныхъ судовъ, отнесъ къ компетенціи послѣднихъ лишь дѣла о нижнихъ чинахъ, въ виду того глубокаго различія, которое существуетъ между нижними чинами и офицерами по ихъ положенію и значенію въ арміи; для офицеровъ, по нашему законодательству, существуетъ только одинъ высшій судъ: военно-окружной или военно-морской.

Изъ иностранныхъ государствъ въ Баваріи компетенція низшихъ судовъ (Militär-Untergerichte) распространяется и на офицеровъ[2]); во Франціи низшіе суды, не входя въ общую судебную систему, имѣютъ характеръ административный и учреждены отдѣльно для нижнихъ чиновъ (conseil de discipline) и офицеровъ (conseil d'enquête[3]). Въ Пруссіи, Вюртембергѣ и Австріи, гдѣ сохранился процессъ стараго типа, компетенція низшихъ судовъ распространяется только на нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ разграниченіе высшей и низшей подсудности по лич-

---

[1]) Журн. Госуд. Совѣта 1862 г. № 65, стр. 243; ст.: 1076 и 1112 уст. угол. суд. (по ред. 1892 г.) и примѣч. къ ст. 2 учр. суд. уст.

[2]) Militärstrafgerichtsordnung, art. 24.

[3]) Мушниковъ. Воен. угол. судопр. иностр. держ., 49 и 76.

ному принципу и въ военномъ процессѣ представляется переживаніемъ старыхъ, отжившихъ уже нормъ. Относительно нашего законодательства нельзя, однако, не замѣтить, что при разграниченіи подсудностей военныхъ судовъ, высшихъ и низшихъ, проведеніе личнаго начала не является рѣзкой особенностью военнаго процесса, такъ какъ и въ процессѣ общемъ служебный рангъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣляетъ подсудность особому суду.

Низшими судами по нашему законодательству являются суды полковые и равные имъ по власти: баталіонные, бригадные, командные и проч.; кромѣ того въ бригадахъ и особыхъ отдѣлахъ пограничной стражи состоятъ особые суды, по компетенціи равные полковымъ[1]); затѣмъ въ морскомъ вѣдомствѣ низшіе суды носятъ названіе экипажныхъ. Въ военное время, на правахъ полковыхъ судовъ дѣйствуютъ кромѣ того суды этапные[2]), а въ морскомъ вѣдомствѣ, во время отдѣльнаго плаванія, суды корабельные[3]). Всѣ означенные суды учреждаются при такихъ частяхъ войскъ, начальники которыхъ пользуются властью полкового командира[4]) и вѣдомство ихъ распространяется исключительно на нижнихъ чиновъ[5]). Составители военно-судебнаго устава 1867 г., опредѣляя степень власти полковыхъ судовъ, находили, что въ случаяхъ соучастія нижнихъ чиновъ съ гражданскими лицами въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подсудныхъ полковому суду, правила о смѣшанной подсудности могутъ быть примѣняемы въ полной мѣрѣ, но съ тѣмъ, чтобы, когда гражданскія лица, какъ соучастники, подлежатъ преданію военному суду, дѣло разсматривалось въ военно-окружномъ или равномъ ему по власти судѣ, такъ какъ «не представляется основаній къ лишенію частныхъ лицъ тѣхъ главныхъ гарантій на судѣ, которыя принадлежатъ имъ по общему закону для защиты себя отъ неправильныхъ обвиненій»[6]). Компетенція полковыхъ судовъ распространяется на нижнихъ чиновъ всѣхъ категорій, т. е.

---

[1]) Ст. 276, т. VI Св. Зак. 1892 г.
[2]) Ст. 1280 В.-С. У.
[3]) Ст. 1071 В.-М. С. У.
[4]) Ст. 8 В.-С. У.; ст. 8 В.-М. С. У.
[5]) Ст. 252 В.-С. У.; ст. 255 В.-М. С. У.
[6]) Сборн. зак. раб., 340.

состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, запасныхъ и отставныхъ, если они обвиняются въ преступныхъ дѣяніяхъ, подсудныхъ военному суду и по свойствамъ своимъ не выходящихъ изъ компетенціи полкового суда. Равнымъ образомъ и при тѣхъ же условіяхъ должны быть признаны подсудными полковому суду подпрапорщики, эстандартъ-юнкера, подхорунжіе и кандидаты на классную должность, а также вольноопредѣляющіеся, пользующіеся особыми правами состоянія. Кромѣ того на практикѣ установилось подчиненіе подсудности полковыхъ судовъ и ратниковъ ополченія, призванныхъ въ учебные сборы, въ правильности чего не безъ основанія сомнѣвается проф. Володимировъ [1]). Въ морскомъ вѣдомствѣ съ 1894 г. изъ подсудности низшихъ военныхъ судовъ изъяты старшіе боцманы и кондукторы флота, которыя приравнены въ отношеніи преданія суду, подсудности и налагаемыхъ на нихъ по суду наказаній къ офицерамъ [2]).

Принятое нашимъ военнымъ законодательствомъ начало ограниченной по лицамъ подсудности низшимъ военнымъ судамъ нарушается въ военное время, когда компетенція полковыхъ и равныхъ имъ, а также этапныхъ судовъ распространяется на нѣкоторыя категоріи лицъ гражданскихъ. При составленіи военно-судебнаго устава 1867 г. комиссія «признала полезнымъ распространить предѣлы вѣдомства полковыхъ судовъ на лицъ, принадлежащихъ къ войску, не пользующихся особенными правами, за всѣ проступки, подлежащіе вѣдѣнію полковыхъ судовъ, и на лицъ гражданскаго вѣдомства и жителей иностранныхъ областей, арміею занимаемыхъ — за проступки, совершенные ими вмѣстѣ съ лицами, подлежащими полковому суду». Мотивами къ установленію такихъ правилъ было выставлено: 1) «что лица, принадлежащія къ войску, на военное время сравнены съ военнослужащими» и 2) что послѣднее правило вызывается необходимостью устранить тѣ затрудненія, которыя могутъ возникнуть при требованіи открытія въ военное время военнаго суда для каждаго неважнаго случая [3]). На этомъ основаніи было поста-

[1]) Курсъ. 270.

[2]) Ст. 61[1—2], кн. VIII, С. М. П. по продолж. 1895 г. Примѣч. къ ст. 255 и 609 В.-М. С. У. по продолж. 1895 г. Примѣч. 3 къ ст. 5 В.-М. У. о наказ. по продолж. 1895 г.

[3]) Сборн. закон. раб. 453 и 454.

новлено правило, перешедшее затѣмъ въ XXIV кн. С. В. П. изд. 1879 г., что «въ военное время предѣлы вѣдомства полковыхъ судовъ въ установленныхъ случаяхъ, распространяются: на лицъ, принадлежащихъ къ войску и притомъ не пользующихся особенными правами по происхожденію, воспитанію или службою пріобрѣтенными, и на лицъ гражданскаго вѣдомства въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, и жителей непріятельскихъ областей, арміей занимаемыхъ, за проступки, совершенные ими вмѣстѣ съ лицами, подлежащими полковому суду, въ томъ случаѣ, если за эти проступки опредѣляются исправительныя наказанія, не влекущія за собою для лицъ, пользующихся особенными правами, лишенія или ограниченія сихъ правъ, а для не пользующихся особенными правами — отдачи въ дисциплинарные баталіоны или роты и другихъ болѣе тяжкихъ наказаній» (ст. 1217). Такимъ образомъ при опредѣленіи подсудности полковому суду однихъ лицъ, принадлежащихъ къ войску, составители устава 1867 г. приняли за основаніе права состоянія, т. е. начало сословное, а въ случаѣ соучастія это начало было вовсе устранено. При пересмотрѣ въ 1884 г. IV раздѣла военно-судебнаго устава было принято во вниманіе то обстоятельство, что, если дѣйствіе полковыхъ судовъ распространяется на лицъ гражданскаго вѣдомства безъ различія ихъ правъ состоянія, то тѣмъ болѣе нѣтъ причины вносить это различіе относительно лицъ, принадлежащихъ къ войску, другими словами, было признано необходимымъ установить какое либо одно основаніе подчиненія гражданскихъ лицъ компетенціи полковыхъ судовъ, и вышеизложенное правило было принято въ томъ смыслѣ, что компетенція полковыхъ и этапныхъ судовъ распространяется на всѣхъ принадлежащихъ къ войску лицъ, исключая: 1) лицъ, состоящихъ на службѣ отъ правительства по разнымъ частямъ военнаго управленія и при военныхъ начальникахъ, и 2) иностранныхъ офицеровъ (ст. 1326). Военно-морской судебный уставъ сохраняетъ правило, что вѣдомство корабельнаго суда во время плаванія простирается, кромѣ нижнихъ чиновъ, на всѣхъ находящихся на кораблѣ лицъ, не принадлежащихъ къ составу экипажа, кои не пользуются особенными правами по происхожденію, воспитанію или службѣ

(ст. 1080), т. е. удерживаетъ сословное начало. Проф. Шендзиковскій рѣшительно высказывается за возвращеніе къ тому же началу при опредѣленіи подсудности низшимъ военнымъ судамъ лицъ гражданскихъ, но съ болѣе послѣдовательнымъ его проведеніемъ, т. е. за подчиненіе во всѣхъ случаяхъ этимъ судамъ лишь тѣхъ изъ гражданскихъ лицъ, которыя не пользуются особенными правами состоянія. Основаніемъ къ установленію такого правила проф. Шендзиковскій выставляетъ то совершенно справедливое соображеніе, что подчиненіе судамъ, не представляющимъ достаточныхъ гарантій для подсудимаго, напр., корреспондентовъ, купцовъ, техниковъ и т. п., можетъ дурно отозваться на составѣ этихъ лицъ, весьма полезныхъ для арміи [1]). Это чисто практическое соображеніе, хотя и противорѣчащее основному началу равенства всѣхъ передъ закономъ, по необходимости не можетъ не быть принято во вниманіе въ виду возможности дѣйствительнаго возникновенія указанныхъ вредныхъ послѣдствій. Проф. Шендзиковскій не находитъ, однако, необходимымъ распространять то же начало на жителей непріятельскихъ областей; между тѣмъ послѣдовательность требуетъ примѣненія и къ симъ послѣднимъ того же начала, тѣмъ болѣе, что подчиненіе низшимъ военнымъ судамъ иностранцевъ привилегированныхъ сословій можетъ повлечь возбужденіе неудовольствія со стороны мѣстнаго населенія, во всякомъ случаѣ настроеннаго немилолюбиво. Кромѣ того тотъ же авторъ указываетъ на необходимость распространенія вѣдомства низшихъ военныхъ судовъ на вооруженныхъ, соотвѣтствующихъ званій, что практиковалось въ послѣднюю турецкую войну [2]) и о чемъ дѣйствительно слѣдовало бы указать въ законѣ.

Въ Баваріи компетенція низшихъ и высшихъ судовъ относительно лицъ одинакова какъ въ мирное, такъ и военное время, при чемъ лишь вмѣсто военно-окружныхъ судовъ (Militär-Bezirksgerichte) для мобилизаціонныхъ корпусовъ образуются полевые суды (Feldgerichte). Во Франціи въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ существуютъ низшіе суды, какъ то упоминалось выше, съ характеромъ административнымъ, отдѣльно для нижнихъ чи-

[1]) О судѣ въ воен. время, 77—79
[2]) Тамъ же. 77.

новъ и отдѣльно для офицеровъ; затѣмъ единственнымъ судомъ 1-ой степени является военный судъ (conseil de guerre) каждаго территоріальнаго округа, коему и подсудны всѣ лица, подчиненныя военной юрисдикціи въ мирное время, почему личный принципъ въ мирное время не имѣетъ значенія. Въ военное время образуются суды при каждой дивизіи, отдѣльномъ отрядѣ, силою не менѣе баталіона, корпусѣ и арміи, и въ видахъ достиженія возможной быстроты производства, каждому изъ этихъ судовъ подчиняются обвиняемые сообразно ихъ званіямъ [1]). Такъ, дивизіоннымъ и отряднымъ судамъ подсудны нижніе чины и офицеры до чина капитана включительно, корпуснымъ—состоящіе при корпусномъ штабѣ до чина полковника включительно, баталіонные и эскадронные командиры и всѣ штабъ-офицеры корпуса, наконецъ суду арміи (du quartier général de l'armée) подсудны всѣ лица, не входящія въ составъ корпусовъ или дивизій, всѣ лица, состоящія при главной квартирѣ, и всѣ генералы, при чемъ дѣла о послѣднихъ по распоряженію военнаго министра, согласно представленію главнокомандующаго, могутъ быть переданы на разсмотрѣніе ближайшаго военно-окружнаго суда (§ 4 art. 67). Затѣмъ всѣ остальныя лица, невоеннаго званія, на которыхъ въ военное время распространяется военная подсудность, судятся въ ближайшемъ къ мѣсту совершенія преступленія или задержанія обвиняемаго полевомъ военномъ судѣ (art. 68). Послѣднее правило не распространяется на корреспондентовъ, которые подсудны одному изъ вышеперечисленныхъ судовъ въ зависимости отъ того, при штабѣ какой изъ частей арміи они состоятъ. Кромѣ указанныхъ судовъ, со вступленіемъ арміи на непріятельскую территорію, военно-судебная власть по маловажнымъ проступкамъ присвоивается лицамъ, завѣдующимъ военно-полицейской частью (grand prévôt et prévôts [2]). Юрисдикція превò распространяется на всѣхъ лицъ, слѣдующихъ за арміей, а также бродягъ, лицъ, не имѣющихъ «установленнаго вида» (vagabonds et gens sans

[1]) Code p. l'armée de terre, art. 33, 65—68. Vexian. Commentaire, 57.

[2]) Во время войны 1870—71 гг. превò отправляли правосудіе и на всей французской территоріи (Шендзиковскій. О судѣ въ военное время, 22).

aveu) и военноплѣнныхъ, не имѣющихъ офицерскаго званія [1]). Изложенная система распредѣленія вѣдомствъ многочисленныхъ полевыхъ судовъ, хотя и имѣетъ цѣлью достиженіе возможной быстроты въ производствѣ дѣлъ, основывается тѣмъ не менѣе на началѣ іерархическомъ, по служебному рангу обвиняемаго, т. е. на личномъ принципѣ во всей его неприкосновенности, проведенномъ съ большою послѣдовательностью. Подобное же судоустройство существуетъ и въ французскомъ флотѣ, при чемъ суды раздѣляются на двѣ главныя группы: суды на берегу (à terre) и суды въ плаваніи (à bord [2]); первая группа состоитъ изъ двухъ разрядовъ судовъ первой степени: conseils de guerre, соотвѣтствующихъ по своей компетенціи сименнымъ сухопутнымъ судамъ, и tribunaux maritimes, коимъ подсудны лица гражданскія, по закону подчиненныя военной юрисдикціи [3]). Во время плаванія кромѣ военно-морскихъ судовъ (conseils de guerre à bord des bâtiments de l'Etat), коихъ юрисдикція распространяется на всѣхъ находящихся на кораблѣ лицъ, дѣйствуютъ еще низшіе суды, носящіе названіе conseils de justice; послѣдніе пользуются нѣсколько большей властью, чѣмъ прево, и компетенція ихъ распространяется на всѣхъ находящихся на кораблѣ лицъ, не имѣющихъ званія офицера или гардемарина (aspirant), а также на лицъ, не имѣющихъ свидѣтельства о правленіи ихъ, при посадкѣ на судно, къ тѣмъ же званіямъ (art. 102). Наконецъ въ экспедиціонныхъ отрядахъ въ отношеніи компетенціи военныхъ судовъ дѣйствуютъ правила сухопутнаго военно-уголовнаго кодекса (art. 84).

2.

Общимъ для всѣхъ кодексовъ началомъ, служащимъ основаніемъ при разграниченіи вѣдомствъ разнородныхъ судовъ, служатъ *тяжесть и свойства преступнаго дѣянія*. При опредѣленіи подсудности принимаются—какъ то было разъяснено

[1]) Art. 51, 52 et 75.
[2]) Code p. l'armée de mer., art. 1.
[3]) Art. 77 et 88.

Сенатомъ и раздѣляется всѣми нашими процессуалистами — во вниманіе тѣ *факты*, которые были выставлены при предъявленіи обвиненія и которыми обусловливаются свойства преступнаго дѣянія, квалификація же этихъ фактовъ обвинителемъ не имѣетъ существеннаго значенія [1]). Тяжесть преступнаго дѣянія опредѣляется наивысшимъ наказаніемъ, положеннымъ въ законѣ за это дѣяніе [2]). Отсюда вытекаютъ два указанныхъ въ законѣ послѣдствія: 1) что при совокупности преступныхъ дѣяній подсудность опредѣляется важнѣйшимъ изъ нихъ [3]) и 2) при соучастіи подсудность всѣхъ совиновниковъ опредѣляется подсудностью соучастника, подлежащаго высшему суду [4]). Первое изъ означенныхъ правилъ не имѣетъ безусловнаго значенія, ибо коренится въ требованіяхъ матеріальнаго, а не процессуальнаго права; поэтому Главный Военный Судъ разъясняетъ, что если нижній чинъ былъ уже преданъ полковому суду и совершилъ послѣ этого преступленіе, этому суду неподсудное, или если при разсмотрѣніи въ полковомъ судѣ дѣла обнаружится преступленіе, подсудное высшему суду, но учиненное подсудимымъ послѣ преданія его полковому суду,—то обвиненія, не выходящія изъ компетенціи сего послѣдняго, разрѣшаются полковымъ судомъ [5]). Такимъ образомъ Главный Военный Судъ ставитъ примѣненіе правила ст. 267 В.-С. У. въ зависимость отъ наличности акта преданія суду обвиняемаго; но если преступное дѣяніе, подсудное полковому суду, совершено было во время производства дѣла, подлежащаго разрѣшенію военно-окружного суда, то первое обвиненіе подлежитъ разсмотрѣнію также военно-окружнаго, а не полкового суда [6]). Наконецъ, въ виду того, что судъ, компетентный къ разрѣшенію болѣе важныхъ обвиненій, является компетентнымъ къ разрѣшенію обвиненій, по существу своему относящихся къ вѣдѣнію низшаго суда, наше законодательство постановляетъ, что дѣло, поступившее на раз-

---

[1]) Фойницкій. 473. Случевскій. 100. Чебышевъ-Дмитріевъ. 38. Макалинскій. I, 247.

[2]) Тамъ же. Ст. 266 В.-С. У. и ст. 246 В.-М. С. У.

[3]) Ст. 267 В.-С. У. и ст. 245 В.-М. С. У.

[4]) Ст. 269 В.-С. У. и ст. 247 В.-М. С. У.

[5]) Рѣш. 1888 г. № 3; 1892 г. № 27, 65 и др.

[6]) Мартыновъ. В.-С. У., стр. 77.

рѣшеніе высшаго суда, не можетъ быть обращено къ низшей подсудности [1]).

По французскому военно-сухопутному кодексу, единственнымъ судомъ первой степени является conseil de guerre, коему подсудны всѣ преступныя дѣянія, за исключеніемъ проступковъ, разсматриваемыхъ въ административномъ порядкѣ, а именно: дурного поведенія нижнихъ чиновъ, оказывающаго вредное вліяніе на товарищей, за что дисциплинарный судъ можетъ назначить отдачу въ дисциплинарную роту или заключеніе въ тюрьмѣ не свыше двухъ мѣсяцевъ, и затѣмъ неодобрительнаго поведенія и вообще маловажныхъ нарушеній служебныхъ обязанностей офицеровъ, за что они могутъ быть подвергнуты по приговору слѣдственнаго суда единственно отставленію отъ службы [2]). Кромѣ того, въ военное время, прево разсматриваютъ относительно подсудныхъ имъ лицъ полицейскія нарушенія, упомянутыя въ ст. 271 кодекса, и вообще всѣ тѣ преступныя дѣянія, за которыя по закону положено тюремное заключеніе не свыше 6 мѣсяцевъ и штрафъ не свыше 200 франковъ или одно изъ этихъ наказаній (art. 75). Вслѣдствіе этого разсматриваемый кодексъ не содержитъ постановленій, опредѣляющихъ подсудность судовъ по тяжести преступныхъ дѣяній. Во флотѣ, гдѣ существуетъ нѣсколько судовъ первой степени, по морскому кодексу установлено, при совокупности преступныхъ дѣяній разной подсудности, раздѣльное ихъ разсмотрѣніе, при чемъ первымъ разсматриваетъ дѣло тотъ судъ, коему подсудно важнѣйшее преступное дѣяніе (art. 109); при соучастіи же лицъ, подсудныхъ разнымъ военно-морскимъ судамъ, преимущество отдано conseils de guerre (art. 107). Баварскій кодексъ перечисляетъ въ точности преступныя дѣянія, подсудныя низшему военному суду [3]), при чемъ относительно общихъ преступленій его компетенція одинакова съ городскими и земскими судами (Stadt-und Landgerichte), для которыхъ законъ дастъ также исчерпывающій перечень подсудныхъ имъ преступныхъ дѣяній [4]). Но, въ противоположность принятой у насъ системѣ,

[1]) Ст. 268 В.-С. У.; ст. 630 В.-М. С. У.
[2]) Мушниковъ. Военно-уголов. судопр. иностран. державъ, 76.
[3]) Gesetz v. 28 April 1872, art. 93.
[4]) Gesetz v. 26 December 1871, art. 58.

законъ обусловливаетъ подсудность дѣянія низшему суду не высшимъ размѣромъ опредѣленнаго за него въ законѣ наказанія, а тѣмъ, котораго по мнѣнію этого суда заслуживаетъ виновный; высшіе же размѣры наказаній, могущихъ быть опредѣленными низшимъ судомъ, прямо указаны въ законѣ: 1) относительно общихъ преступныхъ дѣяній: штрафъ не свыше 100 талеровъ или лишеніе свободы не свыше 3 мѣсяцевъ и 2) относительно воинскихъ преступленій: лишеніе свободы не свыше 6 мѣсяцевъ; затѣмъ низшимъ судомъ не могутъ быть назначаемы наказанія, сопряженныя съ лишеніемъ гражданскихъ правъ или лишеніемъ чина. Признавъ, что наказаніе за данное преступленіе должно быть назначено въ размѣрѣ, превышающемъ указанные предѣлы, низшій судъ направляетъ дѣло къ высшей подсудности, но если нормальное наказаніе не превышаетъ указанныхъ предѣловъ, то низшій судъ компетентенъ относительно всѣхъ тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя не изъяты изъ его вѣдѣнія по другимъ причинамъ. Такимъ образомъ баварскій кодексъ устанавливаетъ коррективъ чисто формальнаго опредѣленія подсудности по тяжести наказанія и притомъ отличный отъ принятаго во французскомъ общемъ законодательствѣ, по которому обвинительной власти предоставляется право при преданіи суду заранѣе опредѣлить какой мѣры наказанія требуетъ она для подсудимаго за совершеніе даннаго преступленія [1]). Германское законодательство придерживается системы, занимающей среднее положеніе между системами баварской и французской, а именно: земскій судъ, по предложенію прокуратуры, можетъ постановить о передачѣ дѣлъ по перечисленнымъ въ законѣ проступкамъ (Vergehen) въ вѣдомство шеффенскаго суда, если земскій судъ находитъ, что въ данномъ случаѣ виновный не заслуживаетъ наказанія, превышающаго компетенцію суда шеффеновъ [2]). Проф. Фойницкій находитъ такое гипотетическое опредѣленіе подсудности неправильнымъ, такъ какъ оно вводитъ въ институтъ подсудности элементъ широкаго личнаго усмотрѣнія обвинительной власти [3]). Указаннымъ не-

[1]) Случевскій. 101.
[2]) Gerichtsverfassungsgesetz, § 75.
[3]) Курсъ, 1-е изд. 475.

достаткомъ не страдаетъ система баварская, гдѣ опредѣленіе подсудности, хотя также гипотетическое, имѣетъ обратный порядокъ, т. е. не въ пользу низшаго, а высшаго суда, при чемъ послѣдній не стѣсненъ мнѣніемъ низшаго суда; но и принятый въ ней коррективъ едва ли можно признать удачнымъ, такъ какъ путемъ частаго его примѣненія легко можетъ быть нарушена равномѣрность распредѣленія судебныхъ дѣлъ между судами. Поэтому точное опредѣленіе подсудности по тяжести наказанія, несмотря на его формальность, слѣдуетъ признать болѣе правильнымъ и соотвѣтствующимъ цѣлямъ правосудія.

Обращаясь къ подробностямъ опредѣленія подсудности по тяжести наказанія, мы видимъ, что нашъ военно-судебный уставъ 1884 г. предѣлы вѣдомства низшихъ судовъ ограничиваетъ наказаніями, не влекущими за собою потери всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ подсудимому, правъ и преимуществъ (ст. 252), и кромѣ того размѣромъ штрафа—не свыше 150 рублей (ст. 253). Нѣсколько иное опредѣленіе было дано въ прежде дѣйствовавшемъ уставѣ [1]), гдѣ проведено было различіе между нижними чинами, пользующимися особыми правами состоянія и непользующимися таковыми, при чемъ для послѣднихъ предѣломъ, опредѣляющимъ подсудность, являлось наказаніе не свыше заключенія въ военной тюрьмѣ, а для первыхъ наказаніе, не сопряженное «съ лишеніемъ или ограниченіемъ особыхъ правъ и преимуществъ» [2]). Такое раздѣленіе являлось совершенно безполезнымъ, такъ какъ признакъ правопораженія относился въ равной мѣрѣ какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ [3]), въ виду того, что слѣдующее въ лѣстницѣ наказаніе — отдача въ дисциплинарные баталіоны — было сопряжено для всѣхъ нижнихъ чиновъ съ «потерею нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ ему или службою пріобрѣтенныхъ, правъ и преимуществъ» [4]). При пересмотрѣ въ 1882 г. военно-судебнаго устава ст. 264 была исправлена въ редакціонномъ отношеніи и кромѣ

---

[1]) 1867 г. и 2-мъ изд. 1879 г.
[2]) XXIV С. В. П. ст. 264.
[3]) Вообще редакція ст. 264 была неудачна.
[4]) Ст. 50 XXII С. В. П. изд. 1879 г.

того въ ней было сдѣлано указаніе лишь на одинъ признакъ— правопораженіе, — опредѣляющій границу подсудностей полковыхъ и военно-окружныхъ судовъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ подсудность полковыхъ судовъ, вслѣдствіе указанія на этотъ лишь признакъ, расширилась въ своемъ объемѣ, къ чему собственно и стремились при пересмотрѣ, такъ какъ въ 1884 г. послѣдствія отдачи въ дисциплинарные баталіоны, какъ *самостоятельнаго* наказанія, были ограничены потерею тѣхъ только правъ и преимуществъ по службѣ, которая сопряжена съ одиночнымъ заключеніемъ въ военной тюрьмѣ [2]), и такимъ образомъ подсудность полковыхъ судовъ была распространена, за нижеуказанными изъятіями, на всѣ тѣ преступныя дѣянія, за которыя по закону положена отдача въ дисциплинарные баталіоны. Главнымъ основаніемъ къ такому расширенію подсудности полковыхъ судовъ послужило стремленіе къ достиженію «наибольшей быстроты въ судопроизводствѣ по тѣмъ изъ воинскихъ преступленій, которыя, представляясь крайне важными по своему значенію въ военномъ быту, въ то же время обыкновенно несложны по обстоятельствамъ, сопровождающимъ ихъ совершеніе; разсмотрѣніе же этихъ дѣлъ въ мѣстѣ ихъ возникновенія, т. е. при частяхъ войскъ, принесетъ несомнѣнную пользу охраненію интересовъ службы и въ то же время освободитъ военно-окружные суды отъ значительнаго количества маловажныхъ, съ юридической точки зрѣнія, и несложныхъ дѣлъ» [3]). Изложенные мотивы представляются однако малоубѣдительными, такъ какъ, во 1-хъ, законодатель, облагая извѣстныя дѣянія болѣе строгимъ наказаніемъ, указываетъ на то, что дѣяніе это признается имъ важнѣе другихъ, съ измѣненіемъ же лишь послѣдствій отдачи въ дисциплинарные баталіоны, наказаніе это все таки осталось строже военной тюрьмы и значеніе обложенныхъ имъ преступленій не измѣнилось, во 2-хъ, указаніе на маловажность этихъ преступленій съ юридической точки зрѣнія не выдерживаетъ критики, такъ какъ маловажность эта, или вѣрнѣе несложность, является совершенно условной, завися отъ обстоятельствъ

[1]) Ст. 252 В.-С. У.

[2]) Прик. по воен. вѣд. 1884 г. № 83.

[3]) Объясн. записка, стр. 6.

каждаго даннаго случая, такъ-какъ и самый незначительный проступокъ можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, представить весьма значительныя въ этомъ смыслѣ затрудненія, между тѣмъ самое тяжкое преступленіе какъ въ процессуальномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи, можетъ быть крайне простымъ. Тяжесть наказанія опредѣляетъ важность преступленія лишь формальнымъ образомъ, иногда не соотвѣтствуя даже самымъ свойствамъ дѣянія, что замѣчается въ устарѣлыхъ кодексахъ и вызываетъ при опредѣленіи подсудности необходимость прибѣгать къ извѣстнымъ коррективамъ, но тѣмъ не менѣе распредѣленіе вѣдомствъ разнородныхъ судовъ по тяжести наказанія имѣетъ весьма существенное значеніе. Законодатель, предоставляя одному суду опредѣлять болѣе строгія наказанія, даетъ этому суду и болѣе совершенную организацію, и болѣе совершенныя средства дѣйствія, обезпечивая въ то же время права подсудимаго болѣе дѣйствительными гарантіями. Посему расширеніе объема подсудности низшаго суда на счетъ высшаго можетъ быть предпринимаемо лишь въ томъ случаѣ, когда низшій судъ будетъ усовершенствованъ въ своей организаціи, стремленіе же къ одной быстротѣ производства, въ ущербъ правосудію, извращаетъ самое элементарное понятіе о послѣднемъ. Между тѣмъ, съ расширеніемъ подсудности полковыхъ судовъ по роду преступленій, организація ихъ осталась та же самая, а десятилѣтняя практика показываетъ, что дѣятельность полковыхъ судовъ не можетъ быть признана удовлетворительной, вслѣдствіе чего страдаютъ не только интересы подсудимыхъ, но и интересы правопорядка въ войскахъ [1]). Военно-морской судебный уставъ до сего времени сохраняетъ прежній объемъ подсудности экипажныхъ судовъ (ст. 255). Пересмотръ 1882 г. внесъ, однако, и ограниченіе расширенныхъ предѣловъ подсудности полковыхъ судовъ, изъявъ изъ ихъ вѣдѣнія нѣкоторыя преступленія, несмотря на то, что за нихъ въ законѣ опредѣлена также отдача въ дисциплинарные баталіоны, а именно; 1) оскорбленіе на словахъ офицера (ст. 97 XXII С. В. П.), 2) вы-

[1]) См. характеристику дѣятельности полковыхъ судовъ въ прик. Военнаго М-ра 1886 г., приведенномъ въ Курсѣ проф. Володимірова, стр. 273 (примѣч.).

зовъ на поединокъ начальника по дѣлу, касающемуся службы (ст. 99), 3) оскорбленіе дѣйствіемъ начальника изъ нижнихъ чиновъ (ст. 101 лит. в.), 4) ропотъ (ст. 108), 5) соглашеніе противодѣйствовать начальству и составленіе коллективныхъ прошеній (ст. 111), 6) уклоненіе отъ службы посредствомъ обмана или членовредительства (ст. 126 и 127), 7) подача несправедливыхъ или ложныхъ жалобъ (ст. 172), 8) нанесеніе ударовъ подчиненному (ст. 186) и 9) присвоеніе и растрата ввѣреннаго по службѣ имущества (ст. 232 по ред. 1889 г. [1]). Раціональность изъятія всѣхъ перечисленныхъ дѣяній изъ вѣдомства полковыхъ судовъ очевидна. Дѣйствительно, всѣ эти преступленія въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствуютъ о безпорядкахъ или злоупотребленіяхъ въ части, вслѣдствіе чего разсмотрѣніе обвиненій въ этихъ преступленіяхъ не можетъ быть возложено, по мнѣнію особой комиссіи, на такое судебное учрежденіе, которое находится въ зависимости отъ войскового управленія; равнымъ образомъ изъятіе преступленія, предусмотрѣннаго ст. 186 воин. устава о нак., сдѣлано, какъ то видно изъ журнала засѣданія комиссіи, въ виду того, «чтобы по возможности содѣйствовать искорененію нелегальной расправы съ нижними чинами, такъ какъ полковые суды, будучи учрежденіями чисто войсковыми и находясь подъ вліяніемъ бытовыхъ условій войсковой жизни, неспособны стать проводниками стремленій высшей власти къ искорененію означеннаго злоупотребленія въ такой степени, какъ военно-окружные суды, стоящіе внѣ бытовой жизни войскъ» [2]). Озабочиваясь, въ виду расширенія подсудности полковыхъ судовъ, о болѣе правильномъ разсмотрѣніи сими судами дѣлъ, военное министерство установило контроль надъ полковыми судами со стороны прокурорскаго надзора (ревизія дѣлъ); кромѣ того была издана особая «инструкція полковымъ судамъ» [3]), въ которой послѣ перечня съ разъясненіями воинскихъ преступленій, подсудныхъ этимъ судамъ, перечислены таковыя же преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя мировымъ уставомъ и уложеніемъ о нак. Перечень

[1]) Ст. 253 В.-С. У.
[2]) Мартыновъ. Военно-судебный уставъ, стр. 73.
[3]) Прик. по воен. вѣд. 1884 г. № 323.

этихъ послѣднихъ дѣяній въ настоящее время устарѣлъ, вслѣдствіе измѣненій, происшедшихъ съ 1884 г. въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ. Въ перечень не вошли: во 1-хъ, тѣ изъ проступковъ, которые обложены наказаніями, по своимъ размѣрамъ не выходящими изъ предѣловъ дисциплинарной власти военнаго начальства [1]), во 2-хъ, тѣ изъ проступковъ мирового устава, которые, будучи совершены военнослужащимъ, влекутъ наказаніе на основаніи воинскаго устава (напр. проступки, предусмотрѣнные ст. 35, 36, 38 и др., наказуемые по ст. 192 XXII кн.) и въ 3-хъ, нѣкоторыя преступныя дѣянія, хотя и не превышающія по назначеннымъ за нихъ наказаніямъ компетенціи полкового суда, но которыя было признано необходимымъ изъять изъ вѣдомства полкового суда въ пользу военно-окружного суда, какъ въ виду свойствъ самыхъ дѣяній [2]), такъ и потому, что многія изъ этихъ дѣяній, хотя по тяжести положеннаго за нихъ наказанія и не превышаютъ степени власти полкового суда, но подлежатъ разсмотрѣнію въ особомъ порядкѣ судопроизводства.

Затѣмъ компетенція полковыхъ судовъ ограничивается размѣромъ опредѣленнаго по закону за преступное дѣяніе штрафа. По военно-судебному уставу 1867 года, размѣръ этотъ былъ опредѣленъ въ 100 рублей. Такое ограниченіе подсудности полковыхъ судовъ было принято въ виду того, что штрафъ налагается за проступки, предусмотрѣнные почти исключительно общеуголовными законами, и притомъ за различнаго рода спеціальныя нарушенія, опредѣленіе состава которыхъ могло быть весьма затруднительнымъ для членовъ полкового суда, какъ по спеціальности предмета, такъ и по рѣдкости случаевъ подобныхъ нарушеній со стороны нижнихъ чиновъ; поэтому составители военно-судебнаго устава и остановились на размѣрѣ штрафа въ 100 руб., т. е. на такой суммѣ, взысканіе которой, при несостоятельности осужденнаго, замѣнялось по воинскому уставу о наказ. 1868 г. одиночнымъ заключеніемъ въ военной тюрьмѣ

---

[1]) Ст. 10 дисц. устава.

[2]) О неподсудности полковымъ судамъ дѣлъ о нанесеніи *легкихъ ранъ* въ запальч. и раздр. (2 ч. ст. 1483 улож. о нак.) см. рѣш. Гл. В. Суда 1889 г. № 54 и 1896 г. № 16.

отъ 1 до 2 мѣсяцевъ (ст. 71). Въ 1874 г. были предприняты нѣкоторыя измѣненія воинскаго устава о наказ., въ виду согласованія его съ новымъ порядкомъ отбыванія воинской повинности. Въ заключеніи своемъ по этому предмету Главный Военный Прокуроръ между прочимъ остановился на томъ обстоятельствѣ, что «по уставу о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 7), арестъ, взамѣнъ денежныхъ взысканій, опредѣляется на гораздо меньшій срокъ, чѣмъ по воин. уст. о наказ., и принимая въ соображеніе, что денежныя взысканія и замѣняющій ихъ для нижнихъ чиновъ арестъ назначаются за проступки, не вызывающіе необходимости усиленія наказанія для военнослужащихъ», Главный Военный Прокуроръ полагалъ сократить соотвѣтственно сроки замѣняющаго штрафъ лишенія свободы и по воинскому уставу о наказ.[1]), вслѣдствіе чего постановленія объ этомъ воинскаго устава измѣнились, и вмѣсто взысканія до 150 р. назначенъ простой арестъ отъ 10 дней до 1 мѣсяца[2]). Въ томъ же 1875 г. послѣдовали нѣкоторыя измѣненія и въ военно-судебномъ уставѣ[3]) при чемъ компетенція полковыхъ судовъ была распространена на проступки, наказуемые денежнымъ взысканіемъ не свыше 150 руб. Это постановленіе сохраняетъ силу и до сего времени какъ въ сухопутномъ, такъ и морскомъ вѣдомствѣ[4]). Въ дѣлахъ по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій сумма денежнаго взысканія, по которой опредѣляется подсудность полковому или военно-окружному суду, слагается изъ количества взысканія и цѣны предметовъ, подлежащихъ конфискаціи[5]). Такимъ образомъ проступки и преступленія, обложенные штрафомъ, являются подсудными полковому суду лишь въ томъ случаѣ, если виновные нижніе чины, взамѣнъ штрафа, подлежатъ отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарномъ[6]), т. е. полковые и экипажные суды въ этомъ отношеніи приравнены по своей власти къ военному начальству.

---

[1]) Закл. Главн. Воен. Прокур. по пересмотру воин. уст. о наказ. С. П. Б. 1874 г.

[2]) Ст. 60 воин. уст. о наказ. 1875 г., объявленнаго при прик. по воен. вѣд. 1875 г. № 85. Нынѣ дѣйствующій уставъ, изд. 1879 г. та же статья.

[3]) Приказъ по воен. вѣд. 1875 г. № 107. Полн. Собр. 1875 г. 54592.

[4]) Ст. 253 В.-С. У и ст. 256 В.-М. С. У.

[5]) Ст. 1222 В.-С. У. и ст. 1195 В.-М. С. У.

[6]) Военно-сухоп. дисц. уст. 1888 г., ст. 129. Военно-морск. дисц. уст. 1895 г. ст. 160.

Общей чертой объема подсудности низшихъ судовъ по нашему законодательству и кодексу баварскому является предоставленіе имъ болѣе широкой власти по преступленіямъ воинскимъ, чѣмъ по преступленіямъ общимъ, но затѣмъ власть нашихъ полковыхъ судовъ,—по своей организаціи менѣе совершенныхъ, чѣмъ низшіе военные суды въ Баваріи,—значительно превышаетъ власть послѣднихъ. Опредѣливъ границы низшихъ и высшихъ судовъ, баварскій кодексъ перечисляетъ тѣ воинскія преступленія (по германскому кодексу), которыя подсудны низшему суду, а затѣмъ указываетъ изъятія изъ этого перечня[1]). Въ этомъ перечнѣ указаны постатейно наиболѣе часто встрѣчающіяся нарушенія дисциплины и воинской службы, при чемъ причиной изъятія нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній являются повтореніе ихъ или превышеніе стоимости похищеннаго или поврежденнаго имущества извѣстной суммы (50 или 10 талеровъ). Общія преступныя дѣянія, подсудныя низшему военному суду, перечислены въ ст. 58 закона 26-го декабря 1871 г., въ коей опредѣлена подсудность городскихъ и земскихъ судовъ, а именно: 1) оскорбленіе, исключая случая, когда оно совершено посредствомъ насильственнаго дѣйствія, а также оскорбленіе правительственнаго учрежденія или должностного лица, 2) вторженіе въ чужое жилище, 3) тѣлесное поврежденіе, если болѣзнь потерпѣвшаго и неспособность его къ труду продолжались не болѣе 5 дней, 4) кража, а также присвоеніе ввѣреннаго и мошенничество на сумму не болѣе 10 талеровъ, 5) укрывательство и пособничество въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подсудныхъ этому суду, противъ чужого имущества и 6) поврежденіе чужого имущества, если цѣна поврежденнаго не превышаетъ 15 талеровъ. Кромѣ того низшимъ военнымъ судамъ въ Баваріи подсудны, какъ то было указано выше, всѣ тѣ изъ воинскихъ и общихъ преступныхъ дѣяній, которыя по размѣрамъ положеннаго за нихъ въ законѣ нормальнаго наказанія не могутъ быть переданы на разсмотрѣніе высшаго суда, но затѣмъ изъ вѣдѣнія низшаго суда изъемлются всѣ имущественныя преступленія противъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

---

[1]) Gesetz v. 28 April 1872, art. 93.

У насъ принято еще одно основаніе для разграниченія подсудностей по роду дѣлъ, а именно *цѣна иска*, изъ преступленія вытекающаго. Въ иностранныхъ законодательствахъ гражданскій искъ изъемлется изъ вѣдѣнія военныхъ судовъ, что прямо выражено во французскихъ кодексахъ постановленіемъ, что военные суды вѣдаютъ исключительно дѣла, касающіяся публичнаго интереса[1]); поэтому указанное основаніе въ нихъ совершенно отсутствуетъ. Наше законодательство, однако, значительно ограничиваетъ цѣну гражданскихъ исковъ, подсудныхъ полковому или экипажному суду, сравнительно съ низшими общими судами. Военно-судебный и военно-морской судебный уставы предѣломъ такого иска опредѣлили ту-же цифру, какъ и для денежныхъ взысканій: первоначально (до 1875 г.) она равнялась 100 рублямъ, а по закону 1875 г. возвысилась до 150 руб. Цѣна иска оказываетъ вліяніе на подсудность совершенно самостоятельно и независимо отъ суммы денежнаго взысканія, а также цѣны похищеннаго или поврежденнаго предмета. Равнымъ образомъ гражданскій искъ принимается въ основаніе при опредѣленіи подсудности, когда онъ дѣйствительно предъявленъ, такъ что возможность иска, превышающаго предѣльную сумму, или несвоевременное его предъявленіе[2]), не могутъ измѣнить подсудности дѣла.

Пересмотръ военно-судебнаго устава внесъ въ законъ еще одну особенность, не замѣчаемую въ иностранныхъ законодательствахъ: расширеніе подсудности низшихъ военныхъ судовъ по роду дѣлъ въ военное время. Французское законодательство въ военное время устанавливаетъ особую низшую подсудность прево́, которые вѣдаютъ относительно указанныхъ выше лицъ: 1) всѣ маловажныя полицейскія нарушенія, предусмотрѣнныя ст. 271 военно-уголовнаго кодекса и 2) всѣ преступныя дѣянія, влекущія наказаніе не свыше шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія или 200 франковъ штрафа. Кромѣ того, въ отступленіе отъ основного принципа, прево́ разрѣшаютъ между тѣми же лицами и гражданскіе иски, не превышающіе 150 франковъ, если иски эти вытекаютъ изъ подсудныхъ имъ преступныхъ дѣяній. По морскому

[1]) Code p. l'armée de terre, art. 53. Code p. l'armée de mer, art. 74.

[2]) Ст. 218 В.-С. У. и ст. 211 В.-М. С. У.

же кодексу компетенція conseil de justice распространяется на преступныя дѣянія, не превышающія по размѣру наказанія двухлѣтняго тюремнаго заключенія. Затѣмъ компетенція всѣхъ учреждаемыхъ въ военное время судовъ какъ во Франціи, такъ и въ Баваріи, одинакова съ компетенціей соотвѣтствующихъ судовъ мирнаго времени. Съ введеніемъ у насъ военно-судебной реформы предѣлы вѣдомства учреждаемыхъ въ военное время судовъ были также одинаковы съ таковыми же соотвѣтствующихъ судовъ мирнаго времени, т. е. наше законодательство въ этомъ отношеніи не отличалось отъ приведенныхъ иностранныхъ. Высочайше утвержденный въ 1885 г. IV раздѣлъ военно-судебнаго устава внесъ въ наше законодательство измѣненіе въ томъ, что вѣдомство полковыхъ и равныхъ имъ этапныхъ судовъ было расширено какъ по дѣламъ, по коимъ предъявленъ гражданскій искъ, такъ и по преступленіямъ, влекущимъ денежное взысканіе; въ обоихъ случаяхъ предѣльная цифра возвышена до 300 руб.[1]), что было установлено, какъ видно изъ объяснительной записки, въ видахъ «необходимости ограничить въ военное время подсудность подобныхъ дѣлъ» высшимъ военнымъ судамъ военнаго времени. Такимъ образомъ законъ, опредѣливъ въ точности предметную подсудность низшихъ судовъ, предоставляетъ всѣ остальныя уголовныя дѣла поименованнымъ выше судамъ высшаго разряда, которые и являются *общимъ трибуналомъ* для всѣхъ отнесенныхъ къ военной подсудности дѣлъ.

Отъ этого правила нашъ военно-судебный уставъ дѣлаетъ для военнаго времени одно весьма цѣлесообразное отступленіе, а именно: всѣ хозяйственныя уголовныя дѣла и дѣла о превышеніи и бездѣйствіи власти, а также по преступленіямъ должности, сопряженныя съ казеннымъ ущербомъ, исключая случаевъ, когда обвиняемыми являются одни нижніе чины, изъяты изъ вѣдѣнія корпусныхъ судовъ и подчинены суду тыла арміи[2]), что сдѣлано «въ виду сложности такихъ дѣлъ», тогда какъ устройство корпусныхъ судовъ «согласовано съ цѣлью скораго, безъ замедленія, разбора дѣлъ, преимущественно по нарушенію дисциплины и обязанностей военной службы»[3]).

[1]) Ст. 1327 В.-С. У.
[2]) Ст. 1334 и 1337 В.-С. У.
[3]) Объяснит. записка къ IV разд. В.-С. У. (по изд. 1885 г.).

III.

Однородные военные суды первой степени.

1.

Обширность государственной территоріи вызываетъ необходимость учрежденія многихъ судовъ одинаковой компетенціи. Отсюда возникаетъ связь между опредѣленной частью территоріи и находящимися на ней органами судебной власти. Каждому изъ судовъ, по судебнымъ уставамъ, является подвѣдомственнымъ опредѣленный естественными или искусственными границами территоріальный раіонъ. Границы эти обыкновенно совпадаютъ съ границами административнаго дѣленія территоріи, или вѣрнѣе, границами этими пользуются для опредѣленія и судебныхъ раіоновъ, хотя территоріальныя единицы, административныя и судебныя, съ введеніемъ судебной реформы у насъ навсегда совпадаютъ между собою. Судебными территоріальными раіонами, по судебнымъ уставамъ, являются особые участки и округа, при чемъ раіонъ высшаго, въ порядкѣ инстанцій, суда объемлетъ участки низшихъ судовъ [1]). Въ новомъ военномъ судоустройствѣ для территоріальнаго разграниченія военно-судебной власти была принята за основаніе высшая военно-административная единица: въ сухопутномъ вѣдомствѣ—*военный округъ* [2]), а въ морскомъ—*портъ* [3]), такъ что территоріальные раіоны военно-административной и военно-судебной власти, за весьма немногими исключеніями, которыя будутъ указаны ниже, совпадаютъ между собою. Новое военное судоустройство, съ учрежденіемъ постоянныхъ военныхъ судовъ, отказалось отъ стараго принципа пріуроченія судебныхъ органовъ къ войсковымъ единицамъ [4]), оставивъ таковой, и то не въ полной мѣрѣ, для судовъ низшаго разряда.

---

[1]) Ст. 1 учр. суд. уст. и мотивы къ учр. суд. уст., изд. Госуд. канц. 1867 г. т. III, стр. 14.

[2]) Ст. 3 и 24 В.-С. У.

[3]) Ст. 3 и 26 (по прод. 1895 г.) В.-М. С. У.

[4]) Ст. 281, кн. II Военно-угол. уст. 1859 г.

Вопросъ о пріуроченіи постоянныхъ военныхъ судовъ къ высшимъ войсковымъ единицамъ, именно дивизіямъ, былъ предметомъ особаго обсужденія комиссіи по составленію военно-судебнаго устава 1867 г. Учрежденіе постоянныхъ военныхъ судовъ при штабахъ дивизій было отвергнуто единогласно, въ виду слѣдующихъ соображеній: «судъ, состоя постоянно при штабѣ дивизіи, сдѣлается въ скоромъ времени какъ бы принадлежностью штаба, невольно подчинится вліянію начальника дивизіи и потому утратитъ ту независимость отъ административной власти, которая ставится однимъ изъ главныхъ принциповъ новаго судоустройства. Самое названіе суда такой-то дивизіи укоренитъ во всѣхъ мысль о зависимости суда отъ дивизіи...» «Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, гдѣ сосредоточено нѣсколько дивизіонныхъ штабовъ, окажется излишне много судовъ; въ другихъ случаяхъ, гдѣ одна дивизія занимаетъ много губерній, одного суда по пространству будетъ недостаточно... Всѣ эти причины заставили отказаться отъ мысли учреждать постоянные суды при штабахъ дивизій и привели членовъ комиссіи къ единодушному убѣжденію въ необходимости учрежденія постоянныхъ судовъ въ извѣстныхъ городахъ или пунктахъ, служащихъ центрами расположенія войскъ...»[1]). Такими центрами были избраны города, въ коихъ расположены штабы военныхъ округовъ[2]). Мысль о пріуроченіи военныхъ судовъ къ войсковымъ единицамъ (корпусамъ, дивизіямъ) опять возникала при пересмотрѣ военно-судебнаго устава въ 1882 г., но по новомъ обсужденіи ея и въ виду сдѣланныхъ какъ военными начальниками, такъ и чинами военно-судебнаго вѣдомства, возраженій, она вновь была оставлена, какъ неосновательная во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ при разграниченіи подсудности между однородными судами какъ въ вѣдомствѣ гражданскомъ, такъ и военномъ, принятъ территоріальный принципъ.

Ближайшее опредѣленіе территоріальнаго раіона вѣдомства военныхъ судовъ, въ виду совпаденія его съ военно-административнымъ дѣленіемъ территоріи, можетъ быть сдѣлано по разсмо-

---

[1]) Сборн. законод. раб., стр. 25 и 26.
[2]) Тамъ же, стр. 139, 157—159.

трѣшіп относящихся сюда законоположеній по вѣдомству административному. Территорія Россійской Имперіи въ военно-административномъ отношеніи раздѣляется на тринадцать военныхъ округовъ [1]), цѣль учрежденія которыхъ—распредѣленіе высшаго территоріальнаго управленія «сухопутными военными силами и заведеніями» [2]); составъ же ихъ опредѣляется особымъ росписаніемъ [3]), а всякое измѣненіе состава округа опредѣляется Высочайшими приказами [4]). Главному начальнику округа подчиняются всѣ находящіяся въ округѣ войска, военныя заведенія, а равно и пребывающіе въ округѣ военные чины, не входящіе въ составъ войскъ, учрежденій и заведеній округа [5]). Такимъ образомъ подчиненіе мѣстной военной власти и въ административномъ отношеніи опредѣляется территоріальнымъ началомъ, рѣдкія отступленія отъ котораго особо оговариваются въ законѣ [6]). Въ соотвѣтствіе этому, власть военно-окружныхъ судовъ распространяется на тѣ же раіоны, на которые распространяется власть административнаго военно-окружнаго управленія [7]); поэтому измѣненіе предѣловъ военнаго округа измѣняетъ не только предѣлы вѣдомства въ административномъ, но и въ военно-судебномъ отношеніи. Изъятія изъ этого основного правила слѣдующія: 1) вѣдомство Петербургскаго военно-окружного суда распространяется на Финляндскій военный округъ [8]); 2) вѣдомство Иркутскаго военно-окружного суда — на Забайкальскую область Приамурскаго военнаго округа [9]); 3) вѣдомство Туркестанскаго военно-окружнаго суда—на Семирѣченскую область Омскаго военнаго округа [10]) и 4) изъ всей территоріи Имперіи не входятъ въ составъ военныхъ округовъ земли войска Дон-

---

[1]) Редигеръ. II, 161.
[2]) Ст. 1, кн. II С. В. П.
[3]) Прилож. къ той же статьѣ.
[4]) См. пр. по воен. вѣд. 1894 г. № 210 объ измѣненіи состава Варшавскаго воен. окр.
[5]) Ст. 6, кн. II С. В. П.
[6]) См. прик. по воен. вѣд. 1894 г. № 210.
[7]) Ст. 24 и 262 В.-С. У.
[8]) Примѣч. къ ст. 24 В.-С. У.
[9]) Полож. о введеніи В.-С. У. въ Иркутскомъ и Приамурскомъ воен. окр. § 10 (прик. по воен. вѣд. 1889 г. № 106).
[10]) Прик. по воен. вѣд. 1894 г. № 167.

ского [1]) и Закаспійская область [2]), которыя составляютъ совершенно самостоятельныя военно-административныя единицы, управляемыя особыми военными начальниками на правахъ начальниковъ военныхъ округовъ. Въ виду того, что въ этихъ областяхъ не учреждено особыхъ военныхъ судовъ, Закаспійская область въ военно-судебномъ отношеніи находится въ вѣдѣніи Кавказскаго [3]), а область войска Донского—Одесскаго военно-окружного суда [4]). Независимо отъ этого необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что территоріальное начало въ военно-судебномъ отношеніи проводится гораздо строже, чѣмъ въ военно-административномъ; такъ, въ возможныхъ случаяхъ нахожденія частей войскъ или военныхъ учрежденій на территоріи одного округа, но подчиненныхъ власти военнаго начальства другого округа, вѣдомство военнаго суда опредѣляется исключительно мѣстомъ нахожденія этихъ частей и учрежденій. Посему части войскъ и заведенія, квартирующія въ предѣлахъ Варшавскаго военнаго округа, но подчиненныя начальству Виленскаго военнаго округа, въ военно-судебномъ отношеніи подвѣдомственны, по разъясненію главнаго военно-суднаго управленія, Варшавскому военно-окружному суду.

Въ морскомъ вѣдомствѣ постоянные военно-морскіе суды учреждаются въ каждомъ изъ главныхъ портовъ, кромѣ С.-Петербургскаго [5]), и вѣдомство этихъ судовъ ограничивается предѣлами порта [6]). Въ Сводѣ Морскихъ Постановленій не имѣется общаго опредѣленія порта, а сказано лишь, что военные порты Имперіи, въ порядкѣ управленія, раздѣляются на порты главные и порты второго разряда [7]). Къ главнымъ портамъ принадлежатъ Кронштадтъ, С.-Петербургъ и Николаевъ. Для первыхъ двухъ учрежденъ одинъ Кронштадтскій военно-морской судъ, а во второмъ Николаевскій военно-морской судъ.

Опредѣленіе понятія «портъ» находится въ уставѣ торго-

---

[1]) Редигеръ. II, 161.
[2]) Тамъ же и примѣч. къ ст. 1 кн. II С. В. П.
[3]) Редигеръ. II, 161 и примѣч. къ ст. 1 кн. II С. В. П.
[4]) Прик. по воен. вѣд. 1888 г. № 221.
[5]) Ст. 26 В.-М. С. У. (по прод. 1895 г.).
[6]) Ст. 631 В.-М. С. У.
[7]) Ст. 98 кн. 1, ч. I, С. М. П.

вомъ, а именно: подъ наименованіемъ «портъ», сказано въ законѣ, разумѣются какъ портовыя воды (гавань и рейдъ), такъ и прибрежное къ приморской мѣстности пространство, занятое портовыми сооруженіями: пристанями, молами и набережными и вообще все морское прибрежье, служащее для цѣлей торговаго мореходства и морскихъ промысловъ»[1]). Это опредѣленіе можетъ быть примѣнено съ небольшими измѣненіями и къ порту военному, къ каковому заключенію нельзя не придти по разсмотрѣніи изложенныхъ въ Сводѣ Морскихъ Постановленій правъ и обязанностей чиновъ портоваго управленія[2]). Въ портахъ второго разряда открываются временные военно-морскіе суды[3]). Наконецъ, во Владивостокскомъ портѣ учрежденъ «временный» военно-морской судъ съ особымъ штатомъ чиновъ[4]), такъ что, несмотря на свое названіе, судъ этотъ имѣетъ характеръ постояннаго учрежденія, при чемъ необходимо еще замѣтить, что Владивостокъ принадлежитъ къ портамъ 2-го разряда[5]). На основаніи положенія и наказа по управленію военными портами портовому начальству подчиняются всѣ находящіеся въ предѣлахъ порта чины, суда, учрежденія и заведенія. Поэтому военно-морскіе суды находятся къ территоріи порта въ томъ же отношеніи, какъ военно-окружные суды къ территоріи военнаго округа. Однако, территоріальное начало въ морскомъ вѣдомствѣ не можетъ быть проведено съ тою же послѣдовательностью какъ въ сухопутномъ вѣдомствѣ, такъ какъ лишь побережья государственной территоріи могутъ входить въ составъ порта, вслѣдствіе чего по всѣмъ военно-судимымъ дѣламъ о морскихъ чинахъ, возникающимъ внѣ предѣловъ военнаго порта, компетенція военно-морского суда должна быть опредѣляема, на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, по признаку принадлежности обвиняемыхъ къ морскому вѣдомству.

---

[1]) Прилож. къ ст. 123 (прим. 2) уст. торг. (Св. Зак. т. XI. ч. 2 изд. 1893 г.).

[2]) 101—164 кн. I, ч. 1 С. М. П. Наказъ портовымъ управленіямъ (ст. 247 и послѣд. кн. I ч., II С. М. П. по прод. 1895 г.).

[3]) Ст. 27 и 28 В.-М. С. У.

[4]) Прилож. къ ст. 206 (прим. 2) В.-М. С. У. (по прод. 1895 г.).

[5]) Прим. къ ст. 98 кн. I, ч. I С. М. П. (по прод. 1895 г.).

2.

Разграниченіе судебныхъ функцій между военными судами низшаго разряда (полковыми, экипажными и др.) основано на другомъ началѣ, заимствованномъ изъ стараго процесса, *по мѣсту служенія* обвиняемаго, но все-таки и относительно низшихъ судовъ территоріальное начало, какъ увидимъ ниже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріобрѣтаетъ извѣстное значеніе. Полковые, экипажные и равные имъ суды учреждаются при частяхъ сухопутныхъ войскъ и флота, начальники которыхъ пользуются правами полкового или экипажнаго командира[1]). Вѣдомство этихъ судовъ простирается на тѣ полки, экипажи, части, заведенія и учрежденія, при коихъ они учреждены[2]). Что же касается частей, начальники которыхъ не пользуются правами полковыхъ командировъ или въ коихъ состоитъ незначительное число офицеровъ, то въ нихъ не учреждается полковыхъ или экипажныхъ судовъ, а возникающія въ нихъ дѣла подвѣдомственны полковому или экипажному суду ближайшей части, при чемъ опредѣленіе въ какія именно части должны быть передаваемы подобныя дѣла зависитъ въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ отъ главнаго начальника военнаго округа[3]), а въ морскомъ—отъ главныхъ командировъ портовъ или Управляющаго морскимъ министерствомъ[4]). Такимъ образомъ для нѣкоторыхъ изъ низшихъ судовъ, при разграниченіи ихъ вѣдомствъ принимается во вниманіе и начало территоріальное. Разграниченіе судебныхъ функцій между низшими судами по началу принадлежности къ части, было принято, во 1-хъ, потому, что власть низшихъ судовъ законодатель поставилъ въ тѣснѣйшую связь съ властью начальника части[5]) и, во 2-хъ, власть начальниковъ отдѣльныхъ частей никогда не пріурочивалась у насъ къ извѣстному территоріальному раіону.

При распредѣленіи судебныхъ функцій между однородными

---

[1]) Ст. 8 В.-С. У.; ст. 8, 24 и 25 В.-М. С. У.
[2]) Ст. 3 и 254 В.-С. У.; ст. 3 и 257 В.-М. С. У.
[3]) Ст. 20—22 и 254 В.-С. У.
[4]) Ст. 24, 25 и 257 В.-М. С. У.
[5]) Сборн. законод. раб., 15.

судами, учреждаемыми въ военное время, какъ относительно высшихъ (корпусныхъ), такъ и низшихъ (этапныхъ) судовъ, приняты по нашему уставу оба вышеприведенные принципы, а именно: вѣдомство этапныхъ судовъ распространяется на раіонъ этапнаго участка, корпуснаго суда—на войска, входящія въ составъ корпуса, и раіонъ занимаемой корпусомъ мѣстности, а суда тыла арміи—на раіонъ тыла арміи[1]). Необходимо при этомъ замѣтить, что послѣдній изъ судовъ, вслѣдствіе упраздненія особаго тыла арміи по положенію о полевомъ управленіи 1890 г., будетъ замѣняться военно-окружнымъ судомъ округа формированія арміи[2]).

По французскимъ кодексамъ вѣдомство постоянныхъ военныхъ судовъ въ мирное время распространяется въ сухопутной арміи на раіонъ территоріальнаго округа (circonscriptions territoriale[3]), а во флотѣ на морской округъ (arrondissement maritime[4]); въ военное время въ сухопутной арміи вѣдомство военныхъ судовъ опредѣляется принадлежностью къ той ея части, при которой судъ учрежденъ[5]). По кодексу баварскому вѣдомство низшихъ судовъ опредѣляется также мѣстомъ служенія[6]), а высшихъ — предѣлами военнаго округа[7]), для котораго онъ учрежденъ. Такимъ образомъ, основанія, принятыя при распредѣленіи судебныхъ функцій между однородными судами по законодательству французскому и баварскому, являются аналогичными съ основаніями нашего военно-судебнаго устава.

3.

Изложенная организація ясна и отличается отъ принятой судебными уставами лишь меньшимъ числомъ судовъ и тѣмъ, что низшіе суды сами по себѣ не пріурочены къ территоріальнымъ участкамъ, но въ допускаемыхъ уставомъ случаяхъ ап-

---

[1]) Ст. 1281 В.-С. У.
[2]) Шендзиковскій. О судѣ въ военное время, 83.
[3]) Code p. l'armée de terre, art. 2.
[4]) Code p. l'armée de mer, art. 2 et 34.
[5]) Code p. l'armée de terre, art. 65—68.
[6]) Art. 25.
[7]) Art. 17 и 36.

пеляціоннаго производства [1]), дѣла низшихъ судовъ подвѣдомственны судамъ своего военнаго округа или порта.

Распредѣленіе судовъ по территоріи не разрѣшаетъ однако вопроса о томъ, какія изъ уголовныхъ дѣлъ подсудны каждому изъ судовъ и по какому признаку связать подсудность дѣла съ даннымъ участкомъ территоріи? Новый военный процессъ, слѣдуя правиламъ судебныхъ уставовъ, главнымъ основаніемъ при опредѣленіи подсудности одного и того же дѣла тому или другому изъ однородныхъ судовъ принимаетъ *мѣсто совершенія преступленія* (forum delicti commissi): вѣдомству каждаго военно-окружного или военно-морского суда, говоритъ законъ, принадлежатъ дѣла по преступнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ въ предѣлахъ того военнаго округа или порта, въ коемъ судъ учрежденъ [2]). Поэтому ни измѣненіе мѣста служенія, ни измѣненіе подчиненности обвиняемаго не имѣютъ никакого вліянія на подсудность дѣла, наоборотъ измѣненіе территоріальныхъ предѣловъ округа измѣняетъ и подсудность дѣла; такъ, въ случаяхъ перечисленія опредѣленной мѣстности изъ состава одного округа въ составъ другого дѣла, возникшія въ означенной мѣстности, хотя бы до перечисленія, подсудны тому военно-окружному суду, въ округъ котораго перешла эта мѣстность. То же правило примѣняется и въ томъ случаѣ, если обвиняемые состоятъ на службѣ въ такихъ частяхъ, которыя, съ переходомъ мѣста ихъ расположенія въ составъ другого округа, остались въ подчиненіи прежняго окружного начальства.

Признаку мѣста совершенія преступленія во всѣхъ новѣйшихъ процессахъ придано значеніе главнаго основанія въ интересахъ публичныхъ, такъ какъ разсмотрѣніе дѣла въ далекомъ разстояніи отъ мѣста совершенія кореннымъ образомъ нарушало бы основныя начала современнаго процесса, приближая его къ формамъ стараго письменнаго и посредственнаго производства; въ видахъ сохраненія этого основанія, вслѣдствіе обширности нѣкоторыхъ военныхъ округовъ, установлено открытіе временныхъ военныхъ судовъ [3]). Что же касается морского

---

[1]) Ст. 261, 680 и 692 В.-С. У.; ст. 629, 355 и 364 В.-М. С. У.
[2]) Ст. 262 В.-С. У.; ст. 631 В.-М. С. У.
[3]) Ст. 45 В.-С. У.

вѣдомства, то указанный принципъ долженъ нарушаться весьма часто, такъ какъ временные военно-морскіе суды могутъ быть открываемы лишь въ мѣстахъ подвѣдомственныхъ морскому начальству [1]), въ чемъ весьма рельефно выражается неудобство раздѣленія въ военно-судебномъ отношеніи сухопутнаго и морского вѣдомствъ.

На первый взглядъ вопросъ объ опредѣленіи мѣста совершенія преступленія является весьма простымъ, но нельзя игнорировать того обстоятельства, что въ дѣйствительности преступная дѣятельность часто слагается изъ цѣлаго ряда фактовъ, которые могутъ распредѣлиться и во времени, и въ пространствѣ. Отсюда возникаетъ необходимость опредѣлить тотъ изъ этихъ фактовъ, которому должно быть отдано предпочтеніе, ибо мѣстомъ совершенія дѣянія можно считать каждый изъ участковъ, гдѣ совершались какія либо акты этого дѣянія. Вся предварительная дѣятельность преступника, коей не осуществляется законный составъ дѣянія, не можетъ быть принята за основаніе разрѣшенія вопроса. Затѣмъ преступное дѣйствіе и преступный результатъ могутъ быть раздѣлены по мѣсту ихъ возникновенія, самое преступное дѣйствіе можетъ слагаться изъ ряда разномѣстныхъ актовъ, или одно дѣйствіе можетъ вызвать цѣлый рядъ послѣдствій въ разныхъ мѣстахъ. Вполнѣ точному разрѣшенію поставленный выше вопросъ не поддается, и въ литературѣ процессуальнаго права существуетъ нѣсколько различныхъ теорій по этому вопросу, но всѣ онѣ страдаютъ однимъ недостаткомъ—односторонностью. Въ виду этого Глазеръ замѣчаетъ, что опредѣленіе мѣста совершенія преступленія имѣетъ принципіальное значеніе лишь въ области международнаго уголовнаго права, въ области же уголовнаго процесса оно должно имѣть, по преимуществу, въ виду практическія соображенія быстроты, удобства и наибольшей успѣшности изобличенія виновнаго. Такимъ мѣстомъ, очевидно, будетъ то, гдѣ осталось наибольшее число слѣдовъ преступленія или вообще доказательствъ его совершенія, такъ какъ при такомъ разрѣшеніи вопроса, въ большинствѣ случаевъ, судъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ

[1]) Ст. 27 В.-М. С. У.

наибольшее число данныхъ для правильнаго рѣшенія дѣла. Однако, практика выдвигаетъ много случаевъ, когда для суда выгоднѣе избрать другое мѣсто, но невозможность указать въ законѣ всѣ эти случаи ставитъ законодателя въ необходимость опредѣлить лишь нѣкоторые, особенно выдающіеся изъ нихъ, къ которымъ кромѣ основного принципа примѣняются и другіе. Примѣняя къ нѣкоторымъ изъ этихъ случаевъ основной принципъ, законъ прямо указываетъ тотъ судъ, коему подсудно дѣло. Такъ, въ случаѣ совокупности преступныхъ дѣяній, совершенныхъ въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ разнымъ военно-окружнымъ (военно-морскимъ) судамъ, дѣло производится тѣмъ изъ судовъ, коему подсудно важнѣйшее изъ преступленій [1]). По дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ заграницею, судъ, въ коемъ должно быть разсмотрѣно дѣло, указывается Военнымъ Министромъ [2]) или Управляющимъ морскимъ министерствомъ [3]). Отступленіе въ этомъ отношеніи отъ правилъ устава уголовнаго судопроизводства (ст. 214) составители военно-судебнаго устава мотивировали слѣдующимъ образомъ: «...не всегда было бы удобно, а иногда и совершенно невозможно (?) производить судъ въ Россіи надъ обвиняемымъ въ преступленіи, совершенномъ заграницей, въ томъ именно судѣ, въ вѣдомствѣ коего онъ задержанъ, или имѣлъ въ послѣднее время жительство. Сверхъ того по военному вѣдомству могутъ быть и такіе случаи, въ которыхъ военнослужащіе, находясь заграницею въ составѣ небольшой команды, могутъ быть задерживаемы начальствомъ на мѣстѣ совершенія преступныхъ дѣяній и доставляемы въ Россію для производства надъ ними суда. Въ виду всего этого и самой исключительности подобныхъ случаевъ, вызывающихъ всегда особенное вниманіе высшаго начальства, призналось за лучшее постановить болѣе общее по сему предмету правило» [4]), которое изложено выше. При разсмотрѣніи этихъ мотивовъ нельзя не замѣтить, что они представляются въ первой своей части совершенно неосновательн-

---

[1]) Ст. 263 В.-С. У.; ст. 632 В.-М. С. У.; ст. 211 уст. угол. суд.
[2]) Ст. 271 В.-С. У.
[3]) Ст. 249 В.-М. С. У.
[4]) Сборн. закон. раб., 336.

ными, такъ какъ, во 1-хъ, непонятно какой случай имѣли въ виду составители устава, когда по ихъ мнѣнію, «невозможно» производить судъ въ Россіи по мѣсту задержанія обвиняемаго или послѣдняго его жительства и, во 2-хъ, подъ мѣстомъ задержанія, опредѣляющимъ подсудность, въ законѣ разумѣется мѣсто, находящееся не заграницею, а внутри отечественной территоріи, въ которомъ или дѣйствительно былъ задержанъ обвиняемый, или состоялась его выдача. За всѣмъ тѣмъ правило, принятое нашимъ военнымъ процессомъ, представляется болѣе удобнымъ, такъ какъ на его основаніи опредѣленіе подсудности можетъ быть сдѣлано наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ. Изложенное правило примѣняется однако лишь въ томъ случаѣ, если военнослужащій обвиняется только въ преступленіи, совершенномъ заграницей, если же кромѣ того онъ обвиняется въ преступномъ дѣяніи, учиненномъ въ предѣлахъ Имперіи, то все дѣло разсматривается тѣмъ судомъ, которому подсудно это послѣднее дѣяніе [1]). Въ прежнемъ военно-судебномъ уставѣ правила о подсудности дѣяній, учиненныхъ заграницей относились къ судамъ какъ высшаго, такъ и низшаго разряда, что имѣетъ мѣсто и донынѣ въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ. Дѣйствующій же военно-судебный уставъ 1884 г., независимо отъ рода преступнаго дѣянія, установилъ подсудность означенныхъ дѣлъ исключительно военно-окружному суду, «такъ какъ при существующей организаціи полковыхъ судовъ, очевидно, невозможно допустить подсудность преступленія, хотя и маловажнаго, совершеннаго заграницей, полковому суду» [2]), другими словами законодатель устанавливаетъ относительно преступленій, совершенныхъ заграницей, презумпцію особой процессуальной ихъ важности; кромѣ того нельзя при этомъ упускать изъ виду и того, что при сужденіи за преступныя дѣянія, учиненныя заграницей, необходимо также знакомство и съ иностраннымъ законодательствомъ [3]).

Сверхъ изложенныхъ случаевъ уставъ уголовнаго судопро-

---

[1]) Ст. 215 уст. угол. суд.; ст. 272 В.-С. У.; ст. 250 В.-М. С. У.

[2]) Объяснит. зап., стр. 8.

[3]) Ст. 174 улож. о нак. (разъясненія этой статьи см. въ рѣш. Гдавн. Воен. Суда 1889 г. № 24 и 1895 г. № 50). Тоже см. проектъ уголовн. уложенія, ст. 6 и 7.

изводства указываетъ еще и нѣкоторые другіе, къ которымъ примѣняетъ основной принципъ съ точнымъ опредѣленіемъ мѣста суда. Такъ, для преступленія длящихся и продолжаемыхъ установлено правило, по которому дѣло подлежитъ суду той мѣстности, гдѣ происходили послѣднія преступныя дѣйствія (ст. 210); затѣмъ подробно опредѣлена подсудность дѣлъ по преступленіямъ печати по мѣсту ихъ совершенія и распространенія (ст. 1213[4]). Первое правило въ военно-судебномъ уставѣ видоизмѣнено, а второе вовсе не введено. Составители названнаго устава находили первое правило не вполнѣ удобнымъ для воennаго вѣдомства[1]), поэтому для этихъ случаевъ было установлено, что обвиняемый судится въ томъ судѣ, который ближе къ мѣсту задержанія обвиняемаго[2]), т. е. примѣненъ другой принципъ (forum deprehensionis). Необходимо замѣтить, что составители военно-судебнаго устава 1867 г. территоріальному началу не придавали вообще важнаго значенія, находя, что «практическое удобство должно служить для начальствующихъ лицъ руководствомъ въ подобныхъ случаяхъ при избраніи того или другого суда»[3]). Поэтому, по мысли составителей, даже при совокупности преступленій, совершенныхъ въ разныхъ военныхъ округахъ, подсудность можетъ быть опредѣлена не только важнѣйшимъ преступленіемъ, но и мѣстомъ задержанія обвиняемаго. Однако, хотя правила, опредѣляющія подсудность длящихся и продолжаемыхъ преступленій, соединены въ одной статьѣ съ правиломъ о подсудности при совокупности преступленій, смыслъ статьи таковъ, что при совокупности преступленій, какъ то было изложено выше, подсудность опредѣляется только важнѣйшимъ преступленіемъ, но правило это не примѣнимо къ длящимся или продолжаемымъ преступленіямъ, а слѣдовательно опредѣленіе подсудности по мѣсту задержанія касается лишь этихъ послѣднихъ. Къ преступленіямъ печати, подсуднымъ военному суду, должны быть примѣнены общія правила военно-судебнаго устава за неустановленіемъ какого либо изъятія при опредѣленіи мѣста суда за эти преступленія. Военно-

[1]) Сборн. зак. раб. стр. 400.
[2]) Ст. 263 В.-С. У.; ст. 632 В.-М. С. У.
[3]) Сборн. закон. раб., стр. 400.

судебный уставъ не упоминаетъ о случаѣ подсудности при совокупности преступленій, совершенныхъ въ разныхъ округахъ, когда преступленія эти одинаковой важности, но практика примѣняетъ въ этомъ отношеніи принципъ мѣста задержанія [1]). Тотъ же принципъ примѣняется къ нижнимъ чинамъ, совершившимъ побѣгъ. Они подлежатъ сужденію въ ближайшемъ къ мѣсту задержанія военно-окружномъ (военно-морскомъ) судѣ, если они вмѣстѣ съ тѣмъ не обвиняются въ совершеніи другихъ, кромѣ спроса и утраты казенныхъ вещей, преступленій [2]), если же независимо отъ этихъ дѣяній совершены другія, то относительно такихъ дѣлъ примѣняются общія правила о подсудности по мѣсту совершенія преступленія [3]). Затѣмъ въ правилахъ о подсудности низшимъ военнымъ судамъ установлено, что отсутствующіе нижніе чины подлежатъ за учиненныя ими преступныя дѣянія вѣдѣнію ближайшаго къ мѣсту совершенія преступленія полковому суду, которому подсудны на томъ же основаніи и морскіе нижніе чины, если преступленіе учинено не въ портѣ; въ послѣднемъ же случаѣ они подсудны экипажному суду по назначенію начальства или учрежденному при командирѣ порта [4]). Изъ приведеннаго правила объ отсутствующихъ сдѣлано исключеніе, основанное на ст. 615 кн. II военно-уголовнаго устава 1859 г., относительно бѣжавшихъ. Нижніе чины, обвиняемые только въ побѣгѣ и совмѣстныхъ съ этимъ преступленіемъ утратахъ казеннаго обмундированія и аммуниціи подсудны суду той команды, въ коей состоятъ на службѣ, если только задержаны въ мѣстѣ, отстоящемъ отъ штаба части на разстояніи не болѣе 300 верстъ [5]). Но если бѣжавшій нижній чинъ совершитъ, кромѣ побѣга и указанныхъ выше преступленій, еще и другія подсудныя низшему суду, то подсудность дѣла въ полномъ объемѣ опредѣляется мѣстомъ совершенія преступленія: если преступленіе совершено во время побѣга, то дѣло подсудно ближайшему къ мѣсту совершенія суду:

---

[1]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1887 г. № 63.
[2]) Ст. 265 В.-С. У., ст. 635 В.-М. С. У.
[3]) Сборн. зак. раб., стр. 401.
[4]) Ст. 255 В.-С. У.; ст. 258 В.-М. С. У.
[5]) Ст. 256 В.-С. У.; ст. 259 В.-М. С. У.

о чинахъ сухопутнаго вѣдомства полковому или равному ему по власти, а о морскихъ воинскихъ чинахъ какъ тѣмъ же судамъ, такъ и экипажнымъ; если совершено нѣсколько преступленій одинаковой важности, то дѣло подсудно суду, ближайшему къ мѣсту совершенія послѣдняго дѣянія, а если преступленіе совершено до побѣга, то суду части, къ коей принадлежитъ обвиняемый[1]).

Въ военное время каждому корпусному суду подсудны воинскіе чины, входящіе въ составъ корпуса, а равно всѣ прочія подсудныя военному суду лица, совершившія преступленіе или проступокъ въ раіонѣ расположенія корпуса[2]). Это правило для корпусныхъ судовъ въ раздѣлѣ IV-мъ устава является единственнымъ, и правила, установленныя для мирнаго времени, относящіяся къ другимъ случаямъ подсудности, должны имѣть полное примѣненіе и въ военное время, такъ какъ раздѣлъ IV устава, о судѣ въ военное время, содержитъ лишь изъятія изъ общихъ правилъ судоустройства и судопроизводства (ст. 1279). Вѣдомство суда тыла арміи опредѣляется на томъ же основаніи, какъ и вѣдомство военно-окружныхъ судовъ, а относительно низшихъ судовъ сохраняютъ полную силу правила мирнаго времени[3]). Такимъ образомъ въ военное, какъ и въ мирное время, территоріальное начало при опредѣленіи подсудности является основнымъ.

4.

Правила о мѣстной подсудности какъ въ общемъ, такъ и военномъ процессѣ, не охватываютъ, однако, всего разнообразія возникающихъ на практикѣ случаевъ, что является особенно ощутительнымъ въ военномъ процессѣ, такъ какъ войско, къ которому онъ имѣетъ главнѣйшее примѣненіе, обладаетъ гораздо большей подвижностью, чѣмъ гражданское населеніе и притомъ подвижностью не единичной, а въ массахъ. При передвиженіи, напр., цѣлыхъ воинскихъ командъ, могутъ быть учинены пре-

[1]) Ст. 257—259 В.-С. У.; ст. 260—262 В.-М. С. У.
[2]) Ст. 1332 В.-С. У.
[3]) Ст. 1336 В.-С. У.

ступныя дѣянія, подсудныя суду высшаго разряда, между одними воинскими чинами, такъ что и потерпѣвшій и свидѣтели и даже вещественныя доказательства преступленія будутъ передвигаться, при чемъ воинская часть можетъ проходить мѣстности, входящія въ составъ различныхъ военныхъ округовъ. Кромѣ того могутъ быть и другіе случаи, въ коихъ примѣненіе дѣйствующихъ правилъ о мѣстной подсудности, можетъ повлечь значительныя неудобства и нарушенія интересовъ подсудимыхъ, напр., когда свидѣтели по дѣлу уволены въ запасъ и т. п. Мѣстная подсудность для подобныхъ случаевъ въ законѣ не опредѣлена, а примѣненіе къ нимъ существующихъ правилъ было бы нецѣлесообразно. Кромѣ того на практикѣ могутъ возникать и дѣйствительно возникаютъ случаи, въ отношеніи мѣстной подсудности весьма трудно разрѣшимые. Коррективомъ закона о мѣстной подсудности является особый институтъ *переноса дѣлъ* [1]). Переносъ дѣлъ, какъ институтъ субсидіарный, можетъ быть примѣняемъ: во 1-хъ, лишь къ судамъ равной компетенціи и, во 2-хъ, не только въ цѣляхъ процессуальнаго удобства, но и по соображеніямъ политическаго характера [2]), «въ видахъ огражденія безпристрастнаго разсмотрѣнія» дѣла [3]). Въ виду отсутствія въ военно-судебномъ уставѣ правилъ о переносѣ дѣлъ практика выработала для военно-окружныхъ судовъ особый порядокъ ихъ переноса. Въ случаѣ необходимости перенести дѣло изъ одного округа въ другой военное начальство, прокуроръ или предсѣдатель суда, смотря по положенію дѣла, входятъ съ представленіемъ въ военное министерство о разрѣшеніи передать дѣло въ другой округъ, и Военный Министръ, по докладу главнаго военно-суднаго управленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, примѣнительно къ статьѣ 247 устава уголовнаго судопроизводства, разрѣшаетъ ходатайство. Кромѣ того въ основаніе такого порядка принимались также и постановленія, коими Военному Министру предоставлено право, при совершеніи преступленія заграницей или при разрѣшеніи пререканія о подсудности между главными начальниками военныхъ округовъ назначать тотъ судъ, гдѣ дол-

[1]) Фойницкій. Курсъ I изд., 560. Случевскій 344, по изд. 1895 г.
[2]) Ст. 248 и 1312, уст. угол. суд.
[3]) Уст. угол. суд., изд. Гос. канц. Мотивы подъ ст. 248.

женъ судиться обвиняемый [1]). Кромѣ разрѣшенія переноса дѣлъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на практикѣ возникала необходимость испрошенія разрѣшеній общихъ, не по каждому дѣлу, а для цѣлыхъ группъ дѣлъ. Такъ въ 1879 г. было разрѣшено, не ожидая отдѣльныхъ представленій, дѣла о чинахъ возвращающихся изъ Турціи въ Россію частей Дѣйствующей арміи, передать въ военно-окружные суды тѣхъ военныхъ округовъ, въ составъ которыхъ поступятъ возвращающіяся части; то же соблюдалось при перемѣщеніи воинскихъ частей изъ одного военнаго округа въ другой или выбытія цѣлыхъ частей изъ мѣстъ постояннаго расположенія въ Дѣйствующую армію. Военно-судебный уставъ 1867 г. не содержалъ въ себѣ особыхъ правилъ о переносѣ дѣлъ, исключая ст. 1136 XXIV С. В. П. (изд. 1879 г.), въ которой предусматривался случай, когда обвиняемыми являлись должностныя лица военно-судебнаго вѣдомства; дѣла объ этихъ лицахъ «ни въ какомъ случаѣ не должны были производиться въ томъ судѣ, въ которомъ обвиняемый состоитъ на службѣ» [2]). Но затѣмъ въ законѣ не содержалось никакихъ указаній порядка опредѣленія мѣста сужденія въ означенномъ случаѣ. Въ виду сего, а также и встрѣчавшихся въ практикѣ другихъ вышеупомянутыхъ случаевъ, вызывавшихъ необходимость отступленія отъ дѣйствующихъ правилъ мѣстной подсудности, при пересмотрѣ устава въ 1882 г. было предположено дополнить уставъ слѣдующими постановленіями: «перепесеніе дѣла изъ того военнаго суда, которому оно подсудно, въ другой военный судъ допускается только въ видахъ болѣе удобнаго производства дѣла», при чемъ разрѣшеніе вопроса о переносѣ изъ одного полкового суда въ другой было предположено предоставить соглашенію полковыхъ командировъ, а при ихъ разногласіи высшимъ въ порядкѣ подчиненности начальникамъ; переносъ же дѣлъ въ военно-окружныхъ судахъ предоставлялся единственно Военному Министру [3]). Однако эти предположенія, вполнѣ совпадающія съ установившимся на практикѣ порядкомъ, были изъ проекта

---

[1]) Ст. 258 и 645 XXIV кн. С. В. П., изд. 1879 г., соотвѣтств. ст. 271 и 273 В.-С. У., 1884 г.

[2]) Ст. 1218 В.-С. У., 1884 г.

[3]) Ст. 280—282 проекта В.-С. У. 1884 г.

исключены. Затѣмъ при переработкѣ IV раздѣла военно-судебнаго устава былъ установленъ въ весьма широкихъ предѣлахъ перенось дѣлъ въ военное время. А именно, законъ разрѣшаетъ передачу дѣлъ изъ полковыхъ и корпусныхъ судовъ въ другой ближайшій судъ, соотвѣтствующей компетенціи, «смотря по удобству» при передвиженіи части или корпуса въ случаѣ затруднительности дальнѣйшаго производства дѣла [1]). Въ указанныхъ случаяхъ передача дѣлъ совершается или распоряженіемъ начальника части—для дѣлъ подвѣдомственныхъ низшимъ судамъ, или распоряженіемъ командира корпуса—для дѣлъ высшей подсудности. Кромѣ того перенось дѣлъ изъ одного суда въ другой законъ допускаетъ вообще въ видахъ болѣе удобнаго производства ихъ по соглашенію начальниковъ, при которыхъ состоятъ суды, а въ случаѣ разногласія высшими въ порядкѣ подчиненности начальниками [2]).

5.

Во французскомъ военномъ процессѣ мѣстная подсудность (compétence de lieu) опредѣляется тремя основаніями: мѣстомъ совершенія преступленія, мѣстомъ задержанія и мѣстомъ служенія, при чемъ всѣ эти основанія имѣютъ совершенно равное значеніе. Art. 61 военно-сухопутнаго кодекса гласитъ, что «обвиняемый подсуденъ тому изъ военныхъ судовъ, въ округѣ котораго или совершено преступное дѣяніе, или онъ былъ задержанъ, или наконецъ суду той части войскъ, къ которой онъ принадлежитъ». Совершенно аналогичныя правила установлены и для морского вѣдомства [3]), съ различіемъ, основанномъ на особенностяхъ мѣстнаго управленія флотомъ. Кромѣ того исключительно отъ усмотрѣнія морского министра зависитъ опредѣленіе того суда, въ коемъ должны быть разсмотрѣны дѣла о генералахъ и офицерахъ, виновныхъ въ потерѣ военнаго корабля, сдачѣ его непріятелю, несмотря на возможность обороны, и вообще о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя будутъ обви-

[1]) Ст. 1330 и 1335 В.-С. У.
[2]) Ст. 1342 и 1343 В.-С. У.
[3]) Code p. l'armée de mer., art. 82 et 91.

няться въ дѣяніяхъ, повлекшихъ гибель или взятіе непріятелемъ военнаго корабля. Изложенныя правила основаны на постановленіяхъ устава общаго уголовнаго судопроизводства [1]) и являются единственными въ кодексахъ военныхъ. При разрѣшеніи же всѣхъ остальныхъ вопросовъ мѣстной подсудности, по силѣ art. 82 сухопутнаго и art. 112 морского военныхъ кодексовъ, примѣняются правила общаго уголовнаго процесса. Въ виду того, что приведенныя три основанія мѣстной подсудности являются равносильными, вопросъ о подсудности дѣла въ случаяхъ столкновенія означенныхъ основаній рѣшается не преимуществомъ котораго либо изъ нихъ по самому закону, а первенствомъ начатія производствомъ въ одномъ изъ судовъ, при одновременномъ же начатіи дѣла въ разныхъ судахъ вопросъ о подсудности разрѣшается по усмотрѣнію высшаго суда (réglement de juges [2]). Наконецъ также широко допускается перепосъ дѣлъ по рѣшенію высшаго суда, при чемъ въ законѣ ближайшимъ образомъ не указаны причины переноса, а сказано, что перепосъ дѣлъ изъ одного суда въ другой одинаковой компетенціи допускается по соображеніямъ общественной безопасности или при возникновеніи какого либо основательнаго сомнѣнія [3]), такъ что опредѣленіе ближайшей причины перепоса дѣла зависитъ вполнѣ отъ суда. Примѣненіе изложеннаго порядка «усмотрѣнія» въ военно-судебной практикѣ весьма рѣдко [4]). Въ Баваріи, на основаніи art. 100 военно-процессуальнаго кодекса, въ военномъ процессѣ примѣняются правила общаго процесса, по скольку они не измѣнены постановленіями военныхъ законовъ, а такъ какъ ближайшаго опредѣленія мѣстной подсудности въ военномъ кодексѣ не содержится, то необходимо обратиться къ кодексу 1813 года, въ коемъ находятся означенныя правила. Главнымъ основаніемъ, опредѣляющимъ мѣстную подсудность является мѣсто совершенія преступленія (art. 22), при чемъ преступленія, совершенныя въ нѣсколькихъ округахъ, подсудны тому суду, въ участкѣ котораго произошли послѣднія дѣйствія.

---

[1]) Code d'instruction crim., art. 23—28.
[2]) Фойницкій. Курсъ I изд. 530.
[3]) Code d'instr., art. 542.
[4]) Vexiau. Commentaire abrégé, 73.

Затѣмъ при совокупности преступленій, подсудныхъ по мѣсту совершенія разнымъ судамъ, всѣ они разсматриваются въ томъ изъ этихъ судовъ, въ округѣ котораго ранѣе было возбуждено уголовное преслѣдованіе (art. 22). Краткость изложенныхъ постановленій дополняется весьма широкимъ примѣненіемъ перенося дѣлъ. Высшему военному суду (Militär-Obergericht) принадлежитъ право переносить по особымъ основаніямъ (besonderen Gründen) дѣла изъ одного суда въ другой [1]), но самыхъ основаній въ военномъ кодексѣ не указано, а по общеуголовному кодексу 1813 г. высшій судъ вправѣ перенести дѣло въ другой судъ, смотря по важности и числу преступныхъ дѣяній (art. 22). Наконецъ въ военное время примѣняются тѣ же правила, какъ и въ мирное время [2]).

[1]) M.-Str.-G. Ordn., art. 52.
[2]) Тамъ-же, art. 48.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПОДСУДНОСТИ.

1.

Опредѣленіе подсудности, т. е. того судебнаго мѣста, которое обязано разсмотрѣть данное уголовное дѣло составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ процесса. Опредѣленіе подсудности должно предшествовать всѣмъ другимъ дѣйствіямъ суда, не только въ интересахъ быстроты процесса, но и въ интересахъ публичныхъ, такъ какъ непринятіе судомъ подсуднаго ему дѣла къ своему производству будетъ со стороны суда бездѣйствіемъ власти, а принятіе дѣла ему неподсуднаго—превышеніемъ власти. Чрезвычайная важность правильнаго опредѣленія подсудности, какъ института публичнаго, служитъ основаніемъ къ тому, что вопросы о подсудности могутъ быть возбуждаемы во всякій моментъ процесса, при чемъ согласіе сторонъ или упущеніе ихъ по вопросу о подсудности не имѣетъ никакого процессуальнаго значенія [1]).

Порядокъ, коимъ разрѣшаются вопросы о подсудности въ общемъ и военномъ процессахъ, существенно отличается одинъ отъ другого. Составители судебныхъ уставовъ находили, что «всякій судъ, приступая къ разсмотрѣнію дѣла, долженъ повѣ-

[1]) Случевскій, 316.

рить подсудно ли ему дошедшее до него дѣло, и тогда только можетъ принять его къ своему разсмотрѣнію, когда по повѣркѣ вопросъ этотъ разрѣшится положительно, поэтому въ законѣ и установлено, что каждое судебное мѣсто само рѣшаетъ подлежитъ ли дѣло его вѣдомству и ни въ какомъ случаѣ не должно представлять суду высшему о разрѣшеніи своихъ сомнѣній о подсудности [1]). На этомъ основаніи судъ обязанъ по всякому дѣлу, вступившему на его разсмотрѣніе, прежде всего обсудить: не требуетъ ли дѣло какихъ либо особенныхъ съ его стороны распоряженій [2]). Составители судебныхъ уставовъ, давая примѣрный перечень вопросовъ, подлежащихъ обсужденію суда при поступленіи дѣла, въ первомъ же пунктѣ указываютъ на то, что судъ долженъ удостовѣриться подсудно ли ему дѣло [3]) и единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила является ст. 519 уст. угол. суд., постановляющая, что окружной судъ не входитъ въ разсмотрѣніе подсудности дѣла, по которому состоялось опредѣленіе судебной палаты о предапіи обвиняемаго суду; если же откроются новыя обстоятельства, не бывшія въ виду палаты, но имѣющія вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла, то судъ представляетъ о томъ палатѣ. Такимъ образомъ *судъ*, а не другое какое либо мѣсто или лицо, является по судебнымъ уставамъ органомъ, опредѣляющимъ подсудность дѣла, при чемъ низшій судъ подчиняется въ этомъ отношеніи лишь высшему въ порядкѣ инстанцій суду. Установленіе изложеннаго порядка вытекаетъ изъ самаго положенія вещей, такъ какъ только по изъятію, прямо указанному въ законѣ, каждый органъ власти можетъ отправлять функціи въ общемъ правилѣ на него не возложенныя. Правила судебныхъ уставовъ устраняютъ, во 1-хъ, возможность сознательныхъ со стороны суда дѣйствій, лишенныхъ юридической силы, и, во 2-хъ, медленность въ производствѣ дѣлъ. Не то мы видимъ въ военномъ процессѣ. Составители военно-судебнаго устава 1867 г. опредѣленіе подсудности возложили на военное начальство, относя эту обязанность, по ихъ выраженію, къ «судебно-преслѣдовательной вла-

[1]) Ст. 231 уст. угол. суд. и мотивы къ этой статьѣ въ изд. Госуд. канц.
[2]) Тамъ же. Ст. 547.
[3]) Тамъ же. Мотивы къ ст. 547.

сти» [1]). Затѣмъ необходимо замѣтить, что составители устава, заимствуя правила по этому предмету изъ общаго процесса, даже и не входили въ подробное обсужденіе означеннаго вопроса, ограничившись указаніемъ на то, что въ редакціи нѣкоторыхъ статей устава уголовнаго судопроизводства, относящихся къ производству дѣлъ въ окружныхъ судахъ, сдѣланы лишь тѣ измѣненія, которыя зависятъ отъ различія въ личномъ составѣ военныхъ и гражданскихъ судовъ [2]); но, несмотря на такую мотивировку, которая ничего ровно не объясняетъ, изъ объяснительной записки къ проекту устава 1867 г. видно, что комиссія считала для каждаго военнаго суда обязательнымъ «входить въ разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ дѣлъ, по которымъ предлагаются на обсужденіе ихъ обвинительные акты» [3]). Такія сужденія были очевиднымъ послѣдствіемъ смѣшенія двухъ понятій: преданія суду и опредѣленія подсудности. Въ виду этого въ военно-судебномъ уставѣ отсутствуетъ правило объ обязанности суда самостоятельно опредѣлять подсудность дѣла, а ст. 549 уст. угол. суд. перенесена въ военно-судебный уставъ въ слѣдующей редакціи: «военный судъ не входитъ въ разсмотрѣніе подсудности и порядка производства дѣла, по которому состоялось распоряженіе о преданіи обвиняемаго суду; если же откроются новыя обстоятельства, не бывшія въ виду при распоряженіи о преданіи суду, но имѣющія вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла, то предоставляется военному прокурору сообщить о семъ по принадлежности тому военному начальнику, отъ власти коего зависитъ преданіе обвиняемаго суду» [4]). Изложенное правило, по точному его смыслу, равносильно предписанію военнымъ судамъ принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла, явно имъ неподсудныя, и постановлять приговоры, подлежащіе отмѣнѣ. Сравненіе приведенной статьи со статьею 549 уст. угол. суд. не оставляетъ сомнѣнія, что составители военно-судебнаго устава совершенно упустили изъ виду различіе порядка преданія суду, установленнаго въ общемъ процессѣ,

---

[1]) Сборн. закон. раб., стр. 336.
[2]) Тамъ же. Стр. 405.
[3]) Тамъ же. Стр. 400.
[4]) Ст. 661, XXIV. С. В. П. изд. 1879 г.; ст. 652, В.-М. С. У.

отъ проектируемаго ими въ военномъ вѣдомствѣ, такъ какъ очевидно, что подчиненіе окружного суда опредѣленію судебной палаты ничего общаго не имѣетъ съ подчиненіемъ военно-окружного суда распоряженію начальства: въ первомъ случаѣ вопросъ о подсудности рѣшаетъ высшее въ порядкѣ инстанціи судебное мѣсто, которое является по своему положенію въ судебной системѣ болѣе компетентнымъ, поэтому законъ и устанавливаетъ относительно палаты презумпцію правильности ея опредѣленія, подлежащаго повѣркѣ лишь Сената, во второмъ—вопросъ о подсудности совмѣстно съ вопросомъ о преданіи суду разрѣшается военнымъ начальствомъ при совѣщательномъ содѣйствіи военной прокуратуры, при чемъ законъ не установилъ даже порядка разрѣшенія разномыслія о подсудности между военными начальниками и военными прокурорами, такъ что послѣдніе должны подчиняться въ этомъ отношеніи мнѣнію начальника, какъ и по вопросу о преданіи суду, исключая случая преданія военному суду лица гражданскаго вѣдомства, которое по мнѣнію военнаго прокурора, сему суду неподсудно, и затѣмъ при разногласіи между полковымъ командиромъ и военнымъ прокуроромъ по дѣламъ, представляемымъ полковымъ судомъ за неподсудностью ихъ этому суду [1]). Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ возникаетъ пререканіе, разрѣшаемое тѣмъ же порядкомъ какъ и пререканіе собственно о преданіи суду, но опять таки военнымъ начальствомъ, и лишь при несогласіи съ мнѣніемъ прокурора главнаго начальника военнаго округа—судебнымъ мѣстомъ, Главнымъ Военнымъ Судомъ. Такое же подчиненіе суда мнѣнію военнаго начальства существуетъ и во французскомъ военномъ процессѣ [2]), и можно думать, что на нашемъ военномъ процессѣ отразилось французское вліяніе.

Изложенный порядокъ является ненормальнымъ, такъ какъ, во 1-хъ, вопросы о подсудности, по своимъ юридическимъ свойствамъ, весьма сложные, очевидно, не могутъ быть предоставлены рѣшенію военнаго начальства, во 2-хъ, на практикѣ въ

[1]) Ст. 1183 и 342 XXIV С. В. П. изд. 1879 г.

[2]) Code p. l'armée de terre. 108—113 art..; Code p. l'armée de mer. 138—143 t.

большинствѣ случаевъ мнѣніе начальства подчиняется мнѣнію военнаго прокурора и, въ 3-хъ, судъ, лишаясь черезъ это самостоятельности въ присущихъ ему функціяхъ, долженъ подчиняться по вопросу, имѣющему своимъ предметомъ основаніе судебной его дѣятельности, мнѣнію начальства и прокуратуры. Между тѣмъ, предоставленіе военному суду разрѣшенія вопросовъ о подсудности, нисколько не умаляло бы «преслѣдовательной» власти военнаго начальства, такъ какъ сущность этой власти заключается не въ томъ «гдѣ судить», а въ томъ «судить или не судить». Поэтому Сенатъ и разъясняетъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ по службѣ должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства судъ обязанъ въ распорядительномъ засѣданіи обсудить, подсудно ли ему дѣло и при этомъ обсужденіи не стѣсняется сдѣланнымъ въ постановленіи начальства, послужившимъ къ составленію обвинительнаго акта, опредѣленіемъ свойства преступленія, составляющаго предметъ обвиненія [1]).

Вслѣдствіе изложенныхъ соображеній ненормальность означеннаго порядка, казалось бы, должна была обратить на себя вниманіе при пересмотрѣ въ 1882 г. военно-судебнаго устава, однако, правила, касающіяся этого порядка, какъ можно судить по объяснительной запискѣ къ проекту устава, даже и не обсуждались, перейдя безъ всякаго измѣненія въ нынѣ дѣйствующій военно-судебный уставъ и оставаясь въ прежнемъ видѣ въ судебномъ уставѣ военно-морскомъ [2]).

Практика, благодаря дѣйствующимъ правиламъ, является стѣсненной до крайнихъ предѣловъ, но сила вещей вызываетъ необходимость такъ или иначе выдти изъ такого положенія, каковую задачу Главный Военный Судъ разрѣшаетъ, давая словамъ *«новыя обстоятельства»* расширительное толкованіе, а именно: «подъ упомянаемыми въ ст. 724 В.-С. У. новыми обстоятельствами, говоритъ Главный Военный Судъ, слѣдуетъ подразумѣвать не только обстоятельства, обнаруженныя съ момента внесенія обвинительнаго акта въ судъ, но и тѣ, которыя уже имѣлись въ предварительномъ производствѣ и на которыя не было совершенно обращено недлежащаго вниманія или

[1]) Рѣш. У. К. Д-та 1889 г. № 36.
[2]) Ст. 724 и 1266 В.-С. У.; ст. 652 и 1242 В.-М. С. У.

придано неправильное значеніе. Иное толкованіе ст. 724 поставило бы судъ въ несоотвѣтствующее положеніе, обязывая его принимать къ своему разсмотрѣнію и постановлять приговоры по дѣламъ, явно ему не подсуднымъ»[1]). Другого выхода дѣйствительно придумать нельзя, хотя очевидно, что приведенное рѣшеніе не согласуется съ точнымъ смысломъ ст. 724. Кромѣ того обстоятельства дѣла могутъ сложиться и такъ, что толкованіе Главнаго Военнаго Суда нельзя будетъ примѣнить, хотя дѣло это будетъ явно неподсуднымъ военному суду, затѣмъ и самое констатированіе того, что на тѣ или другіе факты не было обращено вниманія является чрезвычайно затруднительнымъ, если же центръ тяжести рѣшенія Главнаго Военнаго Суда видѣть въ приданіи извѣстнымъ фактамъ «неправильнаго значенія», то указаніе въ ст. 724 на необходимость обнаруженія «новыхъ обстоятельствъ» становится пустымъ звукомъ. Наконецъ стремленіе Главнаго Военнаго Суда вывести судъ изъ «несоотвѣтствующаго положенія» указаннымъ имъ путемъ, все-таки, не устраняетъ возникающихъ затрудненій, такъ какъ вопросъ о подсудности идетъ на разрѣшеніе опять-таки военнаго начальника, который вправѣ потребовать разсмотрѣнія дѣла, не соглашаясь съ доводами суда и военнаго прокурора. Главный Военно-Морской Судъ напротивъ держится буквальнаго смысла ст. 652 В.-М. С. У. (соотвѣтствуетъ ст. 724 В.-С. У.), разъясняя, что судъ не долженъ входить въ обсужденіе распоряженій прокурора и военно-морскаго начальника, даже въ томъ случаѣ, если бы эти распоряженія были не вполнѣ согласны съ закономъ, а обязанъ приступить непосредственно къ подготовительнымъ для судебнаго засѣданія распоряженіямъ, такъ какъ неправильныя дѣйствія прокурора и начальника могутъ быть обжалованы подсуднымъ въ установленномъ порядкѣ и ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ обсужденію со стороны суда[2]). Независимо отъ выше приведеннаго разъясненія Главнаго Военнаго Суда въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ была принята въ порядкѣ инструкціонномъ, мѣра заключающаяся въ

[1]) Рѣш. 1887 г. № 111.
[2]) Рѣш. 1880 г. № 427 (по сборнику Пржерадскаго).

томъ, что если военный начальникъ, препровождая приказъ о преданіи военно-окружному суду, потребуетъ отъ военнаго прокурора внесенія обвинительнаго акта по дѣлу, не подсудному военно-окружному суду, то военный прокуроръ, изложивъ основанія, по которымъ находитъ состоявшееся распоряженіе неправильнымъ, сообщаетъ тому начальнику о необходимости отмѣны этого распоряженія, а въ случаѣ отказа въ томъ, входитъ съ представленіемъ къ высшему непосредственному начальнику лица, предаваемаго суду, объ отмѣнѣ его приказа о преданіи суду и о направленіи дѣла въ законномъ порядкѣ [1]). Но очевидно, что ни разъясненія Главнаго Военнаго Суда, ни инструкціи прокурорскому надзору не устраняютъ того ненормальнаго положенія, по которому военное начальство облечено властью разрѣшать вопросы о компетенціи и подсудности военнаго суда.

Другое дѣло полковые и равные имъ суды, которые поставлены въ полную зависимость отъ начальника части. Вопросъ о подсудности дѣла полковому суду разрѣшается начальникомъ части, при которой судъ состоитъ. Поэтому, по полученіи приказа о преданіи полковому суду, предсѣдатель послѣдняго, не входя въ обсужденіе этого вопроса, дѣлаетъ всѣ необходимыя для судебнаго засѣданія распоряженія и только въ случаѣ обнаруженія «неподвѣдомственности дѣла полковому суду» при судебномъ разбирательствѣ представляетъ дѣло при особомъ постановленіи суда начальнику части, который и рѣшаетъ вопросъ по соглашенію съ военнымъ прокуроромъ [2]). Къ этому инструкція полковымъ судамъ поясняетъ, что «своевременное разъясненіе обстоятельствъ, доказывающихъ подвѣдомственность дѣла какому либо иному суду, въ теченіе судебнаго разбирательства, обезпеченнаго вызовомъ всѣхъ нужныхъ свидѣтелей, не только даетъ полковому суду возможность безошибочно измѣнить подсудность дѣла, но и ускорить движеніе послѣдняго» [3]). Однако до очевидности ясно, что еще болѣе могло бы ускорить движеніе дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавить частныхъ лицъ отъ явки

---

[1]) Ст. 16. Инстр. военно-прок. надзору (прик. по воен. вѣд. 1890 г. № 258). Разъясн. см. въ рѣш. Гл. В. Суда. 1892 г. № 12.

[2]) Ст. 663 В.-С. У.

[3]) Ст 64. Инстр. полк. судамъ (прик. по воен. вѣд. 1884 г. № 323).

въ судъ и устранить въ подлежащихъ случаяхъ непроизводительные расходы казны, установленіе правила, по которому предсѣдателю полкового суда или суду предоставлялось бы право дѣлать начальнику части мотивированный письменный докладъ о неподсудности дѣла по даннымъ акта, послужившаго поводомъ къ преданію обвиняемаго суду, между тѣмъ дѣйствующія правила какъ закона, такъ и инструкціи такого порядка не устанавливаютъ, и низшій военный судъ обязанъ открывать нерѣдко судебное засѣданіе по несомнѣнно неподсуднымъ ему дѣламъ съ единственной цѣлью, по словамъ закона, точнаго разъясненія обстоятельствъ, указывающихъ на неподвѣдомственность дѣла полковому суду, т. е. полковой судъ въ этихъ случаяхъ является какъ бы органомъ предварительнаго производства. Такой именно взглядъ на полковой судъ былъ выраженъ въ 1882 г. при пересмотрѣ устава въ объяснительной къ проекту послѣдняго запискѣ: «соблюденіе обязанности выяснить обстоятельства, устанавливающія неподсудность дѣла, представляется важнымъ потому, что при такомъ порядкѣ обращеніе къ предварительному изслѣдованію многихъ дѣлъ, подсудныхъ военно-окружному суду, окажется совершенно излишнимъ и ходъ дѣлъ черезъ то значительно ускорится» [1]). Это воззрѣніе является явно несостоятельнымъ, такъ какъ и по ранѣе дѣйствовавшему уставу (ст. 403), и по уставу 1884 г. (п. 4 ст. 334) преданіе военно-окружному суду безъ производства предварительнаго слѣдствія допускается лишь при томъ условіи, когда «преступленіе является настолько очевиднымъ, что нѣтъ надобности въ производствѣ предварительнаго слѣдствія», если же необходимо для выясненія вопроса о подсудности особенно точное и тщательное разслѣдованіе на судѣ, хотя бы полковомъ, то объ очевидности преступленія едва ли можно и говорить. Приведенныя выше соображенія являлись совершенно новыми и повлекли за собою редакціонное измѣненіе въ этомъ смыслѣ ст. 343 XXIV С. В. П. изд. 1879 г. [2]), тогда какъ по мысли составителей военно-судебнаго устава 1867 г. достаточно было «усмотрѣть

---

[1]) Объясн. записка стр. 46.
[2]) Ст. 333 В.-М. С. У.

неподсудность» и разумѣется, выяснить обстоятельства, указывающія на нее, не входя въ дальнѣйшее разбирательство, что и было выражено, подобно ст. 117 уст. угол. суд., въ законѣ [1]), да и по редакціи нынѣ дѣйствующей ст. 663, несмотря на прибавку, сдѣланную въ текстѣ статьи, едва ли возможно другое истолкованіе разсматриваемаго правила. Наконецъ, если, не смотря на постановленіе полкового суда о неподсудности ему дѣла, начальникъ части, по соглашенію съ военнымъ прокуроромъ, признаетъ дѣло подсуднымъ полковому суду, то послѣдній обязанъ разсмотрѣть дѣло и постановить приговоръ, подчинясь разъясненіямъ военныхъ начальника и прокурора [2]), «при разногласіи же между полковымъ командиромъ и военнымъ прокуроромъ поступается на основаніи 558 ст.» [3]), т. е. возникаетъ пререканіе о подсудности по правиламъ пререканія о преданіи суду, такъ-что въ случаѣ, указанномъ первымъ пунктомъ 558 ст. военный прокуроръ обязанъ подчиниться мнѣнію военнаго начальника. Ссылка въ ст. 663 на ст. 558 указываетъ опять-таки на смѣшеніе понятій пререканія о подсудности и пререканія о преданіи суду, при этомъ нельзя не отмѣтить того, что приведенный порядокъ разрѣшенія разномыслія между начальствомъ и прокуратурой относится лишь къ спеціальному случаю возникновенія вопроса о неподсудности въ полковомъ или равномъ ему судѣ.

По кодексу баварскому вопросъ о подсудности дѣла высшему суду разрѣшается самимъ судомъ [4]), а о подсудности низшему суду—его предсѣдателемъ съ утвержденія начальника, при которомъ судъ учрежденъ [5]).

2.

Нарушеніе законовъ о подсудности можетъ влечь двоякаго рода послѣдствія въ зависимости отъ того какія изъ относящихся сюда правилъ не были соблюдены. Правила, разграничивающія юрисдикцію судовъ общихъ и судовъ военныхъ, имѣютъ без-

[1]) Ст. 343. Осн. положж. ч. II, ст. 68. Объясн. зап., стр. 354.
[2]) Инстр. полк. судамъ, ст. 68.
[3]) Ст. 663 В.-С. У.
[4]) Art. 119.
[5]) Art. 81.

условное значеніе и не могутъ подлежать распространительному толкованію; судъ, нарушившій эти правила, превышаетъ данныя ему полномочія, вслѣдствіе чего приговоръ, постановленный съ такимъ нарушеніемъ, есть приговоръ ненадлежащаго суда, не могущій никогда войти въ законную силу; такой приговоръ, по разъясненію Сената, нарушаетъ публичный интересъ и подлежитъ отмѣнѣ во всякомъ случаѣ внѣ зависимости отъ сроковъ, права на обжалованіе, указанія или неуказанія сторонъ и т. п. обстоятельствъ [1]). Изложенный взглядъ Сената усвоенъ и высшими кассаціонными судами военнаго и морского вѣдомства [2]), а также раздѣляется въ литературѣ [3]). Тѣ же послѣдствія влекутъ нарушенія правилъ предметной и личной подсудности судами одной системы, такъ какъ въ равной степени представляютъ превышеніе судомъ предѣловъ своихъ полномочій [4]).

Совершенно другое значеніе имѣютъ нарушенія правилъ подсудности мѣстной. Установленіе правилъ мѣстной подсудности было сдѣлано законодателемъ, говоритъ проф. Случевскій, съ одной стороны въ видахъ правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія занятій между судами, а съ другой въ интересахъ сторонъ, требующихъ, чтобы стѣсненія и расходы, съ которыми сопряжено участіе ихъ въ дѣлѣ, и трудности представленія доказательствъ были приняты во вниманіе при опредѣленіи подсудности. Поэтому соблюденіе этихъ правилъ не можетъ быть признано имѣющимъ значеніе абсолютнаго условія для признанія правосудности приговора [5]). Изложенное показываетъ, что нарушеніе правилъ о мѣстной подсудности не можетъ служить поводомъ кассаціи независимо отъ ходатайства сторонъ, какъ это и было разъяснено Сенатомъ [6]). Существенность нарушенія правилъ мѣстной подсудности должна оцѣниваться по степени влія-

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1866 г. № 94, 1867 г. № 275, 1881 г. № 64 и др.

[2]) Рѣш. Гл. Воен. Суда 1887 г. № 165; 1892 г. № 102 и мн. др.; рѣш. Гл. В.-Мор. Суда 1876 г. № 282, 1883 г. № 544, 1884 г. № 546 и мн. др. (по сборнику Пржерадскаго, стр. 79).

[3]) Случевскій. 314. Буцковскій. 63. Фойницкій. 469. Чебышевъ-Дмитріевъ. 43.

[4]) См.: рѣш. Сената у Щегловитова подъ ст. 21—22 (II; рѣш. Г. В. Суда у Мартынова подъ ст. 701 (и. 5); рѣш. Г. В.-М. С. у Пржерадскаго подъ ст. 216 (стр. 79).

[5]) Учебникъ, 2 изд. 315.

[6]) Тамъ же, 316. Макаревскій. I, 96 и 323.

нія его на приговоръ [1]), или точнѣе по степени важности тѣхъ процессуальныхъ нарушеній, которыя при судебномъ разсмотрѣніи дѣла являлись послѣдствіемъ несоблюденія правилъ о мѣстной подсудности. Такъ, Сенатъ призналъ существеннымъ нарушеніе ст. 208 уст. угол. суд., которое устранило устность и непосредственность процесса [2]). Что касается военно-судебной практики по означенному вопросу, то прямого его разрѣшенія Главнымъ Военнымъ Судомъ не имѣется, Главный же Военно-Морской Судъ разъяснилъ, что разсмотрѣніе дѣла военно-морскимъ судомъ не того порта, гдѣ совершено преступленіе, не составляетъ нарушеніе правилъ подсудности [3]).

3.

Логическимъ послѣдствіемъ смѣшенія вопросовъ о преданіи суду и о подсудности было отступленіе и отъ принятаго судебными уставами порядка *пререканій о подсудности*. Природа этого института такова, что возникновеніе спора о подсудности возможно лишь между равными и независимыми учрежденіями, обладающими судебной властью [4]), или, по выраженію составителей судебныхъ уставовъ, «между двумя юрисдикціями», самый же споръ разрѣшается высшимъ судомъ [5]). Поэтому не можетъ быть пререканій ни между административными властями, ни между тою же властью и прокуроромъ, а разномысліе между ними по поводу преданія суду не составляетъ пререканія и разрѣшается по судебнымъ уставамъ особымъ порядкомъ (ст. 1092) [6]).

Составители военно-судебнаго устава 1867 г. опредѣленіе подсудности отнесли къ функціямъ «распорядительной судебно-преслѣдовательной власти», которая сосредоточена въ рукахъ военнаго начальства [7]), въ виду чего по мнѣнію составителей

---

[1]) Буцковскій. Очерки, 63.

[2]) Рѣш. 1867 г. № 46; 1868 г. № 389; 1875 г. № 629 (см. у Щегловитова, стр. 305; у Макалинскаго, I, 323 и у Чебышева-Дмитріева, 43).

[3]) Рѣш. 1869 г. № 45 (по сборнику Ржеградскаго).

[4]) Случевскій. 337. Фойницкій. 556. Чебышевъ-Дмитріевъ. 87.

[5]) Уставъ угол. суд., изд. Госуд. канц. 2 изд., стр. 108—109.

[6]) Случевскій. 338. Рѣш. Общ. Собр. 1885 г. № 27.

[7]) Сборн. закон. раб., 401.

устава пререканіе о подсудности можетъ быть или между военными начальниками, или между военными начальниками съ одной и судами гражданскаго, или духовнаго вѣдомства, или административнымъ управленіемъ—съ другой стороны. Поэтому органомъ, рѣшающимъ споръ о подсудности тому или другому изъ военныхъ судовъ, по военно-судебному уставу, является высшій въ порядкѣ подчиненности начальникъ [1]), а Главный Военный Судъ совершенно устраненъ отъ разрѣшенія пререканій, исключая того случая [2]), когда, вопреки мнѣнію военнаго начальника, военный прокуроръ найдетъ, что лицо гражданскаго вѣдомства (при смѣшанной подсудности) неподсудно военному суду, то въ семъ случаѣ вопросъ разрѣшается тѣмъ же порядкомъ, какъ и разномысліе тѣхъ же лицъ о преданіи суду, когда при извѣстныхъ условіяхъ, пройдя черезъ военно-административныя инстанціи, пререканіе разрѣшается окончательно Главнымъ Военнымъ Судомъ. Затѣмъ споръ о подсудности военному суду или судебнымъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства разрѣшается въ высшей инстанціи того судебнаго мѣста, которое оспариваетъ правильность мнѣнія о подсудности военнаго начальника [3]); точно также споръ о подсудности между военнымъ начальствомъ и лицами или мѣстами административнаго управленія гражданскаго вѣдомства разрѣшается мѣстнымъ окружнымъ судомъ [4]). Такимъ образомъ наше военно-процессуальное законодательство установило двойственный порядокъ разрѣшенія пререканій о подсудности, а предоставленіемъ разрѣшенія споровъ о подсудности между военнымъ начальникомъ и гражданскими судебными и административными мѣстами судамъ гражданскаго вѣдомства показало, что опредѣленіе о подсудности выходитъ изъ сферы «судебно-преслѣдовательной власти», такъ какъ при противоположномъ воззрѣніи нельзя не признать, что военно-судебный уставъ предоставляетъ «распорядительную» власть въ военномъ вѣдомствѣ отчасти и гражданскимъ судамъ. Конечно, иного рѣшенія вопроса о пререка-

---

[1]) 273, 274, 1338—1341 ст. В.-С. У.: 264, 265 В.-М. С. У.
[2]) Ст. 1266 В.-С. У.; ст. 1242 В.-М. С. У.
[3]) Ст. 275, 276 В.-С. У.: ст. 265, 1243 и 251 В.-М. С. У.
[4]) Ст. 277 В.-С.У.; ст. 252 В.-М. С. У. Въ Финляндіи см. прил. къ ст. 213 В.-С. У. (п. 5).

ніяхъ между различными вѣдомствами и не могло быть, но тѣмъ не менѣе установленныя составителями военно-судебнаго устава 1867 г. правила находятся въ явномъ противорѣчіи не только съ ихъ воззрѣніями на объемъ «судебно-преслѣдовательной власти», но и съ основаніями самаго института пререканія. Изложенное приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) существующій порядокъ опредѣленія подсудности подчиняетъ судъ въ сферѣ его законныхъ дѣйствій военно-административной власти, ставя его въ необходимость производить дѣла по закону несомнѣнно ему неподвѣдомственныя и 2) предоставленіемъ разрѣшенія вопросовъ о подсудности военному начальству, законъ возложилъ на послѣднее обязанности, не только выходящія изъ сферы его компетенціи, но и столь сложныя по юридической ихъ природѣ, что на практикѣ начальство въ большинствѣ случаевъ вынужденнымъ бываетъ соглашаться съ заключеніемъ военнаго прокурора, который пріобрѣтаетъ такимъ образомъ несвойственное прокурорской власти вліяніе на рѣшеніе вопросовъ, касающихся существа дѣятельности военно-судебныхъ мѣстъ въ сферѣ внутренней ихъ организаціи.

Пересмотръ военно-судебнаго устава въ 1882 г. вовсе не касался существа затронутыхъ нами ненормальностей военнаго процесса и ограничился чисто внѣшней группировкой и редакціонной обработкой старыхъ правилъ о пререканіяхъ по поводу подсудности [1]).

Совершенно противоположная система разрѣшенія пререканій о подсудности принята въ наиболѣе сходственномъ съ нашимъ процессомъ—процессѣ баварскомъ. Вопросъ о подсудности, какъ мы видѣли выше, разрѣшается самимъ судомъ, а потому и споръ о подсудности можетъ быть только между учрежденіями судебными, а не между начальниками, и разрѣшается обязательно судомъ, а не административной властью. При возникновеніи пререканія между гражданскими и военными судами споръ разрѣшается особой коллегіей, называемой Сенатомъ, которая состоитъ изъ президента и трехъ членовъ высшаго уголовнаго суда (Oberlandesgerichts in München) и

[1]) Объясн. зап. къ проекту В.-С. У. 1884 г., стр. 8.

трехъ членовъ высшаго военнаго суда (Militär-Obergerichts [1]). Пререканія о подсудности между низшими военными судами одного округа разрѣшаетъ окончательно военно-окружной судъ [2]), затѣмъ пререканія о подсудности между низшими военными судами разныхъ округовъ, между военно-окружными (или полевыми) судами, между низшими и военно-окружными судами— разрѣшаются высшимъ военнымъ судомъ [3]). Преимущество послѣдней системы ясно само собою и не нуждается въ комментаріяхъ.

---

[1]) Gesetz v. 23 Februar 1879, art. 1879, art. 11.
[2]) Militärstrafgerichts-Ordn., art. 36.
[3]) Тамъ-же. art., 57.

ИСТОЧНИКИ, ПОСОБІЯ И ЛИТЕРАТУРА [1]).

Бентамъ, І. О судоустройствѣ, русск. переводъ. Спб. 1860.

Блюнчли, І. Современное международное право, изложенное въ видѣ кодекса, русск. переводъ. Москва. 1876.

Бокль, Г. Исторія цивилизаціи въ Англіи (переводъ А. Буницкаго). Спб. 1895.

Буцковскій, Н. А. Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20 Ноября 1864 года. Спб. 1874.

Weigel. G. Die Zuständigkeitsgrenzen zwischen den Militär-und Civilstrafgerichten in Bayern. München. 1893.

Weisl. E. Das Militär-Strafverfahren in Russland, Franckreich und Deutschland. Wien. 1894.

Vexiau, A. Commentaire abrégé sur le code de justice militaire pour l'armée de terre. Paris. 1882.

Володимировъ, В. М. Курсъ военно-уголовнаго судопроизводства. Спб.*

Гаугеръ, А. К. Хронологическій сборникъ рѣшеній общихъ собраній Правительствующаго Сената. Т. І. Спб. 1892.

Hellweg. Strafprozessordnung für das Deutsche Reich. Berlin. 1894.

Hilse, K. Die leitenden Grundsätze des heutigen deutschen Militär-Strafverfahrens. Berlin. 1868.

[1]) Отмѣченное «звѣздочкой» въ продажу не поступало.

Holtzendorff. Handbuch des deutschen Strafprozessrechts. I und II. Berlin. 1879.

Горяиновъ, С. М. Уставы о воинской повинности. Спб. 1895.

Градовскій, А. Д. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Спб. 1895.

Градовскій, А. Д. Начала русскаго государственнаго права. Спб. Т. I. 1892 и II. 1887.

Дангельмайеръ, Е. Исторія военно-уголовнаго права, русск. переводъ. Варшава. 1892.

Dangelmaier, E. Militär-rechtliche und militär-ethische Abhandlungen. Wien und Leipzig. 1893.

Джаншіевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Москва. 1894.

Джаншіевъ, Г. Основы судебной реформы. Москва. 1891.

Драгомировъ, М. И. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей. Т. I. Спб. 1881.

Дѣло по преобразованію судебной части въ Россіи. Томы: VII, XIX, XX, XLIX—LIII и LX*.

Eichelmann, O. Ueber die Kriegsgefangenschaft. Dorpat. 1878.

Иллюстровъ, І. Военные суды въ русской арміи (статистическій очеркъ). Спб. 1890*.

Іерингъ, Р. Цѣль въ правѣ. Т. I; русск. переводъ. Спб. 1881.

Code de justice maritime. Paris. 1858.

Code de justice militaire pour l'armée de terre 1857. Paris. 1893.

Korwin-Dzbanski. Zur Reform des Militär-Straf-und ehrenräthlichen Verfahrens in Oesterreich-Ungarn. Wien. 1895.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право. Т. I. 1892 г. и т. II. 1893 г. Спб.

Коркуновъ, Н. М. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Ч. I. Спб. 1890.

Коркуновъ, Н. М. Указъ и законъ. Спб. 1894.

Коркуновъ, Н. М. Лекціи по общей теоріи права. Спб. 1894.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. Военно-уголовное право. Вып. I. Спб. 1895.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. Характеристика общей части уложенія и воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 1890.

Lammasch, H. Militärischer Staatsverrath und Spionage im österreichischen Strafgesetz-Entwurfe. Wien. 1892.

Лееръ, Г. А. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Спб. 1883—1895.

Лузановъ, П. Ф. Военно-административные законы. Спб. 1887*.

Макалинскій, П. В. Руководство для судебныхъ слѣдователей. Ч. I и II. Спб. 1894.

Максимовъ, П. Статистическій очеркъ военно-судной части во время войны 1877—1878 г. Ч. I и II. Спб. 1879.

Малышевъ, К. Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Спб. 1891.

Marck. Der Militär-Strafprozess in Deutschland und seine Reform. I—1893 und II—1895. Berlin.

Мартенсъ, Ф. Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878 г. Спб. 1879.

Мартенсъ, Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Спб. Т. II. 1888.

Мартыновъ, П. К. Уставъ военно-судебный съ разъясненіями и дополненіями. Спб. 1894.

Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства. Спб. Т. I—1880 г. и т. VII вып. I—1883 и вып. II—1884 г.*.

Матеріалы по составленію устава о всесословной воинской повинности*.

Militär-Strafprozess-Ordnung. Amtliche Zusammenstellung der über das Strafverfahren bei den Gerichten des Oesterreich stehenden Heeres und der Kriegs-Marine bestehenden Gesetze und Vorschriften. Wien. 1884.

Мушниковъ, А. А. Военное судопроизводство иностранныхъ державъ. Спб. 1886*.

Мушниковъ, А. А. Очеркъ исторіи и современной организаціи военнаго суда въ Россіи и на западѣ Европы. Спб. 1879*.

Неклюдовъ, Н. А. Руководство для мировыхъ судей. Т. I. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Спб. 1872.

Numa de Chilly. L'espionnage. Paris. 1888.

Ory, E. Recrutement et condition juridique des militaires. Paris. 1873.

Das Oesterreich. Militär-Strafgesetz über Verbrechen und Vergehen vom 1855. Manz'sche Gesetz-Ausgabe. XXIV Band. Wien. 1885.

Die Oesterreich. Strafprozess-Ordnung vom 23 Mai 1873. Manz'sche Gesetz-Ausgabe. V Band. Wien. 1893.

Das Oesterreich. Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen vom 27 Mai 1852. Manz'sche Gesetz-Ausgabe. Wien. 1892.

Отчеты по военно-судной части военнаго и морского вѣдомствъ *.

Перельсъ. Современное морское международное право. Переводъ Лиліенфельда. 1884.

Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи.

Пржерадскій, Н. Сборникъ рѣшеній Главнаго Военно-Морского Суда. Спб. 1892 *.

Приказы и циркуляры по вѣдомствамъ: военному и морскому.

Принцъ, Н. О военныхъ и морскихъ уголовныхъ законахъ. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачовымъ. Книга V (прилож.). Спб. 1860.

Ratzenhofer, G. Die Staatswehr. Stuttgart. 1881.

Редигеръ, А. Комплектованіе и устройство вооруженной силы. Спб. Ч. I—1892 и ч. II—1894.

Рѣшенія Правительствующаго Сената, Главнаго Военнаго Суда и Главнаго Военно-Морского Суда.

Rüdorf, H. Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. Berlin. 1892.

Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава. Спб. 1867 *.

Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 1869 *.

Сборникъ трудовъ Высочайше учрежденной комиссіи для составленія положенія о всесословной воинской повинности. Спб. 1873*.

Сборникъ узаконеній и распоряженій, изданныхъ съ 20 Ноября 1864 г. по 1 Января 1868 г., въ дополненіе и разъясненіе судебныхъ уставовъ. Спб. 1868.

Сборники циркуляровъ и инструкцій министерства юстиціи. Спб.

Сводъ Военныхъ Постановленій. 1869.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи.

Сводъ Морскихъ Постановленій.

Сергѣевскій, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. Спб. 1890.

Случевскій, В. К. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Спб. 1895.

Solms, W. Militär-Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. Berlin. 1893.

Судебные уставы 20 Ноября 1864 года съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, изданные Государственною канцеляріею. Ч. I—V. Спб. 1867.

Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. Вып. IV. Спб. 1892.

Tripier, L. et Monnier, H. Codes d'instruction criminelle et pénal. Paris. 1895.

Уголовное уложеніе. Проектъ редакціонной комиссіи съ объяснительной къ нему запиской. Спб. 1895*.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовнаго судопроизводства. Т. I. Спб. 1884 и 2-е изд. 1896.

Fuld, L. Die Regelung des militärischen Strafverfahrens im Deutchen Reich. Stuttgart. 1892.

Zachariae, A. Handbuch des deutschen Strafprozesses. I—1860. II—1863. Göttingen.

Чебышевъ-Дмитріевъ, А. Русское уголовное судопроизводство. Спб. 1875.

Чичеринъ, Б. Н. Курсъ государственной науки. Часть I-я. Общее государственное право. Москва. 1894.

Шендзиковскій, І. А. Исторія русскаго военно-уголовнаго законодательства. Спб. 1885 *.

Шендзиковскій, І. А. О военномъ судѣ въ военное время. Спб. 1892.

Щегловитовъ, С. Г. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Спб.

Щербаковъ, Н. Систематическій сборникъ рѣшеній Главнаго Военнаго Суда. Спб. 1892.

Кромѣ того, при составленіи настоящаго очерка, наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія были почерпнуты изъ дѣлъ главнаго военно-суднаго управленія.

2007050228